

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОРЛОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И.С. ТУРГЕНЕВА»

На правах рукописи

Арбеков Александр Борисович

**Колониальные войны Великобритании в 70-х – начале 80-х годов XIX века:
военно-политические аспекты английской колонизации**

Специальность 5.6.2 – Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Гелла Тамара Николаевна

Орел – 2021

Оглавление

Введение.....	3
I. Колониальные войны Великобритании в начале 70-гг. XIX в.....	33
1.1. Колониальная политика Великобритании и реформы британской армии Э. Кардвелла (1868 – 1874 гг.)	33
1.2. Англо-ашантийская война (1873 – 1874 гг.).....	57
II. Англо-афганская война (1878 – 1881 гг.).....	88
2.1. Военно-политические предпосылки Англо-афганской войны (1878 – 1881 гг.).....	88
2.2. Первый этап Англо-афганской войны (1878 – 1879 гг.)	111
2.3. Второй этап и завершение Англо-афганской войны (1879 – 1881 гг.)...	130
III. Колониальные войны Великобритании в Южной Африке в конце XIX в.	149
3.1. Англо-зулусская война (1879 г.).....	149
3.2. Англо-бурская война (1880 – 1881 г.)	187
IV. Колониальные войны Великобритании в Северной Африке в первой половине 80-гг. XIX в.	223
4.1. Египетская кампания (1882 г.).....	223
4.2. Миссия генерала Ч. Гордона и военно-политический кризис в Судане в первой половине 80-х гг. XIX в.	248
4.3. Военная экспедиция в Судане (1884 – 1885 гг.)	260
Заключение	282
Список источников и литературы	287

Введение

Актуальность темы. Последняя треть XIX в. – это период стремительного развития английского колониального экспансионизма, когда технологически развитая Британская империя насильственно навязывала систему политического, экономического и культурного доминирования различным народам в Азии и Африке. Эта система опиралась на распространенные и культивируемые в британском социуме утверждения о превосходстве англичан, как самой цивилизованной нации в мире, и предполагала, что военная мощь и индустриальная экономика являются наиболее передовыми формами человеческой организации. С момента окончания Крымской войны (1853 – 1856 гг.) вплоть до второй Англо-бурской войны (1899 – 1902 гг.) английская колониальная армия приняла участие в десятках вооруженных конфликтах, тем самым значительно увеличив территориальные границы Британской империи.

Колониальные войны, проводимые Англией в обозначенный исторический период, являлись не только захватом менее развитых стран Азии и Африки с целью установления и сохранения полного политического и экономического контроля над их территориями. Они нередко учинялись с целью упреждения других европейских стран в борьбе за военно-политическое господство на различных континентах, которое для Англии, как империи, построенной на широкой сети военно-морских баз и коммуникаций, приобретало исключительное значение в военно-стратегической перспективе.

В таких исторических обстоятельствах Великобритания все больше становилась зависимой от своей империи и колоний, в которых она могла черпать силы и ресурсы для глобального противостояния с другими великими державами, как в экономическом, так и в военном отношении. Поэтому, желая защитить свое ведущее положение в мире, на фоне сложных международных процессов 70-х – 80-х гг. XIX в. Англия стала стремительно расширять пределы своих владений путем активной колониальной экспансии.

Несмотря на определенную изученность проблематики колониальных войн Великобритании в отечественной историографии, многие сюжеты требуют более

детального рассмотрения и переосмысления устоявшихся на них взглядов. В частности, на сегодняшний день в русскоязычной научной исторической литературе не представлено подробного и системного анализа Англо-ашантийской войны (1873 – 1874 гг.), первой Англо-бурской войны (1880 – 1881 гг.), кампании в Судане (1884 – 1885 гг.). Также отечественные исследователи практически не подвергали рассмотрению военно-политические аспекты Египетской экспедиции (1882 г.). Недостаточно освещен процесс реформирования британской армии в 1868 – 1874 гг. Наряду с этим нам представляется необходимым дополнить и переосмыслить уже изученные ранее отдельные эпизоды второй Англо-афганской (1878 – 1881 гг.) и Англо-зулусской войн (1879 г.).

Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена научной необходимостью более широкого комплексного изучения слабо представленных в отечественной исторической науке военно-политических аспектов колониальной экспансии Великобритании в последней трети XIX в.

При этом рассматриваемые в диссертации агрессивные действия Великобритании имеют историческую преемственность и сегодня. На рубеже XX – XXI вв. европейские державы, в том числе и Англия в составе блока НАТО, стремясь найти новые рынки сбыта товаров и сырья, стратегически важные территории для усиления своего международного положения развязали ряд вооруженных конфликтов на Азиатском и Африканском континентах. И если викторианские политики оправдывали колониальные войны необходимостью привнесения «цивилизации» покоряемым народам, то сегодня такие меры реализуются под лозунгами распространения «демократических ценностей» в государствах с неудобным политическим режимом.

Объектом исследования является колониальная политика Великобритании в последней трети XIX в.

Предмет исследования – военно-политические аспекты колониальной экспансии Англии в Азии и Африке в 1873 – 1885 гг.

Хронологические рамки исследования охватывают исторический период с 1873 по 1885 гг., т. е. с начала Англо-ашантийской войны (1873 – 1874 гг.) до завершения экспедиции английских войск по подавлению восстания махдистов в Судане (1884 – 1885 гг.), провал которой ознаменовал новый этап в развитии системы национальной обороны и внешней политики Великобритании в последующие десятилетия. Наряду с этим настоящее исследование обуславливает потребность выхода за обозначенные диссертационной работой хронологические рамки для изучения предпосылок и хода реформаторской деятельности Э. Кардвелла на посту Военного министра в 1868 – 1874 гг., и анализа предпосылок и причин, побудивших Великобританию к проведению агрессивной внешней политики в различных регионах Азии и Африки.

Географические рамки исследования охватывают военные события в Центральной Азии, Северном, Южном и Западном регионах Африканского континента.

Степень научной разработанности вопроса. В отечественной и англоязычной историографии представлено значительное количество трудов, посвященных британской колониальной политике. Они ограничиваются не только обобщающими и узконаправленными работами по военно-политическим аспектам территориальной экспансии Англии, но и трудами, которые подвергают анализу сложные процессы, проходившие в армейской структуре Великобритании в последней трети XIX в.

Первый комплекс исследований посвящен истории колониальной политики Великобритании и войнам, как методу ее реализации. Развитие англоязычной исторической мысли в этом контексте условно можно разделить на два этапа – имперский и пост-имперский. На рубеже XIX-XX вв. основная часть исследователей, занимавшихся вопросами колониальной экспансии, разделилась на два направления, которые с определенными оговорками существует и сегодня, – последователей либеральной традиции во главе с профессором Кембриджского университета Дж. Сили¹ и сторонников антиимпериалистической теории

¹ Сили Дж. Расширение Англии. СПб., 1903

экономиста Дж. Гобсона¹. Оба исследователя являлись идеологическими противниками, т.к. совершенно противоположным образом оценивали суть империализма и колониализма, как исторических явлений.

Профессор Дж. Сили, пытаясь научно обосновать причины колониальной экспансии, рассматривал расширение Британской империи, как естественный эволюционный процесс развития цивилизации, напрямую не связанный с ее материальными интересами. Дж. Гобсон, в свою очередь, всячески подвергал осуждению политику британского империализма и стремился опровергнуть распространенный тезис сторонниками Сили о том, что Англия за счет широкой территориальной экспансии получала значительные экономические и финансовые преференции

В межвоенный период исторические исследования по вопросам колониальной и имперской политики Великобритании выделяются более многообразным подходом к освещению феномена широкой территориальной экспансии. Однако до конца 60-х гг. XX в. в англоязычной историографии господствовало именно либеральное направление исторической мысли, которое всячески оправдывало и стремилось дать логичное обоснование причинам агрессивных действий Англии в конце XIX в.². Апофеозом развития историографии в этом русле стало завершение в 1959 г. публикации многотомного издания «Кембриджская история Британской империи»³, которое издавалось с конца 20-х гг. XX в. В этой работе в полной мере нашло отражение историческая концепция формировавшейся либеральной школой со второй половины XIX в. по вопросам колониальной и имперской политики Великобритании.

Следующий этап в изучении британской колониальной истории (пост-имперский) обозначился на фоне процесса деколонизации, ознаменовавшийся после окончания Второй Мировой войны. Это привело к тому, что началось более тщательное освещение колониальной политики Великобритании в отдельных

¹ Гобсон Дж. А. Империализм. Л., 1927

² Theal G. M. History of South Africa 1873 – 1884, Vol. 1 – 2. L., 1919

³ The Cambridge History of British empire, Vol. 3. Camb., 1959

регионах, при этом затрагивалась более комплексно и тема вооруженных столкновений британской армии с местным населением.

Одной из первых работ, которая предвосхитила смещение акцента изучения феномена колониализма с метрополии на «периферию», стала монография кембриджских ученых Р. Робинсона и Дж. Галлахера «Африка и викторианцы»¹, изданная в 1961 г. Последующие труды этого периода характеризуются более конкретными исследованиями британской политики в отдельных регионах. Наглядным примером такого подхода стали публикации новозеландского историка профессора У. Макинтайра². Помимо изучения внешних и внутренних аспектов английской колониальной экспансии, его научные изыскания постулируют идею влияния личностного фактора, а именно деятельности инициативных политиков на местах, продолжая, таким образом, развивать концепцию Робинсона и Галлахера. Данная точка зрения транслируется и в диссертационной работе историка П. Килби, посвященной истории третьей Англо-ашантийской войны (1873 – 1874 гг.)³. Подобного подхода придерживался и историк Д. Моррис, написавший в 1965 г. посвященный англо-зулусской войне 1879 г. фундаментальный труд «Омовение копий: история становления нации зулу при короле Шака и ее падении в Англо-зулусской войне 1879 года»⁴.

Однако все эти работы сохраняли за собой след консервативной идеологии Кембриджской историографической школы, т.к. авторы, по-прежнему, пытались оправдывать захватническую политику Англии посредством трансляции идеи о вынужденной экспансии, обосновывая ее причины инициативой местных гражданских чинов и военных деятелей.

Заслуживает внимания и обобщающая работа историка Д. Шурмана «Имперская оборона, 1868 – 1887 гг.»⁵. На основе богатой источниковой базы

¹ Robinson R., Gallagher J. Africa and the Victorians. The Official Mind of Imperialism. L., 1982

² McIntyre W. D. British Policy in West Africa: The Ashanti Expedition of 1873 – 1874//Historical Journal, Vol.5, No.1, 1962, pp. 19 – 46; McIntyre W. D. Commander Glover and the colony of Lagos, 1861-73// The Journal of African History, Vol. 4, No. 1, March 1963, pp. 57 – 79; McIntyre W. D. The Imperial frontier in the tropics, 1865 – 75: A Study of British Colonial Policy in West Africa, Malaya and the South Pacific in the Age of Gladstone and Disraeli. L., 1967

³ Kilby P. The Anglo-Asante War of 1873 – 1874: a narrative and analysis, Thesis, 1968

⁴ Morris D. The Washing of the Spears: A History of the Rise of the Zulu Nation Under Shaka and Its Fall in the Zulu War of 1879. L., 1965

⁵ Schurman D. M. Imperial Defence 1868 – 1874. L., 2014

автор анализирует процесс развития системы национальной обороны Британской империи и роль, которую в ее создании занимали государственные деятели, военные и военно-морские специалисты и колониальные администраторы. Пристальный взор историк обращает на роль колоний в структуре национальной обороны Великобритании и детально освещает влияние реформ либерального правительства У. Гладстона на стратегическое значение колониальных владений Великобритании в последней трети XIX в.

Особый интерес в контексте историографического обзора вызывают работы канадского историка Э. Престона¹. Его исследования преимущественно посвящены военно-стратегическому характеру взаимоотношений между метрополией и ее колониями на фоне англо-русского соперничества в конце XIX в. Большое внимание автор, как и историки этого периода, уделяет личностному фактору и его влиянию, в частности, на процесс военного планирования имперской стратегии. Тем не менее, Э. Престон не подвергает ревизии традиционные взгляды, сложившиеся в англоязычной историографии, на сущность имперской политики этого периода, теоретически обосновывая на фоне англо-русского соперничества на Востоке территориальную экспансию на примере второй Англо-афганской войны (1878 – 1881 гг.).

С 70-х гг. XX в. по сегодняшний день в англоязычной историографии получил распространение комплексный подход к изучению событий колониальных войн. Авторы научных исследований стремятся анализировать причины и предпосылки вооруженных конфликтов на основе многочисленных факторов: военных, экономических, стратегических, политических, географических, цивилизационных и т. д. Такой подход в том числе предполагает изучение личностного фактора. Ярким примером данного направления исторических исследований являются работы ученых Ф. Эмери и Э. М. Спирза, которые опубликовали целый ряд статей и монографий, посвященных изучению

¹ Preston A. British military policy and the defense of India: a study of British military policy, plans and preparations during the Russian crisis, 1876 – 1880, Ph.D. Diss., University of London, 1966 ; Preston A. Canada and the Russian crisis of 1878: a Proposed Contingent for Imperial Defence// The Dalhousie Review, Vol.48, 1968, pp. 185 – 199; Preston A. Sir Charles MacGregor and the Defence of India, 1857 – 1887 // The Historical Journal, Vol. XII, No 1, 1969, pp. 58 – 77

личного военного и психологического опыта викторианских солдат, сквозь призму которых авторы раскрывают ход колониальных конфликтов в Азии и Африке¹.

Большой пласт научного материала представлен в работе «Плуг войны: истоки Англо-зулусской войны 1879 года»² южноафриканского историка Р. Коупа, которая была издана на основе его докторской диссертации «Истоки Англо-зулусской войны 1879 года»³. В своем труде он делает упор в основном на социально-экономические аспекты и предпосылки Англо-зулусской войны (1879 г.). Автор в своих исследованиях старался подвергнуть ревизии взгляды историков 60-х гг. XX в. и подчеркнуть факт неизбежности войны, несмотря на амбиции конкретных людей и сочетание определенных политических и военных факторов. По его мнению, с точки зрения имперской идеологии процесс завоевания Зулуленда был абсолютно неизбежен и ему способствовали рост производительности труда, развитие капиталистической экономики, распространение христианства в Южной Африке и значительные изменения в британском социуме в последней трети XIX в. Тем не менее, в его работах достаточно поверхностно рассмотрен сам ход войны и военно-политические аспекты кампании против Зулуленда 1879 г.

Получило дальнейшее развитие и комплексное изучение военных аспектов колониальных конфликтов. Главным современным специалистом по истории Англо-зулусской войны сегодня выступает исследователь Я. Найт. Он опубликовал более сорока книг и монографий, большинство из которых посвящено истории зулусов. В 2011 г. он издал свой всеобъемлющий труд «Зулусский восход: эпичная история битв при Изандлване и Роркс-Дрифт»⁴, в который входили и прошлые его публикации, став таким образом квинтэссенцией его научных изысканий по этой теме. На основе широкого спектра

¹ Emery F. The Red soldier: Letters from the Zulu War. L., 1977; Emery F. Marching Over Africa: Letters from Victorian Soldiers, L., 1986; Spiers E.M. The Scottish Soldier and Empire, 1854 – 1902. Edinb., 2006; Spiers E. M. The Victorian Soldier in Africa. Manch., 2004

² Cope R. Ploughshare of War: The Origins of the Anglo-Zulu War of 1879. Durb., 1999

³ Cope R. The Origins of the Anglo-Zulu War of 1879, Ph.D. Diss, University of the Witwatersrand, 1995

⁴ Knight I. Zulu Rising: The Epic Story of Isandlwana and Rorke's Drift. L., 2011.

фактологического материала он, продолжая традиции Д. Морриса, стремился объективно показать все стороны конфликта без прикрас и продемонстрировать агрессивную политику кабинета министров в Лондоне, который по надуманным причинам организовал вторжение в Зулуленд, проводя исторические параллели с событиями американского вторжения в Ирак 2003 г. Линию подобных исследований поддерживают историки Дж. Лэбанд и Э. Грейвз¹, которые комплексно рассматривают предпосылки и причины вооруженных конфликтов Южной Африке (Англо-зулусская война и первая Англо-бурская война) и стремятся подвергнуть ревизии устоявшиеся взгляды на различные военно-политические аспекты этих кампаний.

Широкое и более объективное освещение получила и тематика британской экспансии в Центральной Азии, в рамках т.н. «Большой Игры», в контексте англо-русского соперничества на Востоке. Такие историки, как Дж. Морган, Б. Робсон и Р. Джонсон в своих исследованиях активно изучают генезис второй Англо-афганской войны (1878-1881 гг.), а также различные процессы, происходившие во время событий этой кампании. Если Б. Робсон² в своих трудах уделяет основное внимание преимущественно военному аспекту и детально описывает ход боевых действий и исследует логистические вопросы, то в работах Дж. Моргана и Р. Джонсона делается упор на политические и военно-стратегические аспекты второй Англо-афганской войны³.

На рубеже XX-XXI вв. были опубликованы и работы более консервативного толка. В этом отношении заслуживает внимания монография британского историка Томаса Пакенхема «Битва за Африку. Покорение белым человеком темного континента с 1876 по 1912 год»⁴. Несмотря на фундаментальность данного исследования, автор не вносит ничего существенного в понимание

¹ Greaves A. Isandlwana: How the Zulus Humbled the British Empire. L., 2011; Laband J. Kingdom in crisis; Laband J. The Transvaal Rebellion: The First Boer War, 1880 – 1881. L., 2014

² Robson B. Maiwand, 27th July 1880// Journal of the Society for Army Historical, Vol.51, No. 208, 1973, pp. 194 – 224; Robson B. The Road to Kabul: The Second Afghan War, 1878 – 1881. L., 1986

³ Johnson R. General Roberts, the occupation of Kabul, and the problems of transition, 1879 – 1880//War History, Vol. 20, No.3, 2013 Johnson R. «Russians at the Gates of India»? Planning the Defence of India, 1885 – 1900// The Journal of Military History, Vol. 67, No. 3, 2003, pp. 697 – 743; Morgan G. Anglo-Russian Rivalry in Central Asia 1810 – 1895. L., 1981

⁴ Pakenham T. The Scramble for Africa: The White Man's Conquest of the Dark Continent from 1876 to 1912. L., 1991

причин британской колониальной экспансии или в освещение ее различных аспектов. Работа по большей части является компиляцией устоявшихся в 60-х гг. XX в. в англоязычной исторической науке взглядов о влиянии личностного фактора на события колониальных войн и курса английской имперской политики. Тем не менее, эта монография представляет интерес с позиции обобщения накопленного исторического материала за предшествующие десятилетия изучения проблемы британской территориальной экспансии поздней викторианской эпохи.

Второй комплекс исследований, затрагивающих военно-политические аспекты британской колониальной истории, посвящен изучению английской армии и ее роли в контексте развития имперской политики в последней трети XIX в.

Историческая мысль в освещении этой проблемы изначально не выходила за рамки общего дискурса изучения имперской истории. Как правило, исследователи и современники занимались описанием реформаторской деятельности Военного министра Э. Кардвелла в период 1868 – 1874 гг., обосновывали причины необходимости применения вооруженной силы для защиты своих интересов в различных регионах мира и редко выходили за пределы биографического жанра¹.

Однако после окончания Второй мировой войны, в связи с постепенной деколонизацией, стали появляться многочисленные статьи и монографии, в которых авторы стремились детально исследовать различные процессы в армейской корпорации Великобритании и их влияние на вектор английской колониальной политики, а также старались подвергнуть кардинальной переоценке итоги реформ Э. Кардвелла². Такое направление исторической мысли, напрямую связанное с социологическими исследованиями, было продиктовано

¹ Bateman J. The Great Landowners of Great Britain and Ireland. L., 1883; Biddulph R. Lord Cardwell at the War office; a history of his administration, 1868 – 1874. L., 1904; Wheeler O. The War Office Past and Present. L., 1914

² Tylden G. British army and Transvaal, 1875 – 1885 // Journal of the Society for Army Historical Research, Vol. 30, No. 124, 1952, pp. 159 – 171 Rezzell P. E. Social origins of officers in the Indian and British Home Army 1758 – 1962 // British Journal of Sociology, 1963, Vol. 14, №3, pp. 248 – 260.; Otley C. B. Educational Background of British Army Officers // Sociology, 1973, Vol. 7, № 2, pp. 191 – 209; Tucker A.V. Reassessment of the Cardwell Reforms // Journal of British Studies, 1963, Vol. 2, No. 2, pp. 110 – 141

необходимостью более глубокого изучения характера, становления, и развития милитаризма ведущих европейских держав, в том числе и Англии, для осмысления событий Второй мировой войны.

Значительный вклад в исследовании этой проблематики внес британский историк Э. Спирз, который издал целый ряд научных трудов по истории английской армии. Отличительной особенностью его работ является изучение тесной взаимосвязи военной корпорации с гражданским обществом. В монографии «Армия и общество, 1815 – 1914 гг.»¹ он исследует отношения между армией и британским социумом в период между битвой при Ватерлоо и Первой мировой войной. Автор не только анализирует изменения в процессе рекрутирования в армию, трансформацию ее социального состава, образа и условий жизни как офицеров, так и рядовых, но также и роль армии в английском социуме и отношение социума к ней. В схожем по тематике исследовании «Армия поздней Викторианской эпохи»² он делает обобщение в исторической перспективе процессов, происходивших в британской армии в течение всего XIX в., и прослеживает их влияние на катастрофическое начало Первой мировой войны для Британской империи.

Из современных работ, посвященных истории британской армии, стоит выделить труд английского историка Д. Френча «Военные идентичности: полковая система, британская армия и британский народ, 1870 – 2000 гг.»³. В этой работе на основе официальных и архивных документов, личной корреспонденции и воспоминаний современников автор изучает традиции британской полковой системы. Также в фокусе его внимания оказался и вопрос колониальной политики и ее влияние на структуру военной организации Великобритании в последней трети XIX в.

¹ Spiers E. M. *The Army and Society 1815 – 1914*. L., 1980

² Spiers E. M. *The Late Victorian army*. Manch., 1992

³ French D. *Military Identities: The Regimental System, the British Army, and the British People, c. 1870 – 2000*. Oxf., 2008

Для изучения отдельных военно-политических аспектов необходимо отметить ряд биографических монографий¹. Как правило, большинство этих работ носят описательный характер, но при этом содержат богатое эпистолярное наследие акторов британской внешней политики и военных деятелей поздней викторианской эпохи. Комплексные биографические труды с более глубоким историческим анализом стали выходить после окончания Второй Мировой войны. Среди них стоит выделить работы Дж. Леймана², Х. Мэтью³, Э. Эриксона⁴, Г. Кочански⁵.

Несмотря на многогранное и разностороннее изучение проблемы колониальных войн и истории британской армии в англоязычной историографии, многие труды носят комплементарный и оправдательный характер. Поэтому требуется более объективный взгляд со стороны за счет привлечения различных источников и достижений российской историографии.

История колониальных войн Великобритании в последней трети XIX в. является предметом научного интереса и отечественных исследователей. В отечественной исторической науке можно выделить три этапа в изучении английской колониальной политики – дореволюционный, советский и современный. Авторы научных трудов, в той или иной степени, освещали эту проблему и вопросы, напрямую с ней связанные.

¹ Buckle G. E. *The Life of Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield*, Vol. 6. L., 1920; Butler W. F. *Charles George Gordon*. L., 1889; Butler W. F. *The Life of Sir George Pomeroy-Colley, 1835 – 1881: Including Services in Kaffraria-in China-in Ashanti-in India and in Natal*. L., 1899; Childers E. *The Life and Correspondence of the Right Hon. Hugh C. E. Childers, 1827 – 1896*, Vol.2. L., 1901; Dey K.P. *The Life and Career of Major Sir Louis Cavagnari*. Calcutta, 1881.; Elsmie G.R. *Field-Marshal Sir Donald Stewart. An Account of His Life, Mainly in His Own Words by 1838-1909*. L., 1903; Gathorne-Hardy A.E. *Gathorne-Hardy First Earl of Cranbrook. A Memoir with Extracts from His Diary and Correspondence*, Vol.2. L., 1910; Glover E. *Life of Sir John Hawley Glover*. L., 1897; Hicks-Beach V. *Life of Sir Michael Hicks-Beach*, Vol.1. L., 1932; Holland B. *The Life of Spencer Compton, Eighth Duke of Devonshire*, Vol.1 – 2. L., 1911; Low C.R. *General Lord Wolseley (Of Cairo): A Memoir*. L., 1883; Low R. *Major-General Sir Frederick S. Roberts: A Memoir*. L., 1883; Macgregor, Lady. *The Life and opinions of major-general Charles Metcalfe MacGregor, quartermaster-general in India*, Vol.2. Edinb., 1888; Martineau J. *Life and correspondence of sir Bartle Frere*, Vol. 2. L., 1895; Martineau J. *The Transvaal Trouble How It Arose Being. An Extract from the Biography of the late sir Bartle Frere*. London, 1900, 263 p.; Melville C.H. *Life of General the Right Hon. Sir Redvers Buller*, Vol. 1. L., 1923; Newton, Lord. *Lord Lyons: A Record of British Diplomacy*, Vol.1, L., 1913; Ponsonby A. *Henry Ponsonby Queen Victoria's Private Secretary. His Life from His Letters*. L., 1943; Rait R. *The Life of Field-Marshal sir Frederick Paul Haines*. L., 1911; Vetch R.H. *Life, Letters and Diaries of Lieut.-General Sir Gerald Graham*. L., 1901; Watson C.M. *The life of Major-General Sir Charles William Wilson, Royal Engineers*. L., 1909

² Lehmann J. *All Sir Garnet- A Life of Field-Marshal Lord Wolseley 1833 – 1913*. L., 1964

³ Matthew H.C.G. *Gladstone, 1809 – 1874*. Oxf., 1988; Matthew H.C.G. *Gladstone, 1875 – 1898*. Oxf., 1995

⁴ Erickson A. B. *Edward T. Cardwell: Peelite//Transactions of the American Philosophical Society*, XLIX, Pt. 2, Calgary, 1959

⁵ Kochanski H. *Sir Garnet Wolseley: Victorian Hero*. L., 1999

Первые попытки осмысления английской колониальной экспансии в последней трети XIX в. предпринимались российскими современниками, в первую очередь офицерами царской армии. Изначально этот вопрос касался сфер интересов самой Российской империи, например в Центральной Азии, и точек их соприкосновения с Великобританией. Ярким тому примером являются работы ориенталиста генерала М. А. Терентьева «Россия и Англия в Средней Азии»¹ и «История завоевания Средней Азии»², изданная в трех томах на основе документальных материалов по вопросу англо-российских дипломатических отношений в Центральной Азии. Тем не менее, их интерпретация носит однозначно критический характер по отношению к деятельности Англии в этом регионе в целом, и в Афганистане в частности, без попыток со стороны автора объективного осмысления сущности процессов исследуемой эпохи. В подобном ключе был написан многотомный труд генерал-майора Главного штаба Л. Н. Соболева «Англо-Афганская распря: очерк войны 1879-1880 гг.»³, изданный в 1882 г.

На этом фоне выделяется работа подполковника Главного штаба Н. С. Ермолова «Англо-египетская экспедиция 1882 г.»⁴, в которой автор дает комплементарную оценку действиям английского командования и вооруженных сил Великобритании в войне против Египта. Однако в этом исследовании российский офицер не подвергает рассмотрению военно-политические аспекты всей кампании, фокусируя свое внимание на изучении только военно-событийной стороны конфликта.

Тем не менее, в отечественной историографии на рубеже XIX – начала XX в. комплексных исследований по истории английской колониальной экспансии представлено не было. Но до 1918 г. был издан целый ряд работ по истории британского колониализма, имевших обобщающий характер. Интерес в этом отношении представляет монография П. Г. Мижужева, изданная в 1902 г., в

¹ Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875

² Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии, Т. 2. СПб., 1906

³ Соболев Л.Н. Англо-Афганская распря: очерк войны 1879 – 1880 гг. СПб., 1882

⁴ Ермолов Н.С. Англо-египетская экспедиция 1882 г. СПб., 1891

которой содержатся общие взгляды на историю британской колониальной политики¹. Вопрос британского колониализма, как исторического явления, нашел отражение и в исследовании Ф.А. Быковой в «История Англии с XI века до начала мировой войны»².

Важнейший этап изучения колониальных войн Великобритании пришелся на период советской власти. С 1918 по 1991 гг. было издано большое количество обобщающих научных трудов, посвященных истории британского колониализма. Проблеме региональных аспектов колониальной политики Англии в Азии и Африке также посвящено достаточно большое количество работ. Тем не менее, они отличаются наличием четко выдержанной идеологии, характерной для марксистско-ленинской догматики. В этих трудах основной упор делается на социально-экономические аспекты колониальной политики Великобритании, изучение вопросов, связанных с национально-освободительным движением сквозь призму теории классовой борьбы.

Первых советских историков, как и дореволюционных исследователей, прежде всего интересовала, по объективным причинам, история англо-русского соперничества в Центральной Азии во второй половине XIX в. На раннем этапе становления марксистско-ленинской исторической школы борьба двух империй подвергалась анализу с научной позиции М.Н. Покровского³, которая характеризуется безусловным осуждением деятельности царской администрации на территориях покоренных стран и народов. Данная концепция господствовала в советской историографии до конца 30-х гг. XX в. В последующих исследованиях англо-русского соперничества на Востоке советские историки стремились более критично освещать колониальную политику Великобритании как один из факторов, повлекший за собой начало мировых войн, а российская экспансия рассматривалась с позиции «меньшего зла». В этом отношении заслуживают большого внимания работы Н. А. Халфина⁴,

¹ Мижуев П. Г. История колониальной политики Англии. СПб., 1902

² Быкова Ф. А. История Англии с XI века до начала мировой войны. СПб., 1918

³ Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1924

⁴ Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане в конце XIX – начале XX в. М., 1959

Ф. Х. Юлдашбаевой¹ и Г. А. Хидоятова², которые освещали историю англо-русского соперничества на Востоке на основе широкого спектра источников и материалов, в том числе из советских и британских архивов. Однако сам процесс развязывания второй Англо-афганской войны авторы этих исследований увязывали исключительно с агрессивной политикой британского капитализма, желавшего подчинить себе независимый афганский народ, не рассматривая совершенно эту проблему в контексте военного и стратегического противоборства двух великих держав.

По схожему вектору развивалась советская историческая наука по региональным исследованиям британского колониализма. До окончания Второй мировой войны только В. Я. Голант в своей статье «Английский империализм в Южной Африке (Зулусская война 1879 – 1880)»³ освещал причины и ход событий Англо-зулусской войны (1879 г.). Но, как и большинство советских историков, автор данной работы изучал эту проблему сквозь призму марксистско-ленинской школы, что не позволяло ему дать объективную оценку английской политике в южноафриканском регионе.

Стоит выделить работы и по изучению британской колониальной политики в Северной и Центральной Африке. Одна из первых значимых монографий по этому вопросу принадлежит перу Ф. А. Ротштейна⁴. История Судана и восстание махдистов освещает в своих трудах С. Р. Смирнов⁵. Однако наиболее крупная работа по изучению египетского вектора английского экспансионизма «Дипломатическая история египетского кризиса, 1881 – 1882 гг.»⁶ была издана Г. А. Нерсесовым. Автор на основе документов отечественных архивов подробно освещает процесс вмешательства иностранных держав, и именно Англии и Франции, во внутренние дела египетского хедива. Подробно исследуя дипломатические, политические и экономические процессы, побудившие

¹ Юлдашбаева Ф.Х. Из истории английской колониальной политики в Афганистане и средней Азии (70 – 80 годы XIX века). Т., 1969

² Хидоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60 – 70-е гг.). Т., 1969

³ Голант В. Я. Английский империализм в Южной Африке// Исторический журнал, № 6, Июнь 1940, с. 53 – 64

⁴ Ротштейн Ф. А. Захват и закабаление Египта. М., 1959

⁵ Смирнов С. Р. Восстание махдистов в Судане. Л., 1950

⁶ Нерсесов Г. А. Дипломатическая история египетского кризиса, 1881 – 1882 гг. М., 1979

Великобританию к захвату Египта, тем не менее автор практически полностью обходит стороной изучение военных аспектов данной кампании, затронув лишь более детально бомбардировку Александрии 11 июля 1882 г. английской броненосной эскадрой.

В последние десятилетия XX в. отечественное англоведение значительно расширило и углубило масштабы своих исследований в области изучения колониальной идеологии и политики Великобритании в целом. В этом плане стоит выделить труд Н. А. Ерофеева «Английский колониализм в середине XIX века»¹, в котором автором затронуты проблемы, имеющие важное значение для изучения истории британского колониализма не только в рассматриваемый нами период, но и в последующие десятилетия XIX в. Также особый интерес вызывает обобщающая монография «Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX в. Движущие силы, формы и методы»² профессора истории Саратовского госуниверситета И. Д. Парфенова, посвятившего свои труды исследованию колониальной политики Великобритании. Эта работа ознаменовала собой переход от изучения проблемы на основе марксистско-ленинской догматики к более разностороннему анализу колониальной экспансии Великобритании в конце XIX в.

После 1991 г. начинается новый этап в изучении британской колониальной истории и войн. Этот период характеризуется комплексным и разносторонним подходом к рассмотрению военной экспансии Великобритании в различных регионах мира с позиции глубокого анализа политических, идеологических, цивилизационных аспектов и освещения механизмов создания и управления колоний Англией.

При разработке общих теоретических аспектов настоящего диссертационного исследования активно привлекались монографии и статьи Т. Н. Гелла³. Как указывала автор, сама колониальная политика не являлась основным

¹ Ерофеев Н. А. Английский колониализм в середине XIX века. М., 1977

² Парфенов И. Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века. М., 1991

³ Айзенштат М. П., Гелла Т. Н. Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX в. (1815 – середина 1870-х гг.). М., 1999; Гелла Т. Н. Геополитические интересы Великобритании и английские политические партии в конце XIX – начале XX веков. О., 2009; Гелла Т. Н. К вопросу о роли политиков в развязывании

объектом ее научных изысканий, тем не менее сквозь призму взглядов британских политиков на имперские вопросы, которые тесно связывались с территориальной экспансией, она детально изучала межпартийную и внутрипартийную идеологическую борьбу британских политиков и ее влияние на английский колониализм в последней трети XIX в. Также в ее работах представлено подробное освещение политического и общественного резонанса, который влиял на позиции и политику английских партий относительно колониальных войн, проводимых Великобританией в обозначенный исторический период.

Подробному изучению процесса формирования имперской политики Великобритании в различных регионах и методам разрешения проблем имперского развития посвящены труды Н. В. Дроновой¹. На примере Англо-зулусской кампании (1879 г.) она рассматривает представления британской политической элиты о праве и справедливости применения силы в осуществлении имперской политики, а также механизмы возникновения вооруженных конфликтов в колониях, которые определялись ситуацией на местах, общей логикой сложного процесса развития и обновления империи. Подобный вектор исследований продолжает Д. С. Жуков в монографии «Империя и власть: Южная Африка в 70-е гг. XIX в.»². Истории развития британского колониализма в Южной и Центральной Африке посвящена работа А. С. Балезина³. Тему Англо-зулусской войны и ее восприятия российскими современниками в совместной монографии поднимают А. Б. Давидсон и И. И. Филатова⁴.

Военно-политическим и стратегическим аспектам английской колониальной экспансии посвящены труды профессора, главного научного сотрудника

колониальных войн Британии (на примере англо-ашантийской войны 1873 – 1874 годов)// Сборник статей 30-ой Юбилейной Международной научно-практической конференции. Рязань, 2019, с. 416 – 425; Гелла Т. Н. У. Гладстон, либералы и Британская империя в последней трети XIX века. О., 2008

¹ Дронова Н.В. Административно-правовые аспекты имперского строительства как фактор влияния на локальные вооруженные конфликты: опыт новозеландского и южноафриканского кризисов 60 – 70-х гг. XIX в.// Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 2015, Т. 20. №12 (152). с. 158 – 167; Дронова Н.В. Где находится ключ к Индии (тезис о русской угрозе как фактор российско-британского имперского соперничества в 70-е гг. XIX в.)// Россия-Индия: перспективы регионального сотрудничества. Москва, 2000, с.67 – 80; Дронова Н. В. Люди и идеи: судьбы Британской империи в оценке современников (70-е гг. XIX в.). Тамб., 1998; Дронова Н.В. Традиции имперского мышления и новации имперской пропаганды Великобритании в 70-е годы XIX века// Новая и новейшая история: межвузовский сборник. Вып. 21. Саратов, 2004, с.151 – 169;

² Жуков Д.С. Империя и власть: Южная Африка в 70-е гг. XIX в. М., 2006

³ Балезин А.С. Черная Африка: прошлое и настоящее. М., 2016

⁴ Давидсон А. Б., Филатова И. И. Россия и Южная Африка: три века связей. М., 2010

Института всеобщей истории РАН Е. Ю. Сергеева. Следует особенно выделить монографию «Большая игра, 1856 – 1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии»¹, изданную в 2012 г. Хотя сам процесс «Большой игры» не являлся объектом настоящего диссертационного исследования, данный научный труд раскрывает различные военно-политические аспекты колониальной политики Великобритании по афганскому вопросу на рубеже 70-80-х гг. XIX в. Отличительной особенностью этой монографии является разностороннее освещение автором генезиса англо-российского соперничества в Центральной Азии, форм этого противостояния и его итогов на основе обширного массива разнообразных, неопубликованных ранее новых источников, в том числе, из британских и индийских архивов. Проблема англо-российского соперничества на Востоке и генезиса второй Англо-афганской войны нашли отражение в работах Е. А. Глущенко², Н. Н. Лисицыной³, К. Н. Кубанова⁴.

Детальное изучение истории развития и трансформации английской армии в конце XIX в. в отечественной историографии до 1991 г. не производилось. Как правило, авторы обобщающих работ советской эпохи лишь упоминали реформы Э. Кардвелла, но не занимались анализом предпосылок, причин, и последствий этих военных преобразований. В настоящее время, за исключением диссертационного исследования К.Б. Егорова, в российской историографии не представлено подробных научных трудов, рассматривающих комплекс мероприятий либерального правительства У. Гладстона по преобразованию армии⁵. Тем, не менее некоторые аспекты военных преобразований затрагиваются

¹ Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856 – 1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012

² Глущенко Е. А. Строители империй. Портреты колониальных деятелей. М., 2000

³ Лисицына Н. Н. Английская пресса и русские военные агенты в Лондоне о подготовке Пендинского кризиса 1885 г. // Сборник статей, посвященный 70-летию В.И. Шеремета. М., 2010, с. 198-199; Лисицына Н.Н. Афганский эмир Абдур-Рахман-хан и англо-русское соперничество на Среднем Востоке // Восточный Архив, 2008, №17, с.28-32; Лисицына Н.Н. Вывод английских войск из Афганистана, или «Обещать – не значит уйти» // Восточный Архив, 2008, №17, с.28-32

⁴ Кубанов К.Н. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII - начала XX вв.: автореферат дисс. канд. ист. наук, Нижневартонск, 2007

⁵ Егоров К. Б. Армейский офицерский корпус и имперская политика Великобритании во второй половине XIX века: дисс. канд. ист. наук, СПб., 2004

в научных статьях Т. Н. Гелла, В. Н. Борисенко, А. В. Строганова и Д. И. Шендыгаева¹.

После распада СССР в отечественной историографии получил развитие биографический жанр исторических исследований. В этом направлении стоит выделить работу В.Г. Трухановского «Бенджамин Дизраэли, или история одной карьеры»², которая популярным языком рассказывает об основных этапах жизни Б. Дизраэли – английского государственного деятеля консервативной партии Великобритании. Большой интерес вызывает монография О.А. Науменкова «Роберт Солсбери и его время. Викторианская эпоха в лицах»³. Данный научный труд посвящен деятельности выдающегося деятеля консервативной партии Великобритании – Роберта Гаскойн-Сесилия, маркиза Солсбери, который на различных этапах своей жизни занимал пост Министра по делам Индии, Министра иностранных дел и главы британского правительства. Также стоит выделить сборник биографических статей за авторством выдающихся отечественных специалистов-англоведов «Викторианцы: Столпы британской политики XIX века»⁴, в котором представлены краткие научные очерки жизни главных политических деятелей Англии обозначенного исторического периода.

Несмотря на большое количество трудов, посвященных истории британского колониализма, тем не менее важно отметить, что последние крупные обобщающие работы, которые учитывали достижения отечественной и англоязычной историографии по теме колониальных войн Великобритании издавались в начале 90-х гг. XX в., а современные исследователи акцентируют внимание на изучении политических, экономических и социокультурных аспектов колониальной экспансии, обходя стороной военные вопросы. В связи с этим, несмотря на определенную изученность проблемы английской колонизации в последней трети XIX в., многие сюжеты требуют более детального

¹ Борисенко В. Н., Строганов А. В. К вопросу о реформах армии Эдварда Кардуэлла 1868 – 1872 гг.// Труды кафедры истории нового и новейшего времени, 2018, с. 131-146; Гелла Т.Н. Военная аристократия и колониальная экспансия Великобритании в 60 – 70-х годах XIX века//Noblesse Oblige: Военные в традиционной культуре старого света. Жизнь. Окружение. Нравы. О., 2004, с. 75 – 82; Шендыгаев Д.И. Военные реформы Кардуэлла и отмена патентов в британской армии// Вестник Брянского государственного университета, №1, 2018 с. 164 – 171

² Трухановский В. Г. Дизраэли, или История одной невероятной карьеры. М., 1993

³ Науменков О. А. Роберт Солсбери и его время. Викторианская эпоха в лицах. СПб., 2004

⁴ Викторианцы: Столпы британской политики XIX века. Ростов н/Д, 1996

рассмотрения и раскрытия их военно-политических аспектов, а именно – военная и событийные стороны Англо-ашантийской войны (1873 – 1874 гг.), первой Англо-бурской войны (1880 – 1881 гг.), кампании в Судане (1884 – 1885 гг.). В том числе необходимо в ходе комплексного исследования и привлечения разнообразных групп источников переосмыслить устоявшиеся взгляды и трактовки на известные эпизоды колониальной экспансии – Англо-зулусской войны (1879 г.), второй Англо-афганской войны (1878 – 1881 гг.), Египетской кампании (1882 г.).

Целью данного исследования является комплексное изучение геополитических, стратегических и военных-политических аспектов колониальной политики Великобритании, выразившейся в широкой территориальной экспансии на Азиатском и Африканском континентах в 1873 – 1885 гг.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнение **следующих задач:**

– обосновать влияние международной обстановки в период 60-80 гг. XIX в. на процесс формирования имперской стратегии, побудившую Англию проводить политику активной военной экспансии;

– выявить и проанализировать взаимосвязь военных реформ либерального правительства У. Гладстона 1868 – 1874 гг. со структурными изменениями в британской колониальной армии и их влияние на общий вектор экспансионистской политики Англии;

– определить предпосылки и причины применения военной силы Великобританией при решении политических задач в различных регионах Азии и Африки;

– обозначить характерные особенности военной экспансии, проводимой Англией в рассматриваемый период, при этом выделив конкретную специфику в организации военных экспедиций против ашантийцев (1873 – 1874 гг.), афганцев (1878 – 1881 гг.), зулусов (1879 г.), буров (1880 – 1881 гг.), египтян (1882 г.), махдистов (1884-1885 гг.);

– изучить роль и влияние личностного фактора на уровне гражданских и армейских служб на ход отдельных военных и политических событий;

– обозначить степень влияния различных кругов британского общества на проводимые военные кампании британскими кабинетами в рассматриваемый исторический период.

Характеристика источниковой базы. Источники по истории колониальных войн Великобритании в конце XIX в. многочисленны и разнообразны, в связи с чем представляется необходимым их структурировать по определенному принципу.

Привлеченные в исследовании источники подразделяются на опубликованные и неопубликованные. К ним относятся: 1) официальные делопроизводственные материалы различных ведомств; 2) источники личного происхождения; 3) публицистические произведения; 4) периодическая печать.

Категорию **делопроизводственных исторических материалов** формируют официальные правительственные и военные документы. Среди этих источников, которые имели огромное значение при анализе колониальной политики Великобритании в рассматриваемый период, необходимо назвать стенографические отчеты парламентских дебатов¹. Они содержат богатый фактический материал по всем аспектам колониальной политики Великобритании в 70-х – 80-х гг. XIX в. и позволяют изучать реакцию британской политической элиты на события, изложенные в диссертации.

Обе палаты парламента также публиковали документы под названием «Британские парламентские газеты»² или «Синие книги», которые отражали результаты работы различных комитетов и ведомств. В эти документы входят: периодические отчеты о проводимых военных мероприятиях в различных британских владениях или в странах, территориально с ними сопряженных; доклады правительства о программе армейских реформ и их результатах; сметы,

¹ Hansard's Parliamentary Debates (далее HPD). 3rd ser., 1873 – 1885

² British parliamentary papers (далее BPP), 1868 – 1885; British Foreign and State Papers, 1868 – 1885 (далее BFSP)

счета, годовой военный бюджет, калькуляция экономических издержек различных военных кампаний и другие финансовые документы правительства.

К данной группе источников относятся неопубликованные материалы оцифрованных фондов Британского Национального Архива (National Archives, United Kingdom, Kew), национальной Британской библиотеки (British Library), Национального архива Индии (National Archives of India), которые представлены на различных электронных ресурсах – «Гейл Референс Комплит»¹, «Интернет Архив»², а также на интернет-сайтах национальных архивов Великобритании и Индии³.

Огромный комплекс источников для компаративного анализа и перекрестного исследования дают фонды Британского Национального Архива. Они содержат богатый фактический материал для более детального и углубленного изучения военно-политических аспектов британской экспансии в Азии и Африке. Среди документов этого архива стоит выделить многочисленные меморандумы, отчеты и сведения военных, колониальных и дипломатических ведомств Великобритании исследуемого периода, касавшихся формы и методов реализации английской политики в Афганистане, Трансваале, Египте и Судане, которые обсуждались кабинетом министров в Лондоне. При изучении военно-политических аспектов британской колониальной политики в конце XIX в. были привлечены материалы кабинета министров либерального правительства (Public Records Office: Cabinet Office) фонда «Протоколы и документы кабинета министров», материалы из фондов Министерства иностранных дел Великобритании (Public Records Office: Foreign Office) «Конфиденциальная печать: Египет и Судан 1838 – 1956 гг.» и документы Военного ведомства Великобритании (Public Records Office: War Office) фондов «Военное

¹ Gale Primary Sources. Nineteenth Century Collections Online// [Electronic resource]. URL: <https://go.gale.com/ps/start.do?p=NCCO&u> (дата обращения – 20.10.2020)

² Internet Archive// [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/> (дата обращения – 7.03.2018)

³ National Archives, United Kingdom, Kew// [Electronic resource]. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/> (дата обращения – 15.11.2020); National Archives of India// [Electronic resource]. URL: <https://www.abhilekh-patal.in/jspui/> (дата обращения – 3.11.2020)

министерство и преемники: Зарегистрированные файлы (Общая серия)», «Отчеты, меморандумы и документы, 1853 – 1969 гг.»¹.

Широкий спектр исторических источников представляют фонды национальной Британской библиотеки. Большой интерес, с исследовательской точки зрения, вызывают различные документы Министерства по делам Индии (India Office Records), меморандумы военных и политических кругов Великобритании относительно проводимой политики в отношении Афганистана, а также планы потенциального вторжения в различные страны. При написании диссертации были задействованы материалы фондов «Политические и секретные меморандумы, 1840 – 1947, раздел В, 1862 – 1946; раздел С, 1859 – 1946», «Дела военного ведомства: Афганистан, Центральная Азия, Тибет; Африка, 1865 – 1941 гг.», «Библиотека политического и секретного отдела: донесения, полученные позже по официальным каналам, а также разные сообщения, 1864 – 1952 гг.»².

Важную информацию для подробного исследования военно-политических аспектов британской колониальной политики в Центральной Азии содержат документы Национального архива Индии. Среди привлеченных материалов особое значение имели конфиденциальная переписка Департамента иностранных дел в Индии относительно ситуации в Афганистане, а также различные меморандумы и военные проекты, направленные против усиления Российской империи в Центральной Азии. Они содержатся в фондах «Департамент иностранных дел, 1756 – 1913», «Военный департамент, 1756 – 1969», «Разные военные документы»³.

¹ Cabinet Office: Photographic Copies of Cabinet Papers, 1880 – 1916 – далее CAB 37; Foreign Office: Confidential Print Egypt and the Sudan, 1839 – 1973 – далее PRO FO 407; Foreign Office: Confidential Print Turkey, 1841 – 1957 – далее PRO FO 424; War Office and successors: Registered Files (General Series), 1845 – 1999 – далее WO 32; Memoranda and Papers, 1853 – 1969; War Office: Reports, Memoranda and Papers, 1853 – 1969 – далее WO 33

² India Office Records: Political and Secret Memoranda, 1840 – 1947, Section B, 1862 – 1946; Section C, 1859 – 1946 – далее IOR/L/PS/18; India Office Records: Military Department Records: Afghanistan, Central Asia, Tibet; Africa, 1865 – 1941 – далее IOR/L/MIL/17; India Office Records: 1-289C: Political and Secret Department Library: Works received later, through official channels, plus miscellaneous items, 1864 – 1952 – далее IOR/L/PS/20

³ National Archives of India: Foreign Department, 1756 – 1913 – далее NAI, FD; Military Department, 1756 – 1969 – NAI, MD; Military Miscellaneous – NAI, MM

Не менее важные сведения о ходе военных экспедиций представлены в официальных описаниях войн¹, проводимых Англией в обозначенный исторический период. Эти материалы публиковались Военным министерством на основе многочисленных отчетов и реляций. Тем не менее, учитывая специфику источника, необходимо отметить, что нередко описания подвергались цензуре по идеологическим причинам. Поэтому при проведении настоящего диссертационного исследования потребовалась дополнительная верификация публикуемых в них сведений с привлечением других источников информации. Сюда же относятся материалы, ранее опубликованные в сборниках различных документов по теме диссертации².

В настоящем исследовании при изучении колониальной политики Англии также привлекались фонды Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного военно-исторического архива и Российского государственного архива военно-морского флота.

К Великобритании, как к ведущей державе мира, были прикованы взгляды европейской дипломатии и военных специалистов, в том числе и российских. Поэтому в работе были задействованы материалы фондов «Канцелярия иностранных дел» и «Консульство в Персии» Архива внешней политики Российской империи³. Донесения российских послов в Лондоне Ф. И. Бруннова, П. А. Шувалова, М. Е. Бартоломея, А. В. Лобанова-Ростовского и других представителей российского посольства позволили лучше проанализировать политическую обстановку и экономические причины, ставшие важным историческим фоном для проведения политики территориальной экспансии в Азии и Африке, а также мнения, царившие в английском обществе и среди

¹ Colville H. E. History of Sudan Campaign 1884 – 1885, Vol.1 – 2, L., 1889; Macgregor C. M. The Second Afghan war, 1878 – 80: Official Account. L., 1908; Maurice J. F. Military History of Campaign of 1882 in Egypt. L., 1887; Narrative of the Field Operations connected with The Zulu War of 1879. L., 1881

² Crooks J. J. Records Relating to the Gold Coast Settlements from 1750 to 1874. L., 1973; Documents on Conservative Foreign Policy, 1852 – 1878. Camb., 2012; Lanza H. Franco-German War of 1870. Source book. Kansas, 1922; Russo-British Relations during the Eastern Crisis// Slavonic Review, Vol. 5, No. 4, 1926, pp. 413 – 434; Загородникова Т. Н. Большая игра в Центральной Азии: Индийский поход русской армии, М., 2014; Ильясов Присоединение Туркмении к России: Сборник архивных документов, А., 1965; Сергеев Е. Ю. Задачи Англии на Востоке. Донесения русского военного атташе в Лондоне Н. С. Ермолова// Исторический архив, № 1, 1995, с. 15 – 29.

³ Архив внешней политики Российской империи – далее АВПРИ фонд 133. Канцелярия министра иностранных дел; фонд 194. Миссия в Персии

правлящих кругов Англии в последней трети XIX в. В архивных фондах содержатся многочисленные английские документы, парламентские сборники, материалы прессы и т.д., которые в значительной степени дополнили и расширили источниковую базу исследования.

Фонды Российского государственного военно-исторического архива содержат делопроизводственные источники, включающие материалы по зарубежной деятельности военных агентов, которые поставляли богатые аналитические сведения о военно-политической обстановке не только в метрополии, но и в Индии, Африке и Центральной Азии, а также о ходе боевых действиях в этих регионах. Донесения военных атташе позволяют более детально изучать мероприятия британского правительства по реформированию английской армии, а также последствия этих изменений в ближайшей исторической перспективе. Для освещения различных аспектов британской колониальной экспансии с точки зрения компетентных российских военных аналитиков были привлечены документы фондов «Великобритания» и «Канцелярия Военно-ученого комитета Главного Штаба»¹.

Также в работе были задействованы делопроизводственные материалы Российского государственного архива военно-морского флота фонда «Канцелярия Морского министерства, 1836 – 1918»², в которых содержатся донесения российских военно-морских агентов и различные сведения о морской торговле Великобритании в период, обозначенный хронологическими рамками работы.

Вторую группу исторических материалов, привлеченных в диссертации, формируют **источники личного происхождения**, которые богато представлены опубликованными мемуарами³, дневниковыми записями¹, эпистолярным

¹ Российский государственный военно-исторический архив – далее РГВИА фонд 401. Канцелярия Военно-ученого комитета Главного штаба; фонд 431. Великобритания

² Российский государственный архив военно-морского флота – далее РГА ВМФ фонд 410. Канцелярия Морского министерства, 1836 – 1918

³ A dye J. Recollections of A Military Life, New-York, 1895; Beresford C. The Memoirs of Admiral Lord Charles Beresford, Vol. 2, Boston, 1914; Freemantle E. R. The Navy as I Have Known It, 1849 – 1899, L., 1904; Hamilton I. Listening of the Drums. L., 1944; Kruger P. Memoirs of Paul Kruger: Four Times President of the South African Republic, New-York, 1902; McCalmont H. The memoirs of Major-General Sir Hugh McCalmont, L., 1924; Roberts F. Forty-One Years in India. From Subaltern to Commander-in-Chief, Vol. 2, L., 1897; Wolseley G. The Story of Soldiers Life, Vol. 2, L., 1903; Wood E. From Midshipman to Field Marshal, Vol.1 – 2, L., 1906

наследием² политических и военных деятелей исследуемого периода времени. Их анализ дает возможность более конкретно и комплексно изучить события военных кампаний, а также проанализировать взгляды и их трансформацию на фоне различных событий ключевых фигур британской политики и английской армии.

Третью группу источников представляют **публицистические произведения**³. Важной характеристикой исследуемого периода является повышенный интерес британского социума к военным кампаниям, проводимых Англией в Азии и Африке. Поэтому публицистическая литература выступает своеобразным индикатором сформировавшихся империалистических воззрений в английском обществе. В данных произведениях представлены оценки и позиции современников по вопросам военного, стратегического и политического положения Великобритании в 70 – 80 гг. XIX в. Также участники колониальных войн как журналисты, так и офицеры английской армии будучи непосредственными свидетелями военных действий публиковали свои собственные описания этих событий.

¹ George, Duke of Cambridge. Duke of Cambridge: a memoir of his private life based on the journals and correspondence of His Royal Highness, Vol. 2, L., 1906; Gladstone W. E. Political Speeches in Scotland: November and December 1879. Edinb., 1879; Gordon C. G. General «Chinese» Gordon's Khartoum Journal, New-York, 1961; Gordon C. G. The Journals of Major-Gen. C. G. Gordon, C.B., at Kartoum, Boston, 1885; In Relief of Gordon: Lord Wolseley's Campaign Journal of the Khartoum Expedition, 1884 – 1885, R., 1970; Kandahar in 1879: The Diary of Major Le Messurier, L., 2015; Marling P. Rifleman and hussar. L., 1935; The Derby Diaries, 1869 – 1878: A Selection from the Diaries of Edward Henry Stanley, 15th Earl of Derby, between September 1869 and March 1878, Camb., 1996; The Diary of Colonel W. D. Bond, 58th Regiment//Journal of the Society for Army Historical Research, No, 53, 1975, pp. 87 – 97; The Diary of Sir Edward Walter Hamilton, Vol.1-2, Oxf., 1972; The Gladstone Diaries, Vol.7 – 11, Oxf., 1982 – 1990; The Journal of John Wodehouse, first Earl of Kimberley, first Earl of Kimberley for 1862 – 1902. L., 1997; Thomas J.H. Full and Authentic Diary of the Ashanti Expedition. L., 1875; Wilson C.H. From Korti to Khartoum: A Journal of the Desert March from Korti to Gubat, and of the Ascent of the Nile in General Gordon's Steamers. L., 1885; Милютин Д. А. Дневник 1873 – 1880, Т.2, М., 2016

² Guedalla P. The Queen and Mr. Gladstone, Vol. 2, L., 1933; Lord Chelmsford's Zululand Campaign: 1878 – 1879. L., 1997; Roberts in India: The Military Papers of Field Marshal Lord Roberts, 1876 – 1893. L., 1993; The Curling Letters of the Zulu War: There was Awful Slaughter, Barnsley, 2005; The Letters of Lord and Lady Wolseley, 1870 – 1911. L., 1922; The Letters of Queen Victoria, 2nd Ser., Vol. 2 – 3, L., 1928; The Political Correspondence of Mr. Gladstone and Lord Granville, 1876 – 1886, Vol. 1 – 2, Oxf., 1962

³ Goodenough W.H. The Army Book for the British Empire: A Record of the Development and Present Composition of the Military Forces and Their Duties in Peace and War. L., 1893; Macgregor C. M. Defence of India: A Strategical study. S., 1884; Hills J. The Bombay field force, 1880. London, 1900, 64 p. Macgregor C. M. Narrative of a Journey through the Province of Khorassan and on the N. W. Frontier of Afghanistan in 1875, in Two Volumes, 1879

В ходе настоящего научного исследования был задействован целый ряд британской **периодической печати**, как центральных издателей¹ – «Таймс», «Иллюстрейтед Лондон Ньюз», «Лондон Квартерли Ревью», «Эдинбург Ревью», так и провинциальных² – «Литлтлтон Таймс», «Ливерпуль Меркьюри», «Шеффилд Дейли Телеграф». Основную ценность этот вид источников представляет с позиции освещения современниками событий колониальных войн и реакции британского общества на них. Это позволяет изучать общественное мнение жителей Великобритании, как в крупных городах, так и графствах, относительно актов английского правительства во внешней политике. Из отечественных периодических изданий огромный интерес вызывают публикации журналов «Вестник Европы», «Военный сборник», «Оружейный сборник» и «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии»³, содержащие заметки и статьи журналистов, военных корреспондентов и публицистов, посвященные британским экспедициям в колониях. Это дало возможность получить критические и нередко более объективные комментарии российских современников по событиям колониальных войн Великобритании, которые она вела в Азии и Африке.

Таким образом, источниковая база настоящего исследования позволяет провести комплексное, всестороннее и объективное изучение фактологической, событийной и личностной стороны многочисленных военных конфликтов. Получить достоверные сведения о планировании и реализации английской колониальной экспансии, проследить динамику взглядов и позиций военной и правящей элиты относительно определения вектора внешней политики Великобритании и методах ее реализации, а также выявить различные проблемы, возникавшие при имплементации английской имперской стратегии на различных континентах.

¹ Annual Register, 1880 – 1881; Daily Chronicle, 1881; Daily News, 1874 – 1881; Edinburgh Review, 1879; Illustrated London News, 1874; London Gazette, 1879; London Quarterly Review, 1870; Manchester Guardian, 1879 – 1881; Morning Post, 1874; New York Times, 1879; Observer, 1880; Pall Mall Gazette, 1881 – 1884; Times, 1871 – 1884

² Liverpool Mercury, 1879; Lyttelton Times, 1881; Sheffield Daily Telegraph, 1879; South Wales Daily News, 1879

³ Вестник Европы, 1880; Военный сборник, 1869 – 1881; Оружейный сборник, 1878; Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, 1883 – 1885, (далее – Сборник материалов по Азии)

Методологической основой исследования служат принципы научного историзма и объективности. Поставленные в диссертационной работе задачи решались на основе общенаучных методов познания, в частности комплексного и системного подходов с использованием диалектического метода рассмотрения событий, который применялся при выявлении противоречий между колониальной администрацией и представителями британской армии при решении вопросов экспансионистского характера.

В целях всестороннего раскрытия темы диссертационного исследования из-за наличия многочисленных информационных потоков и различающихся групп источников, был использован метод сравнительного и перекрестного анализа. Необходимость рассмотрения и сопоставления колониального курса консервативного и либерального правительств потребовала использования историко-сопоставительного метода.

Научная новизна диссертации заключается в проведении комплексного и системного анализа проблематики колониальных войн Великобритании в конце XIX в. и изучения их военно-политических аспектов. На основе междисциплинарного подхода и существующей историографической базы с привлечением широкого спектра исторических источников и их подробного анализа более детально рассмотрению были подвержены недостаточно освещенные в отечественной исторической науке эпизоды британской колониальной экспансии – Англо-ашантийская война (1873 – 1874 гг.), первая Англо-бурская война (1880 – 1881 гг.), кампания в Судане (1884 – 1885 гг.). В ходе настоящего исследования на основе изучения военно-политических аспектов, личностного фактора, сопоставления точек зрения отечественных и англоязычных историков были расширены и дополнены знания по известным событиям – Англо-зулусская война (1879 г.), вторая Англо-афганская война (1878 – 1881 гг.), Египетская кампания (1882 г.). Даны авторские оценки спорным трактовкам результатов второй Англо-афганской войны и Зулусской кампании. Исследование архивных материалов, государственных актов, отображавших официальную позицию правительства и богатого эпистолярного наследия

современников, позволило реконструировать события, изложенные в диссертационной работе, и проследить характерные закономерности и определенную специфику британской колониальной экспансии в последней трети XIX в.

Основные положения и результаты исследования, выносимые на защиту:

1. Колониальные войны являлись результатом целенаправленной политики Великобритании в конце XIX в. для укрепления своего привилегированного экономического, стратегического и политического положения на фоне сложных международных отношений в 70 – 80-х гг. XIX в. путем агрессивной колониальной экспансии. Этот вектор стал стержнем внешней политики Англии в последующие десятилетия, преемственным для правительственных кабинетов, как консервативной, так и либеральной политической ориентации.

2. Реформирование британской армии под руководством Э. Кардвелла в 1868-1874 гг. стало закономерным следствием изменения баланса сил в Европе, и привело к активизации широкой территориальной экспансии. Таким образом, Военное министерство Э. Кардвелла обеспечило переход от политики нежелательного участия в колониальных войнах к открытой империалистической экспансии, наиболее ярко выразившейся в последующие десятилетия XIX в.

3. В причинах развязывания колониальных войн в различных регионах Азии и Африки четко прослеживается закономерность, позволяющая выстроить определенную классификацию подобных конфликтов. Как правило, предпосылками вторжения британских войск в слабо развитые государства становились: 1) стремление к сохранению и упрочнению экономического положения Англии на различных континентах (Англо-ашантийская война, Англо-зулусская война, первая Англо-бурская война); 2) установление своего геополитического господства в регионах Азии и Африки на фоне военно-политического соперничества с другими европейскими державами (вторая Англо-афганской война); 3) паритетное соотношение экономических и геополитических причин (Египетская кампания, экспедиции в Судане).

5. Организация многочисленных военных экспедиций сопровождалась серьезными противоречиями в контексте взаимодействия колониальной администрации и представителей английской армии, которые одинаково стремились к усилению Британской империи, но совершенно по-разному оценивали методы и механизмы решения подобных экспансионистских задач.

5. На практике данная амбивалентность способствовала усложнению самих экспедиций и нередко приводила к тяжелым по своим последствиям военным и политическим катастрофам (битва при Майванде 27 июля 1880 г., 27 февраля 1881 г. сражение на холме Маджуба), которые имели не только влияние на британские колонии, но и на метрополию. Во многом эти проблемы были обусловлены спецификой имперской политики Великобритании, которая сохраняла активный курс на территориальную экспансию и сопровождалась ростом милитаризма в обществе. Однако армия жестко подчинялась гражданскому институту – Военному ведомству и действовала только в рамках политической линии, проводимой действующим правительством, которое не всегда трезво оценивало ситуацию на местах. Военные круги, в свою очередь, не всегда были способны проводить адекватные административные меры для решения проблем с местным населением, что зачастую способствовало развязыванию колониальных войн.

6. Несмотря на успешный процесс завоевания новых территорий, британская армейская система Э. Кардвелла с середины 80-х гг. XIX в. не могла в полной мере решать задачи, поставленные перед ней ранее. Это связано не только с проведением новых колониальных войн, но и усложнением международных отношений, в которых европейские державы стремительно увеличивали темпы экспансионистской политики.

Теоретическая значимость настоящего исследования заключается в проведении комплексного изучения геополитических, стратегических и военных-политических аспектов колониальной политики Великобритании, выразившейся в широкой территориальной экспансии на Азиатском и Африканском континентах

в 1873-1885 гг. и переосмыслении устоявшихся взглядов в исторической науке на отдельные эпизоды английских колониальных войн в конце XIX в.

Практическая значимость настоящего диссертационного исследования как фактического, так и теоретического его содержания, состоит в том, что результаты научных изысканий по обозначенной теме можно применять при разработке учебных пособий, спецкурсов по колониальной и военной истории Великобритании последней трети XIX в. Результаты исследования могут послужить основой для более глубокого изучения отдельных аспектов английской колониальной политики и исследования процесса развития британской армии.

Апробация результатов исследования. Материалы диссертации были отражены в публикациях научных изданий и сборниках материалов конференций. Основные положения и выводы по теме диссертации изложены на всероссийских и международных научных и научно-практических конференциях. Всего по теме исследования опубликовано 14 статей объемом около 5,7 п. л. Среди них 5 статей – в научных изданиях перечня ВАК.

Диссертационная работа состоит из введения, четырех глав и десяти параграфов, заключения и списка литературы и источников.

I. Колониальные войны Великобритании в начале 70-х гг. XIX в.

1.1. Колониальная политика Великобритании и реформы британской армии Э. Кардвелла 1868 – 1874 гг.

Последняя треть XIX в. занимает особое место в истории Великобритании. Данный период характеризуется интенсивным территориальным ростом английских владений и значительным укреплением имперских границ. Британская империя, построенная на колониальных приобретениях, занимала пятую часть земного шара, являлась «мастерской мира» и финансовым центром всей планеты. Однако ее монопольное положение стало заметно падать.

Одной из главных предпосылок масштабной британской колонизации в рассматриваемый период стало динамичное изменение соотношения сил между молодыми капиталистическими державами, в первую очередь США и Германией, и шедшими ранее в авангарде Англией и Францией. В мировой торговле Великобритания по-прежнему занимала первые места, но сбыт ее товаров встречал все большие затруднения из-за увеличения числа конкурирующих стран, а также перехода многих держав к политике протекционизма.

Поэтому с 70-х гг. термин «империализм» стал действенным ответом внутренним проблемам Англии и вызовам ее гегемонии на мировой арене. С этого момента милитаристский национализм в Британии начал активно соотноситься с имперской идеей. Как отмечает Т. Н. Гелла, «в силу этого империя начинает рассматриваться не только как неотъемлемая часть Великобритании, но и как важнейший источник могущества метрополии»¹. Отставая по темпам роста, Великобритания стремилась компенсировать это за счет насильственного расширения колониальных владений, военно-политическое господство в которых должно было оградить ее от иностранной конкуренции. В 1869 г. российский военный агент в Лондоне генерал-майор Н. А. Новицкий в своем регулярном рапорте отмечал, что «при совершенно разных условиях и соображениях Англия

¹ Цит. по: Гелла Т. Н. Геополитические интересы..., с. 6

и Франция стремятся к развитию своих колоний»¹, в том числе и путем военной экспансии.

К концу XIX в. благодаря прямому применению военной силы, расширению экономической сферы влияния и территориальной аннексии европейские страны стали доминировать на континентах Африки и Азии. Так, в 60-х гг. Франция Наполеона III сконцентрировала внимание на завоевание позиций в Мексике, устанавливала свой контроль в некоторых районах Китая. Россия последовательно проводила политику присоединения среднеазиатских ханств, становясь ближе к британской Индии. К 80-м гг. Германия вступила в конкуренцию с Великобританией в Восточной и Западной Африке и аннексировала часть Новой Гвинеи, Новой Британии, Новой Ирландии и других тихоокеанских островов. В это же время открытие Суэцкого канала предоставляло огромные возможности для развития торговли и имело важнейшее стратегическое значение для европейских держав, в первую очередь для Англии.

В связи с этим огромные экономические потенциалы стран Азии и Африки, широкие перспективы политического развития колоний, военная мощь империи и возможность осуществлять цивилизаторскую миссию стали основой для масштабных территориальных завоеваний, которые Великобритания осуществляла в исследуемый исторический период.

Сильным аргументом в пользу невмешательства в дела континента и необходимости усиления колониального курса выступала также относительная слабость британской армии. К 70-х гг. XIX в. Англия сохраняла за собой статус великой военно-морской державы с сильнейшим боевым флотом в мире. Данное положение окончательно закрепилось за ней после разгрома Франции в войне против Северогерманского союза в 1870 – 1871 гг. Российский военно-морской агент контр-адмирал И. Ф. Лихачев 16 апреля 1871 г. сообщал из Лондона, что британский флот «строился и увеличивался постоянно в виду возможности столкновения с Францией» и после устранения главной соперницы на морских просторах «Англия... чувствует, что... для борьбы на океане она была бы также

¹ РГВИА, ф. 431, оп. 1, 1869, д. 39, л. 276

сильнее и всякой случайной коалиции других морских держав против нее, которую с какой-нибудь вероятностью в настоящих обстоятельствах допустить или предположить возможно»¹.

Таким образом особое географическое положение «Туманного Альбиона», а также крупнейший боевой флот и система обширных морских коммуникаций полностью обеспечивали защиту Великобритании от угроз извне. Поэтому потребность в содержании многочисленной армии на основе всеобщей воинской повинности по примеру континентальных держав, попросту отсутствовала. Вместо этого в Англии существовала система компактных «профессиональных» сухопутных вооруженных сил, которая выстраивалась на добровольном принципе прохождения воинской службы. Однако опыт Франко-Германской войны 1870 – 1871 гг. имел для Англии и обратную сторону.

В мирное время армия метрополии насчитывала примерно 90 тыс. чел., только половина из которых могли быть задействованы для потенциальных военных действий в Европе². Очевидно, что державу, имевшую такую скромную армию, можно было не воспринимать всерьез на международной арене. Начальник Генерального штаба Пруссии генерал Г. фон Мольтке при составлении плана потенциальной кампании против Франции в начале 60-х гг. отмечал, что Англия не способна повлиять на ее ход, т. к. «со всей территории Великобритании и Ирландии в настоящий момент не в состоянии собрать 60 тыс. чел. для защиты Ла-Манша»³.

Российский военный агент в Лондоне Н. А. Новицкий в рапорте от 14 ноября 1869 г. довольно точно резюмировал новую расстановку сил и ее влияние на международное положение Англии: «Необыкновенное развитие сухопутных сил в Европе, с возможностью быстрого их призвания под знамена; благоустройства значительных резервов и сама повинность военной службы... постоянно указывает Великобритании на те затруднения, которые она встретила

¹ РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3950, л. 31

² Иностранное обозрение//Военный сборник, № 5, 1869, с. 87 – 88

³ Lanza H. Franco-German War of 1870. Source book, p. 62

бы в данную минуту необходимости в средоточии большой армии»¹. К примеру, в конце 60-х гг. XIX в. Пруссия имела военные силы с учетом резерва в 300 тыс. чел., в то время как Франция могла отправить 400 тыс. солдат на поле боя и иметь вдвое меньший этого числа резерв². При этом в 1869 г. общие расходы Великобритании на вооруженные силы составили около 24 млн ф. ст. Из этой суммы более 14 млн было выделено армии и почти 10 млн – флоту. Общие военные и военно-морские расходы Северогерманского союза за тот же период составили около 11 млн ф. ст., а вклад Пруссии в общую сумму – немногим более 7 млн³.

В то же время военно-политические конфликты, имевшие место в Северной Америке, обострение англо-американских отношений в 60-х гг. показали, что в случае войны с США английские колониальные войска не способны в полной мере защитить интересы Британии. Российский военный агент в Лондоне полковник П. И. Кутайсов в 1871 г. оставил критичные комментарии по этому вопросу: «...фактически защиты Канады английскими войсками не будет, да и быть не может. Мы видели в последнюю междоусобную войну, что может сделать Америка, и очень хорошо знаем, что Англия, при страшных усилиях, не в состоянии собрать 200 тыс. войск, тем более половина необходимых для защиты сил разбросаны по всему свету их владений»⁴.

Поэтому международные и военно-политические условия конца 60-х – начала 70-х гг. XIX в. диктовали острую необходимость поиска новых подходов к решению вопроса об обороне как самой Англии, так и всей империи. Российский военно-морской агент контр-адмирал И. Ф. Лихачев справедливо указывал, что «новое положение Европы заставляет Англию готовиться к столкновениям на другом театре действий»⁵, делая акцент прежде всего на усилении своей сухопутной армии.

¹ РГВИА, ф. 431, оп. 1, 1869, д. 39, л. 40

² Lowe J. Op. cit., p. 68

³ Newton, Lord. Op. cit., Vol. 1, pp. 278 – 279

⁴ РГВИА, ф. 431, оп. 1, 1871, д. 43, л. 207/об.

⁵ РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3950, л. 31/об.

Различные реформы для оптимизации военной мощи Великобритании активно проводились либеральным министерством У. Гладстона и руководителем Военного ведомства Эдвардом Кардвеллом в 1868 – 1874 гг. Как отмечала Н. В. Дронова, обновленная армия представляла силовым гарантом не только обеспечения внешнеполитических интересов Британии, но и стабильности процесса имперской эволюции и нерушимости имперских границ¹.

Преобразования осуществлялись в нескольких направлениях. Первое заключалось в том, что Э. Кардвелл разграничил сферы компетенции Военного министерства, сосредоточив решение военных вопросов в руках Верховного главнокомандующего, вопросы снабжения – в руках Главного управления по снабжению и переадресовал решение финансовых вопросов соответственно Казначейству. Второе направление сводилось к тому, что правительство У. Гладстона продолжило начатую еще консерваторами политику по выводу британских войск из колоний. Третьим направлением реформы стало изменение принципа комплектования армии – введение краткосрочной службы, а также утверждение локализационной схемы базирования войск. Четвертое касалось социального состава офицерского корпуса, т. к. в британском обществе все большую роль играли неаристократические слои социума, что в свою очередь повлекло за собой изменения привычного механизма продвижения по армейской службе и системы военного образования.

Основным катализатором реформирования британской сухопутной армии стали результаты Крымской или Восточной войны (1853 – 1856 гг.). Исключая незначительные колониальные стычки внутри империи, британская армия не участвовала в конфликтах на территории Европейского континента после войны с Наполеоном и победы при Ватерлоо. Поэтому, как писал С. Вудхем-Смит, «армия с нетерпением ждала Крымскую войну как «приключение», в котором она могла бы вновь приобрести «воинскую славу», в которой она купалась предыдущие годы»². Крымская война показала, что британская армия оказалась полностью к

¹ Дронова Н.В. Традиции имперского мышления..., с. 169

² Woodham-Smith C. The Reason Why. New York, 1954, p. 138

ней не готова: адекватного военного управления почти не существовало, большинство офицеров были либо непригодными с профессиональной точки зрения, либо являлись пожилыми людьми, и отсутствовала четкая цепочка командования. Системы снабжения не отвечали реалиям войны и часто выходили из строя; войска регулярно оставались без средств для ведения боевых действий. По мере роста числа жертв и болезней в рядах британской армии потери стали очень значительными, а механизм пополнения воинского резерва не соответствовал актуальным военным нуждам¹. Поэтому события Крымской войны принесли в Великобританию осознание острой необходимости структурных армейских реформ.

В период между окончанием Крымской войны и началом работы первого министерства Гладстона в военную систему Великобритании было внесено много изменений, но они не носили последовательный характер. Во многом отсутствие четкой политики по укреплению национальной обороны объясняется частой сменой чиновников на должности Военного министра (Secretary of State for War): с момента ее учреждения в 1855 г. лорд Панмур занимал этот пост в течение трех лет (1855 – 1858 гг.), а Сидни Герберт продержался два (1859 – 1861 гг.), но в двух последующих случаях срок полномочий не длился больше одного года². Поэтому военный механизм Великобритании не регулировался единообразной политикой на длительный период времени. Это способствовало значительным колебаниям правительственной деятельности по реформированию армии и приводило к структурным проблемам ее долгосрочного планирования.

В годы Крымской войны будущий Военный министр Э. Кардвелл был президентом Совета по торговле, а затем работал в качестве Министра по колониальным вопросам. Это дало возможность получить достаточное представление о дорогостоящей и низкоэффективной системе британской армии. Он был твердо убежден, что Военное ведомство может работать более эффективно и экономно³. Но для этого необходимо выполнение трех задач.

¹ Wheeler O. Op. cit., p. 149

² London Quarterly Review, Vol.129, 1870, p. 275

³ Erickson A. Op. cit., p. 67

Прежде всего продолжить реформирование Военного министерства, начатое после Крымской войны. Во-вторых, необходимо было добиться надлежащего разделения административных обязанностей внутри самого ведомства. В-третьих, заложить основу для превращения военных сил Великобритании в эффективную и гибкую систему национальной обороны¹.

Переходя к дальнейшему анализу мер либерального правительства по преобразованию армии, необходимо подчеркнуть, что на первый план вышел именно финансовый вопрос. Военные реформы зависели от больших сумм денег, а парламент не хотел выделять средства на дорогостоящие проекты. Во-вторых, реформа была неразрывно связана с социальным фоном, особенно с интересами высших слоев общества. Эта часть британского социума была не способна разорвать древние связи, особенно когда в армейской жизни принимали активное участие крупные землевладельцы, которые боялись утраты своих прежних привилегий. В-третьих, ни консервативная, ни либеральная партии не были склонны к реформам, но обе по разным причинам. Консерваторы были исторически союзниками состоятельных высших классов, которые по социальным причинам желали сохранить статус-кво для армии. Либералы, с другой стороны, были настроены на экономию средств по финансовым причинам и пытались не сокращать бюджет на остальные сферы для реализации военных реформ. Наконец, армейские преобразования столкнулись с серьезными конституционными трудностями, поскольку традиционно контроль над войсками находился в руках короны и регулировался различными королевскими указами. Реформаторские меры, исходящие от Военного министра, могли ослабить авторитет и влияние короны, к которым, естественно, ни королева Виктория, ни ее кузен – фельдмаршал герцог Джордж Кембриджский, Верховный главнокомандующий, ни основная масса армейских офицеров не будут благосклонно относиться.

Поэтому первоначально Э. Кардвелл после назначения на должность Военного министра решил подготовить сметы на будущий год с целью

¹ Biddulph R. Op. cit., pp. 25 – 26

сокращения армейских расходов. Представленные им предложения полностью совпадали с политическим курсом правительства У. Гладстона. Так, премьер-министр в своем дневнике охарактеризовал эти меры как «маленький лучик света»¹. В 1869 г. военный агент в Лондоне Н. А. Новицкий сообщал в Россию: «Министерству Гладстона было необходимо сокращение огромной цифры военного бюджета. Военный министр сократил военный расход Великобритании на 1869 – 1870 гг. на 1,225,000 ф. ст.»². Далее в своем отчете он отмечал, что экономия происходит «1) от избытка военно-материальной части, широко заготовленной в предыдущие годы; 2) от сокращения численности Великобританских колониальных гарнизонов, за исключением Восточной Индии»³.

Так, в период между 1869 и 1871 гг. размер заморских гарнизонов был сокращен более чем на 25 тыс. чел.⁴. В меморандуме от 20 декабря 1870 г. Верховный главнокомандующий британской армией герцог Кембриджский заявлял, что «любые меры, которые приведут местные войска к более тесным профессиональным отношениям с имперской армией, были бы очень полезны для поощрения и развития»⁵, поэтому отныне колонии белых поселений должны были самостоятельно набирать ополчение для своей обороны. Для этого, как сообщал генерал-майор Н. А. Новицкий из Лондона, был издан особый указ парламента «о подчинении милиционных сил силам регулярной армии», который также подразумевал их «прикомандирование» для последующего обучения⁶. По мнению российского историка К. Б. Егорова, установление подобной системы «военного контроля» над войсками самоуправляющихся колоний позволило британцам быть уверенными в том, что канадское, австралийское, новозеландское и капское ответственные правительства будут ориентированы на тесную связь с метрополией⁷.

¹ The Gladstone Diaries, Vol.7, p. 7

² РГВИА, ф. 431, оп. 1, 1869, д. 39, л. 32

³ Там же, л. 32/об.

⁴ French D. Op. cit., p. 14

⁵ Verner W. Op. cit., Vol.2, p. 36

⁶ РГВИА, ф. 431, оп. 1, 1869, д. 39, л. 145

⁷ Егоров К. Б. Указ. соч., с. 138

В целом политика по сокращению военных гарнизонов в колониях была самой значительной, поскольку данный курс либералов стал прогрессивным шагом к общему реформированию армии. По мнению британского военного историка Д. Шурмана, вывод регулярных войск был очень выгоден Лондону в политическом смысле – это устраняло основной пункт разногласий, существовавший между правительствами метрополии и колоний¹. При этом сам У. Гладстон был приверженцем принципа греческой колонизации, которую он называл «совершенной свободой и идеальным самоуправлением»², поэтому готовность премьер-министра поддержать вывод войск полностью соответствовала его политической позиции на протяжении многих лет.

В данном случае идея вывода войск была частью давней и систематической попытки, с одной стороны, заставить колонистов действовать самостоятельно, с другой – помочь снизить расходы на оборону империи, на которые приходилось около трети британского бюджета³. Как отмечал английский историк Э. Спирз, перераспределение военных гарнизонов из колоний в метрополию, в свою очередь, позволило обеспечить внутреннюю защиту не только Англии от внешнего нападения, поскольку в это время господствовал страх перед возможным французским и германским вторжением, но и Индии, где британские военные обязательства увеличились после Восстания сипаев (1857 – 1859 гг.)⁴. Российский посол в Лондоне Ф. И. Бруннов в телеграмме к канцлеру А. М. Горчакову, резюмируя реформаторскую деятельность Э. Кардвелла, писал, что «решение, принятое правительством, обозначает держать сколь возможно свои силы под рукой, готовые быть быстро направленными, туда куда их потребует телеграф»⁵.

Таким образом, концентрация значительных вооруженных сил в метрополии и Индии, в теории, позволяла Англии сравнительно быстро реагировать на события в колониях и посылать туда небольшие по численности,

¹ Schurman D. M. Op. cit., p. 15

² Цит. по: The Cambridge History of British empire, Vol. 3, p. 20

³ The Gladstone Diaries, Vol.7, intro, p. 48

⁴ Spiers E. The Late Victorian Army..., p. 9

⁵ РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3950, л. 7

но хорошо обученные войска, при этом сохраняя за собой возможность активного участия в международных событиях на территории Европейского континента.

В то же время, по мнению Т. Н. Гелла, вопрос об «обороне империи» непосредственно касался характера дальнейших взаимоотношений Англии с ее самоуправляющимися колониями, вплоть до вопроса об их возможном выходе из империи¹. В первую очередь это было связано с британскими владениями в Северной Америке. При реализации армейской реформы в 1870 г., в разгар Франко-германской войны (1870 – 1871 гг.), Гладстон считал, что в обычных обстоятельствах необходимо «избавиться от всех призывов регулярной армии для колониальных целей, за исключением четырех случаев: Мальта – Гибралтар – Галифакс – Бермудские острова»². Однако вопрос о выводе английской армии из Канады был тесно связан с проблемой оказания помощи имперским правительством в подавлении восстания на канадском Западе.

Метисы в поселении Ред-Ривер во главе с политиком французского происхождения Луи Риэлем были недовольны сделкой канадского правительства с Компанией Гудзонова залива по передаче земли Руперта в британское владение³. В ответ на это 3 ноября 1869 г. мятежники захватили контроль над фортом Гарри и потребовали создания отдельной провинции Манитоба. В связи с этим канадские власти обратились к лондонскому кабинету с просьбой направить войска для подавления восстания в Ред-Ривер⁴. Выполнение этой операции в мае 1870 г. доверили полковнику Гарнету Джозефу Уолсли. Экспедиция состояла из одного батальона 60-го британского стрелкового полка, дислоцированного в Канаде, и двух батальонов канадского ополчения. Кроме того, эти силы были дополнены отрядом королевской артиллерии и королевских инженеров – общая численность экспедиционного корпуса составила 1,220 чел.⁵. Продвигаясь по сложному речному пути протяженностью более 1,000 миль, к 24 августа 1870 г.

¹ Айзенштат М. П., Гелла Т. Н. Указ. соч., с. 128

² Matthew H. C. G. Gladstone, 1809 – 1874, p. 189

³ Grebstad D.W. Rowboat Diplomacy: The Dominion of Canada's Whole of Government Approach to The Red River Rebellion// Canadian Military Journal, Vol. 13, No. 3, 2013, p. 57

⁴ Айзенштат М. П., Гелла Т. Н. Указ. соч., с. 126

⁵ Lieutenant-General the Honourable James Lindsay to His Excellency the Governor-General, 23 April 1870// Correspondence relative to the recent expedition to the Red River Settlement, No.8, Incl.3, pp.13 – 14; Lieutenant-General the Honourable James Lindsay to War Office, 27 May 1870// Ibid., No.8, pp. 4 – 6

колониальные войска без боя заняли брошенный Л. Риэлем и его последователями форт Гарри, над которым был торжественно поднят Юнион Джек, и передали его под контроль канадского правительства¹. Это привело к победе англичан при минимальных финансовых затратах на организацию самой экспедиции в 100 тыс. ф. ст.², что полностью устраивало высшие политические круги в Англии.

Впоследствии успех этой кампании обеспечил полковнику Г. Уолсли быстрый карьерный рост и авторитетное положение в Военном министерстве Э. Кардвелла. Биограф британского офицера Дж. Лейман писал, что этот факт поспособствовал дальнейшим реформам армейской структуры. Полковник Уолсли выступал за регулярную армию, которая в мирное время должна быть «организацией по производству солдат, а не дорогостоящим гнездом для ветеранов»³. Большинство офицеров, однако, активно возражали против преобразования их титулованного подразделения в полк для новобранцев, когда Военное министерство стало претворять в жизнь новую схему локализации полков, в рамках которой армейские подразделения привязывались к определенному военному округу и на месте были обязаны вербовать солдат. Поэтому Э. Кардвеллу требовался специалист, достаточно уважаемый в военных кругах, способный поддержать его реформаторские меры по изменению привычной системы призыва на армейскую службу и сгладить недовольство среди консервативно настроенных слоев офицерства.

17 декабря 1870 г. кабинет министров обсуждал вывод оставшихся войск из Канады⁴. Полковник П. И. Кутайсов, находившийся в Лондоне в качестве военного атташе, сообщал об этом следующее: «...все великобританские войска, расположенные в Канаде, отозваны обратно в Англию... Из этих действий можно заключить, что Правительство не временно, а навсегда решилось вывести свои войска из Канады⁵... Относительно Новой Зеландии сделано такое же

¹ Ibid., p. 92

² Lehmann J. Op. cit., p.155

³ Ibid., p.162

⁴ The Journal of John Wodehouse, first Earl of Kimberley, p. 255

⁵ РГВИА, ф. 431, оп. 1, 1871, д. 43, л. 201 – 201/об.

распоряжение – английские войска оттуда вывести, и внутренняя охрана общественной безопасности предоставлена исключительно местной милиции»¹. Британские войска впоследствии также были выведены из Ньюфаундленда, Австралийских колоний и оставались только в Галифаксе и на Мысе Доброй Надежды².

Тем не менее, политика вывода войск из колоний была продиктована не только финансовыми причинами, но и структурным недостатком всей военной организации Великобритании в целом – отсутствием армейского резерва. Под «резервом» здесь следует понимать практику, при которой «немногочисленные военные кадры мирного времени», базировавшиеся на Британских островах, могли проходить подготовку непосредственно в своих «военных учреждениях во времена национальной чрезвычайной ситуации»³. Поэтому следующая цель реформы Кардвелла заключалась в формировании достаточного по численности резерва.

Традиционно английская армия имела добровольную основу и состояла из мужчин, которых призывали на службу продолжительностью в 21 год, а во время войны ее потери компенсировались путем перевода необученных добровольцев из ополчения непосредственно в линейные полки. Генерал Джонатан Пил, Военный секретарь премьер-министра лорда Дерби в 1866-1867 гг., признавал, что в современных условиях войны такой подход к формированию резерва пагубно сказывался на престиже Великобритании⁴. Однако Военное министерство не могло привлечь отставных солдат добровольно войти в резерв, поэтому Дж. Пил рекомендовал сначала ввести короткий период службы в запасе, после чего последовал бы гораздо более длительный период зачисления в нем⁵. Закон о призыве 1867 г. предусматривал создание первого резерва в 20 тыс. чел., который формировался из ветеранов, отслуживших в полку 12 лет, в том числе за

¹ Там же, л. 209

² Азейнштат М. П., Гелла Т. Н. Указ. соч., с. 130

³ Борисенко В. Н., Строганов А. В. Указ. соч., с.136 – 137

⁴ Verner W. Op. cit., Vol. 1, p. 302

⁵ Gallagher T.F. British military thinking and the coming of the Franco-Prussian war//Military Affairs, Vol. 39, № 1, 1975, p. 19

границей. Когда Кардвелл вступил в должность Военного министра, он обнаружил, что схема генерала Дж. Пила не работает. За два года с момента ее введения в запас привлекли менее тысячи чел.¹. Поэтому важной мерой по решению создания эффективного резерва стали изменения привычной армейской службы, а именно – сокращение ее продолжительности.

Согласно Акту о зачислении на военную службу в армию 1870 г. (Army Enlistment Act), срок призыва в пехоту закрепился на уровне 12 лет: первые 6 лет отводились на регулярную армейскую службу, а остальные 6 лет – на резервную. В прочих родах войск полагалось установить следующие сроки нахождения в строю: в инженерном корпусе и войсках снабжения такие же, как в пехоте, а в кавалерии и артиллерии 8 лет действующей службы и 4 года в запасе².

Сокращение срока службы, в свою очередь, было напрямую связано с реализацией локализационной схемы базирования армии, позаимствованной у Германии и утвержденной в феврале 1872 г.³. Основная идея этой схемы заключалась в организации всех пехотных войск в военные округа, которых в Великобритании было установлено 66. В каждом территориальном округе располагалось 2 «связанных» батальона пехоты, 2 батальона ополчения, часть волонтерских отрядов и бригадное депо для подготовки резерва⁴. Подобный принцип локализации подразумевал систему попарной «связки» батальонов, один из которых нес службу в колониях, а другой параллельно производил набор и обучение рекрутов в метрополии для смены батальона-близнеца за границей. При этом каждые несколько лет два «связанных» батальона менялись обязанностями.

Такой подход к построению армейской организации позволял в конечном итоге сократить общий срок нахождения солдат в строю и достигнуть баланса между их службой «дома» и за рубежом. Наряду с этим в каждом территориальном округе Великобритании армейский батальон и два батальона ополчения всегда будут готовы к активизации в военное время. В теории новая

¹ Ibid., p. 20

² Иностранное военное обозрение//Военный сборник, № 6, 1874, с. 144

³ Verner W. Op. cit., Vol. 2, p. 48

⁴ Ibid., pp. 49 – 50

локализация войск могла значительно облегчить мобилизацию всех вооруженных сил страны и поставить их в боевую готовность в кратчайшие сроки.

В целом эти изменения позволили в ближайшей перспективе повысить привлекательность армейской службы и сократить ее финансовые затраты. Если в 1868-1869 гг. расходы на армию¹ составили почти 17 млн ф. ст. при общей численности войск 518,099 чел.², то согласно сметам за 1873 – 1874 гг. состав вооруженных сил британской армии составил 525,696 всех чинов при затратах около 16 млн ф. ст.³. Однако этот момент имел свои значительные недостатки. В основном экономии средств удалось достигнуть за счет сокращения колониальных гарнизонов регулярной армии и увеличения численности ополчения, т. е. ценой уменьшения численности подготовленных военных кадров, находившихся на действующей службе. При этом теория баланса батальонов в целом не представляла собой прочной основы, создавая для армии дополнительные трудности в осуществлении обороны как метрополии, так и колоний. Особенно ярко это проявилось на рубеже 70 – 80 гг. XIX в., когда Англия вела активные боевые действия сразу в Азии и Африке, из-за чего не получалось эффективно подготавливать новобранцев к активной службе.

В это время британская армия провела серию военных кампаний против ашанти (1873 – 1874 гг.), зулусов (1879 г.), афганцев (1879 – 1881 гг.), буров (1880 – 1881 гг.) и египтян (1882 г.), которых вместе было достаточно, как отметил британский историк Д. Френч, чтобы «перетряхнуть» всю новую систему локализации. Согласно его исследованиям, в 1872 г. удалось достигнуть баланса между количеством батальонов в метрополии – 70 и за рубежом – 71, но к 1879 г. в Англии располагалось только 59, в то время как в колониях их было 82⁴. Из-за сравнительно больших людских потерь во время военных кампаний и специфики краткосрочной службы правительство считало более предпочтительным в

¹ Калькуляция производилась на основе численности британских и англо-индийских войск, ополчения, йоменри, волонтеров и резерва, а также средств, выделяемых на их содержание

² Army Estimates of Effective and non-effective services, for 1869 – 1870// Accounts and Papers, 1868 – 1869, Vol. 36, pp. 3, 40 – 41, 46, 45 – 47

³ Army Estimates of Effective and non-effective services, for 1873 – 1874// Accounts and Papers, 1873, Vol. 40, pp. 3, 7, 40 – 41, 46, 45 – 47

⁴ French D. Op. cit., p. 19

качестве подкреплений передислокацию батальонов из молодых рекрутов, что закономерно сказывалось на общей боеспособности английской армии. Российский военный агент генерал-майор А. П. Горлов в 1879 г. писал, что «при таком положении дел, армия не только стала слишком молодой и недостаточной физической силы, но также еще слишком мало обученной»¹. Данная проблема была связана с тем, что изначально, согласно представлениям Э. Кардвелла, армия как в метрополии, так и в колониях должна служить в первую очередь для обороны границ империи. Тем не менее изменившийся подход к проведению внешней политики и устремление ее вектора на широкую территориальную экспансию к концу 70-х гг. XIX в. показали, что новая военная структура не способна в должной мере удовлетворить подобные запросы.

Организация экспедиций в колониях выдвигала особые требования к подготовке войск, администрированию и снабжению действующей армии, а также к необходимости построения гибкой структуры военного управления, легко адаптирующейся под особые климатические и географические условия, в которых предстояло противостоять врагу, воюющему не по шаблонам европейской военной науки. Однако система попарно связанных батальонов на практике создавала серьезные проблемы при подготовке экспедиций.

Схема локализации Кардвелла изначально не подразумевала наличие в мирное время заранее скомплектованных корпусов или даже дивизий и опиралась именно на полковые традиции. Попытка изменить подобный уклад произошла в период правления торийской партии под руководством Б. Дизраэли (1874 – 1880 гг.). Военный министр от консерваторов Г. Гаторн-Харди в декабре 1875 г. утвердил мобилизационный план, по которому предписывалось формирование по территориальному принципу 8 корпусов из регулярных войск и отрядов ополчения общей численностью около 280 тыс. чел., расположенных непосредственно в Англии и Ирландии². Тем не менее, из-за специфики принятой Кардвеллом системы связанных попарно батальонов и их постоянной ротации

¹ РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1879, д. 1, л. 145/об.

² Иностранное военное обозрение//Военный сборник, № 3, 1876, с. 95 – 97, 107.

между метрополией и колониями подготовка различных тактических единиц мирного базирования и их сведение в более крупные оперативные подразделения имела четко выраженный импровизационный характер. Из-за этого войска и командующие ими офицеры нередко оказывались не в состоянии продемонстрировать на поле боя высокую степень боевой организации. Поэтому при отсутствии рабочего механизма развертывания вооруженных сил в колониальных конфликтах на основной план выходили именно личностные качества офицерского состава – в первую очередь умение быстро и грамотно адаптировать стратегию ведения войны под местные условия.

В то же время реформа по созданию боеспособного резерва набрала обороты лишь к началу XX в., ко времени второй Англо-бурской войны (1899 – 1902 гг.). Комментируя ее события, военный агент в Лондоне генерал-майор Н. С. Ермолов в донесении от 21 октября 1902 г. писал, что «реформы Кардвелла, введшие в английскую армию короткие сроки службы и учреждение резерва... только теперь принесли плоды, то есть дали Англии возможность предпринять и окончить бурскую войну»¹. Таким образом, главную задачу, а именно формирование эффективно действующего резерва в 70-80-е гг. XIX в., так и не удалось решить. В то же время большая часть военного контингента была сосредоточена в колониях, тем самым ставя под удар метрополию, а также создавая серьезные трудности при организации и передислокации войск во время военных конфликтов.

Наряду с изменением принципов комплектования, призыва на службу и системы локализации армейских подразделений Э. Кардвелл стремился сделать свой гражданский пост высшей, неоспоримой властью военной администрации. Для этого был принят Закон о Военном ведомстве (War Office Act) в апреле 1870 г.². Этот акт разделил администрацию армии на три огромных департамента – Военный (Military Department), Артиллерийский (Ordnance Department), Финансовый (Finance Department), руководители которых получили право

¹ Сергеев Е. Ю. Задачи Англии на Востоке. Донесения русского военного атташе в Лондоне Н. С. Ермолова// Исторический архив, № 1. 1995, с. 170 – 171

² Борисенко В. Н., Строганов А. В. Указ. соч., с. 136

представлять армию в парламенте. В соответствии с положениями этого акта Военное ведомство было подчинено Военному министру, а Верховный главнокомандующий становился его главным советником по всем военным вопросам¹. Помимо регулярной армии, герцогу Кембриджскому было поручено управление резервными войсками и ополчением, а также следующими отраслевыми департаментами: военного образования, медицинским и топографическим, из которых последний в конечном итоге стал разведывательным (Intelligence Department)², выполнявшим до начала XX в. фактически функции Генерального штаба.

В этот период в силу объективного возрастания сложности организации вооруженных сил появляется потребность применения научного подхода к управлению армией. В таких исторических обстоятельствах особое значение приобретает грамотное построение разведывательной деятельности, сбор и аккумуляция различных военно-статистических и топографических сведений для проектирования релевантных внешнеполитических инициатив, соотносимых с мобилизационными ресурсами и военно-промышленным потенциалом государства. Поэтому создание планирующего органа с высшей степенью компетенции в системе Военного министерства Великобритании приобретало в таких обстоятельствах первостепенное и исключительное значение.

Тем не менее, разведывательный департамент не обладал самостоятельностью и наделялся чисто исполнительными функциями – рекомендации, предложения и стратегические планы специалистов этого отдела были совершенно не обязательны для приведения в прямое исполнение представителями действующего правительства. По сути, до начала XX в. политики поздней викторианской эпохи совершенно не допускали прямого вмешательства армейских кругов в процесс разработки имперской стратегии, предоставляя им роль советников именно по военным вопросам ее имплементации. Поэтому многие последующие проблемы развертывания

¹ РГВИА ф. 401, оп. 4, 1882, д. 4, л. 11 – 19

² Там же, л. 17 – 17/об

английских экспедиционных сил в различных регионах осложнялись в том числе жестким подчинением всех армейских инстанций Военному министру в частности и соответственно кабинету министров в целом, имевшим зачастую поверхностное представление о ситуации на местах. Во многом это объясняется логикой исторического развития Великобритании и стремлением парламента через кабинет министров обеспечивать полный контроль над вооруженными силами страны.

Следом Э. Кардвелл начал обращать свое внимание на разработку плана по отмене многовековой практики покупки чинов в британской армии. Повышение профессионального стандарта в войсках настоятельно требовало такой меры, поскольку вопрос армейской реорганизации был связан с денежными интересами ее офицеров.

Для решения этой проблемы Кардвелл подготовил 10 октября 1870 г. Билль о регулировании армии (Army Regulation Bill)¹. Затем 30 октября 1871 г. был издан Королевский указ с изложением новой системы продвижения по службе, основанной на принципах старшинства и заслуг. Низшие офицерские звания корнета и прапорщика были упразднены, и получение должности лейтенанта были сделано на основе конкурсных физических и умственных испытаний. Полковые командиры и подполковники отбирались на основе профессиональных заслуг, и все вакансии ниже этого ранга заполнялись квалифицированными военными специалистами. Но когда офицер достигал звания генерал-майора, уходил в отставку или умирал, вакансия занималась на основе исключительно профессионального отбора². Следовательно, офицеры больше не могли заключать тайные финансовые сделки для продвижения по военной службе.

Говоря об офицерском корпусе, следует отметить, что во второй половине XIX в. главным принципом поступления в него оставалось владение недвижимостью и титулом. Тем не менее, для представителей других социальных групп, которые не обладали титулом, наличие высокого дохода и земельной

¹ Борисенко В. Н., Строганов А. В. Указ. соч., с. 137

² Dubps D. Op. cit., p. 89

собственности являлось обязательным требованием для вступления в офицерский корпус. По сути, наличие офицерского звания для представителя среднего класса было одним из немногочисленных способов, который позволял закрепить свое новое социальное положение. Поэтому успешная военная карьера в сочетании с гражданской и политической деятельностью рассматривалась в обществе как один из вариантов, позволявших получить пэрский титул. Так, например, сэр Гарнет Уолсли, после триумфального завершения Египетской кампании 1882 г., получил титул пэра и стал именоваться сэр Гарнет Уолсли «Каирский».

При изучении работ зарубежных исследователей, например Дж. Бейтмана¹, можно отметить, что аристократия в конце XIX в. была лишь небольшой частью офицерского корпуса, большую же часть высших армейских чинов представляли выходцы из других социальных групп. По его данным, из 6 тыс. офицеров только 554 были пэрами и крупными джентри. Однако согласно исследованиям П. Рэзела², период 1830 – 1912 гг. выделяется все-таки значительным преобладанием дворянства среди генералитета. Генералитет британской армии был представлен следующим соотношением на 1830 г.: 57% – аристократия, 2% – джентри, 11% – средний класс. Но к началу XX в. ситуация изменяется. Так, к 1912 г. состав был уже следующий: 24% офицерства было представлено аристократией, 40% – джентри, 36% – средний класс. Исходя из этих данных можно констатировать, что процент привилегированного класса среди высших армейских чинов заметно сократился, однако дворянство по-прежнему в начале XX в. занимало лидирующее положение на высших командных должностях.

Что касается колониальной армии, то социальная прослойка офицеров британских доминионов имела ряд существенных отличий. К примеру, офицеры индийской армии были в основном представителями британского среднего класса, лишённого аристократического престижа, который был характерен для гвардейских полков и кавалерийских формирований в метрополии³. Для офицеров небогатого происхождения, которые не обладали высоким личным

¹ Bateman J. Op. cit., p. 36

² Rezzell P. E. Op. cit., p. 253

³ Егоров К. Б. Указ. соч., с. 142 – 144

доходом и не были удовлетворены полковым денежным жалованьем в Британии, колонии стали местом притяжения их интересов.

Л. Ген и П. Дайгнен¹ исследовали социальный состав офицеров трех наиболее престижных африканских формирований: полка Королевских Африканских стрелков, полка британского Южно-Африканского ополчения и полка Западноафриканских пограничников. Изучив карьеру представителей высшего командного состава этих полков, ученые пришли к выводу, что все они являлись выходцами из среднего класса. Отцы этих офицеров были представителями церковной иерархии, военной элиты, других профессиональных категорий и групп.

В итоге можно сделать вывод, что основной опорой колониальной системы в разных частях Британской империи выступали офицеры неаристократического происхождения, выходцы из среднего класса. Желание освободиться от доминирующего влияния офицерско-джентльменской традиции британской регулярной армии, стремление укрепить и повысить материальное и социальное положение явились важными факторами заинтересованности представителей среднего класса в колониях.

Отмена системы покупок чинов стала важным достижением, т. к. с ее помощью Военный министр впервые в британской истории взял на себя полную ответственность за организацию и управление армией. Премьер-министр всячески хвалил Кардвелла. В газете «Таймс» приводилась цитата У. Гладстона: «...Смею утверждать, что ни один человек, который когда-либо занимал государственные должности с момента создания Военного ведомства, не сделал так много для преобразования и повышения эффективности нашей армии»².

Изменения социальной природы офицерства британской армии, а также повышение уровня ее профессионального стандарта произошли в том числе благодаря реформированию системы военного образования, для улучшения которой Э. Кардвелл предпринял необходимые шаги.

¹ Gann L.H. and Duignan P. The Rulers of British Africa 1870-1914. California, 1978, p. 73

² Times, 30 October 1871

Ситуацию с военным образованием в Великобритании, которая сложилась к началу либеральных реформ, хорошо характеризуют слова генерал-майора Н. А. Новицкого: «Общее воспитание в стране тесно связано с уровнем образования в войске»¹. Поэтому еще до назначения Э. Кардвелла в 1868 г. Военное министерство решило назначить комитет для «исследования настоящего состояния средств и системы образования в войсках»². После почти двух лет сбора информации комитет представил свой отчет в парламент 1 февраля 1870 г. В этом докладе Королевская комиссия рекомендовала учредить пост Главного директора по военному образованию для содействия столь необходимой программе обучения обер- и унтер-офицеров. Учитывая эти рекомендации, Кардвелл упразднил неактивный Совет по военному образованию 31 марта 1870 г. и создал кабинет Главного директора военно-учетной части в армии, которому принадлежало «главное начальство над всеми вопросами, касающимися войсковых школ и распространения просвещения в Англии»³.

До начала реформ в сфере военного образования большинство офицеров получали профессиональные знания в Королевской военной академии в Вулвиче (Royal Military Academy), где готовили специалистов артиллерийских и инженерных родов войск, и в Королевском военном колледже в Сэндхерсте (Royal Military College), где обучали офицеров пехоты. Однако стоимость обучения в них была крайне высокой, из-за чего офицерский корпус продолжал оставаться преимущественно аристократическим. Также прежняя система продвижения по службе за счет приобретения званий в британской армии создала в обществе убеждение, что учеба в колледже является потерей 2 лет военной службы и возможности продвижения по карьерной лестнице⁴. Как отмечал в своем дневнике лорд Кимберли: «Дело в том, что не было настоящего духа профессионализма среди офицеров. Они ничего не знают о военной науке и соответственно презирают ее; и образованные ученые люди соответственно

¹ РГВИА, ф. 431, оп. 1, 1869, д. 39, л. 259

² Там же, л. 259

³ Там же, 1872, д. 44, л. 21/об. – 22

⁴ Шендыгаев Д. И. Указ. соч., с. 162 – 164

презирают их и избегают военной профессии»¹. Поэтому вскоре по инициативе Кардвелла начали появляться новые школы для армейских офицеров и солдат в различных военных округах по всей стране.

Начиная обучение 1 сентября 1870 г., эти школы предлагали курсы по военному делу, юриспруденции, полевым укреплениям и разведке. Совместно с этими школами были также созданы справочные библиотеки для поощрения индивидуального изучения военных предметов². Согласно отчету военного агента полковника П. И. Кутайсова: «В настоящее время, в каждом полку кавалерии и батальонах пехоты и в соответствующих частях, существуют для образования унтер-офицеров, солдат и их частей полковые школы. При каждой школе имеются школьный учитель и учительница, в помощь которым назначаются помощники и помощницы»³. В военно-учетном отношении Великобритания подразделялась на 9 округов, а Ирландия на 3. Округами заведовали суд-инспекторы, в обязанности которых входила экзаменация учеников в каждой полковой школе их округа. В отдельных колониях, где базировалось большее количество войск, суд-инспекторы назначались из числа офицеров местного военного гарнизона⁴.

Подводя итоги армейских реформ в сфере военного образования, полковник П. И. Кутайсов писал следующее: «Из всего вышесказанного видно, что нижним чинам, находившимся на службе, было представлено достаточно случаев для приобретения полезного и разумного образования. Однако следует заметить, что, несмотря на это, школы давали до сих пор далеко не удовлетворительные результаты и не вознаграждали те издержки, которые имело из-за них Правительство»⁵. Также критике существующую систему подготовки офицерских кадров подвергал полковник Дж. Хендерсон – ветеран многочисленных войн, который с 1890 г. являлся инструктором по тактике и военному праву в Сэндхерсте. В своей работе «Наука войны» он отмечал, что в одном и том же

¹ The Journal of John Wodehouse, first Earl of Kimberley, p. 263

² Dubps D. Op. cit., p. 114

³ РГВИА, ф. 431, оп. 1, 1872, д. 44, л. 21/об

⁴ Там же, л. 22/об

⁵ Там же, л. 27/об – 28

полевом штабе один офицер мог пройти через Штабной колледж (Staff College), другой проходил обучение в Индии, третий – в Египте, и у каждого могли быть разные идеи о военной организации, тактике, важности приказов и формы, в которой они должны быть изложены. Поэтому, с его точки зрения, ряд поражений британской армии в ходе экспансии на рубеже 70 – 80-х гг. XIX в. обусловлен «скверной работой офицерского персонала»¹. Тем не менее, по мнению британского военного историка Э. Спирза, благодаря мерам либерального правительства произошло заметное улучшение образовательных стандартов. Доля рядовых солдат, владеющих сертификатом третьего класса образования, выросла почти на 30% в период 1870 – 1896 гг., вследствие чего безграмотность в виде неспособности читать и писать свое собственное имя резко сократилась. К 1860 г. этой проблемой страдало 90% военных чинов, а к концу XIX в. реформа образования привела фактически к ликвидации безграмотности в армии².

Таким образом, как и ряд других армейских реформ, комплекс мер Э. Кардвелла (отмена покупок чинов и введение новых образовательных стандартов в армии. – А. А.) оценить однозначно невозможно. С одной стороны, он способствовал повышению профессионализма в британских войсках и обеспечил возможность продвижения по службе неаристократических слоев общества, что ранее было чрезвычайно затруднительно. С другой – разница в качестве образования не обеспечивала единообразия в системе подготовки командных и унтер-офицерских чинов в армии, а отмена патентов долгое время не оказывала существенного влияния на классовый состав офицерского корпуса и способствовала развитию принципа «фаворитизма», в рамках которого офицеры на командных постах нередко их получали благодаря личным симпатиям наиболее влиятельных представителей военной иерархии (к примеру, «Ашантийский круг» Уолсли. – А. А.).

В целом реформы Э. Кардвелла в должности Военного министра имели довольно прогрессивный характер и позволили существенно изменить

¹ Henderson G. F. R. The Science of War: A Collection of Essays and Lectures 1892 – 1903. L., p. 400

² Spiers E. M. The Late Victorian army..., p. 102

привычный принцип формирования и комплектования британской армии, заметно увеличить эффективность системы национальной обороны империи. Однако в некоторых аспектах преобразовательных мер со временем стали очевидны определенные недостатки.

Во-первых, сократившийся срок службы негативно отразился на системе подготовки войск. Согласно исследованиям британского историка А. Такера, мало кто из солдат проходил жесткую практическую подготовку в военных школах. Почти весь опыт приобретался в полку¹.

Во многом это обусловлено спецификой службы в колониях, передислокация в которые занимала довольно продолжительный период нахождения в армии. Данный фактор оказывал негативное влияние на ход колониальных конфликтов. Например, в конце 70-х гг. XIX в. Англия была вынуждена воевать на двух разных континентах, в связи с чем подготовка рекрутов была практически минимальной. Комментируя события второй Англо-афганской войны (1878 – 1881 гг.), военный агент генерал-майор Горлов сообщал из Лондона: «Команда в 300 человек рекрутов, высланная в последнее время для поддержания войск в Афганистане, была очень слабо обучена, и люди вовсе не были обучены стрельбе боевыми патронами»². Таким образом, новая система локализации полков не устраняла привычных проблем колониальной армии, по-прежнему создавая серьезные трудности для английских властей в организации и администрировании различных военных экспедиций.

Во-вторых, реформы армии не устранили и следующий серьезный недостаток: в должности Верховного главнокомандующего армией оставался герцог Кембриджский, который до своей отставки в 1895 г. по причине «возраста и немощи» препятствовал прогрессивным изменениям в армии³. Таким образом, через герцога корона продолжала в значительной мере контролировать армию и лоббировать свои интересы.

¹ Tucker A. V. Op. cit., p. 140

² РГВИА, ф. 401, оп. 3, д. 1, л. 22/об – 23

³ Борисенко В. Н., Строганов А. В. Указ. соч., с. 142

В-третьих, в результате реформы армии офицерский корпус, несмотря на увеличение представителей других слоев общества, в целом в социальном отношении не подвергся большим изменениям, особенно в вопросе высших командных должностей. Как отмечает Т. Н. Гелла, небольшое жалование и в то же время высокий уровень жизни, дорогое обмундирование и полковые традиции выступали гарантиями того, что офицерский корпус в конце XIX столетия и к началу Первой мировой войны пополнялся из тех же классов британского общества, что и в 1870 г.¹

В-четвертых, реформы Э. Кардвелла не устранили процесса бюрократизации британской армии, а наоборот, полностью его кристаллизовали за счет полного подчинения всех армейских структур, в том числе органа военно-стратегического планирования (Intelligence Department), ведомству Военного министра, что впоследствии на практике порождало комплекс противоречий, который сказывался на ходе различных кампаний.

Но, несмотря на противоречивость итогов, реформы армии Э. Кардвелла продолжили свое существование даже после смены либерального правительства в 1874 г. и послужили основой для последующих преобразований в военной системе Великобритании. В результате вышеупомянутых улучшений, вместе с организационными и административными реформами, британская армия стала прочной основой для дальнейшего укрепления могущества Англии в проведении активной колониальной экспансии, что ярко демонстрируют события последующей Англо-ашантийской войны (1873-1874 гг.).

1.2. Англо-ашантийская война (1873 – 1874 гг.)

Первым значимым испытанием для новой армейской системы Великобритании стала Англо-ашантийская война (1873 – 1874 гг.), победу в которой современники приравнивали к триумфу британского оружия в битве при Ватерлоо². Либералы в это время в большинстве своем придерживались

¹ Гелла Т. Н. К вопросу о роли политиков в развязывании колониальных войн..., с. 418

² Lehmann J. Op. cit., p. 204

умеренных позиций, когда речь заходила о приобретении новых территорий и проведении широкой колониальной экспансии. Но, как подчеркивает Т. Н. Гелла, когда события в том или ином регионе Африканского континента непосредственно угрожали «британским интересам», то либералы не менее рьяно, чем консерваторы, бросались на их защиту, пренебрегая рассуждениями о своем «миролюбии»¹. В это время западноафриканская политика кабинета У. Гладстона особенно привлекала внимание британской общественности. Как отмечали российские представители в Лондоне, «союз ашантийских племен на протяжении всего XIX в. был той реальной силой, которая препятствовала английской экспансии на Золотом Берегу»².

К 70-м гг. XIX в. Великобритания уже имела четыре колонии на Гвинейском побережье – Гамбию, Сьерре-Леоне, Золотой Берег и Лагос, оборот английской торговли с которыми превышал 1 млн ф. ст.³. Однако британские владения находились далеко друг от друга и прочной связи между ними не было. Историк У. Макинтайр довольно точно отметил, что к этому времени западноафриканские поселения Англии представляли собой британскую колониальную историю в миниатюре⁴. Имперские форты и колонии перемежались с голландскими, однако к 70-х гг. англичане стали их активно скупать для увеличения своего экономического влияния в регионе, особенно на Золотом Берегу.

Согласно сведениям Морского Министерства России, за период 1870 – 1873 гг. наблюдается постепенный рост импортного и экспортного потоков торговли между Англией и Золотым Берегом. Среднестатистическое значение этих показателей составляло 368,431 ф. ст. и 441,430 ф. ст. соответственно, что на практике давало стабильно положительное сальдо⁵. При этом постоянный доход в британскую казну также обеспечивали налоговые поступления с колонии,

¹ Айзенштат М. П., Гелла Т. Н. Указ. соч., с. 144

² Цит. по: Гелла Т. Н. Российские дипломаты об имперской политике Великобритании..., с. 28

³ Парфенов И. Д. Указ. соч., с. 126

⁴ McIntyre W.D. British Policy in West Africa..., p. 20

⁵ РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4048, л. 50

достигшие в 1871 г. отметки 38,000 ф.ст.¹. Таким образом, Западная Африка представляла для Великобритании большой экономической интерес, однако история взаимоотношений английской короны с Золотым Берегом была довольно непростой.

Колония населялась различными племенами, самыми крупными по численности из них были фанты и ашанти, которые издавна вели противостояние друг с другом. Ашанти – это группа племен, говорящих на языке чви и проживающих на северо-западе Золотого Берега. В донесениях к канцлеру Российской империи А. П. Горчакову посол Ф. И. Бруннов из Лондона сообщал, что они «занимают относительно компактную и крупную площадь под властью династии, которая уже господствовала здесь в течение нескольких поколений»². Государственное объединение Ашанти представляло собой сильный военный союз, который благодаря широкой экономической и территориальной экспансии к концу XVIII в., контролировал область, намного большую, чем современная Гана.

Завоеванные народы обращались в рабство и использовались не только в качестве источника рабочей силы и доходов от работорговли, но и для человеческих жертвоприношений, которые практиковались в местных религиозных культах. Поэтому сама суть экономико-хозяйственного уклада и государственного устройства Ашантийского королевства претила представлениям викторианцев о «цивилизованности», в основе которой лежали христианские ценности и теория фритредерства – свободной беспрепятственной торговли. Неудивительно, что Британская империя на протяжении всего XIX в. активно выступала против союза племен Ашанти с целью укрепления своих позиций в Западной Африке, аргументируя это необходимостью «освободить самих ашантийцев от жестокого и кровожадного деспотизма». «Монархия падет с ее политикой войны, но население останется и будет развивать золотые ресурсы страны», – писал британский корреспондент газеты «Таймс» Винвуд Рид, – «В то

¹ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1873 г., д. 67, л. 341

² Там же, л. 332/об.

же время будет устранен барьер для торговли, и мусульманские племена Севера устремятся к побережью с хлопком и золотом»¹.

Англо-ашантийские взаимоотношения стали заметно ухудшаться в начале 70-х гг., когда Британия приобрела у голландцев форт Эльмина, остававшийся для Ашанти единственным выходом к морю. Голландские колониальные власти регулярно вносили арендную плату ашантийскому королю за земельные участки, на которых находились форты, британцы же после их покупки платежи прекратили². Российский посол в Лондоне Ф. И. Бруннов отмечал, что вскоре английские власти приняли жесткие меры по регулированию торговли и введению более строгой системы в таможенных и тарифных вопросах, «которая не преминула оскорбить местные народы в их коммерческих интересах, похоронив для них всякую возможность пользоваться портами, которые были открыты для их пользования под голландским правлением»³.

Потеря Эльмины и прекращение выплат за использование территории очень болезненно были восприняты ашантийцами, и фактически эти события стали причиной для агрессивных действий с их стороны. В своем донесении от 12 сентября 1873 г.⁴ российский посол Ф. И. Бруннов упоминал, что переговоры между королем Ашанти и английским губернатором колоний Золотого Берега не привели к желаемому результату, и «вскоре произошел открытый разрыв – ашантийцы вторглись на территории, подвластные британской короне». В декабре 1872 г. король Ашанти Кофи Каликали отправил из Кумасси армию в 40 тыс. чел. для вторжения на территорию британского протектората. В январе следующего года войска пересекли р. Праасу (далее Праа. – А. А.) и оттуда двинулись на подвластные Англии земли⁵.

Последующие события Англо-ашантийской войны (1873 – 1874 гг.) можно условно разделить на 3 этапа: 1) 13 июня 1873 г. (бомбардировка Эльмины британскими войсками) – 13 сентября 1873 г. (прибытие генерала Уолсли в

¹ Reade W. The Story of the Ashantee Campaign. L., 1874, p.

² Гелла Т. Н. К вопросу о роли политиков..., с. 420

³ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1873, д. 67, л. 332

⁴ Там же, л. 333

⁵ Crooks J. J. Records Relating to the Gold Coast Settlements from 1750 to 1874, pp. 430 – 431

качестве главнокомандующего войсками Золотого Берега); 2) 14 октября 1873 г. (рейд на деревню Эссаман) – 27 декабря 1873 г. (высадка основных экспедиционных сил для вторжения на территорию Ашанти); 1 января 1874 г. (начало полномасштабного наступления англичан) – 13 февраля 1874 г. (подписание мирного договора с Ашанти).

Ашанти имели военную организацию, схожую с европейскими странами эпохи раннего Нового времени, в которых проходил постепенный процесс трансформации войск феодального типа в регулярную армию. Вооруженные силы страны делились по территориальному принципу: во главе отдельно взятого округа стоял вождь, выполнявший командные функции и имевший право в случае военных нужд мобилизовывать все боеспособное мужское население. Основным видом вооружения являлись дульнозарядные кремневые мушкеты, применявшиеся в линейном построении посредством ведения залпового огня. Тем не менее, основная тактика боя Ашанти подразумевала сочетание холодного и огнестрельного оружия: противника заманивали в тропические заросли буша, после чего производилась серия залпов из мушкетов, затем совершались многочисленные атаки холодным оружием по флангам неприятеля с целью его полного окружения¹. Применяя подобную тактику, ашантийцы одержали ряд побед над войсками фанти, которых активно поддерживали британские колониальные власти. В апреле 1873 г. в битве у форта Дунква Ашанти полностью разгромили своего традиционного соперника и направились в сторону Кейп-Коста², чем сильно озадачили политические круги в Лондоне.

В начале мая 1873 г. западноафриканские события стали предметом обсуждения в английском парламенте. Как показывает анализ различных источников, изначально либеральное правительство У. Гладстона всячески стремилось избежать серьезного военного вмешательства в дела Золотого Берега, придерживаясь политики, в рамках которой колонисты и туземцы были обязаны самостоятельно обеспечивать свою безопасность³. Такая позиция мотивирована

¹ Edgerton R. B. The Fall of the Asante Empire: The Hundred-Year War for Africa's Gold Coast. L., 2002, pp. 52 – 55

² Colonel Harley the Earl of Kimberley, 16 April 1873//BPP, C. 890, No. 5, p. 21

³ HPD, 3rd series, Vol. 215, 1873, pp. 1394 – 1395

тем, что предыдущие карательные экспедиции против Ашанти в 1823 г. и 1863–1864 гг. заканчивались неудачей, и Колониальное ведомство не желало отправлять британские войска на Золотой Берег даже после того, как территория протектората подверглась прямому вторжению.

После долгих и острых дискуссий по этому поводу представители парламента предпочли оказать незначительную поддержку колониальным властям на Золотом Берегу, которая заключалась в поставках оружия и перебросе скромного военного контингента. В письме к полковнику Роберту Харли, главному администратору западноафриканских поселений, лорд Кимберли заверял, что договорился с Военным министром об отправлении на Золотой Берег 4 рот Вест-Индийского пехотного полка с полным офицерским штатом¹. Выступая в палате лордов 20 мая 1873 г., Министр колоний заявил, что правительство приняло решение направить в английские владения в Западной Африке дополнительно около 100 чел. – 50 морских пехотинцев и 50 морских артиллеристов² под командованием подполковника Королевской морской артиллерии Френсиса Фестинга. Их сопровождал английский боевой корабль «Барракуда» во главе с капитаном Эдмундом Р. Фримантлом, которого назначили старшим офицером военно-морского флота на Золотом Берегу³. При этом британские власти изначально заявляли, что войска отправляют не для того, чтобы «организовывать экспедицию, но чтобы они могли оказать помощь в удержании фортов и защите прибрежных городов»⁴.

К началу июня 1873 г. ситуация заметно обостряется. Ашанти, вместо того чтобы направиться прямо к Кейп-Косту, стали двигаться по направлению к Эльмине, где местное население издавна симпатизировало ашантийцам⁵. Такой поворот событий сильно обеспокоил колониальные власти, т. к. появлялся риск утраты важного прибрежного форта. В результате полковник Харли, по совету капитана Фримантла, отдал приказ о разоружении местного населения, чтобы

¹ The Earl of Kimberley to Colonel Harley, 12 May 1873//BPP, C. 890, No. 9, p. 28

² Гелла Т.Н. К вопросу о роли политиков..., с. 421

³ Clowes W.L. The Royal Navy, a History from the Earliest Times to the Present, Vol. 7. L., p. 251

⁴ Цит. по: Айзенштат М. П., Гелла Т. Н. Указ. соч., с. 151

⁵ Snape T. Ashantee War: Its Causes and Effects. L., 1874, p. 21

предотвратить восстание¹. Получив отказ, он принимает решение нанести превентивный удар и атаковать восставших в Эльмине и окруживших город ашантийцев². 12 июня в Эльмине вводится официально военное положение³, а на следующий день начинается полноценная военная операция. Стоит отметить, что процесс ее реализации являлся наглядной иллюстрацией противоречий, сложившихся в военной системе Великобритании, которая в этой кампании, по сути, была соподчинена Колониальному ведомству.

Капитан Фримантл писал в автобиографии, что, пытаясь предпринять более решительные действия по устранению угрозы со стороны Ашанти, английским командующим в значительной степени мешали вверенные им ранее инструкции. Согласно этим вводным – главной целью операций была обозначена защита фортов, но при этом войскам запрещалось участвовать в активных боевых действиях за их пределами⁴. Тем не менее, британские военные решили пренебречь предписаниями Колониального ведомства и вынужденно пошли на довольно радикальные меры для борьбы с противником, вплоть до полного уничтожения прибрежных городов.

Здесь необходимо пояснить, что Эльмина состояла из двух частей. Сам город находился на узком полуострове между р. Бейра и морем. На восточной стороне этого полуострова стоял форт, отделенный только проезжей частью и рвом от основного города. План заключался в том, чтобы атаковать Эльмину с нескольких позиций и отрезать пути отхода ашантийцам и их союзникам в городе. Для этого подполковник Фестинг с отрядом численностью в 50 морских пехотинцев отправился ночью в Эльмину, чтобы укрепить лояльный гарнизон форта, где располагались туземные отряды из племен гаусса, и Вест-Индского полка численностью около 300 чел. В то же время днем капитан Фримантл обязался с моря войти на р. Бейра с укомплектованными и вооруженными

¹ Fremantle E.D. Op. cit., p. 191

² Clowes W. L. Op. cit., Vol. 7, p.252

³ Crooks J. J. Records Relating to the Gold Coast Settlements from 1750 to 1874, p. 444 – 445

⁴ Fremantle E. D. Op. cit., pp. 192 – 193

лодками, чтобы высадить отряд морских пехотинцев в западной части полуострова для окружения города¹.

В результате 13 июня в полдень началась бомбардировка Эльмины как с канонерских лодок, так и с прибрежного форта. Подполковник Фестинг в своем отчете писал: «Желая дать людям возможность проявить лояльность и подчиниться нашим приказам, мы дали им полчаса, и к полудню оружие сдано не было, после чего мы открыли огонь по всему городу, чтобы поджечь его»². Через 10 минут после начала атаки Эльмина загорелась в нескольких местах, и туземцы стали спешно покидать город, пытаясь скрыться в лесах, где их активно преследовали Фестинг и Фримантл с морской бригадой, высадившейся ранее по утвержденному плану. В это же время катера продолжали бомбардировку Эльмины, а пехотинцы с факелами завершили ее уничтожение³. Победа британцев в битве за Эльмину произвела большое впечатление на Ашанти, и они начали спешно отступать, однако сил, находившихся в распоряжении англичан, хватило лишь для того, чтобы удержать форты на побережье, а ашантийцы продолжали до сентября 1873 г. угрожать британским владениям в Западной Африке.

После сражения близ Эльмины 13 июня 1873 г. либералы решили провести более решительную политику и стали готовить полноценную военную экспедицию. Как отмечал лорд Кимберли, пришедшие вести о бомбардировке Эльмины «положат конец миру и покою несчастного Колониального ведомства»⁴. С этого момента Министр колоний становится сторонником предоставления более реальной помощи колониальным властям в борьбе против Ашанти. По его мнению, было необходимо освободить территорию протектората от ашантийцев, если даже последние и не предпринимали активных действий⁵. Впоследствии он оказывал непосредственное давление на членов Военного министерства в вопросе подготовки карательной экспедиции. На совещании 14 июля 1873 г.

¹ Ibid., p. 193

² Colonel Harley to the Earl of Kimberley, 23 June 1873// BPP, C. 890, Enclosure 1, in No. 116, pp. 185

³ Clowes W. L. Op. cit., Vol.7, p. 253 – 254

⁴ The Journal of John Wodehouse, first Earl of Kimberley, p. 279

⁵ Гелла Т. Н. К вопросу о роли политиков..., с. 422

представителей Военного и Колониального ведомств было принято решение «послать около 200 моряков» и иметь один из полков в Англии, «готовый выступить, если будет необходимо»¹.

В конце июля – начале августа у руководителей обоих ведомств была уже готова кандидатура командующего английской экспедицией – капитан военно-морского флота Джон Хоули Гловер, с 1863 г. занимавший пост администратора Лагоса². К этому моменту он успел себя зарекомендовать в качестве умелого военного организатора, который на месте сформировал эффективные боевые подразделения из туземных племен гаусса, что позволило подавить местные очаги работорговли и вскоре вывести из Лагоса гарнизон британских войск³. Также он один из немногих британских офицеров, имевших до этого положительный опыт вооруженных столкновений с ашантийскими племенами⁴. Такой человек и требовался британскому руководству, т. к. либеральное правительство стремилось минимизировать расходы и как можно меньше задействовать европейские войска при организации карательной экспедиции. Поэтому в конце июля 1873 г. капитан Гловер был приглашен в Англию для обсуждения деталей будущей кампании.

По задумке администратора Лагоса, следовало провести кампанию в два этапа. Он планировал: 1) организовать племена восточного округа Британского протектората для нападения с фланга в тыл оккупационных сил Ашанти; 2) параллельно собрать туземные войска на р. Праа в Западном Акиме⁵ для угрозы ашантийской столице Кумасси с целью вынудить неприятеля ослабить свою хватку на Кейп-Кост и его ближайшие окрестности. По мнению капитана Гловера, это позволило бы на первое время сформировать передовые отряды против Ашанти, чтобы вывести их войска с территории британского протектората за пределы р. Праа⁶. 2 августа 1873 г. на заседании кабинета министров вопрос об экспедиции Гловера был решен положительно, впоследствии он писал, что «мое

¹ The Journal of John Wodehouse, first Earl of Kimberley, p. 279

² Ibid., p. 281

³ McIntyre W. D. Glover and Lagos..., p. 69

⁴ Captain Glover to the Earl of Kimberley, 30 July 1873// BPP, C. 891, No. 8, p. 14

⁵ Аким – это государство, располагавшееся к юго-востоку от королевства Ашанти

⁶ Glover E. Op. cit., p. 152

предложение принято и мне полностью доверяют; я должен был выбрать свой собственный офицерский штат... и каждая деталь экспедиции будет составлена на мое усмотрение»¹.

К этому проекту 6 августа 1873 г. капитан Гловер добавил расширенный план наступательных действий с целью вторжения в ашантийские владения. В качестве основной операционной линии им предлагалось использовать маршрут вдоль течения р. Вольта, чтобы обеспечить экспедицию активной поддержкой британского флота. Для этого он намеревался: 1) использовать город Адда-Фо на побережье океана, в устье Вольты, в качестве главной базы-депо, чтобы сформировать три наступательные колонны из 10 тыс. туземцев под командованием европейских офицеров; 2) создать второе депо-базу в окрестностях Кпонга для последующих операций на Верхней Вольте; 3) разместить на р. Вольта три паровых катера с лодочной флотилией и пароходом; 4) вооружить тысячу чел. из каждой дивизии дульнозарядной винтовкой Энфилда, остальных – капсюльными ружьями; 5) запросить четыре 7-фунтовых орудия, зажигательные установки и два пулемета Гатлинга для защиты обеих баз-депо².

Стоит отметить, что, несмотря на утверждение кандидатуры капитана Гловера Военным министерством, все же операция планировалась под патронажем Колониального ведомства, поэтому в проекте предполагаемой кампании не упоминается необходимость широкого применения английских войск, а боевые действия, по сути, ограничивались изгнанием Ашанти с территории Британского протектората и лишь «угрозой» в сторону столицы Кумасси, которая вполне могла иметь демонстративный характер. Тем не менее, вскоре кабинет министров был вынужден кардинально пересмотреть свою позицию из-за конфликта между колониальной администрацией Золотого Берега и военными кругами.

Наряду с капитаном Гловером свой меморандум о военных мерах в отношении сложившейся ситуации в Западной Африке 19 августа 1873 г.

¹ Ibid., p. 153

² Captain Glover to the Earl of Kimberley, 6 August 1873// BPP, C. 891, No .19, pp. 33 – 34

подготовил и администратор колонии полковник Харли. Данный документ представляет интерес для изучения позиции колониальных властей и их оценки количества ресурсов и средств, необходимых для выполнения поставленной задачи, а также полного несоответствия предлагаемых мер реальному положению вещей. Так, полковник Харли намеревался организовать «неожиданное» наступление на Кумасси, до которого «можно будет добраться от Кейп-Коста неторопливым маршем за десять дней». По его расчетам, для выполнения этой операции потребуется, помимо уже располагавшихся британских войск на Золотом Берегу, английский стрелковый батальон составом не менее 800 чел. с полным офицерским штатом, а также туземная армия, организованная из местных племен, численностью в 10 тыс. чел.¹.

С резкой критикой этого плана выступил подполковник Фестинг, который довольно аргументированно изложил свою позицию в письме от 20 августа 1873 г. Он отмечал, что предложенный полковником Харли 10-дневный марш на самом деле «не может быть проведен быстрее чем за месяц, даже если он не встретит сопротивления». При этом администратор Золотого Берега совершенно не учел, что до сих пор подобные операции против Ашанти были «не только безуспешными, но и катастрофическими: дивизии не встречали врага, а потери от болезней становились ужасающими». Также подполковник Фестинг считал невозможным произвести нападение «неожиданно» и подчеркивал, что для успешного наступления на Кумасси предложенная полковником Харли численность войск совершенно «неадекватна»: «Я предполагаю, что нам будет оказано сопротивление и, как пояснялось ранее, склады должны формироваться во время марша, каждый из которых будет занят гарнизоном, достаточно сильным, чтобы защищать его, патрулировать местность и обеспечивать сопровождение провизии к войскам... Поэтому я самым решительным образом осуждаю любые планы, которые дали бы возможность небольшой группе изможденных солдат прибыть к Кумасси. Нам не только необходимо добраться до

¹ Administrator Harley to the Earl of Kimberley, 19 August 1873// BPP, C. 891, No. 131, pp. 179 – 181

этого места, но, я считаю, важно прибыть туда с такой силой, чтобы поразить Ашанти мощью и ресурсами Англии»¹.

Влияние этой записки на мнение английского руководства относительно ситуации на Золотому Берегу имело решающий характер. Во-первых, стало очевидно, что силами местного ополчения и небольшой группировки колониальных войск полностью избавить Англию от проблем с Ашанти было чрезвычайно проблематично. Во-вторых, масштабная кампания требовала более значительных финансовых затрат, а также ставило под угрозу здоровье солдат, непривыкших к тяжелому западноафриканскому климату. В-третьих, пришло осознание, что местные колониальные власти не отдавали себе полностью отчет о происходивших событиях на Золотом Берегу и мерах, необходимых для решения сложившихся проблем.

К этому времени Э. Кардвелл, предвосхитив конфликт военных и гражданских служб, обратился к полковнику Г. Уолсли с просьбой составить пояснительную записку о необходимых мерах для подавления сопротивления Ашанти, которую Военный министр впоследствии переслал лорду Кимберли². Первая часть плана Уолсли в целом не отличалась от изначального замысла Гловера. Он предложил немедленно отправить группу специально отобранных офицеров под своим начальством, чтобы исследовать силу британского гарнизона в Кейп-Косте. В их последующую задачу входил сбор армии из туземцев, чтобы силой заставить Ашанти вернуться на свою территорию обратно через р. Праа. Но при этом Уолсли указывал, что в операциях в любом случае придется задействовать два армейских батальона из Англии. После этого он планировал поручить местным жителям строительство дороги к р. Праа с регулярными остановочными пунктами вдоль всего маршрута, чтобы обезопасить здоровье британских солдат для решающего наступления в сторону Кумасси³.

Несмотря на предыдущие заявления лорда Кимберли о полном доверии капитану Гловеру, все же Министр колоний выражал опасения, что дела в Лагосе

¹ Lieut.-Col. F. W. Festing to Colonel Harley, 20 August 1873// Ibid., No. 150, Incl. 1, pp. 202 – 203

² Biddulph R., Op. cit., p. 221

³ Kochanski H. Op. cit., pp. 61 – 62; Wolseley G. Op. cit., Vol. 2, pp. 262 – 263

не позволят главнокомандующему английской экспедиции прочно закрепиться на Золотом Берегу¹. К тому же администратору Лагоса было свойственно в определенной мере самоуправство, поэтому должностные лица в Колониальном ведомстве ранее неоднократно возмущались по поводу полного им «игнорирования всех правил и приказов»². Также стало очевидно, что ситуация на Золотом Берегу требовала более тщательного изучения с позиции компетентных армейских кругов, что и определило более глубокое вовлечение в проблему Военного ведомства Великобритании. И наконец, новую кандидатуру активно продвигал лично Военный министр сразу по нескольким причинам. Во-первых, Уолсли к этому моменту имел довольно богатый боевой опыт, а также прославился успешной экспедицией в Ред-Ривер 1870 г., победа в которой позволила либералам благополучно провести политику вывода войск из Канады. Во-вторых, именно авторитет Уолсли позволил ранее Кардвеллу реализовать политику реорганизации армии согласно локализационной схеме³.

В результате на совещании в Военном министерстве 13 августа 1873 г. сэр Г. Уолсли был назначен губернатором колонии Золотого Берега вместо полковника Харли и главнокомандующим войсками в Западной Африке с временным присвоением армейского звания генерал-майора⁴. Поскольку в системе английской административной иерархии колониальный губернатор был выше главнокомандующего местных вооруженных сил, то правительство в Лондоне считало, что передача всей полноты военной и административной власти в руки одного человека предотвратит дальнейшую неразбериху при разделении компетенций.

Капитану Гловеру в свою очередь отводилась второстепенная роль в качестве Специального уполномоченного по вопросам коренного населения⁵. Тем не менее, стоит отметить, что инструкции лорда Кимберли от 18 августа 1873 г., несмотря на прямое подчинение капитана Гловера полномочиям генерала Уолсли,

¹ McIntyre W. D. *British Policy in West Africa...*, p. 31

² Цит. по: Mann K. *Slavery and the Birth of an African City: Lagos, 1760 – 1900*. Indiana, 2007, p. 106

³ Lehmann J. *Op. cit.*, p.163

⁴ Crooks J. J. *Records Relating to the Gold Coast Settlements from 1750 to 1874*, p. 451

⁵ *Ibid.*, p. 452

подразумевали возможность действовать по изначально обсуждаемому плану и «судить на месте, в зависимости от обстоятельств, насколько разумно будет пытаться проникнуть на территорию Ашанти в направлении Кумасси»¹. Впоследствии генерал Уолсли в мемуарах критиковал политику кабинета министров, пытаясь оправдать причины несогласованных действий с колонной Гловера: «Его (Гловера. – А. А.) действия являются хорошей иллюстрацией того, как много можно выбросить сил и средств, когда Военное министерство и Колониальное ведомство, при стремлении достигнуть одну и ту же цель, пытаются провести кампанию каждое по-своему»².

Противоречия проявлялись не только в действиях Военного и Колониального ведомств, но и внутри либерального кабинета в целом. Как отмечают ряд отечественных и англоязычных специалистов по истории западноафриканского курса либералов в этот период, фактически У. Гладстон как глава правительства был поставлен перед свершившимся фактом – вопрос об организации военной экспедиции против Ашанти был решен за его спиной. Инициатива в организации военной экспедиции на Золотой Берег принадлежала Министерству колоний и Военному ведомству, поэтому ее подготовка проводилась без консультации с парламентом, и план действий был решен без обсуждения в кабинете министров³.

Изначально, согласно донесению посла Ф. И. Бруннова, при отъезде генерал Уолсли получил все полномочия либо для «мирного решения этого вопроса, либо для придания вопросу более решительного характера с помощью силы»⁴. Но после прибытия на Золотой Берег в начале сентября 1873 г. генерал Уолсли полностью согласился с выводами подполковника Фестинга, что с нынешними силами производить наступление на Кумасси невозможно, и решил немедленно запросить подкрепления, чтобы спланировать короткую кампанию в менее опасные зимние месяцы – декабрь, январь и февраль. В подробной записке к Э.

¹ The Earl of Kimberley to Captain Glover, 18 August 1873// BPP, C. 891, No. 41, pp. 42 – 44

² Wolseley G. Op. cit., Vol. 2, p. 295

³ McIntyre W. D. British Policy in West Africa... p.19; Гелла Т. Н. К вопросу о роли политиков..., с. 422

⁴ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1873 г., д. 67, л. 333/об.

Кардвеллу от 13 октября 1873 г. британский главнокомандующий изложил свой взгляд на способ действий. С его точки зрения было «необходимо преследовать Ашанти на собственной земле и победоносно пройти по их столице, королю и тем вождям, которые постоянно побуждают его к войне, и наглядно показать, что рука Ее Величества способна дотянуться до самого сердца их королевства»¹. Для выполнения этой задачи ему дополнительно требовалось «два пехотных батальона по 650 чел. каждый; отряд королевской артиллерии – 60; отряд королевских инженеров – 40; административные службы – 50; всего 1,450 чел.»². При этом генерал Уолсли обязался следовать указаниям Э. Кардвелла о том, что «все приготовления должны быть сделаны заранее», т. к. эти силы не должны высадиться до наступления решающего момента³. Европейские войска разрешалось задействовать только в самых благоприятных климатических условиях, а именно, в течение четырех месяцев периода декабрь – март⁴. Поэтому, не дожидаясь подкреплений, как отмечал Г. Уолсли в автобиографии⁵, было необходимо очистить Протекторат от присутствия ашантийцев с помощью местных африканских войск, находившихся в его распоряжении, подготовить дороги и базы снабжения для последующего наступления.

Дальнейшие события ознаменовали собой начало второго этапа Ашантийской кампании. В начале октября 1873 г. несколько деревень в районе форта Эльмина встали на сторону Ашанти и начали снабжать их армию продовольствием. Отряды ашантийцев были расквартированы практически в каждом населенном пункте, что затрудняло дальнейшее продвижение с британской стороны. 14 октября в 5.30 утра колонна из тысячи чел. (половина из которых – европейцы) начала движение из Эльмины в сторону деревни Эсаман, где находилась большая группировка противника. Корреспондент В. Рид писал, что Кейп-Кост Кастл и Эльмина были «наполнены» шпионами ашанти и поэтому экспедиция держалась в секрете с целью «застать врасплох Эсаман и добраться до

¹ Low C. R. General Lord Wolseley..., p. 273

² Ibid., p. 271

³ Crooks J. J. Records Relating to the Gold Coast Settlements from 1750 to 1874, p. 461

⁴ Ibid., p. 461

⁵ Wolseley G. Op. cit., Vol. 2, p. 296

деревни к рассвету»¹. Генерал Уолсли заранее распорядился распустить слух, в качестве отвлекающего маневра, что основным пунктом назначения отряда был город Адда-Фо на восточном побережье, где располагалась ставка капитана Гловера², чтобы добраться к месту операции без вражеского сопротивления.

Последовавшая битва привела к полному уничтожению населенного пункта и безоговорочной победе британцев³. Полковник Вуд в автобиографии писал, что после этого сражения в ходе кампании «мы больше не побеждали так быстро наших врагов»⁴. Английские потери в бою оказались незначительными – 2 были убиты и 23 ранены. После короткого перерыва экспедиционные силы развернулись в сторону Эльмины, чтобы уничтожить прибрежные деревни, которые уже ранее подвергались бомбардировке военными кораблями. Вечером генерал Уолсли и его войска вернулись в Кейп-Кост⁵.

С 20 октября 1873 г. армия Ашанти начала стремительно отступать за пределы р. Праа, и генерал Уолсли решил, что настало время переходить в контрнаступление, но для этого было необходимо дождаться подкреплений из Британии. Известия об успехе экспедиционных сил убедили лорда Кимберли в дальнейшей необходимости применения английского военного контингента, в своем дневнике он писал, что решили «отправить европейские войска, о которых он (Уолсли. – А. А.) просил ранее»⁶. В начале декабря из Англии были высланы стрелковая бригада, 23-й пехотный и 42-й Шотландский полки. Кроме того, из Ямайки был отправлен еще 1-й Вест-Индский полк. Российский военный представитель сообщал об этом читателям «Военного сборника»: «Все полки отплыли, имея около 650 чел. в строю, вместе с офицерами. Все люди, не исключая и офицеров, были обмундированы сообразно с африканским климатом... Вооружение состояло из ружья Снайдера, патронташа с 70

¹ Reade W. Op. cit., p. 173

² Freemantle E. D. Op. cit., p. 218

³ Kilby P. B. Op. cit., p. 121

⁴ Wood E. Op. cit., Vol. 1, p. 259

⁵ Lehmann J. Op. cit., pp. 175 – 176

⁶ The Journal of John Wodehouse, first Earl of Kimberley, p. 283

патронами и штыка-тесака, который, в случае надобности, можно примкнуть к ружью. Офицеры имели при себе такие же тесаки и револьверы»¹.

Изначально генерал Уолсли надеялся высадить прибывшие войска к середине декабря, но задержки, возникшие из-за отступления Ашанти и проблем с обеспечением экспедиционного корпуса, усложняли реализацию его планов². Так, 27 ноября 1873 г. полковник Э. Вуд, командующий на форпосте Суты, провел разведку на главной дороге в направлении деревни Файсу. В итоге его отряд оказался в расположении основной массы отступавших войск ашантийцев под началом Амаквантия – главнокомандующего Ашанти. Имея в своем распоряжении трех морских артиллеристов с зажигательными ракетами Конгрива, 24 солдата 2-го Вест-Индского полка и 250 бойцов гаусса, Вуд ввязался в сражение с передовыми отрядами противника. В результате короткого столкновения ашантийцы попытались окружить англичан и разбить их, но полковнику Вуду удалось отступить с минимальными потерями. Как сообщал в своем отчете генерал Уолсли, «к сожалению всех, кроме морских артиллеристов и солдат 2-го Вест-Индского полка, охватила паника, и только благодаря личным усилиям британских офицеров удалось избежать позорного поражения»³. С этого момента английский главнокомандующий больше не рисковал, пытаясь предпринимать активные действия, и стал дожидаться полного отхода ашантийских войск в свои владения.

Параллельно с этим в декабре капитан Гловер проводил мобилизацию туземных войск и совершал карательные операции против племен на восточном побережье вдоль р. Вольта, которые оказывали активное сопротивление его планам. В результате ряда успешных бомбардировок и пулеметных обстрелов с речных катеров в течение нескольких дней декабря сопротивление было успешно сломлено⁴. После этого он занялся размещением необходимых складов

¹ Цит. по: Заметки об английской экспедиции против ашантиев. (Из памятной книжки русского офицера)// Военный сборник, № 6, 1874, с. 369

² Sir G. Wolseley to the Earl of Kimberley, 30 November 1873// BPP, C. 893, No. 48, p. 43

³ War Office to Colonial Office, 29 December 1873// Ibid., No. 54, Incl. 2., pp. 48 – 49

⁴ Captain Glover to Sir G. Wolseley, 28 December, 1873// BPP, C. 894, No. 49, Incl. 1, pp. 57 – 58

продовольствия и смог собрать под своим началом около 25 тыс. туземцев для дальнейших наступательных операций¹.

Следующим шагом в плане Г. Уолсли была высадка основных сил английского экспедиционного корпуса на Золотой Берег и постепенное продвижение их вглубь страны Ашанти. Но и здесь возникли определенные сложности, т. к. было необходимо при этом выполнять предписания Кардвелла, которые касались безопасности здоровья европейских войск в условиях опасного африканского климата. В немалой степени именно эта задача сковывала процесс развертывания экспедиции на Золотом Берегу.

В середине декабря 1873 г., когда военные корабли прибыли в Африку, генералу Уолсли пришлось отправить большую группу войск располагаться обратно в море до конца года, опасаясь увеличения случаев заболеваний. В отчете к лорду Кимберли он писал следующее: «Возник ряд случаев заболевания, хотя и не серьезных по своей природе, среди морских пехотинцев, которые некоторое время находились на постах в Дунква и Абакрампе, я велел посадить их на борт кораблей Ее Величества»². Многие отчеты об экспедиции буквально пестрели заметками о заболеваниях среди личного состава: «11 человек из экипажа умерли от желтой лихорадки... в Кейп-Косте объявлен строгий карантин»³. Лихорадкой за это время успел переболеть и Уолсли, о чем упоминается в его переписке с супругой⁴. Из его писем также становится известно о частых подобных случаях среди офицеров и рядовых солдат и их смертельных исходах.

Эти детали кампании упоминаются и в письме от 17 декабря майора Джорджа П. Колли к своей сестре: «В настоящее время все зашло в тупик из-за отсутствия транспорта и снабжения. Бедных солдат 42-го полка снова отправят в море в круиз на две недели, так как они никому здесь не нужны!»⁵. В этой экспедиции он руководил всей системой коммуникаций и транспортного

¹ Glover E. Op. cit., pp. 180 – 181; Captain Sir John H. Glover Volta Expedition, during the Late Ashantee Campaign//Royal United Services Institution, Vol. 18, № 78, 1874, pp. 319 –324

² War Office to Colonial Office, 29 December 1873// BPP, C. 893., No. 54, Incl. 2., p. 49

³ Admiralty to Colonial Office, 11 December 1873//Ibid., No. 12, p. 12

⁴ The Letters of Lord and Lady Wolseley, 1870 – 1911, p. 15

⁵ Butler W. F. The Life of Sir George Pomeroy-Colley..., p. 92

сообщения. Как писал его сослуживец сэр У. Батлер, управленческий талант и энергия Колли в большой степени обеспечили последующий успех, которые позволили «вытащить из огромной колеи это огромное транспортное колесо»¹. Многие современники, в том числе российские корреспонденты журнала «Военный сборник», особо отмечали высокий уровень организации английской кампании в Западной Африке и ставили ее в пример российским войскам: «Что касается до снабжения войск, то можно смело утверждать, что экспедиция против ашантиев представляет в этом отношении пример такой роскошной обстановки положения и облегчения труда европейского солдата, подобного которому до сих пор не было в истории войн»².

Однако стоит отметить, что в основном эта организация была завязана на насильственном использовании труда туземцев в качестве транспорта воинской провизии и армейского снаряжения. Как писал российский военный представитель: «Одна из главных особенностей войны состояла в полном отсутствии при армии вьючного скота и в замене его людьми»³. Реализация такой транспортной системы полностью опиралась на политику откровенного военного террора по отношению к лояльному к Англии местному населению, о чем подробнее будет сказано далее.

В это же время британские военные инженеры и туземцы прокладывали дороги для подвоза запасов к отрядам, по мере их движения вглубь страны. От Кейп-Коста до Праасу было построено 8 лагерей: основные находились в Инквабиме, Акрофуле, Мансу, Янкумасси-Ассине и Праасу. Также англичане возвели два полевых госпиталя, 237 мостов и линии дорог общей протяженностью 74 мили. Майор Р. Хоум, командующий корпусом Королевских инженеров, писал, что дороги должны быть сооружены вовремя, несмотря на периодические тропические грозы⁴. На этом этапе кампании также активно решался вопрос о сооружении железной дороги, материал для которой Уолсли

¹ Ibid., p. 93

² Военный сборник, № 7, 1876, с. 3

³ Заметки об английской экспедиции против ашантиев. (Из памятной книжки русского офицера)// Военный сборник, № 6. 1874, с. 361

⁴ Porter W. History of the corps of Royal Engineer, Vol. 2. L., 1951, p. 12

запросил еще до отправления на Золотой Берег, но строительство в итоге не состоялось¹. В отчете майора Хоума говорилось, что «из-за нехватки рабочей силы железнодорожный путь для снабжения экспедиции против Ашанти не может быть проложен на местности от Кейп-Кост Кастл до Эльмины, как первоначально предполагалось»². В этом же отчете было предложено использовать оставшийся материал для нужд поселения колонистов Золотого Берега. Таким образом, огромная доля успеха последующей кампании лежит на плечах инженеров и саперов британской армии, которые, несмотря на тяжелые климатические факторы, создавали все необходимые условия для дальнейшего продвижения войск. Не зря многие современники называли западноафриканскую экспедицию «войной инженеров и врачей»³.

Подводя итог данному этапу кампании, стоит отметить, что в целом Уолсли выполнил все поставленные перед ним задачи, допустив при этом сравнительно небольшие потери. Во многом это обусловлено жесткими военными мерами, которые предпринимали англичане с самого начала вооруженного конфликта, а также в техническом и тактическом превосходстве над противником, которое далее только получило свое закономерное развитие.

Когда британские части получили разрешение на высадку, они сделали это по разработанному ранее плану и сразу же двинулись вглубь страны. По замыслу генерала Уолсли четыре сформированные колонны, двигаясь с разных баз, будут одновременно направляться в сторону Кумасси. Первая колонна под командованием капитана Гловера, состоявшая из 20-тысячного туземного войска, должна была наступать вверх по р. Вольта. Второй колонне под командованием капитана У. Батлера численностью примерно 2 тыс. туземцев, базирующейся в западном Акиме, было предписано пересечь р. Праа и направиться на соединение с первой колонной и служить своеобразным связующим звеном между армией капитана Гловера и третьей главной группировкой войск под командованием генерала Уолсли. Этот отряд численностью более 2 тыс. чел. из Кейп-Коста

¹ Wolseley G. Op. cit., Vol. 2, p. 296

² War Office to Colonial Office, 23 December 1873 //BPP, C. 893, No. 42, p. 33

³ Lehmann J. Op. cit., p. 180

собирался пересечь р. Праа и направиться по прямой дороге Праасу-Кумасси на ашантийскую столицу. В распоряжении главнокомандующего находились преимущественно английские регулярные войска. Четвертая колонна под командованием капитана Далримпла, также из Кейп-Коста, направлялась через территорию племени вассау, чтобы по пути следования собрать дополнительный отряд туземцев для атаки на ашантийскую столицу¹. Таким образом, схема наступления сочетала в себе как идеи генерал Уолсли, так и проект капитана Гловера, который обсуждался еще в конце июля 1873 г.

Биографы британского главнокомандующего² отмечали, что этот план впоследствии подвергся изрядной критике со стороны современников и различных исследователей из-за разделения войск, вместо их концентрации для более решительных действий. Здесь необходимо пояснить, что после победы Германии в войне против Франции именно сосредоточение значительных вооруженных сил на решающем операционном направлении в столкновениях с противником считалось наиболее предпочтительным способом ведения войны. Но, со слов самого генерала Уолсли, другие отряды были «предназначены, чтобы отвлекать основные силы врага в пользу продвижения моей главной колонны»³. Данное утверждение, с нашей точки зрения, более чем обоснованно, поскольку впоследствии к Кумасси успешно смогла добраться именно колонна Уолсли, которая при этом регулярно принимала на себя основной удар ашантийцев. В то время как отряды Батлера и Далримпла, практически полностью состоявшие из туземцев, дезертировали после первых столкновений с противником. Только капитану Гловеру удалось сформировать наиболее дисциплинированные боеспособные части из местного населения, однако им не удалось своевременно соединиться с армией Уолсли из-за недооценки трудностей при организации туземного войска и сложности маршрута его дальнейшего продвижения вдоль р. Вольта⁴. Таким образом, английский главнокомандующий проявил в ходе

¹ War Office to Colonial Office, 15 January 1874// BPP, C. 921, No. 11, Incl. 1, p. 5

² Lehmann J. Op. cit., p. 183; Kochanski H. Op. cit., p. 68

³ War Office to Colonial Office, 15 January 1874// BPP, C. 921, No. 11, Incl. 1, p. 5

⁴ Captain Sir John H. Glover Volta Expedition, during the Late Ashantee Campaign, Royal United Services Institution, pp. 324 – 328

Ашантийской кампании очень важное качество – умение грамотно адаптировать стратегию ведения войны под местные условия и противника, применявшего тактику, отличную от опыта современных европейских вооруженных конфликтов.

Основная часть британской экспедиции под командованием генерала Уолсли начала пересекать р. Праа 20 января 1874 г. и направилась к городу Фомена, где планировалось создать передовой склад снабжения. Разведчики лорда Гиффорда в Ассине, сопровождаемые инженерами, рабочими и помощниками майора Б. Рассела, пересекли р. Праа пятнадцатую днями ранее, чтобы проложить путь через заросли буша и создать несколько лагерей¹. Однако на пятый день наступление зашло в тупик, когда сотни перевозчиков разбежались, рекрутированные ранее из туземцев. Многие очевидцы кампании, а также современники отмечали, что задержка в Африке – это смертный приговор. Поэтому Уолсли, срочно нуждаясь в транспорте, перешел к практике откровенного военного террора. Для организации английской экспедиции похищения местных жителей начались в больших масштабах. Согласно данным Дж. Леймана, было похищено около 3 тыс. чел., не считая 8 тыс. необходимых изначально по плану транспортировки снаряжения и провизии английских военных. Подполковник Колли также попросил разрешения сжечь деревни, где жили дезертиры, и организовать женщин и детей в качестве носильщиков². Генерал Уолсли одобрил это мероприятие. Впоследствии Колли в письме от 22 января сообщал: «Наш недельный рейд был интересным и успешным. Однажды ночью мы окружили несколько деревень, взяв всех жителей в плен... и после семи дней отсутствия я вновь появился со всеми туземцами, настолько тщательно организованными и настолько крепкими, что у меня с тех пор не было случаев дезертирства среди них»³. Генерал Уолсли всячески хвалил действия своего подопечного в письме к герцогу Кембриджскому, утверждая, что он «совершил чудеса в решении транспортного вопроса, и теперь у нас очень хорошо организованный корпус перевозчиков, распределенных по всей линии

¹ Spiers E. M. *The Victorian Soldier...*, p. 26

² Lehmann J. *Op. cit.*, p. 186

³ Butler W. F. *The Life of Sir George Pomeroy-Colley...*, pp. 95 – 96

коммуникаций»¹. В немалой степени именно «успешное» решение транспортного вопроса сделало Дж. Колли главным фаворитом генерала Уолсли и обеспечило ему быстрый карьерный рост в будущем.

После того как англичане решили проблемы с поставками и транспортировкой, колонна возобновила 28 января 1874 г. наступление на Кумасси, но вскоре появилась необходимость устранить угрозу с фланга от тысячи ашантийцев, движущихся в направлении деревни Борборасси. На следующий день британские войска под командованием полковника Маклауда захватили Борборасси², а 30 января – деревню Инсафу, которая находилась на пути продвижения к городу Амоафул, где, по данным британской разведки, противник развернул многотысячное войско. Уолсли принял решение о лобовом нападении на ашантийскую армию, имея в своем распоряжении 2,217 чел., одновременно защищаясь от тактики противника атаковать фланги и пытаться окружить противоборствующие войска³.

«План действий таков, - писал в дневнике лейтенант Дж. Томас, - 42-й полк должен был продвигаться вперед, формируя переднюю линию; туземные полки и морская бригада по флангам; 2-й батальон стрелковой бригады прикрывал тылы, образуя квадрат (каре. – А. А.). Артиллерия капитана Рейта была с авангардом, а ракетные батареи морской бригады на флангах; ставка Уолсли находилась в центре под прикрытием 23-го полка»⁴.

В результате 31 января 1874 г. в ходе ожесточенных боев британские войска успешно прорвали ашантийские позиции и заняли город Амоафул. Во время сражения многие английские офицеры и солдаты были ранены. Горцы 42-ого полка понесли основной удар с двумя погибшими и 104 получили ранения, девять из которых впоследствии скончались от ран, или примерно каждый четвертый из тех, кто был задействован в операции⁵.

¹ Verner W. Op. cit., Vol. 2, pp. 84 – 85

² Groves P. History of the 42nd Royal Highlanders «The Black Watch», 1729 – 1893. L., 1893, p. 16

³ Spiers E. M. The Victorian Soldier..., p. 28

⁴ Thomas J. H. Full and authentic diary of the Ashanti expedition, p. 12 – 13

⁵ Spiers E. M. The Victorian Soldier..., p. 30

Несмотря на гибель боевых товарищей и пренебрежительное отношение к туземцам, участники операции в целом отдавали должное своему противнику и отмечали, что «ашантийцы хорошо сражались и должны были понести сильные потери, прежде чем сдаться»; и среди раненых британцев «многие были восхищены неустрашимой смелостью и исключительными боевыми качествами ашантийцев»¹. Р. Лоу – биограф Уолсли писал: «Великий вождь Аманкватия был среди убитых. Превосходное мастерство проявилось в выбранной Аманкватией позиции, а решимость и полководческие навыки, проявленные им в обороне, полностью подтвердили его отличную репутацию способного тактика и галантного солдата»².

В данном случае воспевание достоинств противника можно расценивать как попытку превознести значение побед британского оружия над африканскими племенами, поскольку разница в снаряжении войск была колоссальной. Несмотря на хитроумные тактические уловки Ашанти, техническое превосходство британцев, которое, по сути, отражает уровень развития их цивилизации, сыграло решающую роль в данном противостоянии. Винтовка Снайдера была намного лучше в бою, чем кремневые ружья, которыми обладали африканцы. Причем один морской пехотинец даже заметил, что сражения напоминали скорее «бойню, чем честный бой»³.

Военные действия против Ашанти в целом представлялись в прессе исключительно в героическом тоне. Корреспондент «Нью-Йорк Хералд» М. Стенли отмечал, что «поведение 42-го полка на многих полях сражений было похвальным, но простой похвалы недостаточно для доблести, которая отличала этот полк во время боевых действий»⁴. В газетах неоднократно подчеркивались нечеловеческие условия, в которых оказались подчиненные Ее Величества. Высокая жара, густой туман, непроходимая растительность и отсутствие транспортных артерий заметно затрудняли продвижение британцев по данному

¹ Daily News, 25 March 1874

² Low C. R. General Lord Wolseley..., p. 174.

³ Цит. по.: Spiers E. M. The Victorian Soldier..., p. 29

⁴ Groves P. History of the 42nd Royal Highlanders..., p. 17

региону, что, естественно, выделяли в своих колонках английские корреспонденты¹.

Также нередко очевидцы событий старались отметить уровень моральной деградации ашантийцев, чтобы оправдать свою «цивилизаторскую» миссию на Золотом Берегу. Как свидетельствуют описания обычаев и верований Ашанти, «король может убить любого по своему желанию. По великой традиции, в один день было убито сто жертв. В такие дни танцуют религиозный танец на костях и черепах людей»². Периодические издания упоминали, как войска «похоронили сто пятьдесят трупов, оставшихся на дороге в Амоафул, т. к. враг не стал себя подвергать опасности, чтобы унести трупы с собой», что, в свою очередь, ставилось в прямое противопоставление британской традиции не оставлять на поле брани своих погибших. Трусость зачастую отмечается как обычное явление среди туземцев, т. к. «обычно после продолжительной артиллерийской атаки врага охватывала паника и он бежал»³.

Исходя из вышеизложенного можно сделать однозначный вывод, что задача периодических изданий и их система аргументации были направлены на то, чтобы создать отталкивающий образ противника, к которому не будет сожаления. Ашанти, с точки зрения британских газет – это варвары с дикими обычаями и традициями, для которых характерна трусость, изменчивость и коварность, которые проживают в ужасных климатических условиях и находятся на низком уровне технологического развития.

Поэтому неудивительно, что сами британцы не отличались великодушием по отношению к противнику. Корреспондент М. Прайор писал в мемуарах, что «во мраке леса мы видели сорок или пятьдесят ашантийцев, как мертвых, так и медленно умирающих, страшно изуродованных пулями наших Снайдеров»⁴. В своих заметках в журнале «Военный сборник» анонимный российский военный наблюдатель в составе британской экспедиции также писал, что «пленных

¹ Morning Post, 22 January 1874

² Ibid., 12 February 1874

³ Ibid., 14 March 1874

⁴ Prior M. Op. cit., p. 19

англичане не брали (вследствие затруднений их продовольствия), а раненых ашантиев большею частью оставляли на месте сражения. Все селения, лежащие на пути следования англичан, были разорены ими и сожжены, а на их местах были возводимы шалаши для войск и форты»¹.

Несмотря на серьезное поражение в бою за Амоафул, ашантийцы в течение следующих нескольких дней самоотверженно предприняли атаки по всем линиям британских коммуникаций. После того как пять рот 42-го полка и военно-морской бригады атаковали деревню Бекуой и «полностью ее уничтожили»², экспедиция, за вычетом раненых, продолжила свое движение. Британцы сметали на ходу различные засады и приняли бой на северном берегу р. Ода. Перед этим инженеры майора Хоума беспрепятственно соорудили мосты для переправы, и в 6.30 утра началось полномасштабное наступление под командованием полковника Маклауда. Его сопровождали внушительные силы – стрелковый батальон, туземные полки под руководством Вуда и Рассела, а также артиллерия Рейта и бойцы 23-го полка. При атаке применялись тактика и построение, как и в битве за Амоафул. Попытки ашантийцев атаковать фланги англичан и навязать им рукопашный бой не увенчались успехом. Как писал Ф. Бойл, «везде, где встречались нам ашантийцы – тут же попадали под сокрушительный залп Снайдеров»³. В результате 6-часового сражения, при минимальных потерях в 10 человек убитыми и ранеными, британцы заняли деревню Одасу и готовились к ее последующей обороне⁴. Противник решил контратаковать по трем направлениям, нанося удары в лоб и по флангам, однако этот порыв не имел успеха и ашантийцам пришлось срочно отступить «в приступе паники наутек, бросая подручные предметы»⁵.

После пятидневных боев битвы за Амоафул и его окрестности король Ашанти отправил генералу Уолсли письмо, «в котором обещал выплатить все

¹ Заметки об английской экспедиции против ашантиев. (Из памятной книжки русского офицера) // Военный сборник, № 6, 1874, с. 370

² Thomas J. H. Full and authentic diary of the Ashanti expedition, p. 13

³ Boyle F. Through Fanteeland to Coomassie: a diary of the Ashantee expedition. L., 1874, p. 339

⁴ Spiers E. M. The Victorian Soldier..., p. 30

⁵ Boyle F. Op. cit., p. 341

военные расходы британской стороны, если англичане не пойдут на столицу Ашанти – Кумасси»¹. Британский военный представитель выдвинул свои требования: помимо контрибуции, король Ашанти обязан был отдать в заложники свою мать и брата – принца Менсаа², из-за чего требования, по сути, являлись заведомо невыполнимыми. При этом Уолсли обвинял ашантийского короля в построении «предательского плана», который собирался тянуть время для сбора армии, чтобы «заманить нас в смертельную ловушку». Поэтому главнокомандующий твердо решил, что «подпишет мирный договор только в самом Кумасси и нигде больше»³.

4 февраля 1874 г. британские войска вошли в столицу Кумасси, где Уолсли планировал добиться подписания мирного договора на необходимых условиях для Англии. Бригадный генерал А. Элисон и его войска были первыми, кто вошел, как писал Уолсли, «в этот ужасный город, улицы которого всегда пахли кровью человеческих жертвоприношений»⁴. Через несколько дней британский главнокомандующий решил покинуть столицу, не дожидаясь эмиссаров короля, т.к. погода продолжала стремительно ухудшаться, а здоровье и моральный дух войск падать. Основательно разграбив столицу, английские войска 6 февраля покинули Кумасси, приняв решение сжечь город до основания. Генерал Уолсли искренне верил, «что полное уничтожение Кумасси с его величественным дворцом, чудом Западной Африки, будет более сокрушающим и действенным окончанием войны, нежели любой договор, подписанный на бумаге»⁵. На страницах британской прессы описывалось в красках, как горела столица Ашанти: «Наши инженерные войска бросали факелы на крыши их лачуг, покрытых пальмовыми ветками, и весь город превратился в огромный костер»⁶.

¹ The Morning Post, 18 February 1874

² Wolseley G. Op. cit., Vol.2, pp. 349 – 350

³ The Morning Post, 10 March 1874

⁴ Wolseley G. Op. cit., Vol. 2 p. 355

⁵ Kochanski H. Op. cit., p. 71

⁶ The Illustrated London News, 14 March 1874

В результате ашантийцам пришлось заключить мирный договор в Фомане, навязанный британской стороной, 13 февраля 1874 г.¹. Он предписывал королю Ашанти со своей стороны и своих преемников отказаться от всех форм собственности и права сбора дани, тем самым навсегда лишаясь всех претензий на верховенство над Эльминой или племенами, когда-либо связанными с голландским правительством. Король обязался увести войска с земель протектората, объявлялась свобода для торговли подданных Ее Величества с королевством Ашанти. Ашантийцы в свою очередь гарантировали прекратить практику человеческих жертвоприношений, чтобы продемонстрировать дружественные намерения к королеве Виктории и уважение к верующим христианам, проживавшим на Золотом Берегу².

Известия об успехе британского оружия достигли метрополию, когда там произошла смена правительства. Таким образом, успех операции и право заключения договора с ашантийскими вождями выпали на долю консервативного кабинета во главе с Б. Дизраэли³. В целом британский парламент очень высоко оценил успехи английского оружия и действия главнокомандующего сэра Г. Уолсли. Новый премьер-министр в обращении к парламенту выражал чрезмерную благодарность «сэру Гарнету Уолсли, его офицерам, а также служащим армии и флота за успехи в войне против короля Ашанти»⁴. На родине войска встречали с огромным почетом и благодарностью: организовывались торжественные вечера и балы в честь победителей. Как отмечает Т. Н. Гелла, война с Ашанти воспринималась как нечто неизбежное, и военная экспедиция британских войск рассматривалась как естественная мера. После окончания военных действий У. Гладстон, глава либерального кабинета, заявил, что английские войска защищали не только «честь английского оружия на Западном берегу Африки, но также и интересы человечества в целом»⁵.

¹ Treaty of Peace between Great Britain and Ashantee-Signed at Fommanah, 13 February 1874// BFSP v. 65 1873 – 1874, pp. 471 – 472

² Ibid., pp. 472

³ Гелла Т. Н. К вопросу о роли политиков..., с. 424

⁴ Цит. по: Lucy H. W. A Diary of Two Parliaments: The Disraeli Parliament, 1874 – 1880. L., 1885, p. 8

⁵ Цит. по: Айзенштат М. П., Гелла Т. Н. Указ. соч., с. 155

Многие современники, особенно представители либеральной партии, приписывали успех кампании недавним реформам армии Кардвелла, в частности отмене системы патентов и введению краткосрочной службы. Однако, согласно исследованиям А. Такера и Э. Спирза почти все офицеры, участвовавшие в экспедиции, приобрели звания по старой системе¹, а солдаты, направленные к генералу Уолсли, имели длительный срок службы, в то время как молодых и недавно зачисленных в армию рекрутов он отказался брать в Африку с убеждением, «что наша пехота в настоящее время... будучи в значительной степени состоящей из молодых парней, непригодна для утомительной службы в тропической кампании»².

Но с точки зрения экономической эффективности война с Ашанти в 1873 – 1874 гг. показала, что реформы Кардвелла дали свои значительные плоды. К примеру, кампания в Абиссинии (1867 – 1868 гг.) обошлась британской казне в 8,6 млн ф. ст., в то время как Ашантийская экспедиция стоила всего 900 тыс. ф. ст. Как отмечал историк Д. Дапс, кампания была сравнительно небольшой, но она проводилась в районе, где ранее европейские войска на постоянной основе не служили³. Поэтому без эффективной армейской организации подобная экспедиция могла бы повлечь за собой большие расходы или, возможно, закончилась очередной катастрофой для Англии, как и прошлые попытки силой обуздать Ашанти.

Тем не менее, ход кампании имел и существенные недостатки. Уолсли так и не удалось обезопасить войска от тяжелых болезней, несмотря на предписания Кардвелла. Как отмечал в своих заметках российский военный наблюдатель, обратный путь из Кумасси к Кейп-Косту «едва ли не стоил английским войскам еще больших усилий, чем наступление»⁴. Многие солдаты по дороге скончались от лихорадки и дизентерии. Согласно официальному медицинскому отчету по итогам экспедиции, из 1,578 британских солдат, высаженных на Золотом Берегу,

¹ Tucker A. V. Op. cit., p. 133; Spiers E. M. The Victorian Soldier..., pp. 31 – 32

² Verner W. Op. cit., Vol. 2, p. 67

³ Dups D. Op. cit., p. 131

⁴ Заметки об английской экспедиции против ашантиев. (Из памятной книжки русского офицера)// Военный сборник, № 6. 1874, с. 374

жертвами экзотических болезней стали более 70%¹, что резко контрастировало с количеством пострадавших непосредственно от боевых столкновений с ашантийской армией.

Имела место серьезная разобщенность между основной колонной и армией туземцев капитана Гловера, которая продвигались вдоль р. Вольта. Как писал российский военный представитель: «Гловер, хотя нигде не встретил сопротивления, достиг Кумасси только 14-го февраля, когда все было окончено и сам город уже не существовал»². Но, несмотря на разобщенность действий между английскими колоннами, Гловер своим продвижением сильно отвлекал на себя действия больших сил Ашанти и тем самым в немалой степени способствовал успешному наступлению Уолсли на Кумасси, что и констатировал главнокомандующий в своем отчете³.

В целом, по мнению Т. Н. Гелла, Ашантийская экспедиция явилась яркой иллюстрацией применения вооруженных сил в осуществлении колониальной политики и примером того, что привнесение цивилизации «отсталым народам» может иметь не только мирный характер»⁴. Правда, вопрос об организации военной экспедиции против западноафриканского союза племен Ашанти стал очень сложным для либерального кабинета. Его решение сопровождалось острыми дискуссиями и разделением мнений среди виггов. Х. Мэтью также подчеркивал, что проблема Золотого Берега иллюстрировала слабость Гладстона как премьер-министра, так и кабинета министров в целом⁵. Кардвелл и Кимберли эффективно подготовили и отправили экспедицию от своего имени, а у премьер-министра не было никакого конституционного способа остановить их.

Подводя общий итог, стоит отметить, что военные реформы Э. Кардвелла и кампания против Ашанти показали британскому обществу и высшим политическим кругам, что обновленная армия может не только с большим успехом выполнять задачи по обороне колониальных владений Великобритании,

¹ Darwin L. *Precis Information concerning the Gold Coast Colony*, L., 1887, p. 72

² Там же, с. 374

³ Sir G. Wolseley to the Earl of Kimberley, 22 February 1874// BPP, C. 922, No. 46 p. 64

⁴ Айзенштат М. П., Гелла Т. Н. Указ. соч., с. 150

⁵ Matthew H. C. G. Gladstone, 1809 – 1874, p. 190

но и активно способствовать их дальнейшему расширению, тем самым заложив прочную основу для защиты интересов Британской империи, которой придерживались в последующие годы представители как либеральной, так и консервативной партий. Таким образом, Военное министерство Э. Кардвелла обеспечило переход от политики нежелательного участия в колониальных войнах к открытой империалистической экспансии, наиболее ярко выразившейся в период правительства тори во главе с Б. Дизраэли 1874 – 1880 гг.

II. Англо-афганская война (1878 – 1881 гг.)

2.1. Военно-политические предпосылки Англо-афганской войны (1878 – 1881 гг.)

Обновление идеи империи в последней трети XIX в. было связано в основном с деятельностью консервативной партии Великобритании. Премьер-министр Б. Дизраэли призывал к укреплению могущества Англии, присоединению новых колоний и активному продвижению ее национальных интересов, на что «владычица морей», по его мнению, имела полное право, учитывая особое положение Великобритании в мире, ее героическую историю и уровень политического и экономического развития. Поэтому правление консервативного правительства характеризовалось тем, что приоритетной сферой его деятельности являлась не внутренняя, а внешняя и колониальная политика.

Правительственный курс тори в 1874 – 1880-х гг. демонстрировал, что для Б. Дизраэли и его сторонников наиболее важной характеристикой имперского государства являлась военная мощь. Как отмечает Т. Н. Гелла, имперская и колониальная стратегия Англии во второй половине 70-х гг. разрабатывалась непосредственно под влиянием внешнеполитических факторов и фактически ставилась в зависимость от тех или иных дипломатических актов как самой Англии, так и других европейских держав¹. Одним из ярких примеров проведения такой политики стала вторая Англо-афганская война (1878 – 1881 гг.), события которой были спровоцированы англо-российским соперничеством на Востоке.

При изложении последующего материала, на наш взгляд, важно отметить, что процесс дипломатического и политического англо-российского соперничества в контексте афганской проблемы 60 – 70-х гг. XIX в. был подробно изучен как отечественными, так и англоязычными специалистами. Однако нам представляется необходимым проанализировать основные военно-стратегические концепции защиты британской Индии в рамках отношений с Афганистаном и роль колониальной армии в ее реализации, т. к. исследование этих вопросов в

¹ Гелла Т. Н. Геополитические интересы..., с. 47

значительной мере позволяет проследить причины английской интервенции на территорию Афганского государства в 1878 – 1881 гг.

В последней трети XIX в. взаимоотношения Великобритании с Афганистаном рассматривались властной элитой Англии исключительно сквозь призму проблемы обороны Индии от «русской угрозы», которая по мере стремительного продвижения России в Средней Азии становилась все более осязаемой. В 1871 г. российский консул в Персии А. Ф. Бегер фиксировал в своих депешах подобные умонастроения: «Англичане, встревоженные нашими быстрыми наступательными движениями в последние пять или шесть лет, очевидно считают вероятным наше появление на берегах Амударьи в самом близком будущем»¹.

Проблема обороны Индии в свою очередь является наглядной иллюстрацией нараставшей тенденции в первой половине 70-х гг. XIX в. в политических структурах Великобритании к осуществлению более комплексного подхода к решению данного вопроса на основе военной науки. Он подразумевал активное изучение этнических, военно-статистических, географических сведений и аккумуляцию их в различные стратагемы для защиты интересов Англии на Востоке. При этом вероятность прямого столкновения с Россией в Центральной Азии однозначно способствовала популяризации идей империализма в британском обществе. Ведь Индия являлась не только центром притяжения экономических интересов промышленных и финансовых кругов метрополии, но и источником значительных военных ресурсов, которые могли бы потенциально укрепить ограниченные вооруженные силы Англии при подобной необходимости.

С точки зрения развития имперской идеологии это был безусловный шаг вперед в контексте интеграции подчиненных Великобритании территорий не только в зону административного и экономического пространства, но и в структуру системы национальной безопасности, в которой туземное население обычно выполняло полицейские функции. В таком случае индийская армия совместно с английскими солдатами совместно стремилась защищать свои

¹ АВПРИ, ф. 194, оп. 528a/1, 1871, д. 830, л. 49

границы от посягательств другой европейской державы и становилась равной по своему функциональному значению войскам метрополии.

Здесь важно пояснить, что все проблемы английской военной структуры исследуемого исторического периода были характерны и для британской Индии, которые при этом накладывались на особенности местного административного устройства. В частности, дислоцированные там войска подразделялись на отдельные армии трех крупных провинций-президентств еще со времен Ост-Индской кампании – Бомбей, Бенгалия, Мадрас – имевших свой штаб, военную организацию и главнокомандующего. Верхнюю ступень в этой иерархии занимал главнокомандующий войсками Индии, обеспечивавший наряду с этим прямой контроль над бенгальской армией и подчинявшийся лично вице-королю. Такое административное разделение англо-индийских войск на три президентства порождало дополнительные сложности с точки зрения их военной организации.

На практике полностью отсутствовала система централизованного высшего командования армией и управления ее отдельными институтами. Главнокомандующий в Индии не мог напрямую контролировать туземные армии Мадраса и Бомбея, и его полномочия в этих президентствах ограничивались лишь надзором над британскими войсками¹. В то же время, согласно исследованиям Э. Престона и Б. Робсона, в Индии не существовало резерва и каких-либо мобилизационных схем. Соответственно не было предусмотрено наличие в мирное время интендантских служб, штабов различных оперативных соединений и единого Генерального штаба для составления планов возможной кампании, поэтому сведение полков в бригады и дивизии сопровождалось огромными организационными, финансовыми и материальными проблемами². Таким образом, несмотря на сравнительно большой военный контингент, расположенный в Индии, в размере 190 тыс. чел.³, лишь небольшая часть этой внушительной цифры могла быть задействована в операциях за ее пределами.

¹ Военный сборник, №5, 1878, с. 185 – 190; Report of the Special Commission to enquire into the Organization and Expenditure of the Army in India, S. 1879, pp. 41 – 49; Robson B. The Road to Kabul..., pp. 55 – 56

² Ibid., pp. 63 – 64; Preston A. British military policy..., p. 78

³ Report of the Special Commission..., p. 5

Поэтому проблема обороны Индии от нападения извне поднимала широкий пласт вопросов, точкой сопряжения которых становилась именно военная наука. Именно на ее основе в 60 – 70 гг. XIX в. среди англо-индийских политических и военных кругов разгорелась очень жаркая дискуссия о том, как следовало оберегать «главную жемчужину» в короне Британской империи от «русской угрозы».

В результате образовалось два различных блока – «форвардисты» и «инактивисты». Первые продуцировали довольно радикальный подход, так называемую «наступательную политику» (Forward Policy). Согласно мнению представителей этого блока необходимо было через границы Индии за рекой Инд контролировать вход в стратегически важные горные перевалы, особенно Хайбер, Болан и Шутагардан. В этом случае Афганистан и его внешняя политика должны находиться под политическим контролем Великобритании. Существовали также радикальные мнения, выражавшие необходимость перенести границы Индии к Амударье и таким образом контролировать весь Афганистан¹. В донесении к Военному министру Д. А. Милютину от 24 сентября 1878 г. генерал-майор Горлов из Лондона писал, что «вопрос о занятии независимых стран, граничащих вдоль северо-западной границы Англии, по ту сторону гор, был обсуждаем, когда решался вопрос о принятии Королевой титула Императрицы Индии»². И уже тогда было решено, что «уничтожение этих независимых стран есть существенная стратегическая необходимость»³.

«Инактивисты», с другой стороны, пытались придерживаться умеренного подхода – политики «мастерского бездействия» (Masterly Inactivity). В таком случае сохранение мирных отношений с Афганистаном предполагало как можно меньшее вмешательство в его дела и использование как буферного государства, стабильность и процветание которого, следовательно, обеспечивает безопасность Индии⁴. По сути, с 1855 г., когда Британия восстановила дипломатические

¹ Bilgrami A. N. *Afghanistan and British India 1793–1907*. New Delhi, 1973, p. 168.

² Королева Виктория официально приняла титул императрицы Индии 26 апреля 1876 г.

³ РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1878 г., д. 15, л. 75/об

⁴ Hanna H. B. *The Second Afghan War, Its Causes, Its conduct and Its Consequence*, Vol. 1. L., 1899, pp. 9 – 24

отношения с Афганистаном после событий неудачной первой Англо-афганской войны (1839-1842 гг.), и особенно после Великого индийского восстания (1857 – 1859 гг.), до 1874 г. генерал-губернаторы Индии придерживались именно политики «мастерского бездействия».

Однако пришедшие в 1874 г. к власти тори во главе с Б. Дизраэли взяли курс на резкое ужесточение позиции в отношении традиционного соперника на Востоке. В новом кабинете министров Государственным секретарем по делам Индии стал лорд Солсбери. Его подход к внешней политике относительно «главной жемчужины империи» диаметрально отличался от правительства либералов. Также спустя год на должность вице-короля Индии был назначен дипломат Роберт Буллер-Литтон, первый граф Литтон. Как писал российский историк Е. А. Глущенко: «Литтон – человек импульсивный с развитым воображением, жаждущий активного участия в определении судеб империи... Он считал, что Россия угрожает Индии, и устранить это можно было «только одним способом: установить полный контроль над Афганистаном, через который только и можно прорваться в Индию злонамеренным русским»¹.

Перед отъездом в Индию новый вице-король получил инструкции от английского правительства отправить временную дипломатическую миссию в Кабул и убедить эмира позволить Британии установить постоянного наместника в афганской столице. До этого был только вакиль, местный уроженец, который выполнял некоторые обязанности наместника. Однако лорд Солсбери не доверял этой модели, и сразу же после занятия поста Государственного секретаря по делам Индии хотел заменить нынешнего вакиля и создать прямую форму постоянного британского представительства в Афганистане². При этом инструкции, данные лорду Литтону, предусматривали вовлечение в оборонительную линию Индии не только Афганистана, но и соседнего персидского Белуджистана, где располагался перевал Болан. Концепция консервативного правительства заключалась в том, чтобы укрепить власть в этом

¹ Цит. по: Глущенко Е. А. Указ. соч., с. 145 – 146

² Lord Salisbury to Lord Lytton, 28 February 1876//BPP, C. 2190, No. 35, Encl. 1, p. 156.

регионе и использовать местный горный ландшафт в качестве естественного барьера против любых военных действий, направленных в сторону Индии¹.

С учетом таких позиций Лондона по афганскому вопросу среди военных кругов в Индии развернулась достаточно оживленная дискуссия относительно определения оборонительной концепции Великобритании в Центральной Азии. Условно ее можно разделить на два направления – «гератское» и «кабульское». Ярким теоретиком первой группы являлся британский разведчик, полковник Чарльз Макгрегор – один из основоположников научного подхода к организации обороны Индии. Он полагал, что занятие русскими территории Мервского оазиса вызовет волнения, которые распространятся на Персию и северную часть Афганистана и на город Герат, занимавший важную военно-стратегическую позицию с географической точки зрения. Все пути из ближайших районов Персии, Афганистана и российской Туркмении замыкались именно на нем. Соответственно, обладание Гератом, в теории, обеспечивало одну из сторон удобным плацдармом для наступления как во владения России в Средней Азии, так и в британскую Индию. В частности, глава топографического отдела Военного ведомства капитан Ч. Уилсон в аналитическом обзоре «Продвижение России в Азии» от 25 марта 1873 г. отмечал, что Россия к этому моменту не имела необходимых оперативных баз для наступления в Индостан, но дальнейшее ее приближение к Мерву и возможный его захват позволит создать склад припасов и базу для операций против Герата, откуда появится возможность развития наступления далее к Кандагару и к перевалам Болан и Хайбер, ведущим напрямую в Индию². Поэтому связка Мерв – Герат рассматривалась полковником Макгрегором и многими его современниками как ключевой военный плацдарм, занятие которого российскими войсками вызовет более серьезные последствия, «чем очередная катастрофа в Кабуле»³.

Для решения этой проблемы рассматривалось несколько вариантов. Составляя статистическое описание Афганистана, Ч. Макгрегор в 1871 г.

¹ Подробнее см.: Хидятов Г. А. Указ. соч., с. 226 – 227

² Wilson C. W. Russian Advances in Asia, 1873// WO 33/25/1873/547, pp. 49 – 52

³ Macgregor, Lady. Op. cit., Vol. 2, p. 59

указывал, что «наиболее эффективный и в то же время наименее затратный способ укрепления Герата» заключался в создании под ручательством британских офицеров оборонительного и наступательного союза против России между правителями Кабула, Кандагара и Герата¹. Также военными кругами активно обсуждалась возможность передачи Герата и прилегавших к нему областей во владение Персии, с которой у Великобритании с середины 50-х гг. были довольно натянутые отношения. Автор этой инициативы капитан Оливер Сэнт Джон считал, что пока «Персия удерживает Герат», Мерв будет в безопасности от возможного наступления русских².

Второе направление в этой дискуссии представляли армейские специалисты, входившие в ближайшее окружение лорда Литтона. По их мнению, все внимание властей в Индии должно было фокусироваться на политическом контроле афганской столицы. Данную стратегическую концепцию активно развивал военный секретарь вице-короля полковник Дж. Колли – участник Ашантийской экспедиции и протеже генерала Уолсли. В памятной записке от 16 июня 1876 г. он осудил существующую горную границу как крайне ненадежную и утверждал, что Индию можно было эффективно защитить от наступающего с запада врага, только оккупировав весь горный массив Афганистана, т. е., обеспечив безопасность западных перевалов Хайбер и Куррам, ведущих в долину р. Амударья и в Индию³. Поэтому, с его точки зрения, индийская оборонительная политика должна быть направлена именно на контроль Кабула, а не Мерва или Герата, поскольку этот город представлял собой центральную компактную наступательно-оборонительную позицию, позволявшую защитить наиболее важные пути в Индию и при необходимости нанести решительный ответный удар России легкими, высокомобильными экспедиционными силами при поддержке местных племен⁴.

¹ Macgregor C. M. Central Asia. Part II. A Contribution toward the Better Knowledge of the Topography, Ethnology, Resources and History of Afghanistan, C., 1871, p. 384

² Memorandum by Captain O. St. John on the Persian Frontier East of the Caspian, 15 May 1874// IOR/L/PS/18/C77, f.3

³ Memorandum on the Policy to be adopted towards Afghanistan// BPP, C. 2811, No. 4, p. 30

⁴ Preston A. British military policy..., pp. 94 – 95

Подвергая рассмотрению план военного секретаря лорда Литтона, можно однозначно подчеркнуть явную переоценку им общего положения Англии в Центральной Азии и доступных ей военных ресурсов в этом регионе. Однако наиболее важный аспект этой инициативы, на наш взгляд, заключается в полном ее соответствии общей концепции обороны колониальных владений Великобритании, которая подразумевала необходимость чаще задействовать именно местное население вместо английских войск против угроз извне. И, забегая вперед, стоит отметить, что вице-король вполне закономерно следовал стратегии полковника Колли не только при попытках войти в дипломатические отношения с эмиром посредством конференций в первой половине 1877 г., но и при разработке плана вторжения в Афганистан накануне войны в ноябре 1878 г.

Для реализации этой политики лорд Литтон начал вскоре переговоры с Келатом – ханством на южной границе Афганистана, которые завершились к концу 1876 г. В результате к 1877 г. Англия добилась возможности оккупации Кветты для своих оборонительных планов¹. К этому моменту российско-британские отношения значительно ухудшились на фоне обострения Восточного вопроса (1875 – 1878 гг.). Военный агент в Лондоне генерал-майор А. П. Горлов с 1875 г. регулярно сообщал сведения об агрессивных планах Великобритании против России, которые англичане мотивировали необходимостью «в строгом охранении Индии и средств сообщения с этой страной, а равно... в надежном обеспечении своего азиатского положения»². Как отмечает Н. В. Дронова, у британской общественности и высших представителей политической элиты существовало распространенное мнение о том, что «ключ к Индии» находится именно в Константинополе, поэтому появлялась необходимость поддерживать целостность Османской империи³. В связи с этим отношения между Великобританией, Россией и Афганистаном стремительно усложнялись и напрямую зависели от складывающейся обстановки в Европе на фоне актуализации Восточного вопроса, который в данных исторических реалиях

¹ The Cambridge History of British Empire, Vol. 3, p. 103

² РГВИА, ф. 431, оп. 1, 1875, д. 47, л. 47

³ Дронова Н. В. Где находится ключ к Индии..., с. 67 – 70

плавно перетекал в ход «Большой игры». И уже с осени 1876 г. Англией активно разрабатывались различные планы войны против России, в том числе в Средней Азии.

По сути, с этого момента Афганистан рассматривался властной и военной элитой Англии не просто как «буферная зона», но и как плацдарм для наступления в российские владения. В высшей степени характерно, что на данном этапе афганской проблемы весь процесс военно-стратегического планирования носил строго импровизированный характер: единая схема развертывания англо-индийской армии в случае войны с Россией в Центральной Азии так и не была выработана, а «кабульская» и «гератская» инициативы обладали теоретическим наполнением, но не практической детализацией. Это безусловно приводило к размежеванию в среде военно-политической элиты по афганскому вопросу.

Основной антагонизм развернулся между вице-королем и главнокомандующим войсками в Индии – данный пост с апреля 1876 г. занимал генерал-лейтенант Фредерик Хейнс. Первый, по очевидным причинам, считал «кабульскую» инициативу наиболее отвечающей потребностям обороны Индии, второй возглавлял, по сути, «гератское» направление. Лорд Литтон, опираясь на точку зрения полковника Колли, в ноябре 1876 г. предложил организовать наступление небольшими силами через перевалы Хайбер и Куррам, стремительно продвигаясь через Кабул и Балх прямо на Ташкент¹. Примечательно, что в это же время в Лондоне с целью утверждения идентичного плана действий производил зондаж почвы генерал-майор Г. Уолсли, состоявший в Совете Индии при кабинете министров. 10 ноября 1876 г. он направил Б. Дизраэли соответствующую записку, в которой, так же как и лорд Литтон, рекомендовал начать в марте следующего года «энергичное» наступление 10-тысячной армии, поровну состоящей из английского и индийского военных контингентов. По мере движения из Пешавара в Самарканд, по его мнению, уже к июню она превратится в настоящий «снежный ком», консолидирующий афганские и туркменские племена против России. «Данного отряда регулярной армии, подкрепленного 20-

¹ Rait R. Op. cit., pp. 219 – 220

тысячным войском, которое мы найдем и тем самым дополним нашу армию во время ее продвижения через Хайберский перевал и Афганистан, под командованием умелого офицера, обеспеченного деньгами, будет, по моему мнению, достаточно, чтобы разрушить могущество и престиж России в Средней Азии»¹, – заявлял генерал Уолсли. Естественно, в качестве такого «умелого офицера», командующего победоносной армией в Центральной Азии подобно великим полководцам далекого прошлого, автор записки видел лично себя. Об этом говорят его дневниковые записи, сделанные накануне второй Англо-афганской войны: «Всю свою карьеру я мечтал об Афганской войне... Лежа без сна по ночам, мне иногда кажется, что я слышу орудия на афганских перевалах, и мне хочется поспешить на звук канонады»².

Этот план, безусловно, полностью соответствовал теоретическому и практическому опыту ведения колониальных войн генерала Уолсли и британской армии под его началом, которая выступала ядром более значительной по своей численности туземной армии, наступавшей на Кумасси в ходе Ашантийской экспедиции. Однако, экстраполируя реалии Западной Африки на ситуацию в Центральной Азии, ни генерал Уолсли, ни полковник Колли (который, очевидно, стал вдохновителем этой записки) явно не учитывали этноконфессиональную и географическую специфику региона, фактор разобщенности афганских и туркменских племен, а также, что подобной импровизированной туземной армии, эффективной против менее развитого в военном отношении противника, будут потенциально противостоять прекрасно обученные войска европейского типа, имевшие богатый опыт ведения боевых действий в среднеазиатских ханствах.

Подобные калькуляции сторонников «кабульской» инициативы исходили из полной уверенности в малой боеспособности российской армии в Туркестане. Например, генерал Уолсли исчислял ее кадровый состав всего в 20 тыс. чел. при 48 орудиях, «из которых вряд ли можно использовать более половины в качестве маневренной силы, т. к. крупные города Туркестана – Ташкент, Самарканд и т. д.,

¹ Major-General G. Wolseley The Eastern Question, 10 November 1876// WO 33/29/1876/629, p. 8

² Sir Garnet Wolseley and the Cyprus Expedition// Journal of the Society for Army Historical Research, Vol. 45, No. 181, 1967, pp. 10, 15

нельзя оставлять без гарнизонов для подавления восстания среди местного населения»¹. Хотя в реальности к 1875 г. в Туркестанском военном округе располагались 31,133 чел. при 54 полевых и 14 горных орудиях², и при этом генерал-губернатор К. П. фон Кауфман в течение 1876 – 1877 гг. регулярно отправлял в Петербург запросы с целью усиления войск края на случай возможных осложнений с Англией³.

Генерал-лейтенант Хейнс в меморандуме от 31 января 1877 г. справедливо обрушился резкой критикой на теоретическую основу этого плана. Он полагал, что подобный вариант развертывания возможен только в союзе с Афганистаном, а релевантная для Англии ситуация в регионе полностью отрицала возможность реализации данного замысла. Вместо этого он предложил более осторожный план действий, а именно – выдвинуть англо-индийские войска по оси Кветта-Кандагар, чтобы в перспективе занять Герат и удерживать его от потенциального нападения российской или персидской армий⁴. Предварительно генерал Хейнс рекомендовал направить группу офицеров для подготовки этих позиций для британских военных нужд. Только в этом вопросе лорд Литтон был полностью солидарен с главнокомандующим в Индии, и данное предложение стало основой последующих переговоров с афганской стороной в Пешаваре, которые проходили в январе – марте 1877 г.⁵. Однако представители обеих держав не смогли прийти к компромиссу, и узел противоречий в треугольнике Англия – Афганистан – Россия продолжал неизменно сплетаться с началом Русско-турецкой войны.

Некоторые британские военно-политические деятели небезосновательно считали, что значительные успехи царской армии в Малой Азии усилят российское влияние в Персии, что непременно скажется и на раскладе сил в Центральной Азии. В течение апреля – мая 1877 г. власти в Калькутте и Лондоне получали последовательно тревожные известия об отправлении миссии генерал-майора В. А. Франкини из Тифлиса в Тегеран, а также о начале экспедиции

¹ Major-General G. Wolseley The Eastern Question, 10 November 1876// WO 33/29/1876/629, p. 8

² Туркестанские войска и условия их бытовой походной и боевой жизни//Военный сборник, № 4. 1875, с. 207

³ Хидояттов Г.А. Указ. соч., с. 259

⁴ Rait R. Op. cit., p. 220

⁵ Macgregor, Lady. Op. cit., Vol. 2, p. 53

генерал-майора Н. П. Ломакина из Краснодарска в Кызыл-Арват, которую британские власти напрямую связывали с претензиями царского правительства на занятие Мерва¹. Заместитель лорда Солсбери сэр Джордж Гамильтон писал в июле 1877 г., что необходимо срочно принять меры, чтобы воспрепятствовать продвижению русских по направлению к Мерву и Афганистану². Поэтому военные круги в Индии стали более предметно прорабатывать планы противодействия усилению влияния России в регионе.

Наибольший интерес в этом отношении представляют записки полковника Ч. Макгрегора и генерал-квартирмейстера британской армии в Индии, генерал-майора Фредерика Слей Робертса. Последний к этому моменту стал достаточно влиятельной фигурой в индийской колониальной администрации, был ярким сторонником вице-короля Литтона и «наступательной политики». Продвижение русских в Средней Азии и рост их влияния в Афганистане считал серьезной угрозой британской Индии³.

Проекты кампаний против России, предложенные Макгрегором и Робертсом, вызывают для нас интерес прежде всего с точки зрения репрезентации взглядов военных кругов Великобритании в Индии о значении Афганистана в системе национальной обороны. Подвергая анализу эти военно-стратегические инициативы, можно однозначно отметить, что армейские специалисты определяли контроль Афганистана, захватническим путем или дипломатическим, ключевым фактором в концепции как оборонительных, так и наступательных действий против России на случай начала вооруженной конфронтации. При этом оба британских офицера совершенно по-разному определяли основной театр возможной войны и линии потенциальных операционных направлений.

В частности, полковник Макгрегор занимал однозначно антиперсидские позиции и выступал за военный союз с Афганистаном. Свою точку зрения он

¹ Consul Ricketts to the Earl of Derby, 26 May 1877// PRO FO 424/53, No. 649, p. 331; The Earl of Derby to Mr. Tylour Thomson, 31 May 1877// Ibid., No. 704, p. 366

² Lord G. Hamilton to Lord Tenterden, 12 July 1877// NAI FD, October 1878, Nos. 70 – 86, No. 75, pp. 4 – 5

³ Глущенко Е.А. Указ. соч., с. 353

изложил в меморандуме от 8 мая 1877 г.¹. Он опасался, что в сложившейся напряженной обстановке в регионе персидский шах Насреддин при поддержке России вновь попытается осадить и захватить Герат, как это случилось в 1837 – 1838 и 1855 – 1856 гг. Примечательно, что российское командование, планируя весной 1878 г. поход в Индию, действительно рассматривало вариант заключения военного союза с Персией для совместного движения на Герат. Однако генерал-майор В. А. Франкини, посетивший Тегеран во главе царской миссии весной 1877 г., считал персидскую армию небоеспособной, и подобное вторжение заставило бы расширить стратегический фронт наступления и на южную Персию, чтобы защитить правый фланг союзных войск от потенциального десанта противника². Именно подобный вариант развития событий и предусматривал план полковника Макгрегора.

Взяв за основу свои более ранние идеи, им предлагалось в качестве контрмеры войти в военный союз с Афганистаном и направить группу британских офицеров в Герат для его укрепления и удержания, в то же время сосредоточить основную группировку афганских войск под английским командованием в районе Кандагара. В их задачу входило вторжение в южные провинции Персии Сеистан и Белуджистан с целью нанесения удара во фланг союзной российско-персидской армии. При этом план Макгрегора предусматривал высадку небольшого англо-индийского десанта в Макране на побережье Аравийского моря для поддержки афганского наступления в Белуджистан. После чего он рекомендовал предпринять необходимые шаги для антироссийской консолидации узбекских ханств и туркменских племен, предоставляя им деньги, оружие и офицеров, чтобы «изгнать русских из Средней Азии и отодвинуть их границу, по крайней мере, до Арала»³.

¹ Memorandum on the aid which could be rendered to Turkey from India, 8 May 1877/ Macgregor C.M. Defence of India: A Strategical study. S., 1884, pp. 341 – 348

² Загородникова Т.Н. Большая игра в Центральной Азии: Индийский поход русской армии: Сборник архивных документов. № 2, с. 47 – 52

³ Memorandum on the aid which could be rendered to Turkey from India, 8 May 1877/ Macgregor C.M. Defence of India: A Strategical study. S., 1884, p. 348

В целом план полковника Макгрегора имел под собой исключительно эвентуальное основание и был эффективен только в случае наступления России через Персию. Тем не менее царские стратеги вполне оправданно отказались от реализации подобной затеи. Поэтому генерал Робертс, свою очередь критикуя план Макгрегора, справедливо замечал, что операции в южной Персии не будут иметь под собой практического значения в случае войны с Россией и только в северном Афганистане можно сосредоточить необходимые военные ресурсы для успешной борьбы с ней.

Для рассмотрения этого вопроса он составил 4 июня 1877 г. пространную записку. В данном документе им последовательно и аргументированно рассматривались все возможные варианты применения англо-индийских войск в случае вооруженной конфронтации с Российской империей, по итогам которой он пришел к выводу, что наиболее верный сценарий подразумевал активные действия именно в Центральной Азии, чтобы окончательно «изгнать русских с южного и восточного берегов Каспийского моря»¹.

Для выполнения этой претенциозной задачи Ф. Робертс определял город-крепость Герат, как центр стратегического притяжения интересов Великобритании, который позволял создать одновременно плацдарм для борьбы с Россией и базис осуществления военно-политического доминирования в Афганистане². Оккупировав Герат и создав угрозу афганской столице, Англия могла заключить военный союз с эмиром и тем самым обеспечить полный контроль над стратегически важными горными проходами и организовать английское наступление вдоль Амударьи прямо на Ташкент по маршруту Пешавар – Кабул – Балкх – Самарканд, а также поднять восстание местных племен под эгидой «священной войны» при помощи эмиссаров Порты, как и предлагали полковник Колли, генерал Уолсли и лорд Литтон.

Однако значительная протяженность линий коммуникаций в 1,000 миль на потенциальном операционном направлении полностью отрицала возможность

¹ Memorandum to consider the measures which should be adopted in India in the event of England joining Turkey in the war against Russia, 4 June 1877// IOR/L/MIL/17/14/80, p. 12

² Ibid., pp. 12 – 13

каких-либо активных действий, до тех пор, пока Англия «заранее не будет уверена в дружбе афганцев и нейтралитете, если не в активной поддержке, племен местных ханств». Поэтому, в отличие от Ч. Макгрегора и Г. Уолсли, «Бобс» предлагал не полагаться на афганские войска и местные племена, а именно англо-индийской армии взять инициативу в свои руки.

По сведениям британской разведки, царские власти в Туркестане потенциально могли выставить в поле армию не более 30 тыс. чел. при 72 орудиях, а ближайшие подкрепления придут в регион только спустя 5 – 6 месяцев после того, как «новости достигнут Санкт-Петербург о том, что британские войска наступают в Среднюю Азию»¹. Генерал Робертс придерживался мнения, что позиции в Герате позволят буквально «отзеркалить» военный потенциал противника, поэтому на первом этапе операции он планировал выдвинуть англо-индийскую армию численностью в 30 тыс. чел. при 98 орудиях для овладения Гератом и защиты коммуникаций на оси Кветта – Кандагар – Герат, после чего начать подготовку к наступлению в Туркестан по плану Уолсли².

Важно подчеркнуть, что записка генерала Робертса в значительной степени опиралась на целый пласт научных военно-статистических данных и имела более комплексную и оттого довольно убедительную систему аргументации. При этом его план, по сути, удачно объединял в себе «кабульскую» и «гератскую» инициативы, делая одну стратегию логичным продолжением другой. Генерал Ф. Хейнс выражал полную поддержку плану Ф. Робертса и в записке от 25 июня 1877 г. указывал, что такое наступление на Герат не только обеспечит возможность наступательных действий против России, но и закроет индийскую границу от прямого ответного вторжения³.

Однако, рассматривая позицию Лондона по этому вопросу, стоит отметить, что лорду Солсбери импонировали лишь отдельные инициативы Макгрегора и Робертса, т. к. они не требовали значительных затрат и прямого участия

¹ Ibid., pp. 5 – 10

² Ibid., pp. 11 – 13

³ Macgregor, Lady. Op. cit., Vol. 2, p. 63

вооруженных сил самой Великобритании. Как писал канадский историк Э. Престон, правительство в Лондоне в это время больше склонялось к идее создания «мусульманской лиги защиты ислама против России»¹.

Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что проект «Бобса» был взят за основу при организации вторжения английских войск в Афганистан осенью 1878 г. В частности, он повлиял на выбор маршрутов движения, определение композиции и численности войск для выполнения поставленной задачи. Также план Робертса четко обозначил императив британской политики в Средней Азии – в случае войны с Россией необходимо безоговорочное военно-политическое господство Англии в Афганистане для защиты Индии и формирования надежного операционного базиса для последующих наступательных действий в Туркестане.

В итоге в июле 1877 г. при посредничестве Турции в Афганистан было принято решение направить оттоманское посольство с четкими инструкциями от британского правительства «убедить Шер Али-хана жить в мире с Англией, другом Турции» и советовать афганскому правителю «ради безопасности ислама, иметь армию в 150 тыс. чел., чтобы препятствовать планам России и поддерживать независимость своей страны»². Несмотря на принятие в сентябре того же года турецкого посольства при дворе эмира, миссия свою задачу не выполнила и только обострила и без того напряженные англо-афганские отношения³. По сути, это была последняя попытка британских властей без ультимативных методов, напрямую связанных с развязыванием войны, добиться достижения своих требований.

Поэтому факт срыва дипломатической конференции в Пешаваре в марте 1877 г. между Афганистаном и Англией, вероятность прямого вступления в военный конфликт с Россией и провал турецкого посольства поставили под вопрос необходимость силового решения афганской проблемы.

Программа дальнейших действий Англии в Центральной Азии была составлена индийской администрацией и представлена в Лондон на рассмотрение

¹ Preston A. *British military policy...*, p. 335

² Mr. Layard to the Earl of Derby, 13 July 1877// PRO FO 424/57, No. 247, p. 129

³ Подробнее см.: Хидятов Г.А. Указ. соч., с. 253 – 256

кабинету министров осенью 1877 г. Исходя из сопоставления текста этого документа с корреспонденцией полковника Колли нам представляется возможным утверждать, что именно военный секретарь лорда Литтона являлся автором этого меморандума, который стал закономерным развитием его предыдущих идей¹. В новой записке он подкрепил их четкой и последовательной аргументацией, которая подводила к необходимости принятия широкого комплекса довольно радикальных военно-политических мер.

С учетом распространяющегося влияния России в регионе британский военный специалист считал, что контроль Герата Англией больше не мог расцениваться как равная альтернатива присутствию российских войск в Мерве. В случае начала большой войны царская армия сможет быстрее захватить северную часть Афганистана, обеспечить контроль над горными проходами Хайбер и Куррам и выйти прямо к границам Индии, хотя организацию такого похода, в ближайшей перспективе, он справедливо считал маловероятной². Тем не менее, именно политическую ориентацию Кабула в контексте англо-российского соперничества военный советник лорда Литтона по-прежнему определял как ключевой фактор сохранения британского «престижа» на Востоке.

Учитывая отказ эмира идти на сотрудничество, он видел только два сценария развития событий – Афганистан полностью подчинится влиянию России, или Англия предпримет «энергичные действия, чтобы защитить там свои интересы»³. Для выполнения второго варианта им предлагалось: 1) восстановить британское влияние в Персии за счет значительных финансовых субсидий; 2) отправить английских офицеров в Мерв, чтобы помочь местным племенам оказать сопротивление российским войскам; 3) принять политические и военные меры, чтобы «помешать России получить опору или даже доминирующее моральное влияние в Афганистане», которые подразумевали полную оккупацию

¹ Butler W. F. The Life of Sir George Pomeroy-Colley..., pp. 180 – 181; The Derby Diaries, 1869 – 1878..., p. 431

² Колли составил этот меморандум в июне 1877 г., однако изначально кабинет министров посчитал такой план действий слишком поспешным и форму официальной правительственной программы он приобрел только к ноябрю 1877 г. Opinion of the Government of India as to the measures to be taken in consequence of General Lomakin's occupation of Kizil Arvat, November 1877// IOR/L/PS/20/253, p. 51

³ Ibid., pp. 54 – 59

западной части страны «с согласия эмира или без него» и дезинтеграцию Афганистана на отдельные ханства, где будет проще поддерживать британское влияние¹. Вскоре английские власти в полной мере перешли к имплементации этой программы.

В конце октября 1877 г. из-за ряда пограничных инцидентов с племенем йоваки было решено произвести блокаду северной границы их территории силами колониальных войск под командованием бригадного генерала К. Росса до тех пор, пока афганцы не выплатят денежную компенсацию и не сдадут все оружие². Военный секретарь лорда Литтона полковник Колли, в случае дальнейшего отказа со стороны йоваки идти на сотрудничество, выступал за принятие более решительных действий и предлагал усилить отряды генерала Ч. Киза группировкой войск под командованием бригадного генерала Росса для проведения совместной карательной операции³. Такой ход событий позволял в перспективе при положительном решении о начале полноценной интервенции облегчить продвижение британской армии вглубь Афганистана через Хайбер и Куррам из Кохата.

В итоге операция завершилась к началу февраля 1878 г. полным подавлением сопротивления среди местных племен⁴. А 9 марта 1878 г. капитан Дж. Непьер получил инструкции направиться в Мерв, чтобы побудить местные племена принять подданство Персии, обеспечить им поставки вооружения через Афганистан и организовать их нападение на российские войска в долине р. Амударьи⁵.

Следующим важным этапом в обострении конфронтации в Центральной Азии стали события Русско-турецкой войны, в ходе которой английское правительство приняло решение вмешаться в конфликт и ввести боевые корабли в

¹ Ibid., pp. 60 – 61

² Major-General F. Roberts A Short account of the operations carried out against the Jowaki section of Adam Khel Afridis, 8 February 1878// NAI MD, June 1878, Nos. 6 – 8, p. 2

³ Extract from a report by Colonel G.P. Colley//NAI MD, November 1877, Nos. 61 – 62, p. 66; Ibid., p. 67

⁴ Major-General Roberts A short account of the operations carried out against the Jowaki section, 8 February 1878//NAI MD, June 1878, Nos. 6 – 8, pp. 1-5

⁵ Captain G. C. Napier to the Political Secretary, India Office, 30 July 1879// IOR/L/PS/18/C27, pp. 1 – 4

Мраморное море 12 февраля 1878 г.¹. В качестве асимметричного ответа на угрозы британской стороны в Европе 20 апреля состоялось Особое совещание под председательством Александра II, на котором было запланировано провести военные действия на среднеазиатском плацдарме против английских владений в Индии². В секретном приказе Д. А. Милютин от 25 апреля 1878 г. генерал-губернатору Туркестанского военного округа было предписано начать постепенную подготовку к вероятному походу и снарядить официальное посольство к афганскому эмиру во главе с генерал-майором Н. Г. Столетовым, «как знающего азиатские языки и могущего поэтому лично вести переговоры»³.

Численность трех колонн Туркестанского отряда, согласно отчету от 27 мая 1878 г. генерала Кауфмана, составила 12,5 тыс. чел. «с тремя комплектами патронов и тремя комплектами зарядов на орудие», число которых достигало 40 единиц⁴. Наряду с этим Закаспийский отряд под командованием генерал-майора Н. П. Ломакина, с которым предполагалось произвести демонстрацию к Мерву, «обеспеченный вполне перевозочными средствами и довольствием на четыре месяца», направился из Красноводска в Чикишляр в составе 4 батальонов, 2 сотен казаков и 8 орудий⁵. Таким образом, общий состав российских войск, направлявшихся в сторону Индии, достигал отметки более 15 тыс. чел., при этом, как следует из описания их комплектации, вполне вероятно, что российское руководство планировало не ограничиваться только демонстративными действиями. Об этом также свидетельствует записка начальника штаба Туркестанского отряда полковника Н. И. Гродекова. Согласно изначальным предписаниям трем колоннам генерала Кауфмана предстояло двигаться к Кабулу, при этом одна из них, под командованием полковника Гротенгельма, должна

¹ Clowes W. L. Op. cit., Vol. 7, p. 295

² Хидояттов Г. А. Указ. соч., с. 259

³ Загородникова Т. Н. Большая игра в Центральной Азии: Индийский поход русской армии: Сборник архивных документов. № 12, с. 95 – 99

⁴ Там же, № 24, с. 111

⁵ Ильясов А. Присоединение Туркмении к России: Сборник архивных документов. № 213, с. 421

была по мере продвижения присоединиться к генералу Ломакину в Мерве для усиления Закаспийского отряда¹.

В июне 1878 г. генерал Кауфман уведомил Шер Али, что миссия генерала Столетова, сопровождаемая царскими войсками, отправлена для заключения с ним обоюдновыгодного «тесного союза»². В Кабуле генерал Столетов представил эмиру проект военной конвенции из 11 пунктов. В соответствии с ним афганский правитель должен был признать протекторат России над своей страной, а генерал-губернатор Туркестана принимал на себя обязательства поддерживать со своей стороны стремления эмира противодействовать британским посягательствам и «оказать поддержку фактически»³ в случае вооруженного конфликта Афганистана с Англией. Они также планировали создание сети складов боеприпасов, провианта и фуража в северных провинциях страны и строительство железной дороги⁴. Но, как отмечал в марте 1880 г. на страницах своего дневника Д. А. Милютин, «проект договора, который был замышляем Столетовым во время пребывания его в Кабуле 1878 г., оставлен был в проекте, без всяких последствий»⁵.

В итоге военный союз с афганским эмиром действительно так и не был юридически ратифицирован, что позволило России выстраивать свою политику в Средней Азии более осторожно. Однако насчет отсутствия «последствий» Д. А. Милютин, с нашей точки зрения, очевидно, заблуждался, т. к. именно факт принятия миссии генерала Столетова стал решающим в определении дальнейшей судьбы Афганистана.

Оценка миссии генерала Столетова и «индийского» похода российских войск, влияние этих событий на итоги Берлинского конгресса и определение их роли в развязывании второй Англо-афганской войны в отечественной и англоязычной историографии до сих пор вызывают различные дискуссии. Ряд

¹ Записка Главного штаба генерал-майора Гродекова о путях из Закаспийского края на Герат// Сборник материалов по Азии, 1883, № 5, с. 108

² General von Kaufmann to Shere Ali, June 1878// BPP, С. 2802, No. 1, Incl. 30, p. 16

³ Загородникова Т. Н. Большая игра в Центральной Азии: Индийский поход русской армии: Сборник архивных документов, с.102

⁴ Подробнее см.: Сергеев Е. Ю. Указ. соч., с. 163

⁵ Милютин Д. А. Дневник 1873 – 1880, Т. 2, с. 275

научных специалистов оценивают в негативном ключе значение этих действий, которые не смогли решить насущных международных проблем России после окончания Русско-турецкой войны (1877 – 1878 г.) и привели лишь к усилению позиций Великобритании на Востоке. Английский историк Дж. Морган писал: «Нет сомнений в том, что Россия использовала свои более сильные позиции в Средней Азии, чтобы обратить традиционные страхи британцев против них и вызвать диверсию»¹. Но если основной целью этих усилий действительно стало развязывание второй Англо-афганской войны, которая должна была повлиять на результаты конгресса в Берлине в пользу России, то он расценивал это «как полный провал»². Похожей точки зрения придерживался Г. А. Хидоятов, указывая, что русские приготовления не произвели должного впечатления на англичан и не дали тех результатов, которых от них ожидали³.

Противоположной точки зрения придерживаются некоторые отечественные историки. Т. Н. Загородникова выдвигает предположение, что действия российских войск достигли своей цели и это средство давления «сработало», и на Берлинском конгрессе англичане были более сговорчивы, в том числе и благодаря этому походу⁴. Такой же позиции придерживается и К. Н. Кубанов, утверждавший, что стояние царской армии в Джаме «стало «победой русского оружия» на подступах к Индии и послужило причиной ряда уступок английских представителей на мирных переговорах по итогам Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг.»⁵.

Однако эта точка зрения нам представляется довольно сомнительной. Так, согласно программе полковника Колли нахождение царской миссии в Кабуле только подтверждало опасения британских властей об усилении российского влияния на Афганистан и доказывало необходимость принятия более решительных мер. Впоследствии лорд Литтон в письме от 17 августа к лорду

¹ Morgan G. Op. cit., p. 175

² Ibid., p. 181

³ Хидоятов Г. А. Указ. соч., с. 263

⁴ Загородникова Т. Н. Большая игра в Центральной Азии: Индийский поход русской армии: Сборник архивных документов, с. 40

⁵ Кубанов К.Н. Указ. соч., с. 22

Крэнбруку¹ положительно заявлял, что присутствие российского посла в Кабуле предоставляло Великобритании шанс «воспользоваться нынешней удачной и благоприятной возможностью для окончательного урегулирования афганского вопроса»². Генерал-майор Горлов также в своих донесениях отмечал, что «английское правительство узнало с радостью о появлении русской миссии в Кабуле, и предлог для покорения Афганистана был найден»³. Тем более что у Лондона к этому моменту действительно были все основания рассчитывать, что Россия в войну не ввяжется⁴. Так или иначе, опасаясь столкновения с Англией, именно с этого момента царские дипломаты стали вести свою политику более осторожно, а британские – более решительно.

В начале сентября 1878 г. генерал-лейтенант Невилл Чемберлен, командующий армией Мадраса, получил инструкции от лорда Литтона о задачах миссии, направляемой к эмиру в Кабул. Британская делегация с небольшим военным эскортом направилась в Афганистан 16 сентября 1878 г. В состав миссии входил майор Л. Каваньяри, полковник О. Сэнт Джон и капитан Стивен Хэммик. Миссию должен был сопровождать конвой из 250 всадников под командованием полковника Дженкинса⁵. В итоге на афганской границе миссия Чемберлена была задержана и не допущена в Кабул, будучи окруженной войсками эмира⁶, а 22 сентября британский посланник получил приказ вернуться обратно в Пешавар⁷.

Отказ эмира принять британскую миссию и нахождение российских военных в Кабуле расценивалось англо-индийским правительством как нанесение оскорбления Англии. В результате 30 октября 1878 г. эмир получил ультиматум с требованием «присылки посланника с письменным полным оправданием и принятием постоянной британской миссии»⁸ от вице-короля. Ответ было поручено дать не позднее 20 ноября 1878 г. В случае отказа давать согласие или

¹ После отставки лорда Дерби в конце марта 1878 г. и назначения министром иностранных дел лорда Солсбери лорд Крэнбрук стал государственным секретарем по делам Индии

² Gathorne-Hardy A. E. *Op. cit.*, p. 88

³ РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1878, д. 15, л. 75/об.

⁴ Там же, л. 76

⁵ Юлдашбаева Ф. Х. Указ. соч., с. 98

⁶ Lieutenant-Colonel F. H. Jenkins to Captain St. V. Hammick, 22 September 1878//BPP, C. 2190, No. 60, Encl. 2, p. 250

⁷ Dey K. P. *Op. cit.*, p. 53

⁸ Загородникова Т. Н. Большая игра в Центральной Азии: Индийский поход русской армии: Сборник архивных документов. № 110, с. 227 – 228

ответ Литтон будет вынужден считать намерения эмира «враждебными» и рассматривать его как «врага британского правительства»¹.

В целом принципиальная линия поведения Шер Али в отношении британских требований объясняется негласно заключенным военным союзом во время посольства генерала Столетова. Покинув Кабул в августе, российский представитель обязался вернуться из Ташкента с 30-тысячным войском². Но к этому моменту российские политики вместо прямого военного вмешательства приняли решение подействовать дипломатическим путем на английское правительство. По мнению канцлера А. М. Горчакова, в новых реалиях России не следовало идти на войну с Англией «из-за настоящего столкновения с Афганистаном»³. Так или иначе, эмир не ответил на ультиматум, несмотря на «взрыв негодования и злобы, произведенный этим отказом в Англии»⁴, и 20 ноября 1878 г. англичане объявили войну Афганистану.

Завершая рассмотрение предпосылок и причин второй Англо-афганской войны, можно сделать следующие выводы. Во-первых, политика Лондона в этот период строго определялась сквозь призму вопроса «об обороне Индии», что на практике привело к обострению англо-российских отношений. Во-вторых, решение афганской проблемы и необходимость сохранения британских позиций в Центральной Азии подразумевали превентивные действия агрессивного характера со стороны Англии вплоть до развязывания вооруженного конфликта с Россией и Афганистаном. В-третьих, политическая и стратегическая позиция афганских властей в англо-российском конфликте однозначно соотносилась правящей и военной элитой Великобритании с безопасностью Индии и рассматривалась в контексте потенциального столкновения с Россией.

¹ Dey K. P. Op. cit., pp. 54 – 56

² Shere Ali to the Russian Envoy, 8 December 1878// BPP, C. 2802, No. 1, Incl. 30, p. 16; Терентьев М. А. История завоеваний в Средней Азии, Т. 2, с. 458, 477; Сергеев Е. Ю. Указ. соч., с. 164

³ АВПРИ, ф. 194, оп. 528а/1, 1878, д. 830, л. 131/об.

⁴ РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1878, д. 15, л. 130

2.2. Первый этап Англо-афганской войны (1878 – 1879 гг.)

Последующие события англо-индийской экспедиции в Афганистане можно условно разделить на две кампании, которые отличаются характером боевых действий. Если первая фаза войны – с 20 ноября 1878 г. (окончание срока ультиматума, вторжение британских сил на территорию Афганистана) по 26 мая 1879 г. (подписание Гандамакского мирного договора) – сопровождалась поступательным, целенаправленным, сравнительно быстрым и успешным захватом ключевых стратегических позиций в Афганистане англо-индийскими войсками, то вторая фаза – с 3 сентября 1879 г. (гибель британского посольства в Кабуле) по 23 мая 1881 г. (вывод английских войск из Афганистана) – имела затяжной и импровизационный характер, с ярко выраженным кризисом британской военной организации и действующей политической программы консервативного правительства в Центральной Азии.

В первом конфликте с англичанами (1839 – 1842 гг.) афганцы не имели постоянной армии, полностью полагаясь на местных ополченцев и разрозненные группы горных племен. К началу второй войны эмир Шер Али организовал регулярные войска, главным образом дислоцированные в Кабуле, Кандагаре и Герате. В новом конфликте, по сообщениям военного агента А.П. Горлова, Афганистан выдвинул армию в 50,400 чел. пехоты и 12,500 кавалерии и 200 орудий¹. Эти данные не подвергаются сомнению английскими источниками. В официальном описании войны за авторством Ч. Макгрегора указывалось, что вооружение афганских войск – как пеших, так и конных – состояло в основном из дульнозарядных винтовок Энфилд и мушкетов Браун-Бесс наполеоновской эпохи. При этом британским правительством перед началом войны Афганистану было передано около 5 тыс. английских Снайдеров, и около 4 тыс. произвели местные оружейники, однако эти винтовки почти все находились в распоряжении кабульской дивизии². Это подтверждается и очерком полковника П. П. Матвеева,

¹ Там же, л. 104/об.

² Macgregor C. M. The Second Afghan war, 1878 – 80: Official Account, p.14; Поездка Генерального штаба полковника Матвеева по Бухарским и Афганским владениям в феврале 1877 г. // Сборник материалов по Азии, 1883, № 5, с. 42

которого генерал Кауфман отправил в Афганистан во главе разведывательной экспедиции 17 сентября 1878 г. для исследования кратчайших путей от российских границ в Средней Азии к Индии на случай положительного решения царского правительства вмешаться в конфликт в Афганистане¹.

В целом британцы высоко оценивали степень готовности афганских войск к грядущей войне. Генерал Робертс в телеграмме к лорду Литтону в ноябре 1879 г., в период британской оккупации Кабула, сообщал, что «Шер Али всеми способами пытался привести нацию в состояние полной боевой готовности к войне». Эмир вложил большие суммы денег на возведение укреплений около Кабула, на вооружение и снаряжение войск и на накопление огромной по меркам государств в Центральной Азии военно-материальной части².

Однако российские военные специалисты более критично рассматривали готовность афганцев перед последующей конфронтацией. Во многом это объясняется необходимостью иметь объективные представления о состоянии армии эмира, т. к. потенциально генерал Кауфман был готов поддержать Афганистан в войне против Англии, если Шер Али удастся продержаться до следующего лета³. Например, полковник Матвеев точно определял архаичность огнестрельного вооружения афганской армии и особо подчеркивал, что кавалерия «смотрит вообще на огнестрельное оружие с презрением и считает это оружие принадлежностью трусов»⁴. Помимо технической отсталости и плохой боевой подготовки регулярной армии, полковник Н. И. Гродеков, также совершивший разведывательную поездку в северный Афганистан накануне войны, отмечал, что рядом с Гератом «нет укрепленных пунктов, хотя сколько-нибудь напоминающих европейскую фортификацию»⁵, тем самым справедливо поставив под сомнение возможность продолжительной борьбы против англичан. Генерал-майор Н. И. Разгонов, находившийся в Кабуле при дворе эмира, хоть и отмечал, что афганские

¹ Там же, с. 2

² Major-General Sir F. Roberts to Secretary to the Government of India, 19 October 1879//BPP, C. 2457, No. 35, Encl. 17, p. 148

³ Терентьев М. А. История завоеваний в Средней Азии, Т.2, с. 463 – 464

⁴ Поездка Генерального штаба полковника Матвеева по Бухарским и Афганским владениям в феврале 1877 г. // Сборник материалов по Азии 1883, № 5 с. 40-43

⁵ Поездка Генерального штаба полковника Гродекова из Самарканда через Афганистан в Герат в 1878 г. // Там же, с. 107

войска «бесспорно лучшие в Средней Азии», но все же понимал, что выдержать открытый бой с равносильными английскими войсками они, конечно, не в состоянии¹. Поэтому еще в конце августа он сообщал генералу Кауфману, что намерен давать эмиру военные советы на случай «если война уже неотразима» и всячески рекомендовать «иной образ действий»².

Исходя из вышесказанного можно однозначно подчеркнуть, что экспедиционные силы Великобритании значительно превосходили противника в вопросах боевой подготовки и снабжения, которые, тем не менее, имели свои существенные недостатки. Англо-индийские войска были оснащены устаревшей дульнозарядной артиллерией с малой дальностью стрельбы, отсутствовало единообразие в вооружении пехоты и кавалерии винтовками³, постоянной системы снабжения и транспортного сообщения не существовало, а бригады и дивизии, по выражению Б. Робсона, формировались по принципу «ad hoc», т. е. конкретно для данного случая⁴. При этом, как отмечали современники, в британской армии всегда недоставало «всего, относящегося к обозу, пекарен, скотобоев, мостового обоза и прочего...», в связи с чем войска «не в состоянии создать в минуту опасности вполне рациональную организацию всех вышеупомянутых приспособлений»⁵.

Разработка сценария сравнительно масштабного вторжения в Афганистан производилась в Индии сразу после известий о нахождении российской миссии в Кабуле. Главной проблемой при формировании экспедиции стало определение композиции и численности войск вторжения. Первый вариант наступательных операций подготовил 10 августа 1878 г. главнокомандующий в Индии генерал Хейнс. По его задумке следовало сформировать две колонны численностью 4,030 чел. при 12 орудиях и 12, 964 чел. при 45 орудиях для занятия долины Куррам и города Кандагара соответственно, а также сформировать резервный 6-тысячный

¹ Загородникова Т. Н. Большая игра в Центральной Азии: Индийский поход русской армии: Сборник архивных документов. № 99, с. 204

² Там же, № 73, с. 170

³ Английская армия использовала более современные винтовки Мартини-Генри, а индийская – Снайдера

⁴ Roberts in India: The Military Papers of Field Marshal Lord Roberts, pp. 3 – 4

⁵ Исследования о войне//Оружейный сборник, № 4, 1878, с. 26

отряд при 18 орудиях для защиты коммуникаций Кандагарской дивизии. По плану Хейнса основным операционным направлением считалась линия Кветта – Кандагар, в то время как в Курраме операции должны были носить демонстративный характер по отношению к афганской столице¹. В этом случае очевидно, что план генерала Хейнса в значительной мере опирался на проект Робертса, где главная ось наступления составляла линия Кветта – Кандагар – Герат с перспективой выхода в российский Туркестан. Поэтому можно сделать однозначный вывод, что вторжение в Афганистан на данном этапе планирования расценивалось как первая фаза потенциальной войны с Россией, в связи с чем генерал Хейнс не решался задействовать значительные войска для занятия Кабула или его предместья.

Тем не менее, динамично менявшаяся политическая обстановка одновременно в Европе и Азии вносила существенные корректировки в подготовку последующих операций. Отказ правительства Александра II поддерживать Шер Али против британцев позволил английскому командованию сосредоточить более значительные силы для вторжения в Афганистан. В конечном итоге было сформировано три колонны общей численностью около 35 тыс. чел. при 150 орудиях. Также было подготовлено две резервных дивизии – 8 тыс. чел. для охраны индо-афганской границы и поддержки наступающих отрядов². Очень важно отметить, что лишь треть числа вторгающихся войск являлись европейцами³, т. е. упор во время проведения операции делался именно на индийскую армию.

Корректировке был подвержен и план последующих операций. Теперь британское командование стремилось организовать быстрое продвижение на Кабул с расчетом окончить войну взятием столицы, но без смещения Шер Али с афганского престола. В задачи экспедиционного корпуса входило устранение иностранного влияния на Афганистан и исправление границы таким образом,

¹ Macgregor C. M. The Second Afghan war, 1878 – 80: Official Account, pp. 2 – 7

² Major-General Grierson Memorandum embodying information regarding the Second Afghan War, 20 June 1904// CAB 38/5/63, p. 1; Macgregor C. M. The Second Afghan war, 1878 – 80: Official Account, p. 13

³ РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1878, д. 15, л. 104

чтобы в будущем сделать невозможным исключение британского влияния в регионе¹. При этом военными кругами в Индии последующая кампания по-прежнему воспринималась как один из этапов возможного похода в российские владения в Средней Азии. Согласно эпистолярному наследию генерала Робертса, совместно с полковником Колли им активно обсуждался вариант дальнейшего движения английской колонны от Кабула через Бамианское ущелье в сторону Балкха с целью концентрации войск на границе российского Туркестана для наступления в Ташкент весной 1879 г.².

На севере Пешаварская армия под командованием генерал-лейтенанта С. Брауна получила следующие инструкции. Его войска численностью 15,584 чел. при 48 орудиях, передвигаясь по линии Хайберского ущелья, должны захватить форт Али Масджид, изгнать гарнизон эмира из Хайбера и занять Лунди Котал, Дакку или любой другой пункт, который может оказаться наиболее удобным для захвата Джалал-Абада³. В центре английского наступления находилась армия Куррамской долины – небольшая колонна из 6,600 чел. при 18 орудиях под командованием генерал-майора Ф. Робертса. Ей было предписано двигаться из Кохата через Куррамскую долину, затем переправиться через Пейвар-Котал к перевалу Шутагардан и, наконец, пройти 50 оставшихся миль до Кабула⁴. На юге Кветтская армия в составе 12,964 чел. при 78 орудиях под командованием генерал-лейтенанта Д. Стюарта продвигалась из Кветты в Кандагар⁵. В результате 20 ноября 1878 г. три колонны англо-индийских войск начали наступление обособленно друг от друга: 1) из Пешавара через Хайберский проход на Кабул; 2) из Кохата по Куррамской долине на Газни и Кабул; 3) из Кветты на Кандагар.

Движение на Кандагар двух дивизий под командованием генерала Стюарта носило по большей части характер военного марша. Основные трудности при движении заключались в системе снабжения и тяжелых санитарных условиях из-

¹ Dey K. P. Op. cit., pp. 57 – 58

² Roberts to Colley, 10 December 1878// Roberts in India: The Military Papers of Field Marshal Lord Roberts, pp. 34 – 37; Johnson R. General Roberts..., p. 305

³ Macgregor C. M. The Second Afghan war, 1878 – 80: Official Account, pp. 13 – 15

⁴ Roberts F. Op. cit., Vol. 2, pp.127-130

⁵ Major-General Grierson Memorandum embodying information regarding the Second Afghan War, 20 June 1904// CAB 38/5/63

за высокой жары и отсутствия воды¹. Небольшое сопротивление английские силы встретили лишь 4 января 1879 г. при переходе через долину Мала. В результате непродолжительного сражения с тысячным афганским войском, состоявшим в основном из местных ополченцев, британский отряд обратил противника в бегство, убив свыше 100 чел. при минимальных потерях в 10 раненых. Такой результат, с точки зрения майора Королевских инженеров А. Ле Мессюрьера, показал, что «огнестрельное оружие и амуниция афганцев были малоэффективными»². В итоге колонна Стюарта достигла Кандагара 8 января 1879 г., не встретив особого сопротивления³. Губернатор Кандагара и большинство его чиновников вместе с афганской кавалерией к этому моменту сбежали в Герат.

Если дивизия под командованием Стюарта в основном страдала от отсутствия пропитания и тяжелого климата и была вынуждена ожидать дальнейшего хода развития событий, то две другие колонны в то же время постоянно ощущали серьезное сопротивление со стороны, как афганских регулярных войск, так и местных племен. Как писал генерал Л.Н. Соболев, «нападение иррегулярных афганских сил на сообщения противника совершенно расстроило транспортную часть английской армии и привело ее в плачевное состояние»⁴. Англо-индийские колонны, перешедшие в наступление, были крайне медленны и трудны для защиты от нападения противника во время пути, что давало простор для широких диверсий со стороны афганских отрядов. Для транспортировки снаряжения по Афганистану использовались верблюды, слоны, лошади, мулы и другие вьючные животные, для которых регулярно требовались огромные запасы фуража, из-за чего британские дивизии испытывали постоянно большие трудности. Не имея возможности перевести верблюдов на подножный корм, англичане были обязаны доставлять им фураж из Индии. В итоге это

¹ Elsmie G.R. Op. cit., p. 232

² Kandahar in 1879: The Diary of Major Le Messurier, pp. 47 – 50

³ Ibid., p. 57

⁴ Соболев Л.Н. Указ. соч., с. 2

приводило к массовой гибели вьючного скота и негативно отражалось на возможности подвоза к войскам необходимого продовольствия¹.

Тем временем, добравшись без особых проблем до деревни Хабиб Калла утром 28 ноября 1878 г., генерал Робертс получил сообщение о том, что афганские войска, которые находились на пути его продвижения, оставили свои позиции и орудия по обе стороны от Пейвар-Котала и начали отступать в замешательстве на вершину горы. Робертс решил организовать преследование и быстро выстроил свой отряд в две колонны². Вскоре продвижение англичан стало сдерживаться афганскими регулярными силами. У афганцев была хорошо подготовленная позиция с артиллерийской поддержкой на вершине хребта, возвышающегося над узким перевалом Пейвар-Котал на высоте 8,500 футов над уровнем моря, покрытого кедровыми соснами. Как писал биограф «Бобса» Р. Лоу, «нападение на дисциплинированные войска эмира, на укрепленной позиции в перевале, с ограниченными средствами в распоряжении Робертса, явилось актом крайней опрометчивости, который мог оправдать только большой успех»³.

Из автобиографии британского генерала становится известно, что перед началом сражения под его командованием находились 3,314 чел. (общая численность сил в лагере, включая британских офицеров, составила всего 889 европейцев и 2,415 туземцев с 13 орудиями. – А. А.)⁴. Поскольку 5 тыс. афганцев во главе с Карим-ханом имели как численное превосходство, так и господствующее положение в долине, о фронтальной атаке не могло быть и речи. Робертс писал, что при попытке ее организовать «численность потерь оказалась бы огромной, даже если б атака завершилась успехом»⁵.

После разведки местности, на которой предстояло действовать, английский командующий принял следующее решение. С большей частью колонны Робертс собирался совершить обходной ночной марш справа от Спингавай-Котала, с

¹ Там же, с. 36; Извлечение из сочинения Фэрса о военном обозе// Сборник материалов по Азии, № 19, 1885, с. 7 – 11

² Forbes A. The Afghan Wars. London, 1892, pp. 171 – 172

³ Low R. Memoir of sir Frederick Roberts..., p. 136

⁴ Roberts F. Op. cit., Vol. 2., p. 136

⁵ Forbes A. Op. cit., p. 174; Ibid., p. 132

целью обогнуть эту гору и выйти с другой стороны перевала в тыл афганской позиции на Пейвар-Котале; в то же время бригадный генерал Кобб, в распоряжении которого были 8-й Королевский и 5-й Пенджабский пехотные полки, кавалерийский эскадрон и 6 пушек, должен атаковать противника с фронта, когда результат фланговой атаки Робертса даст свои плоды¹. План действий главнокомандующий объяснил командирам штаба накануне сражения вечером 1 декабря. Детали операции держались в секрете, чтобы не только афганцы, но и британские войска ожидали приказа о фронтальной атаке следующим утром. В итоге, писал Робертс в мемуарах, «попытки ввести противника в заблуждение были вполне успешными, поскольку афганцы начали обстрел центральной батареи и разместили дополнительные пушки на южной стороне перевала, чем они отчетливо показали, что готовятся к фронтальной атаке»².

В результате успешно выполненного маневра афганцы вынужденно покинули в спешке свои позиции, оставив много убитых и раненых, бросив 18 орудий и огромное скопление боеприпасов и амуниции. Британские потери оказались скромными – 21 убитый и 72 раненых³. В письме к своему брату рядовой Тимоти О'Лири писал: «Это был тяжелый день, потому что афганцы хорошо сражались и отступили, только когда мы обогнули их левый фланг... и мы надеемся, что продвинемся еще дальше, фактически вплоть до самого Кабула»⁴.

Победа Робертса на Пейвар-Котале положила начало его блестящей военной карьере, т. к. до этого он не имел опыта командования войсками в бою. Как писал А.Е. Глущенко, «Фредерик Робертс стал таким же национальным героем, как М. Д. Скобелев для русских, поскольку, по мнению первого из пяти биографов Робертса, обладал схожими чертами характера... Он был чрезмерно бесстрашный и неизменно патриотичный – для викторианцев это стало

¹ Ibid., p. 136

² Ibid., p. 136

³ Forbes A. Op. cit., p. 174

⁴ New York Times, 14 April 1879

олицетворением добродетелей, которые в то время культивировались в обществе»¹.

Отправив обратно в форт Куррам больных и раненых, генерал Робертс двинулся к Али-Хель, а затем совершил разведку перевала Шутагардан, вершина которого находится от Кабула чуть более чем на 50 миль. К 9 декабря разведчики «Бобса» выяснили, что вплоть до вершины перевала Шутагардан не было сильных оборонительных позиций, как в Пейваре, которые противник мог удерживать, чтобы остановить британское продвижение на этой линии в направлении Кабула. Кроме того, стало известно, что поражение, нанесенное афганской армии 2 декабря, вселило уверенность в местных племена, лояльные к эмиру, в бесполезности дальнейшего сопротивления². Дорога на Кабул была практически открыта. Однако изначальные предписания генералу Робертсу не позволяли без особых распоряжений пересекать горную цепь, разделяющую Куррамский перевал и р. Кабул, поэтому он сосредоточился на операциях в долине Хост с целью установления там британского контроля³.

В это же время вторая колонна, армия Пешаварской долины генерала Брауна, вошла в Хайберский перевал и принялась 21 ноября штурмовать форт Али-Масджид, который афганцы под командованием Фаиз Мохамеда удерживали с помощью пехоты, кавалерии и артиллерии численностью 4,120 чел.⁴. Афганские войска располагались на холме в 500 футах над ущельем и поддерживалась хайберскими племенами в количестве 600 чел., занимавших позиции по обе стороны от месторасположения крепостного гарнизона⁵. Браун, ожидая, что его попытаются окружить, направил одну бригаду генерала Титлера на фланкирующий марш через ущелье к северу от Хайбера, чтобы занять позицию в тылу афганцев, а вторая бригада генерала Макферсона поднялась по его приказу на холмы, чтобы противостоять противнику с левой стороны, третья группировка

¹ Глущенко А. Е. Указ. соч., с. 347 – 348

² Macgregor C. M. The Second Afghan war, 1878 – 80: Official Account, pp. 115 – 116

³ Memorandum from Foreign Department, 7 November 1878// Roberts in India: The Military Papers of Field Marshal Lord Roberts, p. 27

⁴ Major-General Grierson Memorandum embodying information regarding the Second Afghan War, 20 June 1904// CAB 38/5/63

⁵ Macgregor C. M. The Second Afghan war, 1878 – 80: Official Account, p. 33

под командованием генерала Эппльярда двинулась вверх по склонам для фронтальной атаки. Последняя бригада во главе с Брауном прикрывала тылы¹. К утру следующего дня бой полностью закончился, и британцы заняли брошенный форт Али-Масджид, потеряв в бою 16 убитыми и 34 ранеными, захватив при этом более 20 образцов вражеской артиллерии².

После штурма Али-Масджида Браун двинулся к Дакке, не встретив сопротивления. В декабре генералу было приказано продвинуться дальше и идти в Джалал-Абад³. После четырехдневного марша колонна Брауна 20 декабря без боя заняла сам город⁴. По прибытии штаба дивизии в пункт назначения было установлено, что эмир Шер Али покинул Кабул 13 декабря в направлении российского Туркестана. Его сопровождали оставшиеся члены российской миссии. В отчетах отмечалось, что перед отъездом Шер Али потерял всю власть в Кабуле, его армия была ослаблена многочисленными случаями дезертирства, а территория между Джалал-Абадом и Кабулом была описана как «находящаяся в состоянии анархии»⁵.

С началом британского вторжения в Афганистан эмир Шер Али пригласил генерал-майора Н. О. Разгонова, оставленного Н. Г. Столетовым в качестве главы российской миссии, и попросил его ускорить прибытие обещанных ранее царских войск для отражения английской агрессии. Однако туркестанский генерал-губернатор отказался помочь в военных действиях, имея на это «положительное веление Государя Императора»⁶. Еще в октябре российский посол П. А. Шувалов получил инструкции от Военного министра Д. А. Милютина, которые предписывали «возобновить прежнее наше с Англией соглашение, основанное на сохранении независимости Афганистана»⁷. В декабре состоялась личная переписка между П. А. Шуваловым и лордом Солсбери, в ходе которой решались

¹ Forbes A. Op. cit., pp. 169 – 170

² The London Gazette, 28 January 1879

³ Dey K. P. Op. cit., p. 59

⁴ Macgregor C. M. The Second Afghan war, 1878 – 80: Official Account, p. 38

⁵ Ibid., p. 40

⁶ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1881, д. 89, л. 33

⁷ Милютин Д. А. Дневник 1873 – 1882, Т.2, с.113

вопросы прежних договоренностей, нынешняя ситуация в Афганистане и условия окончания миссии в Кабуле¹.

В итоге 3 декабря в телеграмме канцлера А. П. Горчакова к генералу Кауфману было приказано сообщить Разгонову о возвращении в Ташкент «с находящимися при нем лицами», поскольку английские министры дали российскому послу в Лондоне «положительные заявления, что независимость Афганистана будет ими сохранена»². В январе Д. А. Милютин писал в своем дневнике, что, т. к. Россия получила от Англии обязательство не распространять границы Индии к северу Гиндукуша и сохранить независимость Афганистана, «то лучше избегать нового повода к раздражению нашей соперницы на Востоке»³.

Россия на данном этапе войны практически полностью удалилась от событий, происходящих в Афганистане, и стала наблюдать со стороны за дальнейшим походом британской армии. Как отмечал Е. Ю. Сергеев, планы военной партии при дворе, направленные на превращение Афганистана в очередной протекторат России, потерпели неудачу. Для интересов империи оказалось важнее подписать с англичанами соглашение об их невмешательстве в дела Бухары в обмен на обязательство России в отношении Афганистана⁴, в том числе для сохранения в тайне подготовку Ахал-текинской операции.

21 февраля 1879 г. Шер-Али, отправившийся из Кабула с российской миссией, умер от гангрены, о чем британское правительство уведомил лично Якуб-хан в письме от 26 февраля 1878 г.⁵. Весть о смерти афганского эмира спустя два дня достигла вице-короля Индии благодаря телеграмме майора Л. Каваньяри. В ней он высказывал мнение, что смерть эмира «открывает благоприятную возможность переговоров с Якуб-ханом, особенно если учесть, что он сейчас находится в довольно тревожном состоянии»⁶. К этому моменту все три английские военные колонны уже находились в глубине афганской

¹ Count Schouvaloff to Marquis of Salisbury//BPP, C.2209, No.7. p 9-10; The Marquis of Salisbury to Count Schouvaloff, 19 December 1878//Ibid., No. 9, p.1 0; См. Подробнее: Хидоятов Г. А. Указ. соч., с. 293 – 310

² АВПРИ, ф. 194, оп. 528а/1, 1878, д. 830, л. 140

³ Милютин Д. А. Дневник 1873 – 1882, Т.2, с. 128

⁴ Сергеев Е. Ю. Указ. соч., с. 166

⁵ Загородникова Т. Н. Большая игра в Центральной Азии: Индийский поход русской армии: Сборник архивных документов. №150, с. 313

⁶ Там же, с. 313

территории: армия Стюарта заняла Кандагар, Брауна – Джалал-Абад, а Робертс после ряда карательных операций в долине Хост разместился в Али-Хель на зиму¹. Якуб-хан, не желая продолжать сопротивление, предложил обсудить условия мира.

До начала переговоров вице-король Индии искренне считал, что «главным условием сохранения сильного независимого Афганистана является сильный независимый правитель»². Но лорд Литтон придерживался негативного мнения о Якуб-хане, описывая его как «очень скользкого партнера»³, однако многие факторы внушали необходимость мира в этот момент. Военный агент А. П. Горлов писал из Лондона, что «холера значительно ослабила комплектование войск»⁴. Л. Н. Соболев в своей работе тоже отмечал, что зимняя кампания дорого обошлась англичанам⁵. Полковник Дж. Колли, военный секретарь Литтона, еще перед началом английского вторжения в ноябре в 1878 г. в переписке с генералом Уолсли подчеркивал, что «цена вооруженной оккупации Афганистана превышает ту, которую мы можем за нее заплатить»⁶.

В связи с этими факторами парламент закономерно опасался возможности второй катастрофы, памятуя события первой Англо-афганской войны. Давали о себе знать и неудачи английского оружия в Южной Африке против зулусов, которые повергли в шок британскую общественность зимой 1879 г. В это же время представители либеральной оппозиции во главе с У. Гладстоном получали все большую поддержку против консервативного правительства Дизраэли⁷. Лорд Литтон в этой ситуации чувствовал себя вынужденным начать переговоры, чтобы избежать возможного продолжения военных действий «со всеми вытекающими отсюда военными рисками, политическими затруднениями и финансовыми издержками»⁸.

¹ Spiers E. M. *The Scottish Soldier and Empire...*, p. 50

² Balfour B. *Op. cit.*, p. 311

³ Fremont-Barnes G. *The Anglo-Afghan Wars 1839–1919*. L., 2014, p. 59

⁴ РГВИА, ф.401, оп. 3, 1881, д. 1, л. 185/об.

⁵ Соболев Л. Н. *Указ. соч.*, с. 7

⁶ Butler W. F. *The Life of Sir George Pomeroy-Colley...*, p. 212

⁷ Подробнее см.: Гелла Т. Н. *У. Гладстон, либералы...*, с. 98

⁸ Balfour B. *Op. cit.*, p. 312

Поспешность заключения мира была также продиктована тем, что параллельно Россия усилила свою военную активность в Средней Азии, что естественно беспокоило британские элиты. По выражению Е. Ю. Сергеева, в этот момент «Россия попыталась взять реванш на другой, расположенной ближе к ее владениям «площадке» Большой Игры – в Закаспийской Туркмении»¹.

С началом британского вторжения в Афганистан в Военном ведомстве метрополии стал очень остро вопрос определения будущей индо-афганской «научной границы», которая бы отвечала потребностям сдерживания дальнейшего продвижения России вглубь Центральной Азии. К этому моменту успело обновиться высшее звено военно-стратегического планирования в Лондоне. На должность генерал-квартирмейстера британской армии, в ведомстве которого и находилась данная структура, был назначен генерал-лейтенант Г. Уолсли, а во главе разведывательного департамента – генерал-майор А. Элисон. В конце ноября – начале декабря 1878 г. он подготовил серию записок, ставших основанием для последующего заключения мира с Афганистаном. В них приводилось более предметное и комплексное обоснование правомерности именно «кабульской инициативы» в контексте англо-русского соперничества в Центральной Азии, которая могла обеспечить Англию военным преимуществом в случае очередной конфронтации.

Будучи сторонником «кабульской инициативы» генерал Элисон считал, что, даже организовав успешное наступление на Герат, российская армия не будет предпринимать попытки вторжения в пределы Индостана с южного направления через перевал Болан из-за серьезных географических и военно-организационных трудностей, с которыми ей придется столкнуться в этом регионе. Поэтому, достигнув Кандагара, царские войска, по его мнению, будут продвигаться через Газни на Кабул, чтобы обеспечить контроль над горными проходами Хайбер и Куррам. Исходя из этой предпосылки, он считал наиболее рациональным способом обороны Индии занятие по итогам войны стратегических пунктов по линии Гиндукуша в предместье афганской столицы. В качестве одного из таких

¹ Сергеев Е. Ю. Указ. соч., с. 167

пунктов им определялось поселение Куши в 44 милях от Кабула и 74 милях от Газни. С этой позиции «британские войска всегда могут захватить афганскую столицу и даже перевалы через Гиндукуш, ведущие от Бамиана к Балкху, несмотря на сопротивление, которое может оказать эмир, и до того, как он будет усилен русской армией, направляющейся с Оксуса (Амударьи – А.А.)¹.

В противовес военным специалистам в Индии генерал Элисон не разделял необходимость оккупации Герата, твердо придерживаясь точки зрения, что англо-индийские войска, расположенные в Кветте, всегда смогут быстрее занять Кандагар и встретить российскую армию в его предместье. При этом удержание цепи Кветта – Куши одновременно обеспечит: 1) надежную защиту Индии по линиям Гиндукуша и Сулеймановых гор; 2) возможность нанесения удар царским войскам сразу по двум операционным направлениям².

Хотя консервативное правительство Дизраэли в итоге отказались от идеи расположения военных пунктов в пределах Гиндукуша, тем не менее, оно сделало необходимые шаги для приближения северо-западной границы Индии к афганской столице и укрепления своих позиций в пределах Кветты.

В апреле 1879 г. колонна под командованием генерала Брауна, несмотря на возникшие трудности с поставками продовольствия, многочисленными вспышками холеры среди личного состава и гибелью в больших количествах лошадей и верблюдов, получила приказ обезопасить коммуникации между Даккой и Гандамаком, чтобы показать Якубу серьезность намерений английского правительства³. К началу мая генерал Браун полностью выполнил предписание и 26 мая 1879 г. Л. Каваньяри и Якуб-хан заключили в Гандамаке мирный договор⁴.

Согласно положениям Гандамакского мирного договора, британские власти в Индии признавали Якуб-хана эмиром Афганистана, а он соглашался принять британских дипломатов в Кабуле. По договору долины Куррам и Пишин,

¹ Alison A. Memorandum on the Ratification of the North-West Frontier of India, 26 November 1878// WO 33/32/1878/712, pp. 6 – 8; Alison A. Memorandum on the choice of a Military Frontier of India on the North-West, 9 December 1878// WO 33/32/1878/719, pp. 1 – 2

² Alison A. Memorandum on Herat, 9 December 1878// Ibid., p. 3

³ Elsmie G. R. Op. cit., p. 259

⁴ Treaty of Peace between Great Britain and Afghanistan, 26 May 1879//BFSP, Vol. 70, pp. 49 – 52

пограничный район Сиби и перевал Хайбер переходили во владение британской Индии, а контроль над афганской внешней политикой передавался английским властям в Калькутте¹. Со своей стороны, Якуб получал ежегодную субсидию в размере 6 лакхов рупий и обещание англо-индийской защиты от любой внешней агрессии, в первую очередь от России². Таким образом, Великобритания не только получила все, на что она претендовала в Афганистане – создание постоянной миссии в Кабуле, контроль над афганской внешней политикой и перевалами Хайбер и Куррам, уступка некоторых пограничных районов – но и добилась исключения российского влияния без прямой вооруженной конфронтации с Россией.

Несмотря на незначительное сопротивление со стороны афганцев и сравнительно невысокую степень их готовности к войне с материальной стороны, английские войска действовали довольно успешно, в первую очередь благодаря грамотному и квалифицированному командованию. Здесь стоит выделить Ф. Робертса, действия которого предопределили успех кампании и обеспечили героический ореол ему и британской армии в целом.

При этом очень важно сделать акцент на нескольких ключевых моментах. Во-первых, к началу войны, согласно российским отчетам, в Афганистане была смута, возникшая из-за недовольства экономической политикой прежнего эмира, и многие войска не желали сражаться за его власть³. Это объясняет частые случаи массового бегства с поля боя со стороны афганцев. Во-вторых, что касалось англичан, то в ходе кампании серьезно страдала система поставок снабжения и гигиена, неоднократно были замечены вспышки холеры, которые сказывались на эффективности колониальных войск и не позволявшие действовать более стремительно. На это большое влияние оказала потребность высших политических кругов сэкономить на комиссариатских средствах. В частности, за несколько месяцев до начала кампании был составлен новый проект организации

¹ Ibid., p. 50

² Ibid., p. 51

³ Загородникова Т. Н. Большая игра в Центральной Азии: Индийский поход русской армии: Сборник архивных документов. №137, с. 274 – 275

перевозочных средств с отдельным управлением, чтобы избежать проблем с поставками и грамотно распределить компетенции среди различных ведомств. Но правительство Индии отвергло эту идею, оставив весь обоз в ведении комиссариата, тем самым заметно обременив его при решении других более актуальных задач¹.

Тем не менее на первом этапе войны колониальная армия Великобритании выполнила все поставленные перед ней задачи. Однако недостатки военной организации в Индии, выявленные в ходе кампании 1878 – 1879 гг., заставили местных властей пересмотреть механизм развертывания вооруженных англо-индийских сил и принцип их военного и административного управления. Для этого в июле 1879 г. была сформирована специальная комиссия под председательством вице-губернатора Бенгалии сэра Эшли Идена в составе компетентных британских офицеров, таких как генерал Робертс и полковник Макгрегор. По итогам ее работы был подготовлен объемный отчет, в котором на основе опыта недавних событий военные специалисты сформулировали программу последовательных преобразований англо-индийской армии, конкретизировав форму дальнейшей «наступательной политики» Англии в Центральной Азии на ближайшие десятилетия.

В частности, одной из главных рекомендаций комиссии стала подготовка «для операций против России или Афганистана при поддержке России двух армейских корпусов от 50,000 до 60,000 чел. при 180 орудиях»². Для этого по заключению специалистов требовалось упразднить систему трех отдельных армий-президентств и заменить ее на четыре единообразных армейских корпуса, четко привязанных к определенным районам Индии по территориальному принципу – Бенгальский, Пенджабский, Бомбейский, Мадрасский. Во главе каждого корпуса следовало назначить генерал-лейтенанта британской армии, стоявшего во главе грамотно организованного штаба из офицеров, представлявших все ветви военной администрации в Индии³. Комиссией также

¹ Извлечение из сочинения Фэрса о военном обозе// Сборник материалов по Азии, № 19, 1885, с. 7 – 8

² Report of the Special Commission..., p. 7

³ Ibid., pp. 21 – 22

предлагалось сформировать по модели Кардвелла резерв в 60 тыс. чел., быстро мобилизующийся в случае национальной угрозы¹. Это в свою очередь настоятельно требовало улучшения существующей местной транспортной инфраструктуры, поэтому председатели уделили особое внимание системам коммуникаций. Они пришли к выводу о стратегической необходимости дополнительно провести две железнодорожные ветки из Индии к Кветте и Кохату с целью концентрации войск на индо-афганской границе, чтобы в случае очередных осложнений с Афганистаном или Россией в Центральной Азии обеспечить быстрое занятие Кандагара и Кабула². Также были представлены подробные рекомендации по структурированию вертикали военной власти, для чего ставку главнокомандующего следовало переместить из Калькутты на постоянную основу в Симлу вместе с Генеральным штабом и подчиненным ему Разведывательным департаментом, которые полностью обеспечивали контроль над процессом военно-стратегического планирования возможных кампаний, снабжения и мобилизации действующей армии³.

Таким образом комиссия Идена экстраполировала опыт европейских военных организаций того времени, где каждый отдельный территориально-окружной корпус представлял собой, с одной стороны, полностью обособленную боевую единицу, с другой, за счет единообразного подхода к управлению высокоорганизованное тактическое соединение, способное эффективно действовать в составе крупной армейской группировки. Стоит отметить, что эта мера носила в том числе и политический характер. Лорд Литтон стремился централизовать институт власти вице-короля над президентствами, лишив губернаторов провинций прямого контроля над местными армиями⁴. В определенном смысле модель армейских преобразований военного управления в Индии, рекомендованная комиссией Идена, копировала структуру Военного министерства в метрополии и подчеркивала тенденцию к более комплексному

¹ Ibid., p. 7

² Ibid., pp. 164 – 165

³ Ibid., pp. 49 – 56

⁴ Robson B. The Eden Commission and the Reform of the Indian Army – 1879-1895//Journal of the Society for Army Historical Research, Vol. 60, No. 241, 1982, p. 4

вовлечению местных войск в структуру имперской обороны. Тем не менее, в ближайшей исторической перспективе все рекомендации комиссии остались без внимания, т. к. отчет был подготовлен к ноябрю 1879 г., к моменту, когда в Афганистане вновь развернулись активные боевые действия.

В начале июня 1879 г. двум колоннам в Пешаварской долине и Кандагаре, охваченным холерой, было приказано немедленно вывести свои войска из Афганистана. Генерал Браун вскоре выполнил предписания, а дивизия генерала Стюарта в Кандагаре дожидалась необходимых погодных условий и планировала покинуть страну 15 сентября, чтобы к концу следующего месяца вернуться в Индию¹. Колонна генерала Робертса, однако, оставалась на постоянной основе в Курраме в качестве гаранта сохранения мира на афганской территории². В это же время майор Л. Каваньяри был назначен на пост главы дипломатического представительства в Кабуле.

В начале июля он отправился с небольшим эскортом в Кабул, который сопровождал генерал Робертс со своими войсками³. 24 июля он прибыл в столицу и основал свою резиденцию в Бала-Гиссар – форте, располагавшемся рядом с дворцом эмира, «который в предыдущие годы в момент полной анархии и восстаний обеспечивал надежное убежище тем офицерам, которым удавалось его достичь»⁴. В свое кабульское посольство Каваньяри оставил небольшой военный эскорт, чтобы избежать по возможности проблем с местным населением: «В соответствии с этими соображениями его персонал был ограничен секретарем (г-ном Дженкинсом), медицинским сотрудником (д-ром Келли) и военным атташе (лейтенантом Гамильтоном), отвечающим за тщательно отобранный конвой из 26 кавалеристов и 50 пехотинцев индийского корпуса разведчиков»⁵.

Несмотря на принятые меры предосторожности, ситуация в столице с августа 1879 г. стала резко обостряться из-за общего ухудшения финансового положения страны. При этом, естественно, местное население связывало

¹ Elsmie G. R. Op. cit., p. 275

² Fremont-Barnes G. Op. cit., p. 60

³ Глуценко А. Е. Указ. соч., с. 355

⁴ Foreign Department to the Viscount Cranbrook, 7 January 1880//BPP, C. 2776, No. 2, p. 2

⁵ Ibid., p. 3

проблемы государства с посольством Каваньяри и его прямым вмешательством в местные дела. Он лично занимался распределением финансовых средств, что создавало впечатление между вождями племен, что именно он, а не Якуб-хан, руководил государством¹.

В итоге 3 сентября 1879 г. британское посольство в Кабуле подверглось нападению трех полков из Герата, которые пришли за выплатами в Бала-Гиссар, чтобы получить задолженность по денежному жалованию. Еще в начале августа майор Каваньяри в регулярном отчете сообщал, что до него дошли тревожные сообщения из нескольких источников о мятежном поведении гератских полков, которые «ходили по городу с обнаженными мечами и выкрикивали пылкие выражения против эмира и его английских гостей»². Они расквартировались практически под стенами форта и утром 3 сентября снабдили оружием нескольких охранников в Бала-Гиссар. Двое из трех гератских полков в тот же день подняли мятеж, обнаружив, что им заплатили не полностью³. Позже к волнениям присоединились солдаты из других полков и жители Кабула, и численность восставших к концу дня достигла нескольких тысяч. Они осадили английскую резиденцию со всех сторон и подожгли здание, а все его защитники погибли после отчаянной попытки сопротивления⁴.

Подводя итог первому этапу англо-афганского конфликта, стоит отметить, что, несмотря на успешное завершение кампании по установлению лояльного к Англии правительства Якуб-хана, британское политическое руководство не предприняло соответствующих мер для стабилизации ситуации в стране и упрочнения позиции нового эмира среди афганского населения. Спешно организовав посольство и сразу начав ничем неприкрытое вмешательство во внутренние дела Афганистана, оно только усугубляло финансовое положение страны и недовольство среди местного населения иностранной опекой, что закономерно привело к кризису и возобновлению боевых действий.

¹ Fremont-Barnes G. Op. cit., p. 61

² Sir Louis Cavagnari to Foreign Secretary, 8 August 1879// BPP, C. 2457, No. 10, Encl. 5, p. 18

³ Foreign Department to the Viscount Cranbrook, 7 January 1880//BPP, C. 2776, No. 2, p. 4

⁴ Ibid., p. 4

2.3. Второй этап и завершение Англо-афганской войны (1879 – 1881 гг.)

Восстание 3 сентября 1879 г. в Кабуле и убийство членов британской миссии ознаменовало собой начало нового этапа в Англо-афганской войне, который характеризуется явной политической непоследовательностью со стороны лондонской и индийской администраций, вызванной как внутренними противоречиями в самой Англии, так и событиями в Афганистане. Высшим правящим кругам требовалось срочно устранить нараставший кризис власти внутри страны, в том числе и радикальными методами, а военным приходилось импровизировать на ходу, чтобы подавить восстание, не избегая при этом методов прямого террора по отношению к местному населению и стараясь не допустить очередной катастрофы, подобной в пору первой войны с афганцами.

Как только новости о гибели британского посольства в Кабуле достигли Индии 5 сентября 1879 г., вице-король отменил прежние приказы о выводе войск из Афганистана. К этому моменту на афганской границе была сосредоточена англо-индийская армия численностью примерно 20 тыс. чел. Генерал Робертс получил указание срочно выдвинуться в Кабул с новой колонной численностью 6,5 тыс. чел., разделенной на три бригады – одна кавалерийская под командованием генерала Мэсси и две пехотных под командованием генералов Макферсона и Бейкера¹. Генерал Д. Мэсси получил указание вновь занять Шутагардан; при этом генерал Стюарт также обязался повторно оккупировать Кандагар. Генерал-майор Горлов, сообщая о плане действий английских войск, писал из Лондона следующее: «Стюарт, сосредоточившись в Кандагаре, двинется для прикрытия левого фланга Робертса и войдет с ним в связь в Газни»². Наряду с этими распоряжениями было приказано создать в Джегдаллаке и Равал-Пинди войсковой резерв в 6 тыс. чел., чтобы противостоять любой потенциальной угрозе штабу Робертса в Кабуле и Стюарта в Кандагаре и линиям коммуникаций с Пешаваром и Кветтой соответственно³.

¹ Viceroy to Secretary of State, 12th September 1879//BPP, C. 2457, No. 20, p. 32

² РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1879, д. 1, л. 185/об.

³ Viceroy to Secretary of State, 12th September 1879//BPP, C. 2457, No. 20, p. 32

После ряда ожесточенных боев с афганскими войсками генерал Робертс 13 октября без сопротивления вошел в Кабул. Якуб-хан отрекся от престола со словами, что «предпочел бы стричь газоны в Индии, нежели остаться правителем в Афганистане»¹. Однако правительство Великобритании выступало против любых преждевременных или поспешных действий в отношении будущей администрации Афганистана, т. к. лорд Литтон не мог найти подходящего преемника Якуб-хану². Пока тори пытались разрешить этот вопрос, Робертсу было приказано оставаться в столице и выполнять функции политического наместника. Изначально в инструкциях лорда Литтона ему четко предписывалось после занятия Кабула произвести расследование обстоятельств гибели посольства Каваньяри, найти виновных и «казнить их наиболее впечатлительным способом для местного населения»³. Так, по его распоряжению были казнены 89 чел. – виновников нападения повесили перед руинами резиденции британского посольства, члены которого погибли 3 сентября⁴. Впоследствии военный агент А. П. Горлов писал из Лондона, что 12 октября 1879 г. «Робертс произнес речь собранным старшинам, заявив, что страна объявлена в осадном положении, и потребовав выдачу всего оружия в городе под страхом смертной казни»⁵.

Стоит отметить, что последующие репрессивные методы генерала Робертса во время оккупации Кабула подверглись жесткой критике английской общественностью и традиционно в отечественной историографии негативно рассматривались с позиции критики методов британского империализма. С нашей точки зрения, опираясь на первоисточники, можно отметить, что британский командующий не превышал свои полномочия и действовал в рамках вверенных ему инструкций, и в целом его действия не выходили за пределы обычной для английских колониальных войн оккупационной практики. Так, в период Ашантийской войны (1873-1874 гг.) британские войска систематически сжигали

¹ Balfour B. Op. cit., p. 367

² Ibid., p. 368

³ Lytton to Roberts, 9 September 1879// Roberts in India: The Military Papers of Field Marshal Lord Roberts, pp. 119 – 120

⁴ Macgregor C. M. The Second Afghan war, 1878 – 80: Official Account, p. 244

⁵ РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1879, д. 1, л. 220

населенные пункты, убивали раненых и не брали противника в плен, однако эти действия не подвергались критике общественности и, наоборот, представлялись в героическом ореоле. В данном случае, по нашему мнению, генерал Робертс стал объектом либеральной пропаганды, целью которой была дискредитация действующего правительства. Таким образом, казни в Кабуле становились для сторонников У. Гладстона удобным инструментом политического давления на тори.

Обращаясь же к самому аспекту проведения репрессий в Афганистане, важно подчеркнуть, что, помимо официальных казней, производились систематические расстрелы местного населения из-за нежелания подчиняться приказу о разоружении, поэтому определить точное количество жертв британской оккупации в Кабуле сегодня не представляется возможным¹. Однако объективно оценивая эти события, мы соглашаемся с точкой зрения историка Р. Джонсона о том, что проведение публичных казней и расстрелов без каких-либо посредников или представителей афганской правовой системы не только устранило возможность британцам действовать от имени суверенного афганца, но и подорвало авторитет власти самого эмира, поскольку он оказался не способен самостоятельно производить правосудие по отношению к своему народу². Также методы военного террора, практикуемые Робертсом, не способствовали популярности британской оккупации среди местного населения, что привело к нарастанию недовольства в стране и последующей масштабной осаде Кабула.

Консервативный кабинет в Лондоне в то же время пытался решить вопрос дальнейшей политики в отношении Афганистана. В ответ на попытку нового продвижения российских войск к Мерву правительство Дизраэли разработало программу расширения британского влияния на Среднем Востоке. Военный агент А. П. Горлов сообщал из Лондона, что тори намеревались разделить Афганистан на «независимые одно от другого княжества, которых, вероятно, будет четыре: Кабул, Газни, Кандагар и Герат»³. Лорд Крэнбрук, учитывая мнение Литтона, что

¹ Roberts in India: The Military Papers of Field Marshal Lord Roberts, p. 22

² Johnson R. General Roberts..., p. 310

³ РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1879, д. 1, л. 268

«административный союз Афганистана под одной центральной властью уже практически невозможен»¹, считал неизбежной дезинтеграцию Афганистана² и полную оккупацию британскими войсками южной и северной его части³. Однако кабинет министров и сам вице-король Индии были не до конца уверены, будет ли разделение страны на малые управляемые ханства более прагматичным решением и обеспечит ли реалистичную степень политической власти над тремя конкурирующими городами-государствами – Кабулом, Кандагаром и Гератом. Лорд Солсбери в свою очередь желал передать Герат и часть прилегающих к нему территорий Персии, чтобы сблизиться с персидским шахом и таким образом опередить Россию в борьбе за влияние в Центральной Азии⁴. Также у членов лондонского кабинета возникла идея полного разрушения Кабула с переносом столицы в Кандагар, поближе к границе британской Индии⁵. Таким образом, последующие несколько месяцев проходили в бесконечных спорах членов консервативного правительства относительно решения афганского вопроса, что только усложняло ситуацию в самой стране.

Пока британские власти обсуждали преимущества дезинтеграции страны и возможных претендентов на трон эмира, в Афганистане недовольство британской оккупацией переросло в организованный мятеж. К декабрю 1879 г. различные группировки на севере и востоке страны мобилизовались, чтобы принять меры против интервентов в Кабуле. Во главе восставших находился 90-летний мулла по имени Мушк-и-Алам и офицер афганской артиллерии Мохаммед Джан⁶. Генерал Робертс решил подавить восстание, обдумывая поход против центра волнений в Газни, но, по сообщениям российского военного представителя в Лондоне, ограниченная численность войск под его командованием и транспорта исключили эту возможность⁷.

¹ Balfour B. Op. cit., p. 382

² Buckle G. E. Op. cit., Vol. 6, p. 507

³ Lytton to Roberts, 21 October 1879//Roberts in India: The Military Papers of Field Marshal Lord Roberts, p. 132

⁴ Balfour B. Op. cit., p. 381

⁵ Сегреев Е. Ю. Указ. соч., с. 172

⁶ Snook M. Into the Jaws of Death: British Military Blunders, 1879 – 1900. L., 2007, p. 32

⁷ РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1879, д. 1, л. 221; Johnson R. General Roberts..., pp. 311 – 312

Задача генерала Робертса на этом этапе конфронтации состояла в том, чтобы разбить вражескую мятежную группировку и не дать ей получить контроль над горными высотами к северу и западу от Кабула и таким образом овладеть всем городом. Объективно численность войск под его началом в размере около 7 тыс. чел. была недостаточна, чтобы противостоять афганским ополченцам и одновременно надежно удерживать длинную линию коммуникаций. Тем не менее, вместо того чтобы ждать неизбежного нападения со стороны превосходящего числом противника, «Бобс» взял на себя инициативу и решил противостоять разрозненным группам афганцев, прежде чем они смогут консолидировать свои силы. Для этого он подготовил две колонны: первой, под командованием генерала Макферсона, численностью 1,800 чел. предстояло атаковать племена, прибывающие с севера, до того, как они смогут присоединиться к наступающим с запада; второй колонне численностью 1,250 чел. под командованием генерала Бейкера было поручено находиться на линии отступления противника для его последующего перехвата при попытках перегруппироваться¹.

Изначально все шло по плану. Утром 10 декабря генерал Макферсон успешно занял Сурх-Котал и не допустил, чтобы противник, направлявшийся со стороны Газни, пошел на соединение с племенами численностью 5 – 6 тыс. чел. из Кохата. Следом бригада генерала Макферсона совместно с кавалерийским отрядом под командованием генерала Данхэма Мэсси собиралась продвинуться юго-западнее Кабула к Арганди и Майдану на соединение с генералом Бейкером². Однако в конечном итоге план Робертса был полностью сорван.

В тот же день бригадный генерал Мэсси с войсками численностью в 300 чел. при 4 орудиях в ходе наступления сменил предписанный ему ранее маршрут движения и в итоге оказался в расположении 10-тысячной афганской армии под командованием Мохаммед Джана. Недооценив изначально численность неприятеля, генерал Мэсси, совершив несколько атак, отступил, оставив

¹ Roberts F. Op. cit., Vol. 2, p. 230; Robson B. The Road to Kabul..., p. 149

² General Roberts to Foreign Secretary, 11 December 1879// BPP, C. 2457, No. 48, Incl. 7, p. 180

афганцам всю свою артиллерию. Ему на помощь подоспела бригада Макферсона, которая смогла отбросить врага и вернуть утраченное ранее оружие¹. Тем не менее эта неудача привела к утрате инициативы со стороны британцев, и генералу Робертсу пришлось передислоцировать основные атакующие силы для защиты ключевых позиций на подходах к столице, чтобы не допустить захвата Бала-Гиссара, откуда афганцы могли получить полный контроль над общей тактической ситуацией в битве за Кабул.

В течение следующих трех дней с переменным успехом происходили жестокие бои: афганцы постепенно теснили англичан с Асмайских высот далее на юг и юго-запад Кабула. Когда численность врага превысила отметку в 20 тыс. чел., Робертс в сложившихся обстоятельствах принял решение оставить высоты над городом и Бала-Гиссар противнику и уйти на относительно безопасную позицию в крепость Шерпур, оставаться в обороне и ждать подкреплений или пока не представится благоприятная возможность для контратаки².

В это же время, по изначальному предписанию, в Джегдаллаке был собран отряд численностью 3,700 чел. с 12 орудиями под командованием бригадного генерала Ч. Гофа для помощи осажденному Робертсу в Кабуле. «Бобс», зная об этом, 22 декабря планировал нанести ответный удар: «Если ничего не случится до прибытия Гофа, я атакую на следующий день, поскольку буду достаточно усилен, чтобы удерживать Бала-Гиссар и другие важные позиции и рассеять врага»³. Опасаясь прибытия британских подкреплений, лидеры афганского восстания начали планировать штурм Шерпура на 23 декабря. Генерал Робертс, заранее узнав о нападении, приказал всем своим войскам ночью приготовиться и держать оборону. В результате продолжительного сражения 23 декабря среди англичан были убиты 4 человека и 30 ранены⁴. Со стороны афганцев потери составили около 3 тыс. чел.⁵. На следующий день противник ушел не только из города, но и

¹ General Roberts to Viceroy and Foreign Secretary, 12th December//Ibid., No. 48, Encl. 9, p. 181; Roberts in India... pp.159-160

² General Roberts, to Foreign Secretary, 13 December 1879/ Ibid., No. 48, Incl. 11, p. 182; Macgregor C. M. The Second Afghan war, 1878 – 80: Official Account, p. 271

³ General Sir F. S. Roberts to Viceroy, 22 December 1879// BPP, C. 2457, No. 52, Incl. 8, p. 194

⁴ Macgregor C. M. The Second Afghan war, 1878 – 80: Official Account, p. 287

⁵ Snook M. Into the Jaws..., p. 33

с ближайших холмов и деревень. После неудавшегося штурма в Кабуле было введено военное положение, и в Шерпуре и его окрестностях были построены дополнительные наблюдательные посты и оборонительные сооружения¹.

Таким образом, дальнейшее вооруженное противостояние с мятежными афганцами означало конец изначальной британской схеме, основанной на постоянном содержании оккупационной армии в отдельных районах страны. По мнению английского историка Р. Джонсона², вскоре три фактора стали препятствовать реализации этой программы. Во-первых, огромные финансовые расходы на кампанию, которые расценивались как задержка в проведении необходимых экономических реформ в Индии. Дальнейшая отсрочка в решении афганского вопроса также добавляла риск организации беспорядков среди индийского населения. Вторым фактором стало физическое истощение войск из-за продолжительных боев и многочисленных болезней, которое усугублялось трудностями с поставками необходимого продовольствия. Третьим – являлось растущее недовольство лорда Литтона из-за отсутствия какого-либо жизнеспособного суррогатного лидера, который мог обеспечить устойчивую власть в Кабуле под британским влиянием. Вице-король старался избежать восстановления Якуб-хана на троне на том основании, что он мог быть замешан в гибели английского посольства 3 сентября 1879 г.

В Англии к этому моменту сильно выросла оппозиция консервативному правительству Дизраэли. Газеты и журналы подвергали резкой критике военное положение в Кабуле и массовые казни, а лидеры либеральной партии, включая лорда Райпона и Джозефа Чемберлена, требовали от премьер-министра прекращения войны в Афганистане³. Гладстон в ходе предвыборной Мидлотианской кампании в ноябре 1879 г. и марте 1880 г. осудил катастрофы внешней политики лорда Беконсфильда и выступал за внешнюю политику, которая должна избегать «ненужных и вредных действий»⁴. Позже он сравнил

¹ The Manchester Guardian, 12 January 1880

² Johnson R. General Roberts..., p. 314

³ Ibid., p. 313

⁴ Gladstone W.E. Political Speeches in Scotland: November and December 1879. Edinburgh 1879, p. 65

нападение на «храбрых и воинственных людей» Афганистана с нападением на «горные кланы» Шотландии¹, чтобы усилить среди британской общественности чувство солидарности с афганским народом и тем самым показать неправомерность действий консервативного правительства.

В январе 1880 г. Абдур-Рахман, внук эмира Дост Мухаммеда и племянник Шер Али, вернулся в северный Афганистан из российского Туркестана с согласия императора Александра II, чтобы попытаться занять престол в Кабуле². Несмотря на подозрения индийских властей к личности Абдур-Рахмана, британцы к этому моменту отчетливо понимали, что не способны восстановить порядок в Афганистане, но в то же время считали, что оставлять его в хаосе было потенциально опасно, создавая вакуум власти, которым могла воспользоваться Россия. Поэтому Литтон считал Абдур-Рахмана лучшим из доступных кандидатов на афганский престол и вскоре начал с ним переговоры³.

В то же время британские власти не отказывались полностью от проекта дезинтеграции и стремились создать марионеточное правительство в Кандагаре и перевести войска генерала Стюарта в Кабул. В условиях продолжающегося мятежа предполагалось, что он, прибыв из Кандагара, примет верховное командование англо-индийскими вооруженными силами в Афганистане, а Л. Гриффин выступит в качестве политического представителя военного наместника⁴. В феврале генерал Стюарт был направлен в Кандагар для последующих переговоров с пробританским сердаром Шер Али-ханом⁵ из рода Баракзаев⁶. Он принял предложения Стюарта о назначении губернатором Кандагара (Вали. – А. А.), о даровании ему довольно широкой автономии, но с условием размещения рядом с городом постоянного британского гарнизона и необходимостью регулярных к нему поставок продовольствия⁷. Новому Вали правительством Индии было предоставлено 6 тыс. винтовок Снайдера и батарея

¹ Spiers E.M. *The Scottish Soldier and Empire...*, p. 52

² Подробнее см.: Хидояттов Г. А. Указ. соч., с. 333 – 337

³ Balfour B. *Op. cit.*, pp. 426 – 460

⁴ Johnson R. *General Roberts...*, p. 315

⁵ Не путать с предыдущим эмиром Шер Али-ханом

⁶ Lieutenant-General Sir D. M. Stewart to A. C. Lyall, 12 February 1880//BPP, C. 2776, No. 11, Encl. 3, pp. 10 – 12

⁷ Lord Lytton to Sirdar Sher Ali Khan, 16 February 1880//Ibid., No. 11, Encl. 5, p. 13

гладкоствольных пушек для переоснащения базирующихся в Кандагаре подразделений регулярной армии Афганистана. Также рядом с городом разместилась небольшая англо-индийская дивизия под командованием 60-летнего генерал-лейтенанта Дж. М. Примроуза¹.

Достигнув лояльности Кандагара, в начале марта Литтон настаивал на публичном признании Абдур-Рахмана законным наследником Дост Мохамеда, «как единственное средство спасения страны от анархии»². Несмотря на одобрение новой кандидатуры эмира в кабинете министров в марте 1878 г.³, правительству Дизраэли было не суждено привести этот план в исполнение, и эта задача выпала на долю либералов во главе с У. Гладстоном.

К 28 апреля 1880 г. правительство тори ушло в отставку. Военный агент А. П. Горлов сообщал Д. А. Милютину, что новое либеральное руководство «желает всеми средствами окончить войну в Афганистане поскорее и вывести войска из Кабула. Главная надежда возлагается на возможность возвести на престол в Кабуле Абдур-Рахмана. Решено, в принципе, оставить и Кандагар, но не так абсолютно, как Кабул»⁴. Для решения этого вопроса У. Гладстон, новый премьер-министр, сменил лорда Литтона на лорда Райпона и поставил задачу покинуть Афганистан, как только Абдур-Рахман будет назначен новым эмиром⁵.

Тем временем генералу Стюарту во главе 7-тысячной колонны было предписано направиться через Газни в Кабул с целью сломить любое вражеское сопротивление и восстановить коммуникации с Ф. Робертсом в афганской столице⁶. После этого Стюарт должен принять верховное командование над всеми английскими войсками в Афганистане, как только он вступит в непосредственное сообщение с Кабулом⁷. Эта мера, по мнению индийского правительства, была необходима, чтобы перевесить местную оппозицию и убедить афганское

¹ Snook M. Into the Jaws of Death..., p. 33

² Telegram from Viceroy, to Secretary of State, 14 March 1880//BPP, C. 2776, No. 8, p. 9

³ Telegram from Secretary of State to Viceroy 15 March 1880//Ibid., No. 9, p. 9

⁴ РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1880, д. 31, л. 23-23/об.

⁵ Spiers E. M. The Scottish Soldier and Empire..., p. 54 – 55

⁶ РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1880, д. 31, л. 23/об.

⁷ Minute by the Viceroy, 30 March 1880// BPP, C. 2776, No. 12, Encl. 1, p. 15

население в том, что Англия в состоянии «диктовать собственные условия в решении местных вопросов»¹.

После ряда ожесточенных сражений английская колонна достигла Кабула 2 мая 1880 г.², и Л. Гриффин отправил генералу Стюарту телеграмму, в которой он выражал мнение, что по политическим соображениям будет целесообразно покинуть Кабул как можно скорее после установления власти нового эмира. С его точки зрения, присутствие британских войск не добавит безопасности или популярности Абдур-Рахману, когда он взойдет на престол³. Однако маркиз Хартингтон, сменивший на посту Министра иностранных дел лорда Солсбери, опасаясь повторения событий 3 сентября 1879 г., в специальном меморандуме к лорду Райпону вполне справедливо отмечал, что «слишком поспешный уход из Кабула или Кандагара, вероятно, приведет к возобновлению беспорядков и продолжительной гражданской войне». Поэтому вывод войск «при таких обстоятельствах не может быть немедленным, и, возможно, по санитарным соображениям, придется его отложить до ноября месяца»⁴. Однако генерал Стюарт в телеграмме от 11 июня выражал сомнение на этот счет и писал лорду Райпону, что «ни один солдат не должен оставаться в Курраме или Хайбере»⁵, опасаясь за здоровье своих войск и нараставшего недовольства со стороны местного населения.

Либеральное правительство делало ставку на установление дружественных отношений с новым афганским эмиром Абдур-Рахманом и было согласно вывести войска только после упрочнения законной власти в Афганистане, с чем Стюарт в целом соглашался, но выражал неизменную позицию, что вывод войск должен произойти без задержек, сразу как политические обстоятельства позволят это сделать⁶. Поэтому 14 июня 1880 г. Л. Гриффин направил письмо от имени британского правительства Абдур-Рахману, в котором были изложены

¹ Foreign department to Viscount Cranbrook, 7 April 1880//Ibid., No. 12, p. 14

² Elsmie G. R. Op. cit., p. 344

³ Lepel Griffin to Lieutenant-General Sir D. Stewart, 8 May 1880// BPP, C. 2776, No.14, p. 28

⁴ To Governor General of India in Council, 21 May 1880//Ibid., No. 15, p. 31

⁵ Elsmie G. R. Op. cit., p. 359

⁶ Ibid., pp. 360 – 361

требования, на основе которых Англия соглашалась заключить мир с афганским эмиром¹. Они сводились к сохранению основных пунктов прежнего Гандамакского договора, однако подразумевалось отделение Кандагара в качестве «особого независимого владения» со своим правителем, как и планировалось изначально либералами.

В итоге 20 июля генералу Стюарту были переданы инструкции по заключению политических договоренностей, предшествующих выводу британских войск из Кабула². В них предписывалось начать отступление из Кабула, как только будет обеспечена прочная позиция Абдур-Рахмана в качестве правителя Афганистана, «для этого ему может быть предоставлена артиллерия и деньги, достаточные для удовлетворения его насущных потребностей»³. Поскольку в самом Афганистане быстро росла поддержка Абдур-Рахмана, британские власти объявили его эмиром 22 июля 1880 г.⁴. Однако едва прошла неделя, как появились новости об уничтожении Бомбейской дивизии Примроуза и осаде Кандагара войсками Аюб-хана, сына предыдущего эмира Шер Али-хана.

С декабря 1879 г. войска под командованием Аюб-хана успешно стали концентрироваться на севере Афганистана. Мятежный сын Шер Али планировал изгнать оставшиеся британские войска из страны посредством народного восстания и самостоятельно вступить на афганский престол. В апреле 1880 г. он занял Герат и стал требовать от британского правительства признания его титула сердара и эмира Афганистана, но лорд Литтон утверждал, что «мы не будем отвечать ему, до тех пор, пока он не выдвинет четко свои требования»⁵.

Английские власти осознанно тянули с решением этого вопроса, поскольку изначально по проекту дезинтеграции планировалось передать Герат в персидское владение с правом его оккупации британскими войсками в случае военной необходимости⁶. Полковник Ст. Джон, политический наместник в Кандагаре,

¹ Гелла Т. Н. Геополитические интересы..., с. 95

² From A. C. Lyall to general sir D. M. Stewart, 20 July 1880// BPP, C. 2776, No. 18, Encl., p. 37

³ Ibid., p. 38

⁴ To His Highness Sirdar Abdul Rahman Khan, Amir of Kabul, July 1880// BPP, C. 2776, No. 18, Encl.2, p. 40

⁵ Foreign department to Viscount Cranbrook, 7 April 1880//Ibid., No. 12, p. 14

⁶ Lord Lytton's correspondence No.2 on Persia, Herat, and Seistan, 21 April 1880// IOR/L/PS/18/C29/2, pp. 1 – 2

выражал мнение, что «подтверждение прав Аюба на Герат означает окончательный провал персидской инициативы»¹, а это явно не входило в планы Лондона в контексте англо-российского соперничества в Центральной Азии.

К лету 1880 г. армия Аюба смогла сконцентрироваться без помех в Герате и стала направляться в провинцию Гильменд. Индийские власти опасались, что мятежные войска в обход Кандагара направятся через Газни на Кабул. Поэтому генерал-лейтенант Примроуз 2 июля 1880 г. решил дать бой Аюбу и для этого отправил небольшую колонну во главе с бригадным генералом Джорджем Барроузом в Гильменд, где в 80 милях от Кандагара рядом с Гиришком она разместилась 11 июля².

Дивизия генерала Барроуза состояла из пехотной бригады, включавшей один 66-й Королевский Беркширский полк, 1-й и 30-й Бомбейские пехотные полки, 12 артиллерийских орудий, роту саперов и два Бомбейских кавалерийских полка, в целом около 2,5 тыс. чел.³. Проблема заключалась в том, что у англичан было только 4,800 военнослужащих в Кандагаре, поэтому в случае открытой конфронтации с Аюбом их серьезно могли поддержать только войска местного Вали. Они состояли из 2 тыс. человек пехоты и около 2,5 тыс. бойцов племенной кавалерии при 6 гладкоствольных орудиях⁴.

Однако отряды на службе Вали находились в крайне неудовлетворительном моральном состоянии и проявляли мятежные настроения, поэтому генерал Барроуз и полковник Ст. Джон обсуждали вопрос их полного разоружения. 14 июля, прежде чем британские военные успели предпринять какие-либо шаги в этом направлении, пехота Вали полностью дезертировала, взяв с собой батарею артиллерии. Мятежников преследовала часть бригады генерала Барроуза, благодаря чему удалось вернуть украденное оружие и провизию⁵.

Вскоре британцы вынужденно основали укрепленный лагерь в местечке Кишк-и-Нахуд, одинаково отдаленном на 40 миль от Гиришка и Кандагара. Один

¹ From colonel St. John to Foreign Department, 6 April 1880// BPP, C. 2776, No. 12, Encl. 3, p. 16

² Robson B. 27 July Maiwand..., p. 197

³ Annual Register of the year 1880, p. 259

⁴ Colonel St. John to A. C. Lyall// BPP, C. 2690, No. 10, Encl. 1, p. 14

⁵ Foreign Department to Marquis of Hartington, 3 August//Ibid., No.10, p.13

из очевидцев похода писал, что данная позиция имела целый ряд стратегических преимуществ, поэтому лагерь практически стал «ключом к Кандагару», откуда производились все последующие операции колонны Барроуза¹.

Несмотря на усилия конных патрулей выяснить местонахождение основных сил Аюба, генерал Барроуз долгое время оставался в неведении относительно действий своего врага. Лишь 26 июля разведка доложила о том, что местные племена удерживали деревню Майванд, однако полковник Ст. Джон считал эту группировку не внушительной². Намереваясь взять деревню и заблокировать предполагаемую линию продвижения основных вражеских сил, на следующий день генерал Барроуз обнаружил на подходе к Майванду армию Аюба численностью 15 тыс. чел., поддерживаемых 30 орудиями³. Стоит отметить, что в различных материалах эта цифра варьируется от 15 до 30 тыс. чел. Однако сопоставление ряда источников, а также дальнейший ход событий показывает, что первое число наиболее близко к реальности. Таким образом, войска Аюб-хана имели не только численное превосходство в последующем бою, но и за счет более удобного изначального расположения преимущество в тактическом развертывании при нападении на английский отряд.

В результате слаженных действий афганцев, согласно заметкам лейтенанта О'Доннелла из 66-го полка, «бросаясь на наши позиции и повсюду внося смятение»⁴, ко второй половине дня Аюб полностью сломил сопротивление английских войск. Вскоре генерал Барроуз отдал приказ о всеобщем отступлении, но, несмотря на его усилия сплотить своих бойцов, британцам не удалось сохранить боевой порядок, а афганцы продолжали стремительно отрезать оставшиеся отряды кавалерии и артиллерии, и отступление превратилось в бегство. Значительные потери понесли побежденные войска на обратном пути в Кандагар от жителей ближайших поселений. Участник сражения писал, что «после заката нас обстреляли из каждой деревни, через которую отступал наш

¹ Personal records of the Kandahar Campaign. L., 1881, p. 46

² Annual Register of the year 1880, p. 259

³ Brigadier-General G. B. S. Burrows to the Assistant Adjutant-General, 30 August 1880// BPP, C. 2736, No. 35, Encl. 5; Snook M. Into the Jaws of Death..., pp. 48 – 49; Fremont-Barnes G. Op. cit., p.71

⁴ Groves J.P. The 66th Berkshire Regiment. L., 1887, p. 107

отряд»¹, в результате чего общие потери англичан в бою составили 1,100 убитыми и ранеными², а армия Аюба потеряла примерно 2,500-3,000 чел.³.

Как отмечал британский военный теоретик – полковник Ч. Колвелл, комментируя действия английских войск под командованием генерала Барроуза, «нет никаких сомнений в том, что пассивная защита при таких обстоятельствах была непростительной»⁴. Однако с нашей точки зрения поражение при Майванде было обусловлено прежде всего неверными отчетами полевой разведки, которые и привели к определению изначально невыгодной позиции для обороны от превосходящего числом противника, которую заняли войска под командованием генерала Барроуза. Для более убедительной аргументации нашей позиции необходимо обратиться к предшествующим событиям для более четкого понимания причин поражения английских войск, т. к. они кроются не только в неверной тактике генерала Барроуза, но и в факте прямого вмешательства руководства Индии в ход операции.

В одном из ранних отчетов полковник Ст. Джон писал, что укрепленный лагерь британцев в Кишк-и-Нахуд давал большое преимущество при обороне, а также возможность контролировать различные пути продвижения противника⁵, поэтому самым разумным выходом в этой ситуации была бы попытка спровоцировать атаку афганцев на подготовленные заранее позиции. Но 22 июля 1880 г. из Индии последовала телеграмма, в которой генерал Ф. Хейнс настаивал на необходимости предотвратить продвижение Аюба в сторону Газни, считая это вопросом «исключительной политической важности»⁶. В связи с этим генерал Барроуз, по сути, был напрямую вынужден действовать на опережение, хотя ранее ему давалась свобода действий и предписывалось атаковать противника, только если он сочтет нужным⁷.

¹ The Manchester Guardian. Oct 1, 1880

² Macgregor C.M. The Second Afghan war, 1878 – 80: Official Account, p. 526

³ Robson B. 27 July Maiwand..., p. 217

⁴ Calwell C. E. Op. cit., p. 201

⁵ Colonel St. John to A. C. Lyall, 17 July 1880// BPP, C. 2736, No. 16, Encl. 1, p. 27

⁶ Commander-in-Chief to General Primrose, 22 July 1880// Ibid., No. 35, Encl. 3, p. 97

⁷ Lieutenant-General J. M. Primrose to the Adjutant-General in India, 6 September 1880// Ibid., Encl. 4, p. 99

Таким образом, можно сделать обоснованный вывод, что поспешность в действиях генерала Барроуза была вызвана в том числе приказами сверху, вынудившими его принять фатальное решение занять деревню Майванд, не имея достаточных сведений о расположении неприятеля. В процентном соотношении потерь английская колонна была буквально разбита «в клочья», как сообщали очевидцы, однако армия Аюба также довольно сильно пострадала, что позволило предотвратить ее дальнейшее продвижение в сторону Кабула, давая время англо-индийским властям возможность перегруппировать свои силы. Вскоре афганцы осадили цитадель Кандагара, а гарнизон с оставшейся частью отряда Примроуза – 5 тыс. чел. и 13 орудий – сдерживали натиск противника в ожидании подкрепления¹.

Это событие произвело тягостное впечатление на английское общественное мнение. Как отмечает Т.Н. Гелла, последствием этого сражения явилась, с одной стороны, волна недовольства в самой Англии. С другой – стремление английского имперского правительства скорее завершить переговоры с афганским эмиром². В это время в Уайтхолле опасались очередного вмешательства в войну со стороны правительства Александра II, поскольку отчеты английского посла в России лорда Дафферина сообщали о присутствии в армии Аюба в качестве офицеров сартов³, прошедших подготовку в российской армии. Этот факт, с британской точки зрения, полностью объяснял грамотное тактическое расположение афганских войск и высокую эффективность их артиллерии в битве при Майванде⁴. Также во время оккупации Кабула англичанами была обнаружена тайная переписка Шер Али и генерала Кауфмана на персидском языке за почти десятилетний период – с марта 1870 по февраль 1879 гг.⁵. Поэтому мысль о присутствии афганских офицеров в армии Аюба, обученных русскими, очевидно, возникла благодаря копии союзного договора, в одном из пунктов которого упоминалось право

¹ Fremont-Barnes G. Op. cit., p. 71

² Гелла Т.Н. Геополитические интересы..., с. 95

³ Наименование оседлого населения в Средней Азии

⁴ The Political Correspondence of Mr. Gladstone and Lord Granville, 1876 – 1886, Vol. 1, p. 163; Earl Granville to the Earl of Dufferin, 28 August 1880//BPP, C. 2802, No. 2, p. 28

⁵ Viscount Enfield to Lord Tenterden, 7 February 1881//BPP, C. 2802, No. 1, Incl. 1 – 55, pp. 1 – 28; Сепреев Е. Ю. Указ. соч., с. 163

афганского эмира посылать своих слуг в Россию для изучения военных специальностей¹. Таким образом, подозрения англичан в целом были далеко не безосновательны. Разгорался новый политический скандал, и появлялись дополнительные трудности в решении афганского вопроса.

Тем не менее, поражение при Майванде имело больше репутационное, нежели стратегическое значение. Викторианцам было трудно принять факт очередного громкого поражения от войск, которые в значительной мере уступали английским в техническом и военном отношении. Поэтому вскоре в Кабул из Индии пришел приказ срочно выдвигать войска для освобождения осажденного гарнизона в Кандагаре. Командование колонной для восстановления британского престижа было поручено генерал-лейтенанту Ф. Робертсу.

11 августа после спешных приготовлений дивизия из 9,987 чел. и 18 семифунтовых орудий покинула Кабул и направилась в Кандагар – путь длиной более 300 миль. Колонна состояла из 12 батальонов пехоты, 4 кавалерийских полков и около 5 тыс. мулов, которые несли легкие горные пушки, чтобы увеличить скорость передвижения британского отряда². Также командующий отказался формировать временные базы-депо на маршруте, чтобы дополнительно не усложнять систему транспортного сообщения, на подготовку которой ушел бы целый месяц³. Впоследствии марш Робертса войдет в анналы британской военной истории как один из величайших подвигов английской колониальной армии. 31 августа, после вынужденного перехода в 313 миль за 21 день по чрезвычайно трудной гористой местности – хотя и без боевых действий в пути, но с серьезными потерями из-за болезней, Робертс достиг Кандагара и присоединился к гарнизону города⁴.

Аюб-хан к этому моменту снял осаду с Кандагара и занял сильную, хорошо защищенную позицию возле горного перевала Баба Вали, в двух милях к северо-

¹ Treaty between Russian Government and Ameer Shere Ali Khan// BPP, С. 2802, No. 1, Incl. 32, p. 17; Загородникова Т. Н. Большая игра в Центральной Азии: Индийский поход русской армии: Сборник архивных документов. № 80, с. 181

² Macgregor С.М. The Second Afghan war, 1878 – 80: Official Account, pp.552 – 554

³ Personal records of the Kandahar Campaign. L., 1881, p. 124

⁴ Roberts F. Op. cit., Vol. 2, p. 356

западу от города. Его армия численностью 12,800 чел. состояла преимущественно из местных племен, только треть из которых имела в руках огнестрельное оружие¹. Тем не менее, в распоряжении афганцев был солидный артиллерийский парк из 32 орудий, захваченных в том числе после битвы при Майванде². Несмотря на физическое истощение своих войск и собственное недомогание от лихорадки, генерал-лейтенант Робертс, совершив 31 августа разведку боем, решил начать атаку на следующий день. Под его командованием к этому моменту находились 8,392 чел. и 18 орудий, также в Кандагаре располагался полностью вооруженный гарнизон численностью 4,110 чел.³. Таким образом, перед началом сражения у сторон был паритет в численном соотношении, однако важным аспектом, во многом обусловившим исход дальнейшей битвы, стало более выгодное тактическое положение англо-индийских войск.

В результате грамотно спланированных действий генералом Робертсом битва за Кандагар завершилась безоговорочной победой англо-индийской армии. Афганцы оставили на поле боя 1,200 чел. убитыми, в то время как британцам наступление обошлось всего в 40 убитых и 228 раненых⁴. Впоследствии «Бобс» гордо телеграфировал в Индию: «Армия Аюб-хана сегодня была полностью разбита и окончательно рассеяна, с небольшими потерями с нашей стороны»⁵. После этого сражения афганцы уже не предпринимали серьезных попыток сопротивления. Военный агент А. П. Горлов довольно точно резюмировал ситуацию – «как бы то ни было Аюб разбит, и Англия вздохнула свободно»⁶.

Поражение Аюб-хана означало конец прежней политики дезинтеграции Афганистана и его частичной оккупации англо-индийскими войсками. Как отмечала Т. Н. Гелла, либеральное правительство заняло по этому вопросу довольно твердые позиции. Маркиз Хартингтон сообщал королеве Виктории о намерении осуществить «полный и скорейший вывод войск из Кандагара»⁷,

¹ Macgregor C. M. The Second Afghan war, 1878 – 80: Official Account, p. 579

² Ibid., p. 580

³ Ibid., p.579

⁴ Fremont-Barnes G. Op. cit., p.72

⁵ The Observer, 5 September 1880

⁶ РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1880, д. 31, л. 32

⁷ Цит. по: Гелла Т. Н. Геополитические интересы..., с.96

поскольку затраты на кампанию уже превысили все разумные пределы и стоили метрополии более 5 млн ф. ст., а расходы индийского правительства составили практически 15 млн ф. ст.¹. Однако королева Виктория выражала сомнения в этом, отметив, что решение об эвакуации Кандагара было поспешным, и пожелала получить мнения военных специалистов, прежде чем одобрить такие меры². Гладстон в письме Хартингтону от 9 сентября, поддерживая мнение королевы, писал, что эвакуация войск вынужденная, и был убежден, «что нам вообще не следует покидать Кандагар»³.

В результате началось широкое обсуждение дальнейшей британской политики в отношении Афганистана. Как отмечал в своем донесении посол А. Б. Лобанов-Ростовский, «с тех пор, как министерство объявило в тронном выступлении о своем намерении эвакуировать Кандагар, все крутится вокруг этого вопроса, который обсуждают не только члены оппозиции, но и большинство военных и гражданских чинов, служивших в Индии»⁴. В ходе дальнейших дебатов о возможном постоянном гарнизоне Кандагара эта схема была отклонена⁵, и все англо-индийские войска 23 мая 1881 г. покинули Афганистан, положив конец второй Англо-афганской войне⁶.

Подводя общий итог второй Англо-афганской войны 1878 – 1881 гг., стоит прежде всего ответить на вопрос, действительно ли эта кампания, по выражению советского историка Н. А. Халфина, являлась «провалом британской агрессии в Афганистане»?⁷ Нам представляется, что ответ на сформулированную проблему лежит в двух разных плоскостях.

Если рассматривать английскую интервенцию в качестве следствия «наступательной политики» по созданию стратегического плацдарма для войны с Россией в Центральной Азии, то это действительно полный провал. Британцам не удалось успешно организовать оккупацию Афганистана, превратить Кандагар в

¹ Robson B. The Road to Kabul, p. 276

² The Political Correspondence of Mr. Gladstone And Lord Granville, 1876-1886, Vol.1, p.170

³ The Gladstone Diaries, Vol. 9, p. 578

⁴ АВПРИ, ф.133, оп. 470, 1881, д. 89, л. 19/об.

⁵ Гелла Т. Н. Геополитические интересы..., с. 96

⁶ Macgregor C. M. The Second Afghan war, 1878 – 80: Official Account, p. 631

⁷ Халфин Н.А. Указ. соч., с. 134-135

свою перманентную военную базу и, самое главное, добиться лояльности местного населения, без которого присутствие англо-индийской армии в стране регулярно приводило к вооруженным столкновениям.

Однако если смотреть на данную проблему в глобальной перспективе, то в целом Великобритания выполнила поставленную перед началом экспедиции задачу: 1) приобрела новые земли, важные в военно-стратегическом отношении; 2) установила свой контроль над внешней политикой Афганистана, поставив страну в зависимое положение; 3) и тем самым превратила ее в дружественный по отношению к себе «буфер».

Однако ход всей кампании обнажил серьезные структурные проблемы при ее организации на втором этапе. Командующие войсками зачастую действовали без четкого плана и без оглядки на последствия своих решений, о чем свидетельствуют события, последовавшие за оккупацией Кабула осенью – зимой 1879 г. и битвы при Майванде. Это в свою очередь вытекало из поспешности действий консервативного кабинета Дизраэли, который стремился как можно быстрее установить полный контроль над политикой в Кабуле и защитить свои интересы в Центральной Азии от России. В результате при повторной эскалации конфликта длительный период времени лидеры тори были не способны выработать жизнеспособный курс действий против нараставшего кризиса внутри страны, поэтому колониальная армия стала единственным доступным инструментом для установления порядка в Афганистане, что естественным образом привело к новым военным и экономическим издержкам. Тем не менее, на длительный исторический период Англия установила практически единоличный контроль над внешней политикой эмира Абдур-Рахмана и усилила свое влияние в Центральной Азии.

III. Колониальные войны Великобритании в Южной Африке в конце XIX в.

3.1. Англо-зулусская война 1879 г.

Во второй половине 70-х гг. XIX в. английские имперские интересы сосредотачивались не только в восточных районах Средиземноморья и странах Среднего Востока, но и в Южной Африке. Прежде всего это связано с тем, что в 1869 г. на территории Западного Грикваленда произошло открытие алмазных залежей, которое дало толчок для быстрого экономического роста Южной Африки¹. С этого момента, со слов Дж. Леймана, «в Южной Африке полувекровая имперская апатия сменилась лихорадочным интересом – жесты отступления уступили место энергичному вмешательству»². Как отмечает Т. Н. Гелла, на рубеже 60 – 70 гг. XIX в. перед либералами стояли две задачи в отношении южноафриканской политики – решить спор о принадлежности территорий с алмазными месторождениями и образовать подобие союза африканских государств³. И обе эти задачи оказались непосредственно связаны друг с другом.

К 70-м гг. на юге Африканского континента четыре территории управлялись белым населением: две британские колонии – Капская и Наталь – и две бурские республики – Трансвааль, или Южно-Африканская республика, и Оранжевое Свободное государство. В это время, по мнению российского историка Д. С. Жукова, разделение колонии в рамках конфедеративного союза рассматривалось либералами как попытка сохранить ее единство перед угрозой полного развала, который явно не соответствовал имперским интересам⁴. Поэтому перспективы конфедерации в это время обсуждались в связке с проблемами учреждения ответственного правительства в Капской колонии. В результате кабинет Гладстона обязал Министра колоний лорда Кимберли осуществить идею объединения «белых» колоний на юге Африки под британским флагом.

Первым шагом в этом направлении стала в мае 1871 г. аннексия с выплатой компенсации в размере 90 тыс. ф. ст. алмазных месторождений «Кейп Даймонд

¹ Гелла Т. Н. У. Гладстон, либералы..., с. 103

² Lehmann J. Op. cit., p. 207

³ Айзенштат М. П., Гелла Т. Н. Указ. соч., с. 164

⁴ Жуков Д. С. Указ. соч., с. 103 – 104

Филдс», которые принадлежали Оранжевому Свободному государству¹. Несмотря на явное недовольство буров этой политикой, премьер-министр писал королеве Виктории, что объединение белых колоний должно быть осуществлено «на тех же принципах, на основе которых был создан доминион Канада»². Тем не менее, завершить начатое либералам так и не удалось. Вследствие сопротивления капских властей проектам конфедерации в середине 1873 г. Колониальное министерство признало свое поражение, и либералы перешли к характерной для них тактике ожидания инициативы с мест – от самих колонистов³.

Если либералы во главе с У. Гладстоном стремились реализовать свою концепцию «самоуправляющихся наций», которая подразумевала передачу руководства местными вопросами лояльным правительствам для обеспечения максимальной безопасности колонистов при минимальных затратах, то с приходом к власти консерваторов в 1874 г. проект Южноафриканской конфедерации получил несколько иное толкование и стал яркой иллюстрацией политики «нового империализма». Для его реализации тори планировали расширить сферы английского влияния на ближайшие независимые колонии и территории туземцев. Лорд Карнарвон Министр колоний в консервативном кабинете в письме к губернатору Капской колонии Г. Бэркли отмечал: «Существует реальное и серьезное неудобство, содержащее зачатки большой опасности, которое сохраняется в непосредственной близости к нам, от совершенно различающихся систем местного самоуправления»⁴. Поэтому в Лондоне вполне закономерно приняли решение поэтапного устранения подобных «систем».

В качестве первого шага в этом направлении чрезвычайный комиссар Теофил Шепстон аннексировал Трансвааль 12 апреля 1877 г.⁵. Но, по мнению английских политиков, этот акт не мог быть безопасно осуществлен без войны с

¹ Matthew H.C.G. Gladstone, 1809 – 1874, pp. 190 – 191; Летнев А. Б., Субботин В. А. История Африки в XIX – начале XX в. М., 1984, с. 390

² Цит. по: там же, с. 393

³ Жуков Д. С. Указ. соч., с. 105

⁴ The Earl of Carnarvon to Sir H. Barkly, 4 May 1875//BPP, C. 1399, No. 1, p. 1

⁵ British proclamation, annexing the Transvaal Republic, 12 April 1877// BFSP, Vol. 68, pp. 140 – 145

племенем зулусов. Как отмечает Н. В. Дронова, по мере расширения пределов формального и неформального присутствия Британии на юге черного континента, и особенно после аннексии Трансвааля, перспектива вооруженного столкновения с армией зулусов виделась практически неизбежной¹. Еще в 1875 г. сэр Г. Уолсли, который выполнял после Ашантийской кампании обязанности генерал-инспектора колониальных войск в Африке, отмечал, что все трудности в отношениях с африканцами могли быть решены аннексией Зулуленда². «Такое решение, – заверял Министра колоний генерал Уолсли, – навсегда положит конец варварству Кетчвайо и будет воспринято как благо для всего человечества»³. Поскольку ни колониальное правительство, ни консервативный кабинет не могли игнорировать мнение полномочного военного представителя Великобритании, то неудивительно, что и сам Министр колоний стал активно склоняться к силовому решению вопроса. В телеграмме от 8 ноября 1876 г. лорда Карнарвона к сэру Г. Бэркли говорилось, что вероятность войны «свидетельствует о желательности и, действительно, об абсолютной необходимости распространения на эти регионы той же политики в отношении туземцев, которая была столь знаменательна в Капской колонии»⁴. Поэтому вопрос о военном вмешательстве против «зулусской угрозы» был решен заочно.

Зулу – это кафрские племена, проживавшие между Трансваалем и восточным побережьем Южной Африки. К концу 70-х гг. XIX в. Зулуленд во главе с правителем Кетчвайо представлял собой государство с достаточно сильной регулярной армией, численность которой достигала 40 – 50 тыс. чел.⁵. Коммодор Ф. Салливан, командующий морской станцией Капской колонии, писал, что зулусы хорошо обучены и настолько дисциплинированы, «что никогда не выпадают из строя на марше ни под каким предлогом, даже когда переходят вброд глубокую реку; они быстро маршируют и могут без труда проходить от 50

¹ Дронова Н. В. Административно-правовые аспекты..., с. 162

² Егоров К.Б. Указ. соч., с. 236

³ Lehmann J. Op. cit., p. 220

⁴ The Earl of Carnarvon to Governor Sir. H. Barkly, 8 November 1876// BPP, C. 1732, No. 1, Encl. 1, p. 6

⁵ Гелла Т. Н. У. Гладстон, либералы..., с. 106

до 60 миль в день с собственными провизиями»¹. Все вышеперечисленное, по его мнению, делало из зулусов очень большую угрозу британскому владычеству в Южной Африке.

Помимо очевидных военно-политических предпосылок Англо-зулусской войны, необходимость решения зулусской проблемы была мотивирована и комплексом экономических причин. Например, из-за особенностей экономико-хозяйственного уклада в Зулуленде местным жителям категорически запрещалось работать за заработную плату в английских колониях². Такое положение дел, очевидно, не устраивало как буров, изъявлявших желание эксплуатировать африканцев на своих фермах, так и английский капитал, устремившийся к алмазным месторождениям, которому требовалась дешевая рабочая сила. Чрезвычайный комиссар Т. Шепстон по этому поводу выражал следующую точку зрения: «Если бы 30 тыс. воинов Кетчвайо своевременно превратились в обычных наемных рабочих, то Зулуленд стал бы процветающей мирной страной, а не тем, чем он является сейчас – источником постоянной опасности для себя и своих соседей»³.

Несмотря на общее настроение военных и политических элит, а также на очевидные попытки создать в общественном сознании представления о необходимости силового решения вопроса с зулусами⁴, в целом консервативное правительство Б. Дизраэли не решалось на открытую военную экспансию. Такой подход объясняется напряженной международной обстановкой, в которой торийский кабинет пытался всячески воспрепятствовать усилению Российской империи на Востоке, поэтому возможность организации экспедиции против зулусов считалась преждевременной. В связи с обострением англо-русских отношений зимой 1878 г. лорд Карнарвон подал в отставку. Он выступал против агрессивной политики Дизраэли в отношении России, т. к., по его мнению, Великобритании стоило воздерживаться от новой англо-русской конфронтации⁵.

¹ Commodore Sullivan to the Admiralty August 12, 1878// BPP, C. 2220, No. 46, Encl. 1., p.136

² Cope R. Origins..., p. 12

³ Ibid., p. 318

⁴ Гелла Т. Н. У. Гладстон, либералы..., с. 109 – 110

⁵ Жуков Д. С. Указ. соч., с. 114

Однако перед своей отставкой он назначил на должность генерал-губернатора Капской колонии и Верховного комиссара Британии в Южной Африке сэра Бартла Фрера, который стал одним из главных инициаторов проведения активной экспансионистской политики на «Мысе Доброй Надежды».

Статус Верховного комиссара позволял Б. Фреру действовать в качестве представителя короны в «чрезвычайных случаях» более открыто и решительно. Как отмечала Н. В. Дронова, т. к. ясного определения такого «случая» не существовало, то данное обстоятельство давало его обладателю свободу рук¹. Осмотревшись на месте, в июне – сентябре 1878 г. губернатор разработал свой политический проект для Южной Африки. Интеграционный план Б. Фрера предусматривал предоставление самоуправления Трансваалю и Наталю по примеру Капа. И поскольку одним из самых серьезных препятствий для этого были зулусы, то в отношении их Б. Фрер предлагал решить проблему радикально². Он считал, что мощь зулусов должна быть сломлена, прежде чем внутренняя безопасность английских колоний будет обеспечена.

В Великобритании такие планы во время разгара «Восточного кризиса» не находили полной поддержки у политических деятелей. Тори ввиду назревавшей войны в Афганистане не желали взваливать на себя бремя затратной кампании в Южной Африке, которая может возыметь серьезные политические последствия. После отставки лорда Карнарвона на пост Министра колоний был назначен сэр Майкл Хикс-Бич. В письме к Дизраэли от 24 сентября 1878 г. он выражал свою позицию по этому вопросу следующим образом: «В Трансваале дела обстоят плохо, но к настоящему времени я не думаю, что есть необходимость туда направлять дополнительные войска...»³. Поэтому первостепенной задачей Фрера на этом этапе стало убедить новое колониальное руководство в срочности усиления военного присутствия Великобритании в Южной Африке.

После своего назначения на должность Верховного комиссара Б. Фрер предпринимал разные попытки скомпрометировать зулусов и оправдать

¹ Цит. по: Дронова Н. В. Административно-правовые аспекты..., с. 163

² Там же, с. 163

³ Hicks-Beach V. Op. cit., Vol. 1, p. 96

необходимость военного вмешательства перед британским правительством. Для этого он решил обратиться к результатам «Пограничной Комиссии», учрежденной в 1875 г. под председательством сэра Генри Булвера – генерал-губернатор Натала для определения законных границ между Трансваалем и Зулулендом. В течение долгого времени между сторонами происходили военные столкновения из-за попыток буров территориально притеснять зулусов¹. К удивлению Верховного комиссара, комиссия определила, что жители британских колоний не имели права на земельные владения в Зулуленде².

Следующая комиссия была сформирована в феврале 1878 г. для определения границ между зулусами и бурами, вновь под руководством сэра Г. Булвера. В июле 1878 г. он представил отчет пограничного расследования, и снова все претензии были удовлетворены в пользу зулусов³. Таким образом, он последовательно выступал за сохранение мирной политики в отношении Зулуленда, потому что туземцы не нарушали никаких соглашений с Наталем или Трансваалем. Выводы комиссий не удовлетворяли Верховного комиссара. Он надеялся, что это позволит правомерно начать британское вторжение и завоевать королевство зулусов. Но вскоре они ему предоставляют для этого незначительный повод.

К концу июля 1878 г. две жены Сирайо, вождя кунгубе округа Нкуту, были обвинены в прелюбодеянии и бежали со своими любовниками к зулусскому святилищу в Натале. Группы вооруженных зулусов во главе с двумя сыновьями Сирайо вошли в Наталь, захватили женщин из домов служащих местного правительства и отвезли их обратно в Зулуленд, где их казнили⁴. Фрер представил этот инцидент британскому правительству как неоспоримое доказательство необходимости «умиротворения» короля и народа Зулу. Также он отправил копию результатов работы Комиссии по установлению границы в Англию⁵. Из-за

¹ Ibid., p.121

² Bowman J. Reconstructing the past Using the British Parliamentary Papers: The Anglo-Zulu War of 1879// History in Africa: A Journal of Method, Vol. 31, 2004, p.121

³ Martineau J. Life and correspondence..., Vol. 2, pp. 235 – 236

⁴ Cope R. Origins..., p. 272

⁵ Bowman J. Op. cit., p. 121

отсутствия телеграфной связи с метрополией Фрер знал, что к тому времени, когда отчет достигнет Лондона и Колониальное министерство даст ответ, пройдет три-четыре месяца, что позволит ему спланировать свою стратегию ведения войны против зулусов.

С августа 1878 г. британские сухопутные и военно-морские силы готовились к вторжению в Зулуленд. Коммодор Салливан в отчете Адмиралтейству отмечал, что из-за «неизбежности» столкновения с зулусами потребуется значительное пополнение сил, находящихся в настоящее время в распоряжении главнокомандующего в Южной Африке, «поскольку были предусмотрены средства только для 1000 добровольцев или ополченцев». Поэтому он рекомендовал прислать «три пехотных батальона и отряд полевой артиллерии с 7-фунтовыми орудиями в дополнение к нынешним силам»¹.

Г. Булвер был категорически против плана усиления военного присутствия в Натале для предполагаемой самообороны, поскольку с его точки зрения это могло поставить под угрозу любые мирные перспективы и в любом случае будет восприниматься зулусами как агрессивный шаг². Поскольку такой ход событий действительно входил в планы Фрера, то предложения Булвера были отвергнуты, а войска отправились в Наталь, куда также прибыл генерал-лейтенант Фредерик Август Тезигер, лорд Челмсфорд, главнокомандующий британскими войсками в Южной Африке. Характеризуя его личность, южноафриканский историк Дж. Лэбанд отмечал, что лорд Челмсфорд³ «был продуктом консервативного военного истеблишмента»⁴, что вытекало с его перспективы в неспособность адаптироваться к условиям службы в Южной Африке и стремление сосредотачивать в своих руках всю полноту военной и административной власти.

К примеру, при подготовке к последующей кампании лорд Челмсфорд отказался адекватно распределить компетенции в штабе экспедиционного корпуса и лично занимался всеми транспортными и организационными вопросами⁵.

¹ Commodore Sullivan to the Admiralty August 12, 1878// BPP, C. 2220, No. 46, Encl. 1., pp. 136 – 137

² Bulwer to Frere, 18 July 1878// BPP, C. 2220, No. 3, Encl. 1., pp. 395 – 396

³ Тезигер стал лордом Челмсфордом после смерти своего отца 5 октября 1878 г.

⁴ Laband J. Kingdom in Crisis..., p.16

⁵ Lord Chelmsford's Zululand Campaign: 1878 – 1879, intro, p. 29

Впоследствии это обернулось не только значительными трудностями во время английского вторжения в Зулуленд, но и конфликтом с местными колониальными властями, которые отказывались плодотворно сотрудничать с главнокомандующим. Поэтому неудивительно, что, прибыв в Наталь, он вскоре вступил в открытую конфронтацию с Г. Булвером, выступавшим против каких-либо британских военных приготовлений, которые Кетчвайо мог бы считать враждебными по отношению к Зулуленду¹. В связи с таким противодействием лорд Челмсфорд, как и Б. Фрер, стремился последовательно обосновать перед правительством в Лондоне причину неотложной необходимости усиления британских гарнизонов в Южной Африке.

Организовав свою штаб-квартиру в Питермарицбурге, лорд Челмсфорд выражал опасения «безразличием правительства Наталя» и отсутствием военной готовности колонистов перед вероятностью внезапного нападения зулу. В меморандуме от 29 сентября 1878 г. к Военному министерству он указывал, что вероятность вторжения зулусов в Наталь выглядела «более неминуемо, чем за все последние годы»², поэтому возможность противостоять внезапному рейду с помощью нынешней системы обороны в Капе ему казалась «почти безнадежной»³, и, по его мнению, этот факт «должен быть хорошо известен зулусам»⁴. В свою очередь, во избежание проблем с зулусами, лорд Челмсфорд предлагал значительно усилить охрану границ британских владений с Зулулендом⁵. Спустя месяц в меморандуме от 27 октября Челмсфорд сообщал, что «Кетчвайо активно занимается сбором значительной части своей армии», т. к. «некоторым полкам приказано двигаться со всей скоростью до северной границы», а также «было замечено значительное количество вооруженных зулусов, изъявлявших сильное желание сражаться с англичанами»⁶. В связи с этим британский главнокомандующий предлагал предпринять строгие меры

¹ Lieutenant-General Thesiger to Surveyor-General of Ordnance, 12 August 1878// BPP, C. 2234, No. 1, p. 1

² General Commanding to the Secretary of State of war, 29 September 1879, //BPP, C. 2234, No. 9, Encl. 1, p. 16

³ Ibid., p. 16

⁴ Ibid., p. 16

⁵ Ibid., p. 17

⁶ The General Officer Commanding, to the Secretary of State for War, 27 October 1878// Ibid., No. 15, p. 24

военной предосторожности, чтобы превентивно ответить на возможные зулусские угрозы¹. Таким образом, опасения Булвера о том, что наращивание войск в Натале вызовет у зулусов опасения и что британцы намерены урегулировать пограничный спор силой, были вполне оправданными.

Верховный комиссар Б. Фрер, выражая опасения насчет неминуемой войны с зулусами, настоятельно требовал, чтобы войска, уже служащие в Южной Африке – около 6 тыс. чел., были усилены подкреплением двух батальонов пехоты². Однако в этом вопросе с Челмсфордом у него были определенные разногласия. Как показывает анализ различных меморандумов и реляций, главнокомандующий предполагал оборонительную концепцию войны против зулусов, в которой делалась ставка на охрану границ британских колоний, хотя он неоднократно отмечал, что «план защиты не может считаться удовлетворительным, если нет возможности перейти в наступление в нужный момент»³. Верховный комиссар, однако, преследовал другую цель, а именно – быстрое вторжение в королевство Зулу со стороны значительных вооруженных сил, отсюда и вытекают его многочисленные предложения и запросы в метрополию увеличить численность войск под началом Челмсфорда. Однако в телеграмме от 17 октября 1878 г. сэр М. Хикс-Бич дал понять, что правительство не готово выполнить подобную просьбу⁴. Впоследствии Фрер дублировал свои послания, но в ответ Министр колоний писал, что позиция правительства по этому вопросу остается прежней, и подчеркивал нежелание консервативного кабинета втягивать Британию в войну с зулу⁵.

Тем не менее Верховный комиссар продолжал настаивать на увеличении британского военного присутствия в Южной Африке. Сэр Б. Фрер отправил еще одну телеграмму 18 ноября 1878 г. в Лондон, в которой он заявил, что ситуация на юге Африки «настолько угрожающая, насколько это возможно»⁶. В результате

¹ Memorandum forwarded to Sir Bartle Frere, 27 October 1878// Ibid., No. 15, Encl. 1, p. 24

² The Letters of Queen Victoria, Vol. 2, p. 644 – 645

³ General officer commanding to the Secretary of State for War, 11 November//Ibid., No. 17, p. 26

⁴ The Letters of Queen Victoria, Vol. 2, p. 644 – 645

⁵ Hicks-Beach V. Op. cit., Vol. 1, p. 104

⁶ Ibid., p. 108

23 ноября Хикс-Бич писал, что «учитывая все обстоятельства... правительство Ее Величества постановило, что дальнейшие подкрепления и дополнительные офицеры будут направлены в Наталь»¹. Как и в случае с Ашантийской кампанией, изначально правительство отправляло войска не для карательной экспедиции, а для защиты границ британских владений от возможной агрессии зулусов, полагаясь на мнение именно военных кругов, в частности, лорда Челмсфорда. Послание от 18 декабря 1878 г. гласило, что «правительство Ее Величества готово предоставить все необходимое местному правительству для обеспечения защиты границ в случае опасности, а также в отказе поддержки любых агрессивных операций, не связанных напрямую с защитой владений Ее Величества»². Однако, Верховный комиссар придерживался иной точки зрения. Фрер взял на себя ответственность, не посоветовавшись с Колониальным министерством, послать 11 декабря 1878 г. ультиматум Кетчвайю. Кабинет узнал о нем только 2 января 1879 г.³.

Ультиматум был передан 11 декабря 1878 г. на правом берегу р. Тугела. Согласно его положениям, Кетчвайю обязался распустить свою армию и проводить мобилизацию войск только с позволения английского комиссара, который должен разместиться в Зулуленде для наблюдения за внутренним управлением страны; в Зулуленде должны главенствовать законы британской империи, позволяющие возобновить деятельность христианских миссионеров⁴. Кетчвайю предписывалось к 11 января выполнить все требования ультиматума, иначе лорд Челмсфорд, будучи главнокомандующим английских войсками в Южной Африке, получал право воздействовать на зулусов силой⁵. Не получив ответа, Б. Фрер от лица британского правительства 4 января 1879 г. объявил Зулуленду войну⁶.

¹ The Manchester Guardian, 14 February 1879

² Edinburgh Review January, April 1879, p. 562

³ Nicolaides A. An Assessment of The Roles of Frere and Cetshwayo in British Hegemonistic Ambitions in Southern Africa which led to the Destruction and Fragmentation of the Zulu State by The Anglo-Zulu War of 1879, Ph.D. Diss., University of Zululand, 2002, p. 164

⁴ Воеводский А.В. Указ. соч., с.235 – 236; Cope R. Origins..., pp. 300 – 301

⁵ British notification, declaring a State of war between Great Britain and the Zulu King, Cetwayo, 4 January 1879// BFSP, Vol. 70, p. 146

⁶ Ibid., pp. 145 – 147

11 января 1879 г. британские войска под командованием лорда Челмсфорда выступили против зулусов. Он сформировал внушительную армию численностью 17,929 чел., более 10 тыс. из которых составляли туземные войска и добровольцы-колонисты; накопил огромный транспорт – 977 фургонов, 56 повозок, 10 тыс. волов, 803 лошади и 398 мулов¹.

План наступления был сравнительно простой. Челмсфорд собирался сформировать 5 колонн, две из которых – № 2 полковника Дернфорда и №5 полковника Роуланда, получили инструкции защищать границы Наталя и Трансваала соответственно, а остальные три должны перейти 11 января 1879 г. в Зулуленд для продвижения к столице Улунди. Колонне № 4 под командованием полковника Э. Вуда предписывалось пересечь Кровавую реку, занять позиции на горе Хлобан, откуда можно было эффективно защищать границы Капской колонии и производить наступление на зулусскую столицу; колонна №1 полковника Пирсона получила инструкции пересечь нижнюю часть реки Тугела и создать базу для будущих операций в Экове, которую в случае необходимости могла поддержать колонна Дернфорда; и последняя центральная колонна № 3, номинально под командованием полковника Ричарда Т. Глина, но фактически под командованием самого лорда Челмсфорда, вторглась на территорию зулусов вблизи от Трансваальской границы². Она насчитывала около 4 тыс. чел. и, заняв позицию у Роркс-дрифт, 11 января 1879 г. устроила основной склад снабжения³.

По замыслу лорда Челмсфорда план вторжения позволял в значительной степени защитить наступающие колонны и обезопасить границы английских владений, поскольку зулусам пришлось бы мобилизовать все свои силы, ожидая нападения с нескольких точек. Однако громоздкая транспортная система и отсутствие адекватных коммуникаций не позволяли своевременно поставлять продовольствие к английским войскам, из-за чего продвижение по пересеченной местности Зулуленда стало крайне медлительным, не давая при этом возможность

¹ Frere B. E. to Hicks-Beach, 24 February 1879// BPP, C. 2374, No.3, Encl. 1, p. 2; Spiers E. M. The Victorian Soldier..., p. 38; Laband J. Kingdom in crisis..., p. 46

² General Commanding to the Secretary of State of war, 22 December 1879//BPP, C. 2234, No. 26, Encl. 3, p. 41

³ Вестник Европы 1880. Т.3, с. 340 – 341

быстро обеспечивать поддержку другим отрядам в случае опасности. Также, несмотря на тщательную заготовку всех припасов и транспорта, на которые пришлось большая часть финансовых расходов, британцы, по сути, наступали «вслепую». Это подтверждается эпистолярным наследием артиллериста лейтенанта Керлинга¹, а также официальным описанием войны, изданным Военным министерством Великобритании². Как отмечал историк Э. Грейвз, большая часть информации о маршрутах движения Челмсфорду поступала от местных чиновников, которые хорошо знали местность и зулусские обычаи³.

Поэтому главнокомандующий при движении вглубь вражеской территории полагался на конные разведывательные патрули, которые были не способны предоставлять четкую и достоверную информацию о дислокации и маневрах противника. Все эти проблемы наряду с отсутствием адекватно подготовленного штаба экспедиционного корпуса обеспечивали серьезные трудности при координации действий других колонн, находившихся далеко друг от друга в плохо изученной местности. В итоге совокупность всех обозначенных выше обстоятельств оказала катастрофическое влияние на ход последующей кампании.

Король Кетчвайо, наоборот, был хорошо информирован о силах англичан и маршрутах их продвижения благодаря цепи наблюдательных постов, с которых его агенты докладывали о происходящих на границах событиях⁴. Как только английские войска вошли в Зулуленд, король призвал свои войска и послал три армии навстречу английским колоннам, оставляя при этом большой резерв в Улунди. Он надеялся сокрушить интервентов и затем заключить с ними мир⁵.

На следующий день после пересечения границы с Зулулендом, 12 января Челмсфорд начал атаку на крааль вождя Сирайо над рекой Батш. Бой длился около часа, перед тем как зулусы сдались и начали отступать. В результате крааль был захвачен без особых проблем, в бою погибло около 30 зулусов, в том числе один из сыновей вождя Сирайо, а британские потери составили всего несколько

¹ The Curling Letters of the Zulu War, pp. 97 – 98

² Narrative of the Field Operations connected with The Zulu War, p. 13

³ Greaves A. Op. cit., p. 44

⁴ Laband J. Kingdom in crisis..., p. 54

⁵ Lord Chelmsford's Zululand Campaign: 1878 – 1879, intro, pp. 36 – 37

раненых¹. Англичане также изъяли у зулусов образцы огнестрельного оружия, асsegai, а также весь скот. Похищение скота у туземцев стало краеугольным камнем тактики Челмсфорда: поскольку для пропитания армии Кетчвайо требовалось большое количество крупного рогатого скота, уничтожению краалей уделялось особое внимание. Однако на первых этапах кампании местное население не подвергалось откровенному террору, поскольку, со слов главнокомандующего, оно не оказывало сопротивления². Вскоре он приказал сжечь военный крааль Сирайо, но в донесении к Фреру от 12 января отмечал, что «ни одна другая хижина не пострадала»³.

Стоит отметить, что данное сражение, несмотря на незначительное сопротивление со стороны зулусов, имело негативные последствия для английских войск, т. к. с этого момента как среди командного, так и рядового состава экспедиционного корпуса царили общие представления о слабости противника и скором победоносном завершении кампании. Это в свою очередь позволило зулусам заманить основную группировку английской армии далее вглубь своей территории, чтобы ее последовательно окружить и уничтожить.

Не встретив особого сопротивления, колонна под командованием Челмсфорда 20 января пересекла реку Буффало у Роркс-Дрифт, продвинулась до горы Изандлвана и расположилась там лагерем⁴. Изначально главнокомандующий планировал направиться к холму Исипези, где совместно с колонной Вуда он хотел заложить два склада продовольствия подобно Роркс-Дрифт, полностью обеспечив их безопасностью воинским гарнизоном⁵. Лейтенант Керлинг отмечал в письмах, что «генерал желает осторожно продвигаться вперед, оставляя здесь депо, поэтому численность войск, идущих дальше, скоро сократится»⁶. Но из-за начавшихся дождей, согласно отчетам лорда Челмсфорда, реки стали непроходимы без плотов, а каменистую дорогу заслоняли огромные

¹ Historical Record of the 24th regiment, from its formation in 1689. London, 1892, p. 227

² Extracts from semi-official and private letters of Chelmsford to the High Commissioner, 12 January 1879// BPP, C. 2242, No. 20, Encl. 6, p. 43

³ Ibid., p. 43

⁴ Porter W. Op. cit., Vol. 2, p. 28

⁵ Extracts from semi-official and private letters of Chelmsford to the High Commissioner, 11 January 1879// BPP, C. 2242, No. 20, Encl. 6, p. 42

⁶ The Curling Letters of the Zulu War, p. 126

валуны, обвалившиеся со склонов ближайших холмов. Также трудности транспортировки значительно усугублялись большой смертностью быков¹. Поэтому главнокомандующий решил выбрать другой малоизведанный путь для продвижения колонны и стал лагерем 20 января 1879 г. именно у Изандлваны, чтобы предварительно произвести разведку местности конным патрулем.

Британские войска заняли низину среди цепи невысоких холмов, составлявших ее предгорье, в результате чего было невозможно эффективно обеспечить защиту этой позиции от внезапного нападения. В исторических записях 24-го полка приводилось следующее описание: «Эта позиция могла быть хороша против европейских войск, вынужденных по характеру местности действовать с открытого фронта. Но она не обеспечивала никакой защиты от зулусов, которые с детства привыкли переходить от скалы к скале... и для которых, следовательно, каменистая местность на склонах была не более серьезным препятствием, чем вспаханное поле для наших солдат дома»². При этом главнокомандующий отказался укрепить лагерь окопами и защитным периметром из повозок, аргументируя это слишком твердым грунтом и необходимостью использовать транспорт для подвоза снабжения из Роркс-Дрифт³. В результате 22 января отряд, оставшийся в лагере, подвергся нападению зулусов общей численностью до 20 тыс. чел. Накануне сражения в Изандлване было почти 1,800 чел. и всего 2 орудия; к вечеру выжили только 55 британцев и менее 400 аборигенов⁴.

Для наиболее точного воспроизведения последующих событий требуется обращение к различной группе источников, которые проливают свет на произошедшее 22 января 1879 г. в британском лагере, поскольку эти события до сих пор оставляют пространство для споров среди исследователей. Официальная версия, озвученная лордом Челмсфордом, представляла следующую картину.

¹ Lieutenant-General Commanding to the Secretary of State for War, 14 January 1879// BPP, C. 2242, No. 20, Encl. 8, p. 46

² Historical Record of the 24th regiment, p. 230

³ Saul D. Military Blunders: The How and Why of Military Failure. London, 1997, p. 257; Lord Chelmsford's Zululand Campaign: 1878 – 1879, intro, p. 37

⁴ French G. Op. cit., p. 61

После нападения на лагерь Изандлвана 22 января полковник Энтони Дернфорд, командующий колонной № 2, будучи старшим по званию офицером, отменил приказы, полученные ранее подполковником Генри Пуллейном для защиты лагеря, и дал указание войскам перейти в открытое наступление на вражеские силы, тем самым спровоцировав зулусов для атаки на оголенные английские позиции¹.

Накануне сражения 21 января 1879 г. главнокомандующий решил произвести разведку позиции главных сил зулусов, которая находилась примерно в 10 – 12 милях от Изандлваны, конными патрулями майора Дартнелла и коменданта Лонсдейла². Согласно отчету Челмсфорда, на следующий день 22 января в 2.30 утра полковник Глин получил сообщение от майора Дартнелла о том, что противник находится в непосредственной близости с ним. Опасаясь, что разведчики могут вступить в неравный бой с главными силами зулу, главнокомандующий вместе с бойцами 2-го батальона 24-го полка, 4 орудиями и кавалерией решил двинуться ему на помощь³. Вскоре отряд во главе с Челмсфордом общей численностью 2,5 тыс. чел. выдвинулся из лагеря и достиг позиции майора Дартнелла в 12 милях к востоку 22 января в 6.30 утра⁴. Перед отправлением главнокомандующий получил сообщение от подполковника Пуллейна о том, что зулусы наступают с левой стороны лагеря Изандлвана. Однако лорд Челмсфорд не придавал этой информации большого значения и продолжил свое наступление⁵, понадеявшись, что войска, оставшиеся в лагере, справятся сами.

Согласно официальным реляциям, перед отправлением главнокомандующий якобы заранее подготовил письменные приказы полковнику Э. Дернфорду, который к этому моменту охранял границу Наталя у Роркс-Дрифт. Они предписывали ему немедленно отправиться со всеми доступными войсками и артиллерийской батареей в Изандлвану, усилить там гарнизон и принять над ним

¹ Ibid., p. 91

² Lieutenant-General Lord Chelmsford to The High Commissioner, 21 January 1879// BPP, C. 2260, No. 4, Encl. 2, p. 15

³ From Lieutenant-General Lord Chelmsford, 27 January 1878//BPP, C. 2252, No. 22, Encl. 2, p. 75

⁴ Ibid., p. 75

⁵ Historical Record of the 24th regiment, p. 234

командование. В промежутке между отъездом лорда Челмсфорда из Изандлваны и прибытием полковника Дернфорда общее командование лагерем перешло к подполковнику Пуллейну, которому приказали усилить аванпосты и действовать только в обороне¹. Пуллейн был военным администратором, не имевшим опыта боевого командования. Именно по этой причине на него и оставили громоздкий лагерь со всеми запасами, повозками и снаряжением, не предполагая, что буквально через сутки ему придется выступить в роли бригадного генерала².

Многие современники и некоторые историки утверждали, что полковник Дернфорд, будучи старшим офицером с точки зрения субординации, был обязан «взять на себя командование лагерем». Но он являлся командующим именно колонной № 2. При этом лорд Челмсфорд и до, и после сражения в своей обширной корреспонденции четко обособлял это, вследствие чего он не отдавал никаких распоряжений объединить два отряда³, что также подтверждается показаниями подполковника Крейлока следственной комиссии⁴. Поэтому подполковник Пуллейн продолжал оставаться накануне и во время сражения главнокомандующим войсками в лагере у Изандлваны.

22 января в 11 часов утра зулусы появились в четырех больших колоннах, численность которых оценивалась в 15 – 20 тыс. чел.⁵. Полковник Дернфорд прибыл в лагерь за полчаса до нападения с конным отрядом из туземцев басуто численностью в 250 чел., после чего решил отправиться лично к Пуллейну в палатку для дальнейшего планирования действий. Ранее в 9.00, согласно отчету капитана Эссекса, Пуллейн велел всем войскам собраться около восточной стороны лагеря, лицом к предполагаемому направлению наступления противника⁶. Артиллерист лейтенант Керлинг писал, что британские отряды были очень плохо укомплектованы, «не более 50 чел. в каждой роте, а всего их было 6»,

¹ French G. Op. cit., pp. 58 – 59

² Каторин Ю.Ф. Битва у Изандлваны//Военный сборник, 2014, №4, с. 202

³ Isandlwana. Lord Chelmsford's statements compared with evidence// Colenso E., Durnford E. History of Zulu war p. 426; Greaves A. Op. cit., p.76; Lieutenant-General Lord Chelmsford to sir Bartle Frere, 23 January 1879//Lord Chelmsford's Zululand Campaign: 1878 – 1879, pp. 76 – 78

⁴ Statement of Lieutenant-Colonel J. North Crealock// BPP, C. 2260, No. 13, Encl. 2, p. 99

⁵ Lieutenant-General Lord Chelmsford to sir Bartle Frere, 23 January 1879//Lord Chelmsford's Zululand Campaign: 1878 – 1879, p. 77

⁶ Lieutenant-General Commanding in South Africa to the Secretary of State for War, 8 February 1878// BPP, C. 2260, No. 13, Encl. 2, p. 83

но тем не менее, с его слов, они «...не испытывали ни малейшего беспокойства по поводу дальнейшего исхода, потому что, хоть зулусы и появлялись в огромном количестве, мы чувствовали, что они не могут пробиться сквозь нас»¹. Этот комментарий британского офицера, как нам представляется, довольно показательный, и демонстрирует наглядно отсутствие реальных представлений у английских солдат о силе противника.

Вскоре зулусы отступили без боя и войскам в лагере приказали вернуться на прежние позиции, а полковник Дернфорд следом решил произвести разведку боем, опасаясь, что зулусы нанесут удар в тыл отряда лорда Челмсфорда². Не зная точной численности противника, он решил фланкировать зулусов при поддержке артиллерийской бригады, однако произвести более одного залпа у них не получилось, т. к. противник начал стремительно отрезать позицию английских войск. Очевидец сражения капитан Нурс писал в отчете, что, будучи атакованным со всех сторон, отряд под командованием Дернфорда начал спешно отступать к лагерю, насколько это было возможно, пока он не достиг небольшого ручья недалеко от основной британской позиции у Изандлваны. Здесь была сделана отчаянная попытка дать отпор противнику, но к этому времени зулусы окружили и прорвали линию обороны 24-го полка в английском лагере³.

После полудня англичане потеряли все оставшиеся позиции, а выжившие начали стремительный рывок к дороге, ведущей обратно к р. Буффало в сторону Роркс-Дрифт. В это время полковнику Дернфорду удалось сплотить нескольких человек и занять прочную позицию на восточном холмистом склоне рядом с Изандлваной, прикрывая отступавших. Здесь же они и героически погибли⁴. К 13.30 битва закончилась полным разгромом британской колониальной армии. Зулусы в сражении потеряли около 3 тыс. чел.⁵.

Британцы сразу же попытались выяснить причины столь удручающего

¹ The Curling Letters of the Zulu War, pp. 129 – 130

² Greaves A. Op. cit., p. 45

³ Lieutenant-General Commanding in South Africa to the Secretary of State for War, 8 February 1878// BPP, C. 2260, No. 13, Encl. 2, p. 82

⁴ Porter W. Op. cit., Vol. 2, p. 29; Narrative of the Field Operations connected with The Zulu War, p. 38

⁵ Holden C. British rules in South Africa. L., 1881, p. 113

результата столкновения с противником, которого изначально они не считали в какой-либо мере серьезным. В результате по запросу лорда Челмсфорда была организована следственная комиссия из числа старших офицеров в Трансваале по выяснению причин трагедии при Изандлване. Задача комиссии, как отмечал Я. Найт, заключалась в том, чтобы организовать сбор информации от имени главнокомандующего, призванной пролить свет на важные решения, которые принимались в Изандлване во время его отсутствия¹.

В донесении от 27 января 1879 г. к Военному министерству Челмсфорд отмечал, что «подполковник Пуллейн... был оставлен во главе лагеря и получил строгие указания, чтобы защищать его»². По его мнению, «если бы эти силы заняли оборонительную позицию в самом лагере и использовали материалы для поспешного его укрепления, которые находились под рукой, то вся армия зулусов не смогла бы их оттуда сдвинуть»³. В газете «Таймс» вскоре опубликовали заметку подполковника Крейлока, военного секретаря Челмсфорда. В ней он также делал прямое указание на виновника трагедии. Он пояснил, что якобы «...послал письменный приказ подполковнику Дернфорду, командиру колонны № 2 – двинуться в лагерь Изандлвана ...чтобы принять командование над ним...». «Такие инструкции», по его мнению, «были бы обязательными для выполнения полковником Дернфордом в связи с тем, что он принял командование лагерем»⁴. Таким образом, лорд Челмсфорд и его ближайшее окружение переводили всю ответственность на полковника Энтони Дернфорда. Именно эта версия в итоге была представлена в официальном описании войны, опубликованном Военным министерством Великобритании⁵.

Историк Я. Найт считает, что в этом была доля правды, и Дернфорд действительно просил у Пуллейна поддержки, но степень, в которой он предоставил ее за счет своих собственных приказов, совершенно не ясна⁶.

¹ Knight I. Op. cit., p. 493

² French G. Op. cit., p. 74

³ Ibid., p.74

⁴ Times, 17 March 1879

⁵ Narrative of the Field Operations connected with The Zulu War, pp. 32 – 38

⁶ Knight I. Op. cit., p. 495

Английский историк Э. Грейвс утверждает, что в данном случае Челмсфорд и его штаб специально развернули кампанию по дезинформации, чтобы сделать Дернфорда виновным в трагедии и снять всю ответственность с главнокомандующего и его приближенных. В пользу своей точки зрения он приводит ряд телеграмм в период 21 – 22 января, в которых отсутствуют какие-либо намеки на «принятие командования лагерем» полковником Дернфордом¹, в то время как «главные виновники поражения» полностью выполнили изначальные предписания своего командира. Поэтому, абстрагируясь от попыток найти виновных среди погибших, стоит подчеркнуть, что первопричиной поражения, с нашей точки зрения, все же стали именно неоправданно поспешные действия лорда Челмсфорда и неточные отчеты полевой разведки, в результате которых английский главнокомандующий слишком быстро выдвинул войска на отвлекающий маневр зулусской армии.

Очевидно также, что приказы лорда Челмсфорда Дернфорду и Пуллейну не давали возможность адекватно подготовить позиции для обороны лагеря, т.к. именно главнокомандующий первоначально не предпринял никаких попыток обустроить месторасположение английской колонны, поэтому у его подчиненных не было твердых оснований менять изначальные намерения своего командира. Как отмечал Эдвард Дернфорд – брат погибшего офицера, сама идея расположить линию обороны между лагерем и Изандлваной показывает полную некомпетентность лорда Челмсфорда, из-за которой противник, атакуя с флангов, смог легко скрыть направление основного удара в тыл позиции англичан². Поэтому апелляция главнокомандующего к несоблюдению его «строгих приказов» показывает лишь в очередной раз спешную попытку скомпрометировать результаты следственной комиссии, поскольку лагерь в Изандлване не имел изначально адекватной возможности к сопротивлению.

Африканский историк А. Николаидес в качестве причин поражения выделяет в том числе черты характера Челмсфорда, который «принял неудачные

¹ Greaves A. Op. cit., p. 45

² Isandlwana. Lord Chelmsford's statements compared with evidence//Colenso E., Durnford E. History of Zulu war, p. 430

стратегические решения из-за своей консервативной военной карьеры». Он отмечает, что, несмотря на структурные армейские реформы, используемая англичанами тактика на поле боя не учитывала фактор нападения противника при многократном численном перевесе¹. Действительно, в Изандлване и в битве при Майванде, во время второй Англо-афганской войны, использовалась расширенная формация линейных полков, поскольку это был обычный тактический метод применения ручного огнестрельного оружия со времен войн наполеоновской эпохи, и в обеих ситуациях он оказался фатальным. Но в этом и заключается феномен колониальных войн, в рамках которого более прогрессивные боевые построения с точки зрения развития европейского военного искусства и технического прогресса оказались бесполезными под натиском более примитивной тактики. При этом устаревшие методы вроде построения каре, неэффективные против залпов вражеской артиллерии, наоборот, оказались действенными в борьбе с африканскими племенами.

Трагедия Изандлваны стала громким событием на международной арене, демонстрацией британской военной некомпетентности для общественности и знаком торийскому кабинету, что война будет затяжной и дорогой. Лорд Карнарвон, который к этому времени перестал занимать свой министерский пост, сказал, что это «поражение в Южной Африке чрезвычайно потрясло престиж и авторитет правительства»². Дизраэли в это время находился на пике своей власти и успеха, имея необычайное влияние на аристократию и народ. Но это был хрупкий успех: еще неизвестно, выполнит ли Россия обязательства, взятые на себя во время дипломатического триумфа Дизраэли в Берлине; и экономическая депрессия в Британии стала набирать серьезные обороты. «Страдания бедного народа в Лондоне и в большинстве городов Англии вообще – весьма велики, хотя министры правительства и их сторонники, утверждают, что рассказы об этих страданиях сильно преувеличены»³, – сообщал военный атташе А.П. Горлов из Лондона. Узнав о битве при Изандлване, российский посол Бартоломей в

¹ Nicolaidides A. Op. cit., p. 16

² Cope R. Origins..., p. 305

³ РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1879, д. 1, л. 23

донесении от 12 февраля 1879 г. рассказал о реакции общества и правительства Великобритании и резюмировал: «...неудачи, понесенные британскими войсками, вызвали глубокое замешательство»¹.

После трагического поражения в Изандлване Англо-зулусская война стала важнейшим предметом обсуждения в английском обществе и объектом критики со стороны либеральной оппозиции. Журнал «Эдинбург Ревью» заявлял, что «война сама по себе непопулярна, она «несправедлива с самого своего начала», «дорогостоящая», «кровопролитная», «бесславная» и маловероятно принесет большие выгоды Англии»². Однако оппозиция выступала не против Дизраэли, поскольку роль консервативного кабинета в развязывании войны была менее заметна по сравнению с событиями в Афганистане, а лишь против Б. Фрера, потребовав удаления его с поста Верховного комиссара на том основании, что он «взял ответственность, которую необязательно было взваливать на себя в это время, учитывая четкие указания от правительства о желании избежать войны...»³. С точки зрения Т. Н. Гелла, выбор Фрера в качестве объекта критики объяснялся во многом тем, что накануне своего назначения Верховным комиссаром Южной Африки он служил в индийской администрации и являлся одним из инициаторов «наступательной политики», которую впоследствии развил лорд Литтон⁴. Генерал-майор А. П. Горлов также писал, что британское правительство гонениями на Фрера просто прикрывало свои неудачи в Африке, и «это явление не есть случайное и указывает на дурное качество английской армии»⁵.

Газетчики тоже не оставались в стороне. Либеральная «Дэйли Ньюс» выступала с острой критикой британского командования, и в частности, лорда Челмсфорда: «На нас ложится самая болезненная и, пожалуй, самая неблагоприятная обязанность, которая может выпасть на долю публичного журнала: обязанность ясно и безошибочно сказать, что лорд Челмсфорд потерпел неудачу в

¹ Цит. по: Давидсон А., Филатова И. Указ. соч., с. 77 – 78

² Цит. по: Гелла Т. Н. У. Гладстон, либералы..., с. 111

³ Lucy H. W. Op. cit., p. 475

⁴ Гелла Т. Н. У. Гладстон, либералы..., с. 112

⁵ РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1879, д. 1, л. 71/об.

качестве нашего главнокомандующего в Южной Африке и что он должен быть немедленно отозван»¹. В это же время «Манчестер Гардиан» призывала общественность сплотиться: «Нам не нужно обсуждать вопрос о том, был ли Челмсфорд виноват в произошедшем или он стал жертвой несчастья, которое может настичь даже самого компетентного генерала»². По мнению редакции, главное, что зулусы «дали генералу урок, который он должен усвоить, чтобы возобновить экспедицию, когда придут подкрепления»³.

Правительство должно было быстро отреагировать на растущую критику со стороны оппозиции, прессы и общественности. Как уже отмечалось ранее, за это время консервативный кабинет Дизраэли столкнулся с более насущными проблемами в Афганистане. Но общественный спрос на возмездие после Изандлваны не оставил иного выбора тори, кроме как потратить больше времени и денег на продолжение войны с зулусами. Поэтому парламент вотировал дополнительные расходы в 1,5 млн ф. ст. и впоследствии было добавлено еще 3 млн.⁴

Тем не менее, британский моральный дух заметно возродился после героической обороны Роркс-Дрифт 22–23 января 1879 г., где 146 чел., 35 из которых больные и раненые, сопротивлялись натиску примерно 4 тыс. зулусов – резерв, не занятый в нападении на Изандлвану.

При продвижении колонны лорда Челмсфорда в Зулуленд было создано депо в Роркс-Дрифт, а рядом с бродом выстроено два здания. Одно использовалось как госпиталь, второе – в качестве склада амуниции и припасов. Этот лагерь был заранее предупрежден о готовящемся нападении зулусов лейтенантом Адендорфом и одним из натальских карабинеров, которые выжили после катастрофы в Изандлване⁵. Это позволило лейтенанту Гонвиллу Бромхеду и его помощнику Джеймсу Далтону начать организацию обороны по периметру. Командующим войсками гарнизона выступил лейтенант Джон Чард. Помимо

¹ Daily News, 6 March, 1879

² Manchester Guardian, 6 March 1879

³ Ibid., 6 March, 1879

⁴ Голант В.Я. Указ. соч., с. 59 – 60

⁵ French G. Op. cit., p. 67

двух фургонов, периметр обороны состоял из груд мешков с камнями и коробок с провизией¹. Рядовой Э. Стивенс описывал детали нападения: «Мы получили оружие и боеприпасы, разбили лагерь и забаррикадировали старый склад, как могли. Спустя час мы увидели, как они приближаются. По слухам их было 4 тыс. чел. Каждый был на своем посту, нас было всего 146 чел. Мы продолжали стрелять; это началось около трех часов (утра. – А.А.) – продолжалось в течение двух часов – когда им удалось поджечь маленький корпус, используемый в качестве госпиталя»². Как упоминал в своем отчете лейтенант Чард, все это время противник пытался форсировать госпиталь, а вскоре после этого поджег крышу: «Гарнизон больницы защищал комнату за комнатой, наши люди вывели всех больных, которых можно было вывести до того, как они смогут отступить сами»³. Бои продолжались до 4 часов утра.

Лейтенанты Чард и Бромхед были впоследствии награждены Крестом Виктории за героическую оборону брода Рорк⁴. Отправляя письмо к колониальному секретарю, Челмсфорд отмечал, что «поражение зулусов на этом посту и очень тяжелые потери, понесенные ими, в значительной степени нейтрализовали последствия катастрофы в Изандлване и, несомненно, спасли Наталь от опасного вторжения»⁵.

Героизм гарнизона, проявленный британскими войсками в этом сражении, не был мифом, но викторианцы явно пытались идеализировать битву у Роркс-Дрифт, чтобы компенсировать тяжелое поражение в битве при Изандлване. Согласно материалам газеты «Гардиан», были раскрыты документы, которые доказывают, что Роркс-Дрифт стал местом военного преступления, которое совершила Британия. Через несколько часов после битвы старшие офицеры и военнослужащие, направленные на освобождение гарнизона, убили сотни раненых и пленных зулу. Некоторые из них были заколоты штыками, некоторые

¹ Porter W. Op. cit., Vol. 2, p. 31

² South Wales Daily News, 25 March 1879

³ Porter W. Op. cit., Vol. 2, p. 32

⁴ French G. Op. cit., p. 70

⁵ Ibid., p. 72

повешены, а другие закопаны в массовых захоронениях живьем¹. По-видимому, большинство зулусов погибло именно в бою, но казни были заматы, чтобы сохранить образ Роркс-Дрифт как кровопролитное, но честное противостояние между двумя силами, придавая им героический ореол. Британская газета «Гардиан» резюмировала позицию тем, что «британское правительство и общественность думали, что лучше подмести эти факты под ковер»².

Параллельно этим событиям 22 января полковник Пирсон пересек р. Тугела и в тот же день был атакован силами зулу у р. Инъезане. К 21.30 сражение прекратилось, и зулусы, потеряв 300 чел. убитыми, отступили³. Затем колонна возобновила свой марш и на следующий день достигла Экове. Пирсон намеревался двинуться на крааль Кетчвайо в Улунди, но, узнав о бедствии в Изандлване, решил удерживать форт, отправив, однако, все свои конные войска под командованием майора Бэрроу обратно к границам Наталя. Вместе с ним остались около 1,300 чел., включая военно-морскую бригаду⁴, чтобы препятствовать попыткам зулусов продвинуться за пределы Нижней Тугелы⁵.

На севере, где действовал отряд под командованием полковника Э. Вуда, также произошло несколько столкновений. Его колонна включала в себя два пехотных батальона, артиллерийскую батарею, шесть отрядов конного ополчения, включая бурские коммандо под командованием Пита Уиса и два батальона туземцев, набранных на местах проживания зулусов⁶. Изначально его войска продвигались к Улунди при поддержке центральной колонны, однако после известий об Изандлване им пришлось срочно расчищать территорию на дальнейшем пути, чтобы обеспечить защиту пограничных городов Утрехт и Люнебург. 24 января английский отряд вступил бой с зулусскими войсками, и в результате непродолжительного артиллерийского обстрела противник был

¹ The Guardian, 29 April 2003

² Ibid., 29 April 2003

³ Holden C. Op. cit., p.132

⁴ Clowes W. L. Op. cit., Vol. 7, p. 305; Lieutenant-General Commanding in South Africa to the Secretary of State for War, 3 February 1878// BPP, C .2260, No. 3, Encl. 1, p. 3

⁵ From Lord Chelmsford to Colonel Pearson, 27 January 1879// Ibid., p. 11

⁶ Spiers E. M. The Victorian Soldier..., p. 47

вынужден отступить, оставив на поле боя 50 убитых¹. Вскоре Вуд получил приказ «не двигаться до тех пор, пока не появится необходимость спасти Наталь»².

Тем не менее важно отметить, что главным итогом Изандлванского сражения стала не гибель самого английского отряда, а уничтожение всего обоза, вьючного транспорта, хищение оружия, амуниции и съестных припасов, утрата которых полностью парализовала действия британских войск на данном этапе войны. Поэтому в течение следующих двух месяцев лорд Челмсфорд, как сообщал военный агент А. П. Горлов, «бездействовал»: «Причина такого бездействия состояла в том, что черные войска и колонисты разбежались; что обоз, большая часть которого погибла при Исандуле³, было крайне трудно возобновить, и вследствие того, что войска регулярные сильно деморализовались»⁴. В связи с этим Челмсфорд телеграфировал в Военное министерство с просьбой прислать дополнительные подкрепления для возобновления наступательных действий против зулусов и требовал «с учетом будущих непредвиденных обстоятельств, чтобы офицер в звании генерал-майора был незамедлительно отправлен в Южную Африку»⁵.

Российский военный представитель в Лондоне довольно точно отметил, комментируя события Афганской и Зулусской кампаний, что «внезапное пребывание войск в два театра войны вдруг обнаружило слабости английской военной организации»⁶. Дабы компенсировать тяжелые потери и минимизировать военные расходы, лорд Челмсфорд планировал в том числе мобилизовать для повторного вторжения в Зулуленд каждого мужчину-туземца в британских владениях в Южной Африке⁷. Это привело к очередной конфронтации военных кругов с гражданской администрацией в лице Г. Булвера.

¹ Lieutenant-General Lord Chelmsford to the Secretary of State for War, 3 February 1879// BPP, C. 2260, No. 3, Encl. 1, p. 3

² Wood E. Op. cit. Vol. 2, p. 33

³ Одно из названий холма Изандлвана

⁴ РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1879, д. 1, л. 1 02

⁵ Lieutenant-General Lord Chelmsford to the Secretary of State for War, 9 February 1879// BPP, C. 2260, No. 13, Encl. 1, p. 79

⁶ РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1879, д. 1, л. 22/об. – 23

⁷ Bulwer to Frere, 22 February 1879//BPP, C. 2318, No. 18, pp. 23 – 24

Он вполне обоснованно отмечал, что значительная часть трудоспособного мужского населения уже мобилизована, и ужесточение призыва приведет к серьезному недовольству среди туземцев¹. Также он выражал сомнение в возможности их обеспечения необходимыми материальными средствами и оружием². Тем не менее, лорд Челмсфорд, игнорируя предостережения Булвера, распорядился сформировать дополнительный батальон из 800 туземцев под командованием капитана Черри³, но до прибытия европейских полков главнокомандующий не предпринимал серьезных попыток по противодействию войскам Кетчвайо. Полковнику Пирсону было приказано оставаться в обороне у Экове; полковник Вуд расположил свою колонну так, чтобы она прикрывала Утрехт; в то время как остатки колонны полковника Глина заняли Роркс-Дрифт, Хелпмекаар и Умсинга⁴.

В это же время организация английской армии подвергалась в метрополии серьезному порицанию. Как отмечалось ранее, в период Зулусской кампании за границей служило 82 батальона, в то время как в метрополии располагалось всего 59, из-за чего не получалось эффективно подготавливать новобранцев к активной службе. Поэтому, как писал военный агент А. П. Горлов, в Англии началась активная критика краткосрочной службы и упрощения обучения офицеров младших чинов: «Бросаясь как всегда в крик, газеты пишут, что армии нет, и то, что называется армией – есть только позор для нации»⁵.

Историк Дж. Мэтьюс полагал, что отказ Челмсфорда следовать советам колонистов по военной тактике, его неспособность установить доверительные отношения с Булвером и правительством Наталя, недооценка военной мощи зулусов, отсутствие организаторских способностей, чтобы своевременно снабжать вторгшиеся колонны, стали основными причинами разгрома в битве у Изандлваны⁶. Эти претензии верны лишь отчасти. Безусловно, лорд Челмсфорд

¹ Ibid., p. 26

² Ibid., p. 24

³ For His Excellency the High Commissioner, 7 March 1879// Ibid. No.21, p. 6

⁴ French G. Op. cit., p. 77

⁵ РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1879, д. 1, л. 146

⁶ Matthew J. Lord Chelmsford: British general in Southern Africa, 1878 – 1879, D.Litt. Diss., University of South Africa, 1987, pp. 1 – 2

стал жертвой надменного отношения к противнику и консервативного взгляда на устройство английской армии, в которой личные качества офицера-джентльмена были важнее грамотно сформированного аппарата военного командования. Однако все сложности транспортной организации, как и проблемы с местными властями, были скорее системными, нежели зависели от личностного фактора.

Во-первых, как уже отмечалось ранее при освещении Ашантийской и Афганской кампаний, военные напрямую подчинялись парламенту, а, следовательно, и колониальным властям, поэтому неудачи английского оружия демонстрировали не только проблемные места в системе военной организации, но и противоречия в административном управлении, в рамках которых армейские и гражданские службы не могли эффективно содействовать друг другу в вопросах войны и мира, т. к. имели совершенно различные точки зрения на методы решения этих проблем. Во-вторых, сказывалось отсутствие единого операционного «мозга армии» – Генерального штаба, который имел возможность более точно продуцировать и аккумулировать необходимые сведения и данные для эффективного выполнения поставленных перед армией задач. Разведывательный департамент Военного министерства, хоть частично и выполнял подобные функции, однако на практике был сильно ограничен в своей компетенции и обладал малым штатом сотрудников, поэтому в процессе территориальной экспансии британское командование на местах откровенно прибегало к методике импровизированных штабов, которые брали на себя обязанность планирования последующей войны. Примечательно, что именно эта же проблема станет актуальной и для второй Англо-бурской войны (1899 – 1902 гг.), по итогам которой будет принято решение о преобразовании Разведывательного департамента и создании Имперского Генерального штаба в 1904 г. Тем не менее, стоит подчеркнуть, что во многом отсутствие адекватных топографических и военно-статистических сведений у британского командования о Зулуленде во многом обусловлены центрированием основного внимания разведывательного департамента на проблеме потенциального столкновения с Россией в разгар Восточного кризиса.

Зулусы, тем не менее, продолжали совершать дерзкие атаки на английские позиции. 12 марта еще одна катастрофа постигла британские войска, подчиненные полковнику Вуду. Возле границ Трансвааля 800 – 900 зулусов напали на английский лагерь на берегу реки Нтомбе (Интомби). Их целью был конвой из 18 фургонов, перевозивших запасы, амуницию и продовольствие из Люнебурга в Наталь, в сопровождении 106 солдат под командованием капитана Д. Б. Мориарти. В результате сражения капитан Мориарти и 78 солдат погибли, и лишь благодаря грамотным действиям сержанта Бута удалось избежать полного разгрома¹.

С середины марта 1879 г. в Наталь начали прибывать подкрепления, запрошенные ранее. В течение февраля-марта лорд Челмсфорд занимался подготовкой к предстоящему возобновлению наступательных операций. Он планировал сначала освободить гарнизон Экове во главе с полковником Пирсоном, который с начала февраля 1879 г. находился в тяжелом осадном положении после неудачной попытки отступления в ходе битвы у Изандлваны, затем объединиться с войсками Вуда и Глина и, дождавшись подкреплений из метрополии, начать решающее наступление в сторону Улунди².

28 марта 1879 г. колонна Челмсфорда вошла в Зулуленд, медленно продвигаясь по заболоченной местности в сторону Экове для спасения отряда полковника Пирсона. Войска, насчитывающие 3,340 европейцев и 2,280 туземцев, были организованы в две бригады под командованием подполковника Лоу и подполковника Пембертона из 60-го стрелкового полка³. Также главнокомандующий, чтобы отвлечь основные силы зулусской армии в пользу действий его колонны, послал секретные инструкции различным командирам вдоль границы от Нижней Тугелы до холма Камбула с просьбой провести демонстративные атаки на Зулуленд⁴.

¹ Spiers E. M. The Victorian Soldier..., p. 47

² Narrative of the Field Operations connected with The Zulu War, pp. 61 – 64

³ French G. Op. cit., p.101; Lieutenant-General Commanding in South Africa to the Secretary of State for War, 25 March 1879//BPP, C. 2318, No. 17, Encl. 1, pp. 74 – 76

⁴ Lieutenant-General Lord Chelmsford to the Secretary of State for War, 11 April 1879// BPP, C. 2318, No. 13, Encl. 2, p. 56

2 апреля в 6.00 утра конные войска, вышедшие на рассвете, чтобы разведывать ближайшие позиции, отправили лорду Челмсфорду сообщение о том, что зулусы движутся в его сторону. Аналогичная информация была получена от наблюдательных постов, и вскоре на левом берегу р. Инъезане появились две враждебные колонны. Это оказалось левое крыло армии зулусов из 10 тыс. чел. под командованием Дубуламанзи, который возглавлял войска в битве у Изандлваны¹. Лорд Челмсфорд учел уроки прошлых неудач и за сутки перед сражением приказал соорудить на холме у крааля Гингиндлову укрепленный лагерь с периметром в виде квадрата, по углам которого были расставлены зажигательные установки и картечницы. В течение следующего часа зулусы пытались атаковать его со всех сторон, понеся тяжелые потери от дисциплинированных залпов пушек и пулеметов, но в этот раз атака зулусских полков оказалась неэффективной – они потеряли более тысячи чел., а британцы – 15 убитыми и 52 ранеными². На следующий день отряды продолжили движения в сторону Экове и, не встретив сопротивления, колонна благополучно освободила гарнизон под руководством полковника Пирсона после 10-недельной осады. К 9 апреля все отряды под командованием Челмсфорда благополучно вернулись в Дурбан³.

В то время пока Челмсфорд освобождал Экове, полковник Вуд, получивший от главнокомандующего высокую степень свободы, решил привлечь основные группировки войск зулу на свою позицию в Камбуле, выполняя полученные ранее предписания. План Вуда заключался в том, чтобы конные войска во главе с подполковниками Буллером и Расселом при поддержке ракетной артиллерии взобрались на высокое плато горы Хлобан для угона скота из зулусского краала⁴. Однако примерно в 11 утра к месту расположения британцев стали направляться 5 больших колонн зулусов с юго-востока – это был главный импи (зулусский полк. – А. А.) из столицы Улунди. Вуд понял, что они заблокируют отступление

¹ French G. Op. cit., p. 101

² Holden P. Op. cit., p. 141

³ Narrative of the Field Operations connected with The Zulu War, p. 83

⁴ Wood E. Op. cit., Vol. 2, p. 40

Буллера с верхнего плато, а затем поймают в ловушку Рассела¹. В итоге из-за несогласованных действий отряд британских войск под общим командованием Э. Вуда был вынужден спешно отступить в лагерь у Камбулы. Во время неудачной атаки на зулусский крааль погибли 15 офицеров и 110 солдат, 8 оказались ранены и были убиты 100 африканских туземцев².

В течение следующего дня, предупрежденные о приближении армии зулусов численностью 20 тыс. чел., оставшиеся английские войска в количестве 2,086 чел. готовились к атаке на лагерь Камбула. Ночью большинство оставшихся «иррегулярных сил» Вуда покинуло расположения лагеря, как и бурские ополченцы после смерти их лидера Пита Уиса в ходе битвы за Хлобан³. Для защиты своей позиции Вуд заранее распорядился соорудить прочный лагерь: повозки 13-го легкого пехотного полка составляли правую переднюю его часть, спереди в центре находились 4 орудия, а 90-й пехотный полк образовал левый фланг. Кавалеристы располагались в центре, а тыловую часть лагеря удерживали туземные войска. Особенностью британской позиции являлось неудобное расположение для активной обороны. Буллер писал, что «наша позиция предназначалась для очень стойкой защиты, но плохо подходила для нанесения урона противнику, так как холм, на котором мы располагались лагерем, был настолько высоким, что мы не могли увидеть его подножия»⁴. Поэтому Вуд решил спровоцировать зулусские войска для атаки на подготовленные заранее редуты. Последовавшая битва на холме Камбула стала поворотным событием в войне и, как отмечал Я. Найт, подчеркнула очевидную истину, что «против европейской армии, полностью оснащенной современной огневой мощностью и надежно закрепленной за баррикадами, тактического чутья и грубого мужества уже недостаточно»⁵.

В последующий месяц, дожидаясь подкреплений и заново формируя транспортную систему, Челмсфорд готовился к решающей фазе операции против

¹ Ibid., p. 51

² French G. Op. cit., p. 114

³ Liverpool Mercury, 22 May 1879

⁴ Melville C. H. Op. cit., Vol. 1, p. 121

⁵ Knight I. Op. cit., p. 511

зулусов. Он был очень обеспокоен нехваткой повозок и вьючного скота, а прибытие подкреплений только увеличивало потребность в грамотно выстроенной логистической и организационной инфраструктуре. При этом власти Наталы все чаще отказывались сотрудничать с Челмсфордом. Как отмечал Э. Грейвс, они больше беспокоились о том, что пострадает коммерческая деятельность колонии, поскольку люди, обслуживавшие транспорт, отказывались от своей обычной работы в пользу легкой добычи, которую предлагала армия¹.

В конце апреля главнокомандующий дополнительно запросил три батальона пехоты из метрополии². Военное министерство в этой просьбе ему отказало, хотя в итоге было решено направить еще 800 морских пехотинцев и 200 морских артиллеристов³. Также Челмсфорд настаивал, чтобы силы туземных войск, собранные вдоль границы с Наталем, были задействованы в будущих операциях против зулусов. С его точки зрения «10 тыс. вооруженных туземцев, находящиеся вдоль границы, должны произвести эффект на противоположной стороне и сделать шансы рейда на Наталь крайне опасными в глазах зулусов»⁴. Однако и в этот раз колониальные власти во главе с Г. Булвером препятствовали решению этого вопроса, ссылаясь на необходимость, прежде всего, сохранять эти войска для безопасности границ английских колоний, «а не для участия в каких-либо операциях, проводимых в стране зулусов»⁵.

Военные неудачи лорда Челмсфорда, конфликт с местными властями, а также огромные финансовые расходы послужили поводом для британского правительства сменить его на посту главнокомандующего. Как сообщал российский журнал «Военный сборник»: «Подобные факты, а равно и неудовольствие, возбужденное в Англии слишком медленными действиями генерала Челмсфорда, заставили английское правительство назначить 27-го мая сэра Гарнета Уолсли гражданским и военным генерал-губернатором Наталы и

¹ Greaves A. Op. cit., p. 185

² Lieutenant-General Commanding in South Africa to the Secretary of State of War, 21 April 1879//BPP, C. 2318, No. 18, p. 79

³ War Office to Colonial Office, 29 May 1879//Ibid., No. 22, p. 85

⁴ Lord Chelmsford to sir H. Bulwer, 7 May 1879//BPP, C. 2374, No. 25, Encl. 1, p. 88

⁵ Bulwer to Chelmsford, 18 April 1879//BPP, C. 2318, No. 18, p. 80

Трансвааля и полномочным комиссаром по сношению с соседними туземными племенами»¹. Его главной задачей стало умиротворение Зулуленда. Как отмечает А. В. Воеводский, Англия в тот момент времени была не готова возложить на себя новый груз ответственности по управлению страной зулу, поэтому отвергалась любая возможность ее аннексии².

Не зная о решении кабинета министров, 31 мая Челмсфорд решил перейти в полномасштабное наступление. К этому моменту силы в его распоряжении состояли из двух дивизий с кавалерийской бригадой и «летучей» колонной под командованием полковника Вуда, которому 10 апреля было присвоено звание бригадного генерала. Генерал-майор Генри Крейлок³, один из нескольких старших офицеров, отправленных в Южную Африку в качестве подкрепления, был назначен командовать 1-й дивизией; генерал-майор Эдвард Ньюдигейт – 2-й дивизией, но фактически ей командовал сам Челмсфорд, и генерал-майор Фредерик Маршалл – кавалерийской бригадой; линии коммуникаций и базы снабжения были переданы в ведомство генерал-майору Г. Клиффорду⁴.

Для второго вторжения в Зулуленд Челмсфорд планировал нанести два основных удара. Первый должен следовать вдоль береговой линии на север в Зулуленд, при участии войск старой колонны Пирсона. Вторым ударом ожидалось произвести с северо-запада войсками, прибывшими накануне из Англии, примерно по линии продвижения центральной колонны в ходе первого вторжения. Однако Челмсфорд спланировал новую линию коммуникаций в обход Изандлваны через деревню Данди, где он основал свою штаб-квартиру⁵. По мере продвижения ко второй дивизии должны были присоединиться свежий кавалерийский эскадрон, состоящий из 1-й Королевской драгунской гвардии и 17-го уланского полка под командованием генерал-майора Ф. Маршалла и «летучая» колонна Вуда. Впоследствии все отряды собирались объединиться для решающей

¹ Иностранное военное обозрение // Военный сборник, № 7, 1879, с. 85

² Воеводский А. В. Колониальная политика Великобритании и трансформация..., с. 237

³ Старший брат Джона Крейлока – военного секретаря Челмсфорда

⁴ French G. Op. cit., p. 123

⁵ Lieutenant-General Commanding in South Africa to the Secretary of State of War, 21 April 1879//BPP, C. 2318, No. 18, p. 82

атаки на Улунди¹. Согласно отчету генерала Клиффорда, численность английских войск была следующей: 1-я дивизия генерала Крейлока – 7,614 чел.; 2-я дивизия генерала Ньюдигейта с учетом отряда Маршалла – 5,025 чел.; «летучая» колонна генерала Вуда – 3,374 чел.²; всего – 16,013 чел.

Лорд Челмсфорд многому научился из катастрофического первого вторжения в январе. Если колонны при первом вторжении были слабыми и не принимали надлежащих мер предосторожности на марше, то, как отмечал Э. Грейвз, новые колонны были настоящими «джаггернаутами». Отряды во время продвижения каждую ночь защищали свои привалы укрепленными лагерями, а также сооружали цепь военных постов, чтобы охранять линии коммуникаций³. Тем не менее, британское командование по-прежнему имело слабые представления о маршрутах дальнейшего продвижения, а построение новых путей следования войск в Зулуленд вновь не позволило грамотно координировать действия между наступающими дивизиями. В частности, колонна генерала Крейлока так и не смогла своевременно достигнуть зулусской столицы и оказать какое-либо влияние на ход второй кампании, в связи с чем Кетчвайо смог полностью сосредоточить свои основные силы для борьбы именно с отрядом Челмсфорда⁴. Также многие очевидцы событий отмечали низкое состояние боевого духа в войсках, особенно в отрядах, только что прибывавших из Англии. Анализируя корреспонденцию британских солдат, которая публиковалась в газетах, военный атташе А. П. Горлов из Лондона довольно справедливо подмечал, что «состояние духа войск было таково, что если бы в зарослях находились кафры, то при первом их чихе – весь английский отряд рассыпался бы во все стороны»⁵.

Чрезмерная осторожность и панические настроения регулярно становились причинами казусных эпизодов. В течение одной ночи британские часовые открыли огонь по возвращавшемуся патрулю, который, в свою очередь, открыл

¹ Greaves A. Op. cit., p. 147

² Major-General Clifford to High Commissioner, 23 June 1879//BPP, C. 2454, No. 33, Encl. 1, p. 98

³ Greaves A. Op. cit., p. 146

⁴ Lord Chelmsford's Zululand Campaign: 1878 – 1879, intro, p. 44

⁵ РГВИА, ф.401, оп. 3, 1879, д.1, л. 172/об.

ответный огонь. Мелтон Прайор, специальный корреспондент «Иллюстриейтед Лондон Ньюз», писал в мемуарах, что не видел «более позорной сцены..., особенно когда приходит осознание, что артиллерия произвела шесть выстрелов картечью, даже не увидев ни одного врага»¹.

Но, несмотря на все меры предосторожности, уже в начале наступления 1 июня 1879 г. погибает принц Луи Наполеон, последний представитель французской императорской династии, который добровольно вызвался присоединиться к армии Челмсфорда. К этому времени многие из его сослуживцев по артиллерийской академии в Вулвиче ушли на фронт, и Луи также стремился стать добровольцем в британской армии, однако Дизраэли с этим решением не соглашался². Только после королевской аудиенции Луи позволили принять участие в походе в Зулуленд в качестве неофициального наблюдателя и дополнительного адъютанта лорда Челмсфорда³.

В Англии смерть принца стала одной из причин широкого недовольства премьер-министром Дизраэли, вскоре приведшего к падению его правительства. Челмсфорд, престиж которого и так сильно пострадал в Зулусской кампании, также был «ужасно обижен этим, так как его обвинят в том, что он отпустил принца с таким маленьким эскортом»⁴. Военный агент А. П. Горлов сообщал, что в английском обществе царили чувства «негодования и презрения, которые ныне распространены повсеместно в Англии относительно этого несчастного генерала»⁵.

Во время продвижения английских войск к Улунди зулусские полки терпели одно поражение за другим, поскольку в этот момент война, по сути, велась против мирного населения. Челмсфорд становился все более безжалостным в своей решимости довести кампанию до конца любыми возможными средствами. Солдаты сжигали любую хижину зулу, которая им попадалась по мере продвижения к столице, независимо от того, была ли она

¹ Prior M. Op. cit., p. 108

² Buckle G. Op. cit., Vol. 6, p. 457

³ New York Times, 1 March 1879

⁴ Morris D. Op. cit., p. 531

⁵ РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1879, д. 1, л. 136

связана с военными формированиями или нет, и отбирали весь скот. 6 июня 1879 г. инженер капрал Хоу писал: «Мы сожгли около 20 тыс. хижин. Я сочувствую бедным женщинам и детям»¹. Военный агент А. П. Горлов сообщал из Лондона, что «по секретным предписаниям войну против племени зулу назначено вести беспощадно, чтобы по возможности истребить все это племя»². Однако никаких секретных предписаний не было. Лорд Челмсфорд прямо заявлял, что «чем больше нация зулусов ощущает напряжение, причиненное им войной, тем больше они будут беспокоиться об ее окончании»³. Поэтому он искренне считал, что «невозможно сейчас провести какую-либо разницу между королем и его подданными», в связи с чем, по его мнению, возникала первоочередная задача «причинять столько вреда, сколько необходимо»⁴ для достижения окончательной победы над зулусами.

К середине июня 1879 г. лорд Челмсфорд узнал, что сэр Г. Уолсли заменит его на посту главнокомандующего войсками. К этому моменту Кетчвайо неоднократно отправлял запросы британскому командованию для решения конфликта мирным способом, однако Челмсфорд выставлял заведомо невыполнимые для зулусов требования. Таким образом, он попытался восстановить свою репутацию, прежде чем Уолсли сможет отстранить его от командования армией. Поэтому 30 июня главнокомандующий приказал начать решающее наступление на Улунди.

Из-за невыполнения королем Кетчвайо выдвинутых ультиматумом требований⁵ на рассвете 4 июля Челмсфорд инициировал решающее сражение силами английского отряда численностью 5,165 чел., имевшего в своем распоряжении 12 артиллерийских орудий и 2 картечицы Гатлинга. Битва закончилась в течение получаса. Британцы потеряли 10 чел. убитыми и 87 ранеными. На поле боя с зулусской стороны насчитывалось не менее тысячи

¹ The Sheffield Daily Telegraph, 5 July 1879

² РГВИА, ф.401, д. 1, 1879, л. 76/об.

³ Lieutenant-General Lord Chelmsford to the Secretary of State for War, 11 April 1879// BPP, C. 2318, No. 13, Encl. 2, p. 56

⁴ French G. Op. cit., p. 127

⁵ Governor sir B.E. Frere to sir Michael Hick Beach, 8 July 1879//BPP, C. 2454, No. 45, p. 120

убитых. Впоследствии многие бежавшие с поля боя были убиты во время кавалерийского преследования или умерли от тяжелых ран¹.

Лорд Челмсфорд, который планировал сражение и командовал лично войсками, впечатлил многих наблюдателей. По мнению сержанта О' Каллагхана, он «зарекомендовал себя как способный генерал и замечательный, храбрый и решительный лидер»². Однако в Британии такие комментарии не смогли смягчить критику командования Челмсфорда или его дорогостоящих, громоздких транспортных и военных расходов. Финансовые затраты на Англо-зулусскую войну превысили 5 млн ф. ст. Экономическое влияние войны на Британию было огромным. Канцлер казначейства высказал предположение, что следует значительно увеличить пошлины на чай, чтобы вернуть часть денег, потраченных на войну с зулу³. Тем не менее, Челмсфорд разгромил армию Зулуленда и подорвал авторитет Кетчвайо, который был пойман 28 августа 1879 г. драгунским эскадром. «Битва при Улунди», как утверждали современники, «восстановила престиж белого человека над черным и, вероятно, решила судьбу Южной Африки на протяжении многих поколений»⁴.

Генерал Уолсли, который возглавил английские войска после битвы при Улунди, объявил, что зулу не будут подчинены британскому правлению и им будет разрешено сохранить свою землю и скот; и тогда все сопротивление прекратилось. Вместо привычной монархической системы руководства страной Уолсли назначил 13 вождей в качестве независимых правителей. Он потребовал, чтобы они согласились с условием, что «не будут упускать из виду существование военной системы зулусов», будет «установлено правило, согласно которому всем мужчинам будет разрешено вступать в брак по своему выбору», и они будут «разрешать и поощрять всех мужчин ... желающих работать в Натале или Трансваале»⁵. Как отмечал исследователь Л. Дайвер, в качестве средства обеспечения Зулуленда адекватной системой управления программа Уолсли стала

¹ Raugh H. E. The Victorians at War, 1815 – 1914: An Encyclopedia of British Military History, p. 329

² Sheffield Daily Telegraph, 23 August 1879, p. 2

³ Nicolaidis A. Op. cit., p. 18

⁴ Manchester Guardian, 6 September 1879

⁵ Theal G.M. Op. cit., Vol.10, pp. 347 – 348

полным провалом, но она решила насущную проблему расформирования армии зулу без аннексии Зулуленда¹.

Вскоре британская армия удалилась, оставив зулусов на произвол судьбы, выполнив поставленные перед началом кампании задачи – была уничтожена потенциальная угроза проекту Южно-Африканской конфедерации, а местное население «получало право» эксплуатироваться британскими и голландскими колонистами.

Кульминационным моментом в оценке либералами имперской и колониальной политики консервативного правительства Б. Дизраэли стал период предвыборной кампании 1879 – 1880 гг. Афганская и Зулусская войны обострили интерес английского общества к колониальным и имперским проблемам. В своем отчете военный агент А. П. Горлов писал, что «теперешние затруднения правительственной политики возбуждают в либеральной партии надежды низвергнуть консервативную и взять в свои руки правление страны»². Определенные неудачи британских войск, которые имели место во время военных действий в Афганистане и Южной Африке, большие военные расходы, экспансионистские цели, преследуемые торийским правительством, давали либеральной оппозиции прекрасный повод для критики внешней политики консерваторов³.

Между 24 ноября и 5 декабря 1879 г. Гладстон объехал Мидлотианский округ в Шотландии, всюду выступая с многочисленными речами, в которых он резко нападал на политику Дизраэли и обещал в случае своего прихода к власти мирную внешнюю политику и реформы внутри страны⁴. За две недели 24 ноября – 6 декабря он выступил перед слушателями с двадцатью двумя большими речами, не считая многочисленных обращений во время коротких встреч и митингов. В декабре 1879 г. российский дипломат М. Бартоломей писал, что «избирательное турне мистера Гладстона остается в настоящее время событием

¹ Diver L. Perceptions versus reality? Newspaper coverage on the Anglo-zulu War. Maynoth, 2010, p. 66

² РГВИА, ф.401, оп. 3, 1879, д. 1, л. 193

³ Гелла Т. Н. У. Гладстон, либералы..., с. 133

⁴ Gladstone W. E. Political Speeches in Scotland: November and December 1879

дня»¹. Выборы в парламент, состоявшиеся в марте 1880 г., дали победу либералам: они получили в новом парламенте 349 мест, а консерваторы – 250 мест². Кабинет Дизраэли подал в отставку.

Завершая Анализ англо-зулусской войны 1879 г., можно выделить несколько причин ее неудачного хода. Во-первых, стоит обратить внимание на общую проблему британских войск в этот период времени – плохую работу полевой разведки, из-за сводок которой высокопоставленным офицерам зачастую приходилось принимать неверные и нередко фатальные решения. Например, именно донесения разведгруппы о приближении основной группировки зулусских войск к Изандлване или в битве при Майванде во время второй Англо-афганской войны, послужили причиной поспешных действий командующих, что привело в обоих случаях к катастрофам. Похожие донесения повлияли на неутешительный результат битвы на горе Хлобан, где войска в итоге были полностью отрезаны друг от друга на разных плато. И только своевременные меры, предпринятые полковником Буллером, спасли англичан от страшных последствий этой неудачи. То же самое можно сказать и относительно ситуации с Луи Наполеоном, которая и вовсе привела к международному скандалу.

Из этого вытекает следующая вторая причина, а именно – пренебрежительное отношение к противнику, которое в основном и повлекло за собой такие последствия. Как ранее неоднократно отмечалось, бойцы и офицеры регулярно пренебрегали предписанными военным уставом действиями и должностными инструкциями по подготовке позиций к последующей обороне, что повлияло на исход битвы у Изандлваны и при переправе через реку Нтомбе, а также привело к гибели наследника французского престола.

И третья причина – организация британских войск в целом, которая оказалась не готовой в полной мере к боевым действиям на разных континентах, что в свою очередь влияло на степень подготовки солдат. Касаясь вопроса компетенции офицерских чинов, нужно отметить, что современники, а также

¹ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1879 г., д. 78, л. 403

² Ерофеев Н. А. Очерки по истории Англии 1815 – 1917 гг., с. 141

многие отечественные и англоязычные историки несколько преувеличивали негативные качества лорда Челмсфорда как главнокомандующего британскими войсками. В целом все проблемы, отмеченные ранее, а именно – адекватность разведки и организация войск, хоть и зависели напрямую от него, все же являлись следствием структурного нарушения системы локализации полков, из-за чего батальоны метрополии направлялись в Африку без должной боевой подготовки. Вследствие этого тезис о полной некомпетентности лорда Челмсфорда кажется несостоятельным. Наоборот, ряд предпринятых им решений, например, относительно спасения гарнизона Экове и, хотя несколько медлительного, но вполне успешного продвижения к Улунди, умение учиться на своих ошибках показывают его грамотные организаторские и тактические качества. Однако поспешность действий и преступная недооценка противника на первых этапах кампании во многом и стали причиной резкой критики, которая закономерно обрушилась на него в ходе Англо-зулусской кампании и поставила крест на его карьере как боевого офицера, поскольку до конца своих дней полками на полях военных действий он более не командовал.

В конечном итоге Англо-зулусская война стала хорошей иллюстрацией британских методов развязывания колониальных конфликтов. Используя незначительный повод, генерал-губернатор Капской провинции и комиссар британской колониальной политики в Южной Африке сэр Б. Фрер развязал войну с африканским племенем зулусов, явно не рассчитывая, что те окажут ожесточенное сопротивление и войска Ее Величества понесут большие потери в первых сражениях. Война длилась восемь месяцев и стоила жизни многим людям с обеих сторон – это обернулось огромными экономическими издержками для британского народа, сказалось на международном престиже Соединенного королевства и привело к падению консервативного правительства Б. Дизраэли.

3.2. Англо-бурская война (1880 – 1881 гг.)

В ближайшей перспективе задачи, поставленные перед началом Англо-зулусской войны, были достигнуты. Тем не менее дальнейшие последствия

кампании против Зулуленда заметно сказались на итогах политики Великобритании в Южной Африке, проводимой последовательно английской политической элитой с начала 70-х гг. XIX в. Первые неудачи в ходе военных операций против зулу дали предлог восстать не только другим африканским племенам против владычества Англии, но и трансваальским бурам, которые были крайне недовольны британским правлением после инкорпорации их государства в состав империи в апреле 1877 г.

Аннексия Трансвааля стала важнейшим шагом политики лорда Карнарвона по созданию Южноафриканской конфедерации, которую проводило торийское правительство с середины 70-х гг. XIX в. Первоначально Министр по делам колоний отрицал любое желание метрополии присоединить бурскую территорию, но намекал, что это могло бы стать необходимым, если война между бурами и аборигенами будет угрожать британским поселенцам¹. В таком случае аннексия Трансвааля создавала бы не только благоприятные возможности для объединения Южной Африки, но и открывала путь британскому влиянию вглубь континента.

Для этого английские официальные круги и пресса инициировали агрессивную пропагандистскую кампанию, чтобы показать несостоятельность Трансвааля в качестве суверенного государства. Согласно исследованиям историка А. Хаттерсли, политика колониального руководства в Южной Африке должна была вызвать опасения буров в отношении короля зулусов Кетчвайо, чтобы использовать пограничную напряженность как инструмент для побуждения Трансвааля согласиться на британский суверенитет². Поэтому Т. Шепстон дал понять бурским властям, что Великобритания откажется от санкций на любое расширение их территории или от оказания им военной помощи против зулусов, пока Трансвааль остается независимым³.

Наряду с этим британские официальные лица и СМИ использовали миссионерские и официальные отчеты, чтобы представить политику местных

¹ Жуков Д. С. Указ. соч., с. 111

² Hattersley A. F. Historical revision: The Annexation of the Transvaal, 1877//History, new series, Vol. 21, No. 81, 1936, p. 44

³ Ibid., p. 44

властей в Трансваале в отношении коренного населения как репрессивную. Буров обвиняли в жестокости по отношению к местным племенам, в распространении рабства и работорговли и в чрезмерной эксплуатации африканцев¹. Таким образом британские политики стремились показать общественности недееспособность руководства Южно-Африканской Республики, которое подвергало свое население опасности. Наряду с обвинениями в поощрении и распространении рабства, английские колониальные власти аргументировали свою позицию войной Трансвааля с племенем м'бапеди и их вождем Секукуни в восточной части республики.

16 мая 1876 г. президент Бюргерс решил объявить войну племени м'бапеди, чтобы заставить их принять сюзеренитет Трансваальской республики². Но война оказалась более сложной, чем ожидало бурское руководство. Сначала военная инициатива была на стороне Трансвааля, но нападение на главный оплот короля Секукуни 31 июля 1876 г. было отражено войсками м'бапеди. Британские политики представили это событие как полный провал кампании, который подверг опасности «жизни и имущество британских подданных по всей Южной Африке»³. В результате колониальное руководство решило воспользоваться положением Трансвааля, чтобы провести аннексию. Данный акт в официальных публикациях был представлен как собственное изъявление граждан республики присоединиться к составу империи Ее Величества⁴. В итоге, после длительных переговоров с президентом Бюргерсом и представителями Фолькскраада 12 апреля 1877 г. Т. Шепстон провозгласил аннексию Южно-Африканской Республики Великобританией⁵.

Во многом согласие со стороны Трансвааля на британское подданство было мотивировано обещаниями, что английское правление принесет освобождение от налогообложения и гарантию экономического процветания в регионе. Поэтому,

¹ J. A. Froude, to the Earl of Carnarvon, 10 January 1876// BPP, C. 1399, No. 50, p. 59

² Lieutenant-Governor Sir H. E. Bulwer to the Earl of Carnarvon//BPP, C. 1748, No. 37, p. 52

³ Earl of Carnarvon to the Sir H. E. Bulwer, 22 December 1876// Ibid., p.103

⁴ Ibid., p. 104

⁵ Hattersley A. F. Op. cit., p. 46

как отмечал А. Хаттерсли¹, последующая Англо-бурская война 1880 – 1881 гг. была спровоцирована не столько фактом самой аннексии, сколько невыполненным обещанием Шепстона о том, что в Трансваале будет свое собственное отдельное правительство с максимально возможной степенью законодательной автономии. Тем не менее, консервативное правительство в Лондоне не спешило предоставлять подобные права бурам, поэтому после окончания Англо-зулусской войны они стали регулярно демонстрировать свое недовольство английским подданством. Военный агент А. П. Горлов в июне 1879 г. сообщал, что «в Трансваале беспокойство между бурами, в последнее время, усилилось и серьезно озабочивает англичан»².

Здесь необходимо пояснить, что после завершения кампании против Зулуленда в британских владениях в Южной Африке, по сути, сложилась определенная форма военной диктатуры. Вся полнота административной и военной власти была сосредоточена в руках генерала Г. Уолсли, который продолжал одновременно занимать пост Верховного комиссара и главнокомандующего войсками в Южной Африке. Это закономерно сказалось на форме проводимой Англией политики, т. к. она выстраивалась на агрессивных акциях и систематическом запугивании местного населения.

В Гейдельберге 24 сентября 1879 г. жители Трансвааля попытались организовать митинг протеста против оккупации страны британцами. В результате генерал Г. Уолсли принял решение о полной военной мобилизации. Он расположил войска таким образом, чтобы прикрывать связь с Наталем, и иметь возможность расположить в Претории сравнительно значительные по численности войска³. Как отмечал биограф генерала Уолсли Дж. Лейман, он презирал «полуцивилизованных голландцев» и «был бы рад заставить их сражаться, если бы они возжелали этого...»⁴. В конце сентября 1879 г. Верховный комиссар решил лично отправиться в Трансвааль. По пути в Преторию он

¹ Ibid., p.47

² РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1879, д. 1, л. 172/об.

³ Verner W. Op. cit., Vol. 2, pp. 171 – 173

⁴ Цит. по: Lehmann Op. cit., p. 264

произносил речи в каждом населенном пункте, объявляя акт аннексии безотзывным, а затем опубликовал официальную прокламацию с этим заявлением. В Стандертоне он заявил, что «скорее Ваал будет течь в обратном направлении через Дракенсберг, нежели британцы покинут территорию Трансвааля»¹. 31 декабря 1879 г. по его указу был издан меморандум, в котором предписывалось организовать строительство оборонительных фортов в восьми городах Трансвааля, в каждом из которых было предложено расположить одну британскую роту², чтобы, по его мнению, полностью исключить возможность потенциального бурского сопротивления³. Следом в начале января 1880 г. генерал Уолсли принял решение: в качестве показательной меры призвать к суду по обвинению в государственной измене двух бурских лидеров У. Бока и А. Преториуса, активно призывавших к антианглийскому восстанию. Бок был арестован в Претории 3 января 1880 г., а Преториус – 5-го числа в Потchefструме. В обоих случаях обвинения не передавались в суд и были вскоре сняты⁴. Однако Крюгер писал в мемуарах, что их выпустили только после согласия на шествие по Трансваалю с целью зачитать заявление британского правительства, призванное «убедить бюргеров в ошибочности их пути»⁵.

После этих событий генерал Уолсли был вызван обратно в Лондон. В апреле 1880 г. он писал в Колониальное ведомство, что его администрация была успешной. Отчеты из всех частей Трансвааля якобы говорили ему, что буры готовы «отказаться от всех дальнейших тревожных действий и вернуться к мирным заботам своей сельской жизни»⁶. Налоги были уплачены, и была заложена основа, на которой со временем может быть создана «правительственная структура, способствующая процветанию людей в унисон с их симпатиями и желаниями»⁷.

При анализе подобных депешей генерала Уолсли можно однозначно

¹ Times, 23 October 1879

² Tylden G. British army and Transvaal..., pp. 162 – 163

³ Ваккерструм, Стандертон, Гейдейльберг, Растенбург, Лиденбург, Марабастад, Миддельбург

⁴ Martineau J. The Transvaal Trouble..., p. 199

⁵ Kruger P. Op. cit., p. 143

⁶ Memorandum on Transvaal affairs by Earl of Kimberley, 29 April 1881// CAB 37/5/10, p. 1

⁷ Lehmann J. Op. cit., p. 279

отметить его исключительную убежденность в эффективности проводимых им мер в Южной Африке. В Англии он заявлял, что «тихое и спокойное положение Трансвааля у меня вызывает удивление: я приписываю это во многом арестам, которые я совершил для демонстрации нашей силы»¹. Такая линия поведения объясняется необходимостью с его стороны успокоить правительство в Лондоне, т. к. ранее консервативный кабинет инициировал политику сокращения военного присутствия Великобритании в Южной Африке². Наличие бурской угрозы, в свою очередь, мешало этой инициативе, и Уолсли из личных амбиций явно стремился представить «желаемое за действительное», нежели реально разобраться в ситуации с населением Трансвааля. В это время его авторитет в правительстве, особенно в военных вопросах, был крайне высоким, то, учитывая это обстоятельство, генерала Уолсли можно однозначно выделить как одного из виновников последующей войны с бурами. Своими заявлениями и действиями он не только вводил общественность и правительство в серьезное заблуждение и усыплял их бдительность, но и заложил основы административного курса по отношению к населению Трансвааля, которым руководствовались впоследствии местные колониальные власти.

В апреле 1880 г. либеральная партия одержала победу на выборах. Смена кабинета в Англии и критика Гладстоном захватов в Южной Африке вызвали у буров надежду, что Британия не будет больше оккупировать Трансвааль и признает его суверенность. Так считали П. Крюгер, П. Жубер и многие другие наиболее влиятельные в Трансваале граждане. Однако проводимая правительством Гладстона с весны 1880 г. политика в отношении бурской республики свидетельствовала о том, что либералы не спешили с ревизией достигнутых их предшественниками результатов. Как отмечает Т. Н. Гелла, при детальном анализе выступлений Гладстона становится очевидно, что он не ставил своей целью ревизию аннексионистской политики тори, а лишь умело подвергал ее критике³. Поэтому, как и в начале 70-х гг., либералами трансваальская

¹ Цит. по: Spiers E. M. The Victorian Soldier..., p. 61

² Martineau J. The Transvaal Trouble..., p. 202

³ Гелла Т. Н. У. Гладстон, либералы..., с. 161 – 162

проблема непосредственно связывалась с планами образования Южно-Африканской конфедерации.

После речи королевы от 20 мая 1880 г. Гладстон, выступая в парламенте, объяснил, что его новая администрация не будет стремиться уничтожить наследие беконсфилдизма. Он и другие политики пообещали защитить коренное население региона, а суверенитет Великобритании обеспечит эту безопасность¹. В письме к Крюгеру и Жуберу в июне 1880 г. Гладстон выражал мнение, что с учетом всех обстоятельств как в Трансваале, так и в остальной части Южной Африки королеве нельзя рекомендовать отказаться от своего суверенитета над Трансваалем, т. к. его сохранение без ущерба для жителей страны «легче и быстрее можно достигнуть только в качестве члена Южно-Африканской конфедерации»². Чувствуя себя обманутыми либеральным правительством, лидеры бурского национального движения пришли к общему мнению, что теперь достичь своих целей можно было только путем вооруженного восстания³.

К этому времени на пост Верховного комиссара по восточной части Южной Африки по рекомендациям генерала Уолсли был назначен генерал-майор Дж. П. Колли – один из архитекторов британской политики в Центральной Азии⁴. В то же время по решению кабинета У. Гладстона летом 1880 г. с поста губернатора Южной Африки был смещен Б. Фрер⁵, а на его место был назначен сэр Г. Робинсон, который прибыл в Кейптаун только в январе 1881 г. Поэтому политикой в Трансваале до этого момента руководил именно генерал Колли. Однако до прибытия нового Верховного комиссара правительством Англии было предложено генералу Колли расценивать свою власть в Трансваале как «безынициативную», которая должна осуществляться «только в случае крайней необходимости»⁶.

¹ HPD, 3rd ser., Vol. 252, 1880, pp. 145 – 146

² The Gladstone Diaries, Vol. 9, p. 541

³ Kruger P. Op. cit., p. 146

⁴ Verner W. Op. cit., Vol. 2, p. 170

⁵ Guedalla P. The Queen and Mr. Gladstone, Vol. 2, p. 109; Гелла Т. Н. У. Гладстон, либералы..., с. 166

⁶ Wood E. Op. cit., Vol. 2, p. 106

Поэтому в должности Верховного комиссара генерал Колли продолжил политику сокращения военных ресурсов, которую инициировало консервативное правительство сразу после окончания войны с зулу, т. к., по многочисленным заверениям генерала Уолсли, опасность бурских волнений была устранена. 19 июля 1880 г. генерал Колли писал Военному министру Х. Чайлдерзу, что предпринял «некоторые шаги в направлении сокращения транспорта и крупных резервов припасов, которые, как считалось, необходимо было сохранить в связи с угрозой скопления буров»¹. С учетом южноафриканской схемы расположения войск, которую предложил ранее Г. Уолсли, новый главнокомандующий сохранил дислокацию гарнизонов, однако из-за сокращения военных расходов в регионе был вынужден в августе 1880 г. уменьшить их общее количество с восьми до пяти. Под сокращение попали Гейдельберг, Мидделберг и Форт Альберт².

К осени того же года войска, развернутые в восточной части Южной Африки после войны с зулу, были сокращены до 3,600 чел., необходимых для защиты основных стратегических позиций. Они располагались примерно поровну в Натале и Трансваале³. Такой курс следовал из указаний Военного министра, согласно которым «все остальное (наличие и содержание вооруженных сил. – А. А.) должно быть сделано колонией самостоятельно – включая защиту от всех внешних нападений и внутренних беспорядков»⁴. При этом генерал Колли изначально выражал поддержку правительственному курсу и не придавал большого значения факту того, что Г. Уолсли располагал большим военным контингентом, и с учетом политики вывода войск требовались принципиально новые решения в административной политике или более решительные военные меры, чтобы погасить очаги сопротивления в различных районах Южной Африки. Справедливости ради стоит отметить, что генерал Колли ранее не занимал подобных высоких постов в колониальной администрации, поэтому не мог обладать авторитетом, равным своему предшественнику. В связи с этим он был

¹ Butler W. F. The Life of Sir George Pomeroy-Colley..., p. 255

² Ibid., p. 255; Tylden G. British army and Transvaal..., p. 163

³ Memorandum on Transvaal affairs by Earl of Kimberley, 29 April 1881//CAB 37/5/10, p. 9

⁴ Childers E. Op. cit., Vol. 2, p. 2

вынужден полностью выполнять инструкции, исходящие сверху как от Министра колоний лорда Кимберли, так и Военного министра Х. Чайлдерза, пытаясь по минимуму проявлять свою инициативу.

Вскоре у нового Верховного комиссара в Южной Африке, помимо трудностей с сокращением военных ресурсов в регионе, возникли серьезные проблемы с организацией британских войск в Трансваале. Как отмечал историк Э. Спирз, дезертирство к этому моменту достигло беспрецедентного уровня, поскольку солдаты были соблазнены богатством алмазных месторождений и интересом к добыче полезных ископаемых в Оранжевом Свободном Государстве¹. Такое положение, по мнению современников, было вызвано тем, что Южная Африка никогда не пользовалась популярностью в армии как место военной службы, т. к. «судьба офицера не могла быть хуже, чем гарнизонная служба в Трансваале в период британской оккупации в конце 70-х гг.»². В журнале «Военный сборник», разбирая причины поражения английского оружия в войне с бурами, автор статьи также сообщал, что «дух, господствующий между офицерами, весьма естественно, передается от них нижним чинам»³.

Таким образом, общее состояние дел в Трансваале накануне предстоящей конфронтации показывает, что Великобритания была совершенно не готова к подавлению бурского восстания, имея для этого скромный по военным меркам гарнизон, который находился в состоянии морального разложения и упадка боевого духа, что непременно сказалось на последующих событиях. Административные меры, принятые британскими представителями, в частности генералом Г. Уолсли, активно побуждали буров к вооруженному сопротивлению. Сокращение военных расходов, дезертирство, недальновидная политика колониального правительства, с нашей точки зрения, стоит выделить в качестве основных предпосылок последующих неудач английского оружия. Все это в свою очередь было связано с тем, что изначально британские власти не воспринимали всерьез опасность, которая могла возникнуть от восстания буров.

¹ Spiers E. M. The Victorian Soldier..., p. 61

² Blackburn D., Caddell W. Secret Service in South Africa. L., 1911, p. 107

³ Иностранное обозрение//Военный сборник, № 5, 1881, с. 123

Главной причиной к волнениям среди населения Трансвааля стало ужесточение налоговой политики, которую санкционировал полковник Оуэн Лэньон¹, военный администратор Трансвааля². Многие англоязычные историки выделяют именно его в качестве главного виновника последующей войны. Например, М. Снук³ утверждал, что сочетание политической неадекватности Лэньона, его личных качеств и простой подрывной деятельности буров на местах быстро породило среди населения Трансвааля антипатию к английской власти, что и стало главной причиной для всеобщего восстания. В целом соглашаясь с данной позицией, нам представляется некорректным выделять в первую очередь именно личностный фактор в развязывании войны с бурами, т. к. проводимая политика военными кругами в Южной Африке полностью согласовывалась с правительством в Лондоне. Так, после назначения генерала Колли на должность Верховного комиссара полковник Лэньон получил разрешение от лорда Кимберли отчитываться по всем вопросам непосредственно перед Колониальным ведомством, а не генералу Колли лично, кроме проблем, касавшихся туземного населения⁴. Таким образом, все действия военного администратора Трансвааля так или иначе получали одобрение от правящих кругов в Англии.

Основным поводом для вооруженного выступления трансваальского населения послужила попытка британских колониальных властей в ноябре 1880 г. возместить «судебные издержки», продав фургон Пита Безуиденхаута в Потchefструме после спора о его налоговой задолженности⁵. У многих буров подобная задолженность была крайне велика, и усиление налогового бремени грозило им полным разорением. Поэтому, как вполне справедливо отмечал Пол Крюгер в своих мемуарах, «вопрос о налогах – это не частный вопрос Безуиденхаута, а принципиальный вопрос, который касался всей страны»⁶. В

¹ Сэр Уильям Оуэн Лэньон командовал 2-м Вест-Индским полком и служил вместе с Колли под началом сэра Гарнета Уолсли в Ашантийской кампании 1873 – 1874 гг.

² Theron-Bushell M. R. *Puppet on An Imperial String? Owen Lanyon in South Africa, 1875 – 1881*, Ph. Litt. D. Diss., University of South Africa, 2002, p. 226

³ Snook M. *Into the Jaws...*, p. 107

⁴ Theron-Bushell M. R. *Op. cit.*, p. 236

⁵ Sir Owen Lanyon to Lord Kimberley, 14 November 1880// CAB 37/5/10, p. 7

⁶ Kruger P. *Op. cit.*, pp. 150 – 151

результате 13 ноября 1880 г. 300 вооруженных буров въехали в Потchefструм и насильственно увезли фургон, который продавался за задолженность по налогам.

В сложившихся обстоятельствах местное колониальное руководство приняло решение направить в Потchefструм войска под командованием майора Торнхилла. Отряд покинул Преторию 14 ноября 1880 г. и через несколько дней добрался до Потchefструма, где к ним присоединилась одна рота 2-го батальона Королевских шотландских стрелков, присланная прямо из Растенбурга¹. Впоследствии войскам было приказано остаться в городе и построить форт рядом с Потchefструмом, по аналогии с Преторией, для сохранения порядка в городе².

Несмотря на предпринятые меры, исходя из анализа ряда источников местные власти не имели полного представления о реальности бурской угрозы. Об этом ярко свидетельствует телеграмма министру колоний лорду Кимберли, посланная генералом Колли в ноябре 1880 г.: «В Потchefструме произошли небольшие волнения... но у нас уже случалось несколько таких небольших налоговых нарушений»³. В этом вопросе Верховный комиссар полагался на донесения полковника О. Лэньона, которые явно не давали ему более полных представлений об опасности бурских волнений. При этом сам военный администратор с крайним презрением относился к жителям Трансвааля⁴, а также совершенно недооценивал их боевой потенциал. После восстания в Потchefструме в ноябре 1880 г. он направил ряд писем Министру колоний, в которых заверял, что совершенно «нет причин для беспокойства, если таковые имеются, в отношении мер, которые сейчас принимаются Правительством (в Южной Африке. – А. А.)»⁵. В письме от 11 декабря 1880 г. к генерал-майору Колли он и вовсе заявлял, что буры неспособны к каким-либо совместным действиям и они «обычные трусы, поэтому все, что они могут сделать, будет лишь искрой на сковороде»⁶.

¹ Bellairs, Lady. The Transvaal War, 1880 – 81. L., 1885, pp. 48 – 49

² Clark J. Historical Record and Regimental Memoir of the Royal Scots Fusiliers. L., 1885, pp. 82 – 83

³ Цит. по: Theron-Bushell M. R. Op. cit., p. 269

⁴ Blackburn D., Caddell W. Op. cit., pp. 122 – 123

⁵ Sir Owen Lanyon to Lord Kimberley, 19 November 1880//CAB 37/5/10, p.7

⁶ Butler W. F. The Life of Sir George Pomeroy-Colley..., p. 268.

В то же время полковник Уильям Белларс, командующий Трансваальским военным округом, совершенно иначе оценивал ситуацию. По его мнению, недовольные буры являлись самой опасной угрозой британским владениям на юге Африки, и настаивал на поддержании войск в состоянии постоянной готовности, чтобы противостоять подобным вызовам¹. 16 ноября 1880 г. Белларс связался с Лэньоном и выразил обеспокоенность тем, что из-за ухода отряда в Потchefструм силы, оставшиеся в Претории, были серьезно истощены². Он предлагал укрепить Преторию войсками одного из местных аванпостов, но из-за своего пренебрежительного отношения Лэньон воздержался от этой идеи, откладывая приказ о передислокации до 23 ноября 1880 г. Как позже отмечал полковник Белларс, это был критический просчет со стороны военного администратора, потому что только 27 ноября приказ о подкреплении достиг Лейденбурга для перевода войск в Преторию³. Из-за этого лейденбургский отряд 94-го полка впоследствии столкнулся с бурами в Бронхорст-спрейте, что привело к катастрофическим последствиям.

Полковник Лэньон также отложил свое решение телеграфировать запрос о военной помощи генералу Колли в Питермарицбург до 25 ноября 1880 г. В его телеграмме не было намека на срочность. Он попросил отправить 58-й полк обратно из Наталя в Трансвааль, потому что бурский протест стал «более заметным»⁴. Касаясь вопроса перераспределения военных гарнизонов и его влияния на ход дальнейшей конфронтации, стоит отметить, что правительство Капской колонии было тогда вовлечено в подавление восстания племен пондо и басуто, которые решили избавиться от британского ига после окончания Англо-зулусской войны⁵. Поэтому главнокомандующий, сосредоточившись на проблеме с туземными племенами, не придавал большого значения постепенному приближению буров к английским городам и фортам и полагался на отчеты своих приближенных.

¹ Laband J. *Transvaal Rebellion...*, p. 86

² Bellairs, Lady. *Op. cit.*, p. 51

³ *Ibid.*, pp. 51 – 53.

⁴ Theron-Bushell M. R. *Op. cit.*, p. 269

⁵ Sir H. B. E. Frere to the Earl of Kimberley, 10 May 1880//BPP, C. 2821, No. 1, p. 1

В начале декабря буры успели выдвинуть свою национальную конвенцию, а 13 декабря 1880 г. потребовали восстановления республики. Они учредили временную столицу в Гейдельберге, где «Триумвират» – Пол Крюгер, Пит Жубер и Мартин Преториус – должен был организовать правительство¹. Вскоре приблизительно 7 тыс. буров мобилизовались для военных действий, и 16 декабря первые выстрелы были произведены по английскому гарнизону в Потchefструме, который через несколько дней был полностью окружен². Британский главнокомандующий был вынужден срочно предпринять ответные меры и решил задействовать гарнизоны Наталя для подавления бурского восстания. 19 декабря генерал Колли сообщил лорду Кимберли, что вооруженных сил под его началом «будет достаточно для наступления в Трансваале, но потребуются полки для замены войск в Натале»³. При этом главнокомандующий надеялся, что 94-й полк без сопротивления достигнет Претории и Стандертон, чтобы обеспечить их защиту от бурских отрядов⁴. Но последующие события внесли существенные коррективы в его планы.

Первое полноценное столкновение между сторонами произошло 20 декабря 1880 г. в двух милях от города Бронхорст-спрейт, где 94-й полк, направляясь из Лиденбурга в Преторию в качестве подкрепления местного гарнизона, был атакован отрядом коменданта Пита Жубера. Перед началом марша полковник Белларс отправил письмо полковнику 94-го полка Филлипу Р. Энструзеру с предупреждением о том, что 500 вооруженных буров покинули лагерь, расположенный в 40 милях от Претории, по дороге в Потchefструм в неизвестном направлении, и всячески рекомендовал «проявлять осторожность, чтобы не допустить внезапного нападения»⁵. Для перестраховки Белларс поручил командиру гарнизона Претории подполковнику Фредерику Гильди с отрядом численностью 174 чел. с 2 орудиями организовать сопровождение британского

¹ Spiers E.M. *Victorian Soldier...*, p. 62

² Clark J. *Op. cit.*, pp. 82 – 83

³ Sir George Colley to Lord Kimberley, 19 December 1880// CAB 37/5/10, p. 9

⁴ General Office Commanding, Natal and Transvaal, to the Administrator, Transvaal, 19 December 1880// WO 32/7807, No. 1, Incl. 3, p. 2

⁵ Bellairs, Lady. *Op. cit.*, p. 78

конвоя из Лейденбурга после пересечения им перевала Бота¹. Однако randevу не состоялось, т. к. командующий 94-м полком не придавал большого значения различным предупреждениям, что являлось следствием недооценки противника, характерного для высших чинов британской армии, дислоцированных в Южной Африке.

В результате 20 декабря колонна под командованием полковника Энструзера численностью 268 чел. оказалась окружена бурскими коммандо. В последовавшей односторонней перестрелке почти две трети солдат 94-го полка погибли, прежде чем было приказано прекратить огонь. В общей сложности британцы потеряли 120 чел. убитыми и умершими от ран, в том числе от гангрены погиб сам Энструзер, а оставшиеся в живых были взяты в плен². Корреспондент Ч. Норриз-Ньюман писал, что буры в этом бою потеряли всего 2 чел. убитыми и 5 ранеными³.

Узнав об исходе сражения при Бронхорст-спрейте, полковник Белларс немедленно отказался от своего предыдущего плана рассылки двух полевых колонн для противостояния бурским силам, а также решил не защищать саму Преторию. Вместо этого временный лагерь был установлен примерно в километре от Претории на юго-западе, и все гражданское население под эгидой военного положения было перемещено туда. К концу декабря буры в Трансваале окружили и блокировали английские гарнизоны нескольких городов. Одним из осажденных центров Трансваала была столица Претория. Другими были Потchefструм, Лиденбург, Растенбург, Марабастад, Стандертон и Ваккерструм. Претория подверглась блокаде, а не формальной осаде, и ни город, ни военный лагерь, расположенные по юго-западному периметру, никогда не подвергались прямому нападению. Вместо этого буры решили отрезать гарнизон Претории, тем самым не позволяя ему вмешиваться в ход сражений в других местах колонии⁴.

В Претории к этому моменту располагались бойцы 21-го Королевского

¹ Officer Commanding Garrison to the Deputy-Assistant Adjutant-General, 21 December 1881//WO 32/7807, pp. 9 – 10

² Holt H. P. The Mounted police of Natal. L., 1913, p. 97

³ Norris-Newman C.L. Op. cit., p. 124

⁴ Подробнее см.: Bellairs, Lady. Op. cit.

шотландского стрелкового полка. Во время осады предпринимались попытки произвести разведку боем под командованием подполковника Ф. Гильди. Согласно полковой истории, вылазки были совершены 19 и 28 декабря 1880 г., 6 и 16 января 1881 г., и последняя из них состоялась в феврале того же года. Однако кроме частных успехов, серьезных результатов британцы добиться не смогли, после чего гарнизон действовал только в обороне. В четырех из этих случаев имели место более или менее серьезные столкновения, причем потери с британской стороны составили 4 человека погибшими, 3 офицера и 11 солдат ранеными, среди которых был и подполковник Гильди¹.

Генерал Колли находился в Натале, когда события разворачивались в Трансваале в декабре 1880 г., и с каждым днем к нему приходило осознание, что вражда между англичанами и бурами усиливается с каждым инцидентом. Но численность войск под его началом для подавления восстания и освобождения заблокированных городских гарнизонов была объективно недостаточна. 26 декабря он телеграфировал Военному министру с просьбой о помощи и запрашивал дополнительно «один пехотный и один кавалерийский полки и артиллерийскую батарею». При этом он особенно подчеркивал, что артиллерия возымеет большой моральный эффект на голландцев, заверяя Х. Чайлдерза в том, что «батарея артиллерии сделает больше для поддержания мира, чем несколько пехотных полков»².

В целом при анализе позиций лидеров правящей либеральной партии можно отметить определенное спокойствие к известию о гибели отряда 94-го полка от бурского оружия. Лорд Кимберли писал Гладстону, что «в военном смысле нет ничего обескураживающего в том, что небольшую группу войск одолели численностью», но отмечал, что «первый успех, несомненно, придаст мятежу мощный импульс»³. Премьер-министр У. Гладстон и вовсе интерпретировал это известие как попытку английских войск проявить излишний героизм в борьбе с численно превосходящим противником: «Вполне возможно, что эти бедняги

¹ Clark J. Op. cit., p. 86

² Childers E. Op. cit., Vol. 2, p. 9

³ The Gladstone Diaries, Vol. 9, p. 654

храбро пытались повторить «Роркс-Дрифт»¹. Хотя сэр Эдвард Гамильтон, личный секретарь Гладстона, считал, что эти события могут иметь далеко идущие последствия. Он достаточно пронизательно отметил, что проблемы либералов в Южной Африке были связаны с полным пренебрежением делами в этой части мира со стороны правительства, в то время как все внимание было полностью сосредоточено на имперской политике в Восточной Европе и Индии².

При этом не все сторонники Гладстона разделяли его спокойствие относительно сложившейся ситуации. Так, Военный министр, учитывая предыдущие репортажи генерала Колли, писал 20 декабря 1880 г. лорду Кимберли, «что полки должны быть посланы как можно скорее, чтобы усилить войска под его (генерала Колли. – А. А.) командованием»³. Министр колоний также начал настаивать на военной помощи. Однако Гладстон был «не уверен, что необходимость в этом лежит на поверхности дела», но отмечал, что министрам в этой ситуации «лучше судить»⁴. Таким образом, можно однозначно утверждать, что организация экспедиции в Южной Африке проходила по схожему с Англо-ашантийской войной сценарию, поскольку основными инициаторами отправки войск вновь выступали лорд Кимберли совместно с Военным министром, в то время как Гладстон старался не придавать большого значения происходящим в Трансваале процессам и всячески от них абстрагировался⁵.

Британские войска под командованием генерала Колли, наспех собранные в Ньюкасле, в общей сложности насчитывали почти 1,300 чел.⁶. В их распоряжении находилось шесть 7-фунтовых полевых орудий, военно-морская бригада с картечницами Гатлинга и зажигательными установками Конгрива⁷. Сообщая о своих действиях в Военное министерство, он писал, что «буры устали от походной жизни... и их лидерам трудно держать их вместе, поэтому день ото дня их численность уменьшается...». Но в конце телеграммы заключал, что «они все

¹ Ibid., p. 654

² The Diary of Sir Edward Walter Hamilton, Vol. 1, p. 92

³ Childers E. Op. cit., p. 9

⁴ The Gladstone Diaries, Vol. 9, p. 651

⁵ Matthew H.C.G. Gladstone, 1875 – 1898, pp. 186 – 193; Гелла Т. Н. У. Гладстон..., с. 164 – 165

⁶ Marling P. S. Rifleman and Hussar, p. 37; Norris-Newman C. Op. cit., p. 339

⁷ Holt H. P. Op. cit., p. 97

еще очень уверены в себе и полностью готовы вступить в бой»¹.

Переходя к анализу дальнейших событий, важно отметить, что, несмотря на прекрасное военное образование, аналитический склад ума и умение выстраивать глобальные стратегические инициативы, генерал Колли до этого момента не имел полководческого опыта, а его боевые подвиги ограничивались командованием небольших отрядов во время Ашантийской войны. Однако нам представляется, что распространенное мнение среди англоязычных историков о полной некомпетентности генерал-майора Дж. Колли является грубым упрощением сложившейся ситуации.

Как отмечалось ранее, накануне конфронтации с бурами военные ресурсы Англии в Южноафриканском регионе были значительно сокращены, что стало результатом последовательной недальновидной политики властей в Лондоне. Верховный комиссар хоть и поддерживал данную инициативу, все же нередко отправлял просьбы в Колониальное и Военное ведомства обратить пристальное внимание на возможность возникновения опасных прецедентов с местным и туземным населением из-за вывода военного контингента из Южной Африки². Также генерал Колли был, по сути, вынужден на скорую руку сформировать действующий отряд из разных плохо сплоченных войсковых соединений, чтобы быстро отреагировать на действия бурского населения и выступить против инсургентов. При этом процесс выработки решений на этапе планирования кампании в очередной раз подвергался значительным корректировкам со стороны местных и ведомственных властей.

Изначально главнокомандующий намеревался отправиться из Питермарицбурга в Трансвааль через Ньюкасл и Лейнгс-Нек, чтобы освободить Преторию и гарнизоны в других осажденных городах³. После прибытия подкреплений из метрополии и Индии он рассчитывал сформировать вторую наступательную колонну и ее силами продвинуться из Кейптауна в Трансвааль через территорию нейтрального Оранжевого Свободного государства и тем

¹ General Officer Commanding, Natal and Transvaal to the Secretary of State for war, 19 January 1881//WO 32/7805

² Sir George Colley to Lord Kimberley, 4 October 1880// CAB 37/5/10, pp. 6 – 7

³ Snook M. Into the Jaws..., p. 119

самым отрезать бурские силы, сосредоточенные в районе Потchefструма¹. Свое решение он мотивировал более удобным маршрутом следования британских войск из-за наличия железнодорожного сообщения и необходимостью проведения военной демонстрации среди местного населения против возможных актов неповиновения². В этом его поддерживал командующий войсками в Капской колонии генерал-лейтенант Лестер Смит, отмечая значительные преимущества с военной точки зрения, которые обеспечит данный маршрут при движении колонны из Кейптауна³. Однако он считал необходимым для ее подготовки дополнительно направить в Южную Африку пехотный батальон, офицеров штаба, инженерных, комиссариатских, медицинских и артиллерийских служб, а также офицера в чине бригадного генерала, чтобы принять командование над второй колонной⁴.

В целом идея создать две самостоятельные колонны с целью их соединения на вражеской территории для разобщения врага и последующих совместных действий против отдельных бурских группировок имела под собой логичное обоснование. Тем не менее, особая диспозиция британских сил в регионе к началу войны и затяжной процесс передислокации подкреплений из метрополии и Индии в Южную Африку могли негативно сказаться на практической реализации подобной инициативы. Однако местных властей волновал прежде всего вопрос сохранения нейтральности Свободного государства, поэтому марш второй колонны через его территорию из Кейптауна был сочтен администратором Капской колонии потенциально опасным, о чем он сообщил в телеграмме лорду Кимберли⁵.

В связи с этим обстоятельством генерал Колли был вынужден отказаться от идеи формирования второй самостоятельной колонны и направиться со своими войсками из Наталя в Трансвааль. 26 января 1881 г. он разбил лагерь на Маунт-Проспект – открытом плато на полпути между рекой Ингого на юге и Лейнгс-

¹ Sir G. Colley to the Earl of Kimberley, 6 January 1881// WO 32/7811, No. 115, Incl. 1

² Sir G. Colley to General Officer Commanding at the Cape, 31 December 1882// WO 32/7806, p. 5

³ Strahan G. to the Earl of Kimberley, 4 January 1881// WO 32/7811, No. 83, Incl. 2

⁴ General Officer Commanding at the Cape to the Administrator of Cape town, 3 January 1881//Ibid.

⁵ Strahan G. to the Earl of Kimberley, 4 January 1881// WO 32/7811, No. 83, Incl. 1

Неком на севере, где была создана хорошо защищенная база, откуда он решил атаковать бурский лагерь у Лейнгс-Нек, не дожидаясь подкреплений из метрополии¹. Согласно официальному отчету Колли, только сильный дождь и ставший над землей густой туман помешали ему идти прямо в этот же день в атаку².

Утром 28 января для атаки позиции буров на Лейнгс-Нек был собран сводный отряд из 835 пехотинцев 21-го, 58-го и 60-го полков; 119 драгунов; 4 офицеров артиллерии с 6 пушками; 66 чел. нательской конной полиции; 88 чел. морской бригады с 3 зажигательными установками системы Конгрива. Оставшиеся 260 чел. и 2 картечницы Гатлинга были оставлены в лагере для его защиты³.

Доверив лично вести людей в атаку своему начальнику штаба полковнику К. Дину, генерал Колли спланировал сражение словно «по учебнику» следующим образом. После проведения артобстрела вражеской позиции началась фронтальная атака под прикрытием артиллерийского огня для занятия холма Лейнгс-Нек силами 58-го пехотного полка под командованием майора Хингестона⁴. Для защиты правого фланга наступающих он выделил кавалерийский отряд под командованием майора Браунлоу, который должен был препятствовать любым вмешательствам буров со стороны ближайшего холма⁵. Подытожив план атаки, лейтенант Марлинг оставил запись в дневнике: «Очевидно, сэр Джордж Колли думал, что слишком опасно совершать прямую лобовую атаку»⁶.

В результате ряда тактических просчетов и отсутствия слаженности между боевыми подразделениями атака англичан провалилась, и генерал Колли принял решение прервать наступление и отступить обратно в лагерь на Маунт-Проспект. Общие потери, понесенные английскими войсками в Лейнгс-Неке, составили 76

¹ Bellairs, Lady. Op. cit., pp. 370 – 373

² From the General officer Commanding to the Secretary of State for War, 1 February 1881// WO 32/7810, p. 2

³ Ibid., p. 2

⁴ Ibid., p. 3

⁵ Ibid., p. 3; Holt H. P. Op. cit., p. 98

⁶ Marling P. S. Rifleman and Hussar, p. 37

чел. убитыми и 109 ранеными¹. Бурские потери в тот день, по сообщениям Жубера, составили 24 чел., из них 14 были убиты или впоследствии умерли от ран. Большинство этих жертв, по мнению историка Э. Спирза, были вызваны артиллерийским обстрелом².

Естественно, сразу после неудачного сражения последовали попытки разобраться в причинах поражения британского оружия. Сначала генерал Колли выступил с речью перед войсками, как отметил лейтенант Марлинг в своем дневнике, «сказав, насколько хорошо они (британцы. – А. А.) проявили себя, и взяв на себя (Колли. – А. А.) всю вину за поражение»³. После этого он написал своей жене, что артиллерийский огонь был крайне неэффективным и что это, наряду с отсутствием должной поддержки кавалерии, стало в значительной степени причиной провала его атаки⁴. Очень важной особенностью наступления британцев 28 января стало решение генерала Колли поручить командование пехотой своим штабным офицерам, пять из которых возглавляли наступление 58-го полка. С нашей точки зрения это сказалось на отсутствии слаженности между подразделениями. Современники также отмечали, что эта идея сыграла пагубную роль в битве за Лейнгс-Нек. Например, журналист новозеландской газеты «Литтлтон Таймс» писал: «Они (офицера штаба. – А. А.) взяли себя в руки и провели храбрую атаку, и те, кто пал в этом бою, погибли как настоящие мужчины. Но офицеру-всаднику не следует давать приказ возглавлять пехоту; и офицеры штаба, которые лично проявили героизм, явно были не на своем месте во время атаки»⁵.

В целом исходя из различных свидетельств и описаний хода сражений, можно предположить, что главной причиной поражения англичан в этой битве были устаревшие методы ведения боевых действий. Несмотря на активное применение казнозарядных винтовок, британцы по-прежнему воевали

¹ Nominal list of casualties in the engagement at Laing's-Nek at 28 January// WO 32/7810; Butler W. F. The Life of Sir George Pomeroy-Colley..., p. 289

² Spiers E. M. Victorian Soldiers..., p. 65

³ Marling P. S. Rifleman and Hussar, p. 41

⁴ Butler W. F. The Life of Sir George Pomeroy-Colley..., p. 291

⁵ Lyttelton Times, 8 August 1881

преимущественно в линейной формации, иногда применяя колонны с рассыпным строем. В то время как буры, учитывая иррегулярную основу их военных формирований, не имели возможности дисциплинированно применять на поле боя тактику залпового огня, поэтому ими была сделана ставка на быстрое передвижение небольшими стрелковыми группами от позиции к позиции, что позволяло избегать серьезных потерь от артиллерийского обстрела (об этом Колли неоднократно упоминал в своих реляциях. – А. А.) и от залпа британских винтовок. Генерал сэр Ян Гамильтон, который во время первой войны с бурами служил лейтенантом 92-го полка Гордонских горцев, вспоминал, что «в ситуации за ситуацией, когда наши солдаты были беспомощны, буры прекрасно чувствовали себя как дома». Именно это, по его мнению, «делало одного бура равным трем недавно высаженным в Африке британским солдатам»¹.

Военная организация буров – система «Коммандо» обязывала каждого бюргера в возрасте от 16 до 60 лет служить своей стране в случае военной необходимости. Бурский ополченец являлся на службу со своим личным оружием и лошадью². В официальном отчете Колли писал, что «буры не имели артиллерии, но все были верхом на лошадях и хорошо вооружены, достаточно снабжены боеприпасами...»³. Отличительной особенностью бурской тактики являлась ставка на повышенную мобильность, которая позволяла создавать численное и военное превосходство на решающем операционном направлении. Это давало им значительное преимущество перед неповоротливой английской армией, состоявшей преимущественно из пехоты и анахроничной кавалерии, вооруженной пиками, саблями и карабинами⁴.

В метрополии довольно спокойно отнеслись к известиям с полей Англо-бурской войны. Лорд Кимберли в своем дневнике и вовсе писал, что это, конечно, «печальное известие, но в войне следует ожидать взлетов и падений»⁵. Британская общественность разделяла это мнение. В «Таймс» писали: «Что бы англичане не

¹ Hamilton I. A staff officer's scrap-book during the Russo-Japanese war, Vol.1, p. 5

² Snook M. Into the Jaws..., p. 109

³ Norris-Newman C. L. Op. cit., p. 339

⁴ Jones J. P. Op. cit., pp. 117 – 119

⁵ The Journal of John Wodehouse, first Earl of Kimberley, p. 320

чувствовали по поводу результатов вчерашнего сражения, они не будут спешно критиковать решения генерала, даже если его попытка атаковать, не дожидаясь подкреплений, может показаться опрометчивой»¹. К середине февраля 1880 г. генерал Колли получил значительные подкрепления в виде 15-го гусарского полка и 92-го полка Гордонских горцев, который прекрасно себя проявил в ходе второй Англо-афганской войны под командованием Ф. Робертса². С войсками прибыл и генерал-майор сэра Э. Вуд, герой Англо-зулусской войны, еще один из ставленников Уолсли, но с большим боевым и полководческим опытом. Тем не менее, учитывая общие потери англичан, новоприбывшие бойцы стали не подкреплением, а скорее заменой павших в предыдущих сражениях.

К этому моменту генерал Колли спланировал ход дальнейших операций по подавлению восстания буров и освобождению британских гарнизонов на территории Трансвааля. Его заметки по этому поводу были изложены в письме сэру Э. Вуду от 4 февраля 1881 г.³. Изначально он собирался на первом этапе операции, как только появятся дополнительные подкрепления, сформировать в Ньюкасле вторую колонну под командованием Э. Вуда. Вторым этапом заключался в организации наступления отряда генерала Колли с целью деблокировать Преторию. Третьим этапом предусматривал, что генерал Вуд из Натала двинется в Трансвааль, как только Колли пересечет р. Ваал в Стандертоне. После этого Вуд должен был взять на себя командование всеми войсками к востоку от Ваала, включая в Ньюкасле, но оставить командование оставшимися войсками в Натале. В дальнейшем в задачи Вуда входило освобождение от буров Ваккерструма и Лиденбурга, а бригадный генерал Белларс в Претории продолжит освобождать Потчеструм и Растенбург. В этом письме генерал Колли настойчиво отмечал: «Вы также, я уверен, понимаете, что я хочу взять Нек сам!»⁴. Эта корреспонденция частично объясняет мотивацию последующих действий главнокомандующего, приведших к трагедии у холма Маджуба, а именно – мстительная решимость

¹ Times, 29 January 1881

² From Major-General sir G. Pomeroy-Colley to the Secretary of State for War, 12 February 1881// WO 32/7813, p. 4;

³ Butler W. F. The Life of Sir George Pomeroy-Colley..., pp. 295 – 296

⁴ Ibid., p. 295

генерала Колли иметь честь лично победить буров в Лейнгс-Неке, чтобы восстановить свою боевую репутацию.

В это же время коммуникации британского лагеря с основной базой в Ньюкасле из-за недостатка кавалерийских патрулей постоянно подвергались нападению со стороны бурского ополчения. Они регулярно мешали медленному колесному транспорту, доставляющему грузы и почту, а также повозкам скорой помощи, перевозившим раненых и больных на основную базу в Ньюкасл¹. В связи с этим генерал Колли был вынужден принять меры.

8 февраля 1881 г. несколько повозок с ранеными и почтой отправились в Ньюкасл. Главнокомандующий дал им приказ о продвижении, а затем сам возглавил эскорт, чтобы проследить его путь на самой опасной части маршрута – в районе реки Ингого и длинного пологого холма, известного как Шуиншуогте. В этом месте он надеялся встретиться с другой колонной из Ньюкасла, которую затем Колли планировал безопасно сопроводить обратно в свой лагерь². Однако, как отмечал в своих заметках артиллерист лейтенант Парсонс, цель конвоя «заключалась в том, чтобы сначала устроить демонстрацию, спустившись к реке Ингого, и затем восстановить почтовую связь с Ньюкаслем, которая была прервана бурами», поэтому, с его слов «никто не думал, что будут столкновения»³. Таким образом, несмотря на большую вероятность вооруженной конфронтации с противником, генерал Колли с самого начала не принял соответствующих мер предосторожности.

Утром 8 февраля 1881 г. английские войска в составе 5 отрядов 60-го полка количеством 273 чел. под руководством полковника Эшбарнхема, артиллерийского отряда с двумя 9-фунтовыми и двумя 7-фунтовыми пушками под командованием капитана Грира и 38 чел. драгунского эскадрона под командованием майора Бранлоу покинули лагерь с целью встретить конвой,

¹ Bellairs, Lady. Op. cit., p. 377

² Butler W. F. The Life of Sir George Pomeroy-Colley..., p. 411

³ Lieut. Parsons the Battles of Laing's Nek and Ingogo, with Brief Notes on the 9-pr. of 6 cwt., and General Equipment//Minutes of Proceedings Royal Artillery Institution, Vol. 11, 1881, p. 682

ожидаемый из Ньюкасла¹. Один отряд 60-го стрелкового полка во главе с лейтенантом Марлингом с двумя 7-фунтовыми пушками расположился на возвышенности, для прикрытия переправы через р. Ингого, а остальные бойцы, переправившись через русло, начали восхождение на один из многочисленных извилистых и горных хребтов, лежащих между Лейнгс-Неком и Ньюкаслем².

Как только отряд под командованием генерала Колли достиг высокого плато Шуиншуогте, по нему сразу была произведена стрельба, и главнокомандующий стал спешно разворачивать свои войска полукругом, чтобы предотвратить попытки вражеского окружения. Однако этого не удалось избежать, о чем писал лейтенант Марлинг: «Как только они (англичане. – А. А.) добрались до вершины, около 100 бурских всадников сразу открыли огонь... Со всех сторон появилось еще больше буров, и вскоре наши силы были окружены»³. В результате вооруженного столкновения, а также непредвиденного стихийного бедствия – разлива р. Ингого, которую британский отряд пытался пересечь при отступлении, англичане понесли значительные потери – 5 офицеров и 61 чел. убитыми и 4 офицера и 68 чел. ранеными – всего с утонувшими 142 жертвы, также при отступлении противнику был оставлен весь запас артиллерийской амуниции⁴. Буры потеряли 8 убитых и 10 раненых, из которых двое впоследствии умерли от полученных ран⁵.

С точки зрения поставленной перед боем задачи генерал Колли достиг своей цели – ему удалось обезопасить конвой и защитить систему коммуникаций между лагерем Маунт-Проспект и Ньюкаслем. Однако цена этого оказалась слишком высокой. После сражения боевой дух англичан стал заметно падать, и многие офицеры, которые до этого момента лояльно относились к главнокомандующему, стали сомневаться в его компетентности. Например, лейтенант Марлинг писал: «Генерал телеграфировал домой, что бой в Ингого

¹ From Major-General sir G. Pomeroy-Colley to the Secretary of State for War, 12 February 1881// WO 32/7813, p. 1; Carter T. A Narrative of the Boer War: Its Causes and Results. L., 1896, p. 197

² Marling P. S. Rifleman and Hussar, p. 44

³ Ibid., p. 45

⁴ From Major-General sir G. Pomeroy-Colley to the Secretary of State for War, 12 February 1881// WO 32/7813, p. 4; Spiers E. M. Victorian Soldiers..., p. 68

⁵ Snook M. Into the Jaws..., p. 140

завершился успехом, – мы, конечно, передали почту в Ньюкасл и остались на поле битвы, но еще одна или две таких Пирровых победы, и у нас не останется армии»¹. При анализе эпистолярного наследия генерала Колли складывается впечатление, что он как будто не замечал этих опасений. В телеграммах к Военному министру и Верховного главнокомандующему он хвалил своих людей после каждого поражения, отмечал мужественное «поведение молодых солдат 60-го полка в Ингого» и утверждал, что «здоровье и дух войск остаются превосходными»². Корреспондент Томас Картер – очевидец сражения, резюмируя итоги столкновения, писал: «Лучшее, что можно сказать о сражении Ингого, это назвать его ничьей. Это не было победой нашей армии, если только это не считать победой отступление с поля боя под покровом ночи, оставив раненых и убитых...»³.

Поражение на р. Ингого выдвинуло южноафриканские дела перед британскими общественными и политическими кругами на передний план, наряду с ирландской и афганской проблемами⁴. После неудач английских войск под командованием генерала Колли стало очевидно, что бурское восстание постепенно переходит в состояние затяжной и затратной колониальной войны. Поэтому в Лондоне военные специалисты стали активно обсуждать характер дальнейших действий, чтобы предотвратить печальный исход очередной конфронтации в Южной Африке.

В меморандуме от 14 февраля 1881 г. глава разведывательного департамента генерал-майор сэр А. Элисон решительно выступал за передислокацию войск с длительным сроком службы из метрополии и средиземноморских гарнизонов для создания второй наступательной дивизии в Капской колонии численностью около 15 тыс. чел. При этом он верно проанализировал недостатки британской армии и военную тактику буров и их ставку на повышенную мобильность, поэтому при формировании новой колонны

¹ Marling P. S. Rifleman and Hussar, p. 51

² Childers S. E. Op. cit. Vol. 2, pp. 21 – 22; Verner W. Op. cit., Vol. 2, p. 190; Spiers E.M. The Victorian Soldier..., p. 68

³ Carter T. A Op. cit., p. 219

⁴ Подробнее см.: Гелла Т. Н. У. Гладстон, либералы..., с. 165; The Cambridge history of British empire, Vol. 3, p. 136

им предлагалось делать упор именно на кавалерийские войска, которые должны были составить 2/3 от всей численности подразделения¹. Состав войск предлагался следующий: 8 тыс. конной пехоты (Mounted men), 2,4 тыс. чел. пехоты, два кавалерийских полка, батареи конной и полевой артиллерии и рота инженеров. План генерала Элисона подразумевал стремительное продвижение в Трансвааль силами второй армии в обход горного массива Дракенсберга через Оранжевое Свободное Государство при поддержке другой колонны, наступающей из Наталя, как «самое надежное средство положить конец этой злополучной войне»². «После того, как Натальская колонна укрепится в Гейдельберге, а Капская колонна в Потchefструме и между ними установятся прочные коммуникации, бурские войска в Трансваале будут полностью отрезаны от Оранжевого Свободного государства, и в скором времени будет положен конец этому мятежу», – заключал генерал Элисон³.

Данная инициатива имела под собой рациональное начало, т. к. маршрут, по которому предлагалось производить наступление, характеризовался преобладанием открытой местности, дающей преимущество при использовании артиллерии, и большая часть пути сопровождалась железнодорожным сообщением. В поддержку этой идеи ранее высказывались многие военные специалисты и политические деятели⁴, в том числе генерал-лейтенант Л. Смит, командующий войсками Капской колонии. В переписке от 7 февраля 1881 г. с Верховным комиссаром Г. Робинсоном, ссылаясь на изначальное намерение Дж. Колли подготовить вторую дивизию и направить ее через Кимберли, он просил «в связи с военной предусмотрительностью сформировать колонну в Кейптауне на случай непредвиденных обстоятельств»⁵. Однако генерал Уолсли, учитывая свой опыт службы в Южной Африке и авторитет в армейских кругах, считал инициативу генерала Элисона «наиболее неразумной» и предупреждал герцога

¹ Alison A. Memorandum upon an advance upon the Transvaal, 14 February 1881// WO32/7806, p. 4

² Ibid., pp. 2 – 4

³ Ibid., p. 3

⁴ Memorandum by sir Bartle Frere, 30 January 1881//Ibid., p. 5; Memorandum by Lieutenant Parker Gillmore, 19 January, 1881// Ibid., pp.6 – 7

⁵ General Officer Commanding, Cape of Good Hope, to the Governor, 7 February 1881// WO 32/7811, No. 179, Incl. 1

Кембриджского о материально-технических, политических и военных опасностях при продвижении второй колонны из Капа в Трансвааль¹.

В итоге, опасаясь вступления в войну соседнего государства, политика либерального правительства направлялась на то, чтобы дать бурам как можно более полную меру самоуправления, совместимую с безопасностью колонии, как только они сложат оружие и воздержатся от оппозиции². Такое решение диктовалось не только военно-политическим аспектом, но и противоречиями внутри самой правящей партии, поэтому либералы были вынуждены уступить оппозиции и отказаться от продолжения войны с Трансваалем, и в первую неделю февраля кабинет министров согласился с требованиями радикалов провести переговоры с бурами³.

8 февраля 1881 г. лорд Кимберли, надеясь избежать кровопролития, отправил генералу Колли телеграмму с сообщением, что правительство Ее Величества готово вести переговоры, если буры воздержатся от любых форм вооруженного сопротивления⁴. В ответе от 12 февраля П. Крюгер выразил готовность идти на мировую при условии, что вопрос об аннексии Трансвааля будет пересмотрен, иначе буры выражали готовность сражаться до последнего⁵. В результате дискуссий в кабинете министров было принято решение о создании Королевской комиссии по решению трансваальского вопроса и о рекомендациях генералу Колли согласиться на перемирие при условии, что это предложение будет принято бурами⁶.

Однако английский главнокомандующий имел иную точку зрения на бурскую проблему. Он был убежден, что Британия не должна отказываться от своей позиции в Трансваале таким позорным образом. Как отмечал в переписке с супругой генерал Уолсли, «Колли не подписал бы Конвенцию, которую

¹ Memorandum by G. Wolseley, 18 February 1882// WO32/7806, p. 1; Laband J. Transvaal Rebellion..., p. 175

² Annual register of the year 1881, p. 152

³ The Cambridge history of British empire, Vol.3, p. 136

⁴ Lord Kimberley to Sir George Colley, 8 February 1881// CAB 37/5/10, p. 13

⁵ Schreuder D. Gladstone and Kruger: Liberal Government and Colonial «Home Rule», 1880-85. L., 1969, p. 117

⁶ См. Подробнее: Гелла Т. Н. У. Гладстон, либералы..., с. 168 – 169

предложил Эвелин¹; в одном из своих последних писем он сказал, что если его попросят сделать что-то подобное, то он сочтет это недостойным и уйдет в отставку»². Поэтому генерал Колли стремился поставить Великобританию на более прочную позицию в последующих переговорах и предлагал продолжить боевые действия, игнорируя бургские предложение о мире. Этот план, в свою очередь, не находил поддержку у лорда Кимберли и Гладстона³. К этому моменту министр колоний поручил Э. Вуду, в обход генерала Колли, передать условия британской стороны Крюгеру для последующих мирных переговоров. Если это предложение будет принято – Вуд имел полное право согласиться на приостановку военных действий⁴. На данное письмо генерал Вуд решил не отвечать и 19 февраля переслал его копию Колли. Этот момент можно расценивать как ключевой при объяснении последующих действий со стороны английского главнокомандующего.

В результате 21 февраля генерал Колли отправил телеграмму Жуберу и установил невероятно короткий срок в 48 часов, чтобы буры могли отреагировать на мирные попытки урегулирования⁵. Крюгер получил письмо только через 4 дня⁶ и, естественно, не мог ответить на него своевременно. Поэтому очевидно, что генерал Колли не имел никакого реального намерения придерживаться предполагаемой приостановки военных действий. Поскольку буры не смогли дать ответ, т. к. Крюгер никак не мог получить своевременно письмо, рассмотреть его содержание и ответить на него, генерал Колли перешел в наступление, будучи усиленным войсками из метрополии.

Поспешность действий британского главнокомандующего и причины его роковой непредусмотрительности вызваны несколькими факторами, в том числе и психологического характера. Еще свежи были в памяти неудачи английского

¹ Данное письмо было написано в 1885 г., когда в обществе укоренилась идея, что генерал Вуд склонил либералов на заключение мира с бурами. Однако эта точка зрения не находит документального подтверждения, даже наоборот, в телеграмме от 19 марта 1881 г. к Военному министру он выражал полную готовность возобновить наступление для «принудительного рассредоточения» бургских сил. Подробнее см.: Laband J. Transvaal Rebellion..., pp. 215 – 216

² The Letters of Lord and Lady Wolseley, 1870 – 1911, p. 210

³ The Gladstone Diaries, Vol. 10, p. 18

⁴ Wood E. Op. cit., Vol. 2, p. 110

⁵ The Gladstone Diaries, Vol. 10, p. 27

⁶ Ibid., p. 26

оружия в войне с зулусами и общественная реакция на ошибки лорда Челмсфорда. Поэтому сэр Ян Гамильтон довольно точно отметил, что «это послужило уроком для сэра Джорджа Колли, друга и протеже Уолсли, о том, что следует одержать победу до того, как ваш преемник сможет прибыть на поле боя»¹. В целом, многие современники смотрели на это схожим образом. Личный секретарь У. Гладстона писал в своем дневнике: «Можно было предположить, что его (генерала Колли. – А. А.) тактика была вызвана предчувствием (возможно, неосознанным) сделать что-то неординарное, чтобы восстановить свой престиж как генерала»². Подобный взгляд разделял и историк Д. Тилден, однако на передний план он, как и большинство англоязычных исследователей, выдвигал возможный факт замены Колли на посту главнокомандующего Э. Вудом³. Однако нам представляется, что именно сопоставление общественной реакции на неудачи в Южной Африке, личных амбиций английского генерала, активного вмешательства либерального правительства в планирование кампании, а также царивших в обществе определенных представлений о военном деле, в частности, о необходимости вести переговоры после громкой победы, и стало причиной последующих трагических событий.

В результате в конце февраля 1881 г. генерал Колли решил произвести наступление на бурские позиции у холма Маджуба и для этого сформировал небольшой отряд под своим личным командованием с подполковником Гербертом Стюартом в качестве начальника штаба. Согласно отчету майора Томаса Фрейзера из корпуса Королевских инженеров, отряд состоял из двух рот 58-го пехотного полка под командованием капитана Морриса – 170 чел.; двух рот 3-го батальона 60-го стрелкового полка под командованием капитана Смита – 140 чел.; трех рот 92-го полка Гордонских горцев под командованием майора Хея – 80 чел.; и одной Королевской военно-морской бригады – 64 чел.⁴ – всего 554 чел. С учетом предшествующих столкновений с бурами использование артиллерии было

¹ Hamilton I., Samson V., *Anti-Commando*, p. 71

² *The Diary of Sir Edward Walter Hamilton*, Vol. 1, p. 112

³ Tylden G. *A Study in Attack: Majuba, 27th February, 1881*//*Journal of the Society for Army Historical Research*, Vol. 39, No. 157, 1961, p. 29

⁴ *Ibid.*, p. 199

явно обесценено в глазах генерала Колли, поэтому он принял решение не брать орудия на вершину холма, тем самым делая ставку на мобильность и неожиданность¹.

Очень важным аспектом всей операции стало решение главнокомандующего не детализировать план нападения среди своих офицеров, чтобы разделить их полномочия для выполнения различных боевых задач. Например, майор Макгрегор писал, что «понятия не имел, куда они направляются», когда генерал дал приказ предупредить войска о сборе в 8 часов вечера накануне сражения². Похожие сведения упоминает полковник 58-го полка Уильям Бонд, оставшийся в лагере. В дневнике он писал, что «только утром выяснилось, что экспедиция имела целью захват Маджубы»³.

Затрагивая организацию самого ночного маневра английских войск, то нам представляется, что генерал Колли явно вдохновлялся подвигами генерала Ф. Робертса во время второй Англо-афганской войны, когда его марши с фланговым обходом позиций врага обеспечивали победу над численно превосходящим противником. Это объясняет строжайшую секретность самой операции, т. к. похожие действия «Бобс» совершал в бою на Пейвар-Котале, чтобы ввести в заблуждение противника. Детали его подвигов были прекрасно известны Колли благодаря их личной переписке, которая представлена подробно в биографической работе У. Батлера⁴. Однако в Афганистане на стороне британцев под командованием Робертса всегда выступал отряд с отвлекающим маневром и плотной поддержкой артиллерии, но в случае генерала Колли подобная атака заведомо была обречена на поражение.

26 февраля 1881 г. английский отряд был собран в лагере по команде за три часа до начала операции и выдвинулся под покровом темноты в 21:30. Маршрут движения британских войск проходил из лагеря Маунт-Проспект до юго-восточных склонов Нквело. Каждый из бойцов нес винтовку, штык и 70 патронов,

¹ Laband J. Transvaal Rebellion..., p. 199

² Gardyne C.G. The Life of Regiment: The History of Gordon Highlanders, Vol. 2. L., 1903, p. 197

³ The Diary of Colonel W. D. Bond, 58th Regiment, p. 90

⁴ Butler W. F. The Life of Sir George Pomeroy-Colley..., pp. 221 – 224

шинель, одеяло, водонепроницаемые простыни, бутылку воды и трехдневный рацион¹, т. е. колонна находилась в состоянии полной боевой готовности с возможностью сравнительно продолжительного сопротивления.

Изначально численность британского отряда составляла 554 чел., однако 60-й полк был оставлен по пути на холме Нквело, а одна рота 92-го полка была развернута на возвышенности, соединяющей Нквело и Маджубу², поэтому общая группировка войск, которая достигла вершины холма в районе 3 – 4 часов утра, составляла примерно 365 чел.³. Примечательно, что отряды, оставленные на пути продвижения английских войск, исходя из различных свидетельств не получили никаких указаний от генерала Колли перед боем о том, какие действия им следует предпринять в случае нападения противника⁴. Поэтому можно предположить, что наряду с отсутствием детализации плана атаки у генерала Колли не было четкого представления о характере действий, которые последуют после достижения войсками холма Маджуба.

Так, по мнению начальника штаба полковника Г. Стюарта, главнокомандующий стремился ночным маневром занять передовые позиции на холме Маджуба, подготовить их и следом отправить запрос в Ньюкасл за подкреплениями, чтобы дать полноценный бой бурам. Для этого и был собран трехдневный рацион с солидным запасом амуниции, и изначально генерал Колли выбрал на холме Маджуба три точки, на которых планировалось установить редуты для их удержания силами 58-го, 92-го полков и военно-морской бригады, пока не прибудут подкрепления⁵. С точки зрения подполковника Стюарта, «если бы только Колли укрепился сразу, как он собирался изначально сделать, то ни один бур не смог бы нас сдвинуть с этой позиции»⁶. Однако, достигнув вершины, как писал майор Фрейзер, главнокомандующий не отдал приказ окапаться⁷.

¹ Gardyne C.G. Op. cit., Vol. 2, p. 197

² Bellairs, Lady. Op. cit., p. 381

³ Snook M. Into the Jaws..., p. 148

⁴ Captain G. Sullivan Report of the part taken by Troop of 15th Hussars, 27 February 1882// WO 32/7827, Incl.12, pp. 9 – 10; Captain P. F. Robertson to the Chief of Staff, 28 February 1881// Ibid., Incl. 13, p. 10

⁵ Lieutenant-Colonel H. Stewart to the General Officer Commanding, 4 April 1881//Ibid., Incl. 2, pp. 2 – 3

⁶ Ponsonby A. Op. cit., pp. 333 – 334

⁷ Gardyne C. G. Op. cit., Vol. 2, p. 201

Генерал Колли, по словам очевидцев, пытался дать передохнуть своим войскам после ночного марша. В автобиографии лейтенант 92-го полка сэр Ян Гамильтон выражал сильное сомнение на этот счет: «Что бы ни ощущал сам генерал Колли, я никогда не чувствовал себя менее уставшим в своей жизни, чем когда смотрел свысока на бурскую армию, лежащую у наших ног; и мои люди чувствовали то же самое»¹. Впоследствии офицеры под командованием генерала Колли неоднократно просили дать им разрешение сделать полевые укрепления, но главнокомандующий был непреклонен².

При этом ночной маневр английских войск не остался незамеченным для бурских патрулей. Рано утром 27 февраля 1881 г. Жубер, узнав о нахождении британского отряда на Маджубе, поручил коменданту Николасу Смиту дать ему отпор. Он, не теряя времени, собрал небольшой отряд численностью в 300 чел. под руководством двух военачальников С. Руса и И. Феррейра и начал активное восхождение на холм. У него было хорошее прикрытие при продвижении к нижним склонам Маджубы, и его путь не блокировался английскими форпостами или патрулями, т. к. заранее со стороны англичан не было предпринято адекватных мер защиты от вражеского наступления³.

Из-за отсутствия четкого плана действий среди английских войск началась полная неразбериха, и после непродолжительной перестрелки они потерпели сокрушительное поражение и понесли значительные потери – 92 убитых, в том числе погиб сам генерал Колли, 134 раненых, из которых несколько скончались в течение следующих недель, и 59 взятых в плен. Буры потеряли одного убитым и пять ранеными. Один из пяти впоследствии скончался от полученных травм⁴.

Весной 1881 г. британская нация была ошеломлена и пришла в ужас от внезапного поворота событий. В своем дневнике У. Гладстон писал: «Крайне печальные новости из Южной Африки. Неужели это божья кара?»⁵. В очередной раз за последние три года английские войска подверглись унижению со стороны

¹ Hamilton I. *Listening of the Drums*, p. 134

² Gardyne C. G. *Op. cit.*, Vol. 2, p. 204

³ Laband J. *Transvaal Rebellion...*, pp. 202 – 204

⁴ Butler W. F. *The Life of Sir George Pomeroy-Colley...*, p. 394

⁵ *The Gladstone Diaries*, Vol. 10, p. 25

противника, которого они считали незначительным. В это время как консерваторы, так и либералы обвиняли друг друга в том, чья политика была больше виновата в сложившейся ситуации. Тем не менее, они были в значительной степени едины в вопросе о том, как должна действовать Британия – «Таймс» резюмировала позицию: «Если мы не готовы немедленно и безоговорочно уйти из Южной Африки, мы должны восстановить нашу власть там, где ей бросили вызов, и обращаться только с теми, кто подчиняется представителям королевы»¹.

Газеты активно критиковали действия главнокомандующего², но внимание прессы в целом было приковано не столько к опрометчивости Колли, сколько к необходимости искупить запятнанную британскую честь. Либеральная «Дейли Хроникл» настаивала на том, что «англичане вряд ли после произошедшего выслушают предложения о независимости, до тех пор, пока буры не сложат оружие и не подчинятся или пока не получат серьезный отпор от рук британской армии»³. Однако в «Манчестер Гардиан» выражали сомнение на этот счет. Редакция утверждала, что «урок, безошибочно преподанный вчерашней битвой, заключается в том, что пытаться бороться с бурами с помощью численно уступающих сил просто бесполезно»⁴.

В результате сэр Э. Вуд отправился временно замещать Колли на Маунт-Проспект, а сэр Ф. Робертс был назначен на должность главнокомандующего войсками в Южной Африке. Российский посол в Великобритании князь А. Б. Лобанов-Ростовский докладывал в телеграмме к Н. К. Гирсу, что «подкрепление отправляется отсюда со всей поспешностью, и генерал сэр Ф. Робертс, который недавно сражался с Аюб-ханом около стен Кандагара, назначен вместо генерала Колли»⁵. Как отмечал историк Дж. Лэбанд, «Бобс» был именно той высокопоставленной армейской фигурой, чтобы заверить общественность в том, что правительство теперь серьезно намерено победоносно закончить войну в

¹ Times, 2 March 1881,

² Ibid., 1 March 1881; Daily News, 1 March 1881

³ Daily Chronicle, 2 March 1881

⁴ The Manchester Guardian, 3 March 1881

⁵ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1881, д. 89, л. 168/об.

Трансваале¹. Но на самом деле первая Англо-бурская война закончилась поражением генерала Колли на Маджубе, а Ф. Робертс так и не принял активного командования².

Поражение британских войск от отрядов бурских фермеров получило большой политический резонанс. В донесении к Н. К. Гирсу посол Лобанов-Ростовский писал: «Эта неудача создает для правительства серьезные затруднения»³. Престиж правительства У. Гладстона заметно начал падать, что дало основание консервативной оппозиции начать атаку на колониальный курс либералов в Южной Африке⁴. В Англии росло недовольство политикой кабинета Гладстона, обещавшего положить конец дорогостоящим войнам и развязавшего в свою очередь новую. Наряду с этим высшие военные круги настоятельно требовали отмщения. Лорд Кимберли писал в дневнике: «На совещании в Военном ведомстве Его королевское высочество (герцог Кембриджский. – А. А.) и другие офицеры настоятельно требовали крови, чтобы смыть позор нашей армии»⁵. Королева Виктория также была особенно расстроена из-за того, что политика либерального правительства привела к новой катастрофической войне⁶.

И все же У. Гладстон и лорд Кимберли сопротивлялись такому давлению – они считали, что Британия рискует потерять все свои владения в Южной Африке, если Свободное Оранжевое Государство вступит в войну на стороне Трансвааля. Одновременно буры опасались, что потеряют все полученные кровью рычаги давления, когда британское подкрепление в 10 тыс. чел. под командованием генерала Робертса прибудет в регион. Таким образом, у обеих сторон были основания для скорейшего заключения мира.

В результате 23 марта 1881 г. было подписано перемирие, в рамках которого буры признавали сюзеренитет королевы над Трансваалем, а Англия гарантировала право буров на самоуправление при условии, что контроль над

¹ Laband J. Transvaal Rebellion..., p. 215

² Roberts F. Forty-One Years in in India, p. 379

³ АВПРИ, ф. 133, 1881, оп. 470, д. 89, л. 168/об.

⁴ Подробнее см.: Гелла Т. Н. У. Гладстон, либералы..., с. 167

⁵ The Journal of John Wodehouse, first Earl of Kimberley, p. 321

⁶ The Letters of Queen Victoria, 2nd Ser., Vol. 3, pp. 199 – 201

внешними связями останется за британской короной¹. 3 августа была официально принята Преторийская конвенция, по которой признавалась полная самостоятельность Трансваала во внутренних делах. В тексте конвенции страна называлась Трансваалем, но уже через несколько дней после ее подписания 9 августа бурское правительство в своей прокламации объявило страну Южно-Африканской Республикой. Президентом стал Крюгер, главнокомандующим вооруженными силами – Жубер. При этом английская королева оставалась сюзереном, однако лондонское правительство сохраняло контроль лишь над внешними сношениями². Российский посол в Лондоне князь А. Б. Лобанов-Ростовский положительно оценивал меры английского правительства. По его мнению, предоставив широкие права бурам, Гладстон совершил «акт мудрости и справедливости»³. К этому моменту британская общественность в основном утратила мстительное отношение и сочла условия мира приемлемыми.

Многие историки и современники отмечали, что «Маджубская трагедия» не имела серьезного военного значения. Ян Гамильтон в автобиографии писал: «Мы приняли поражение 365 чел. как поражение Британской империи, хотя у нас на подходе было 5 тыс. чел. под командованием Эвелина Вуда»⁴. Действительно, по нашему мнению, значение этой битвы имело больше репутационные издержки, которые и заставили высшие политические круги пойти на уступки бурским лидерам, опасаясь дальнейшего военного противостояния. Англия к этому моменту все еще не оправилась от тяжелых последствий недавних военных кампаний, как в экономическом, так и в политическом отношении, а перевод дополнительных войск в Африку ставил под угрозу защиту других владений Великобритании. При этом, как отмечает Т. Н. Гелла, если бы либералы изначально действовали согласно собственному принципу о «самоуправляющихся нациях», то и в Англии, и в Южной Африке положение либералов упрочилось⁵. Тем не менее, соглашение было достигнуто силой

¹ HPD, 22 March 1881, Vol. 259, pp. 1659 – 61

² Летнев А. Б., Субботин В. А, Указ. соч., с. 312.

³ АВПРИ, ф. 133, 1881, оп. 470, д. 89, л. 247

⁴ Hamilton I. Listening of the Drums, p. 130

⁵ Гелла Т. Н. У. Гладстон, либералы..., с. 170

оружия.

Подводя итоги, стоит отметить, что причины поражения англичан в первой Англо-бурской войне вызваны не одним фактором, а целым рядом взаимодополняющих обстоятельств. В одинаковой мере последовательная линия правительства как тори, так и либералов, по созданию Южно-Африканской конфедерации по примеру Канады, привела к сокращению военных ресурсов в регионе в экономических целях. Администрация военных представителей Англии – Г. Уолсли и О. Лэньона, несмотря на их попытки усмирить общественное недовольство в Трансваале без учета специфики региона, только раздражала местное население и активно побуждала его к вооруженному восстанию. При этом стремление генерала Колли меньше проявлять на первых порах инициативу и действовать по шаблонам военной науки, а затем и боязнь общественного порицания внесли не менее существенный вклад в неутешительные результаты войны для Великобритании.

В целом события в Южной Африке на рубеже 70 – 80-х гг. XIX в. нам представляются наиболее показательными с точки зрения несоответствия масштабных политических планов британского правительства с количеством инвестированных в регион военных ресурсов. Откровенная импровизация высокопоставленных офицеров при организации экспедиций, явившаяся следствием отсутствия органа высшего военного планирования, скромный по численности армейский гарнизон, плохая разведывательная деятельность, поспешность политиков в Лондоне и их постоянное стремление вмешиваться в процесс выработки оптимальных военных решений и излишняя инициатива акторов на местах полностью скомпрометировали планы по созданию Южно-Африканской конфедерации на ближайшие десятилетия, тем самым закладывая прочный фундамент для трагедии, которая развернется через два десятилетия на тех же полях и равнинах во время второй Англо-бурской войны (1899 – 1902 гг.).

IV. Колониальные войны Великобритании в Северной Африке в первой половине 80-гг. XIX в.

4.1. Египетская кампания (1882 г.)

Одним из краеугольных камней британской колониальной политики на рубеже 70 – 80-х гг. XIX в. наряду с реализацией проекта Южно-Африканской конфедерации стал египетский вопрос, который либеральное правительство У. Гладстона 1880 – 1885 гг. решило путем прямого военного вмешательства и оккупации страны. Традиционно в отечественной историографии рассматривались политические и экономические причины этого шага, однако именно военно-стратегические аспекты, с нашей точки зрения, не достаточно были раскрыты и требуют более подробного освещения.

Поддержание территориальной целостности «больного человека Европы» – Османской империи, а также защита проливов Босфор и Дарданеллы от обладания ими другими европейскими державами являлись столпами традиционной политики Великобритании по сохранению своего могущества на Востоке. Однако завершение строительства Суэцкого канала французами в 1869 г. побудило английские политические и военные элиты начать постепенную переориентацию своих традиционных стратегических приоритетов. Сразу после открытия нового морского судоходного пути лорд Кимберли сделал запись в дневнике, что «в случае большой войны... это будет гонка за обладание Египтом»¹. Поэтому, помимо явных экономических преимуществ, которые сулило «обладание Египтом», очевидно, что наличие сокращенного пути через Африку в перспективе позволяло более компактно и надежно выстраивать концепцию обороны колониальных владений на различных континентах. В связи этим российский военный агент в Лондоне Н. А. Новицкий отмечал, что «установление постоянного пути для перевозки великобританского войска между Англией и Восточной Индией через Суэцкий канал вызвало некоторые новые

¹ The Journal of John Wodehouse, first Earl of Kimberley, p. 249
223

распоряжения»¹. С этого момента Великобритания, как и Франция, стремились, по выражению советского историка Г. А. Нерсесова, «опутать Египет сетями экономической и политической зависимости»².

Значительную роль в определении этого региона в качестве главного приоритета внешней и колониальной политики Великобритании сыграли события Восточного кризиса (1875 – 1878 гг.) в целом и Русско-турецкой войны (1877 – 1878 гг.) в частности. Поэтому первоначально захват Египта, как и афганский вопрос, отождествлялся Англией с проблемой «русской угрозы» Индии и во многом зависел от международной обстановки в Европе.

После начала восстаний в Боснии и Герцеговине летом 1875 г. властные элиты Великобритании стали осознавать потенциальную возможность очередного вооруженного столкновения с Россией по Восточному вопросу. Данное понятие в интерпретации английских правящих кругов означало сохранность морских коммуникаций с Индией через Персидский залив и акваторию Средиземного моря, напрямую связанную с Суэцким каналом и соответственно Египтом. Среди тори существовало определенное представление, что потенциальный успех российского оружия в войне против Турции обеспечивал полное доминирование России в Малой Азии и на Ближнем Востоке, откуда за счет посредничества Персии и Афганистана появлялась возможность напрямую угрожать Индии.

Для предотвращения подобной комбинации лидеры консервативной партии регулярно обращались к советам специалистов Разведывательного департамента для выработки наиболее релевантных военно-стратегических инициатив. В качестве возможного варианта решения Восточного вопроса, как ни странно, предлагался и захват Египта.

Так, в декабре 1875 г., сразу после приобретения Англией контрольного пакета акций Суэцкого канала³, глава Разведывательного департамента генерал-майор сэр Патрик Макдугалл (1873 – 1878 гг.) совершил поездку в Египет с целью

¹ РГВИА, ф. 431, оп. 1, 1869, д. 39, л. 256

² Нерсесов Г. А. Указ. соч., с. 21

³ Подробнее см.: The Cambridge History of British Empire, Vol.3, p. 108; Нерсесов Г. А. Указ. соч., с. 24; Трухановский В. Г. Указ. соч., с. 93 – 94

топографии местности и более детального изучения ключевых военно-стратегических позиций в регионе. По итогам этой командировки 16 июня 1876 г. он составил пространную аналитическую записку «Оборона Египта», которая, по нашему мнению, имеет исключительное историческое значение.

Во-первых, этот документ является наглядной иллюстрацией традиционной для Англии поздней викторианской эпохи парадигмы мышления, «лучшая защита – это нападение». Генерал Макдугалл прямо указывал, что для защиты Суэцкого канала от угрозы других европейских держав «Англия может оказаться перед необходимостью оккупировать Египет своей армией либо с согласия Египта, либо с помощью силы»¹. Во-вторых, он предопределил последующую переориентацию военно-стратегического внимания Англии в районе Средиземноморья с проливов Босфор и Дарданеллы на Суэцкий канал. Генерал Макдугалл придерживался довольно прагматичных взглядов относительно структуры национальной обороны, рассматривая колониальные владения Великобритании и систему ее военно-морских коммуникаций в качестве основных элементов имперского могущества. Поэтому он имел стойкое убеждение, что именно Египет являлся центральным связующим звеном метрополии с Индией и его возможная утрата гораздо сильнее отразится на положении Великобритании, нежели сам факт утверждения России на проливах. При этом своевременная оккупация Египта, по замыслу генерала Макдугалла, даже в случае утраты морской инициативы, обеспечит Англию сильной военно-морской базой, полностью соответствующей тому политическому влиянию, «которое она (Англия. – А. А.) стремится оказывать в европейских делах»². В контексте цитируемого отрывка довольно знаменательно, что именно Египет станет основным пунктом подготовки военной экспедиции против России в районе проливов и Черного моря в разгар Пендинского кризиса 1885 г.³, и в-третьих, данная реляция являлась отправной точкой и основой всех планов потенциальной интервенции в Египет, которые

¹ Report by Major-General Patrick Macdougall on the Defence of Egypt, 16 June 1876// PRO FO 881/2900, p. 3

² Ibid., pp. 2 – 3

³ РГВИА, ф.401, оп. 4, 1885, д.39, л.15 – 17/об.

разрабатывались высшим военным командованием Великобритании вплоть до событий 1882 г.

Переходя к анализу документа, стоит отметить, что «Оборона Египта» носит преимущественно теоретический и рекомендательный характер. При этом важной особенностью записки является ее «зеркальность» в отношении рассматриваемых потенциальных операционных направлений как вражеской, так и обороняющейся стороны, т. к. оба положения при определенных обстоятельствах могла спокойно занять и сама Англия. Примечательно, что в документе нет однозначного указания на конкретную европейскую державу, которая могла составить Великобритании конкуренцию в Средиземном море в борьбе за Египет. Однако исходя из системы координат международных отношений в рассматриваемый исторический период можно однозначно утверждать, что в «Обороне Египта» речь шла прежде всего о России и Франции.

Касательно последней стороны конфликта военные круги Англии в период Восточного кризиса имели достаточно весомые основания полагать, что Франция не будет препятствовать британским планам по оккупации Египта. Военный агент в Париже генерал-майор Джеймс Конолли докладывал 25 декабря 1876 г. о царивших мнениях во французской армейской корпорации относительно сложившейся международной ситуации. Он пришел к выводу о преобладании реваншистских настроений по вопросу франко-германского соперничества после «военной тревоги» 1875 г., в связи с чем «именно к Рейну, а не к Нилу, направлены устремления всей нации»¹. Поэтому «Оборона Египта» генерала Макдугалла имела прежде всего антироссийскую направленность, что полностью совпадало с позицией Лондона по Восточному вопросу.

Изначально глава Разведывательного департамента четко определил цель любого потенциального вторжения в Египет – «заграждение или овладение Суэцким каналом»². Им рассматривалось два варианта подобной интервенции – сухопутным или морским путем. В первом случае нападение осуществлялось

¹ Major-General Conolly to Lord Lyons, 25 December 1876// PRO FO 424/46, No.135, Incl., p. 78

² Report by Major-General Patrick Macdougall..., 16 June 1876// PRO FO 881/2900, p. 4

через территорию турецкой Сирии с целью занять Палестину в качестве операционной базы, откуда далее из Газы двумя корпусами (60 – 70 тыс. чел.) «противник» мог производить концентрическое наступление к Суэцкому каналу. Примечательно, что подобный вариант вторжения совпадал с последующими планами британского командования: в случае войны с Россией оккупировать побережье Сирии в заливе Искендерун (Александретта) с целью создания в восточном бассейне Средиземного моря дополнительной военно-морской гавани для организации наступления в Малую Азию¹. Однако, учитывая особенности местности, протяженность коммуникационных линий и потенциальные сложности при снабжении армии, генерал Макдугалл пришел к выводу, что подобный вариант следует исключить «из категории практически осуществимых операций»². Поэтому единственно возможным способом вторжения в Египет, по его мнению, являлась переброска «вражеского» десанта через акватории Средиземного и Красного морей, для «отражения» которого Англии следовало задействовать один армейский корпус (30 – 35 тыс. чел.) при поддержке небольшого военного контингента из Индии.

Для выполнения этой задачи он выделял три точки вероятной высадки: 1) Александрия; 2) Порт-Саид; 3) Исмаилия. В первом случае десантирование около Александрии или в других ближайших районах, по его мнению, не имело важного тактического значения, т. к. этот шаг «уведет от настоящей цели (Суэцкого канала. – А.А.) и заставит выполнять утомительные операции» через сложную пустынную местность. В то же время Порт-Саид он оценивал как самую безопасную и наиболее доступную гавань на северном побережье Египта, высадка в которой позволяла быстро начать продвижение к Суэцкому каналу. Однако ключевой стратегической позицией генерал Макдугалл называл именно Исмаилию. Данный город находился на важнейшей железнодорожной развязке Каир-Исмаилия и Суэц-Исмаилия. Кроме того, если войска одной из противоборствующих сторон ставили задачу наступления на египетскую столицу,

¹ Lieut.-Colonel R. Home, Captain E. Baring Report. Theatre of War in Asiatic Turkey and Transcaucasia// PRO FO 881/3146, pp. 109, 129 – 131

² Report by Major-General Patrick Macdougall..., 16 June 1876// PRO FO 881/2900, pp. 3 – 5

то именно Исмаилия являлась наиболее выгодным опорным пунктом для проведения последующих операций. Поэтому, как заключал генерал Макдугалл, «вышеупомянутые соображения указывают на Исмаилию как на самое подходящее место для укрепленного лагеря, сооружения которого должны охватывать и защищать гидротехнические сооружения самой Исмаилии, а также важные каналы и ближайшие железнодорожные узлы»¹.

Первоначально консервативное правительство Дизраэли воспринимало в штыки подобные инициативы. К осени 1876 г. британский премьер-министр по-прежнему считал императивом внешней политики Великобритании именно турецкий вектор и в переписке с Министром иностранных дел лордом Дерби называл вероятность аннексии Египта «дорогостоящей обузой»². Однако дальнейшее развитие кризиса на Востоке иначе ставило перспективу английской гегемонии в Средиземноморье. В течение октября 1876 г. специалисты Разведывательного департамента подготовили два крупных военно-статистических отчета³, которые в общих чертах подводили к очень простой мысли – завоевание османской столицы и турецкой Армении, а также утверждение российского влияния на европейской и азиатской стороне Босфора – всего лишь вопрос времени. При этом генерал-майор Г. Уолсли, стремившийся играть значительную роль в механизме принятия ключевых решений во внешней политике, также указывал, что «обладание Россией европейской частью Турции неизбежно приведет к использованию ее армий к югу от Босфора с целью возможной оккупации Сирии и Египта», которая перерастет в «непосредственную угрозу нашему сообщению с Индией по Суэцкому каналу»⁴. Для противодействия этому им и другими военными специалистами рекомендовались затратные и довольно рискованные десантные операции в Европе, Малой Азии и на Ближнем Востоке, для проведения которых требовались значительные военные и

¹ Ibid., pp.4 – 11

² Disraeli to Derby, 22 October 1876// Documents on conservative foreign policy, 1852 – 1878, № 384, pp.265 – 266

³ Captain E. Baring Memorandum on probable course of action to be adopted by Russians in the event of their attempting to Occupy Bulgaria and march on Constantinople, 16 October 1876// WO 33/28/1876/622; Lieut.-Colonel R. Home, Captain E. Baring Report. Theatre of War in Asiatic Turkey and Transcaucasia// PRO FO 881/3146

⁴ Major-General G. Wolseley The Eastern Question, 10 November 1876// WO 33/29/1876/629, pp. 2, 7

экономические ресурсы. Поэтому правящие круги стали обращать более пристальное внимание на возможность аннексии Египта как наиболее прагматичный способ решения Восточного вопроса.

Так, согласно секретным донесениям российских политических и военных представителей в Лондоне, уже накануне Русско-турецкой войны тори серьезно рассматривали возможность «превращения Египта в государство-придаток Англии»¹. В частности, подобный сценарий обсуждался в меморандуме генерал-майора Робертса от 4 июня 1877 г. Однако «Бобс» придерживался стойкого убеждения, что возможная оккупация Египта находится в прерогативе метрополии, в то время как армии Индии должны применяться против России именно в Центральной Азии. Но в целом он не исключал возможность отправления небольшого индийского военного контингента Мадраса и Бомбея или «отдельных офицеров, знающих местный язык и обученных иметь дело с азиатами» в качестве поддержки потенциальных операций по захвату Египта².

Уже к середине января 1878 г. на основе записок Макдугалла и Робертса был разработан детализированный план развертывания англо-индийских войск для захвата Александрии, Порт-Саида и Исмаилии в качестве военно-морских баз и обеспечения полного контроля над Суэцким каналом силами трех полевых дивизий численностью 8 тыс. чел. каждая. Он подразумевал: 1) оккупацию Александрии для наступления на Каир двумя дивизиями вдоль западного течения Нила; 2) высадку десанта в Исмаилии для продвижения на столицу по маршруту железнодорожного сообщения Исмаилия – Тель-эль-Кебир – Каир³. Однако заключение 3 марта 1878 г. прелиминарного мира в Сан-Стефано и потенциальная возможность захвата российскими войсками Константинополя вновь заставили тори обратить свой взор на Босфор и Дарданеллы. Для защиты британских геополитических интересов 4 июня 1878 г. состоялось подписание оборонительной англо-турецкой конвенции, которая в итоге стала одним из

¹ Shuvalov to Gorchakov, 6/18 April 1877//Slavonic Review, Vol. 5, No. 4, 1926, p. 416; РГВИА ф.431, оп.1, 1877, д.49, л.60/об.

² Memorandum to consider the measures..., 4 June 1877// IOR/L/MIL/17/14/80, pp.1 – 2

³ Captain E. H. Collen Memorandum on the employment of an Indian Force in Egypt, 18 January 1878//IOR/L/MIL/17/17/44, pp. 1 – 6

ключевых шагов не только для утверждения могущества Англии на Востоке, но и подготовила почву для интервенции в Египет.

Следующий этап развития египетской проблемы связан напрямую с разделением компетенций между Англией и Францией по вопросу финансовых долгов хедива Исмаила. Несмотря на продажу акций Суэцкого канала в ноябре 1875 г., он был вынужден остановить платежи по сделанному ему ранее займу. Воспользовавшись банкротством хедива, главные кредиторы Англия и Франция установили двойственный контроль над Египтом, разделив между собой учрежденные в ноябре 1876 г. посты генеральных контролеров: одного – над доходами, другого – над расходами казны. В августе 1878 г. режим двойственного контроля был видоизменен и значительно усилен путем создания т.н. «европейского кабинета». Формально во главе кабинета стояли сначала премьер-министр Египта Нубар-Паша, а затем сын хедива – Тауфик. Однако вся полнота власти за счет контроля финансов страны принадлежала иностранным министрам, получившим к тому же в марте 1879 г. право налагать «абсолютное вето» на любое неудобное им решение¹. Пришедшие к власти в апреле 1880 г. либералы во главе с У. Гладстоном не стали подвергать пересмотру курс своих предшественников, т. к. новый премьер-министр считал, что для Египта наиболее приемлемым был именно двойной контроль над его финансами².

В то же время политические круги в Лондоне с опасением смотрели на усиление колониальной конкуренции в Северной и Восточной Африке. В начале 80-х гг. на побережье Красного моря активизируется итальянская экспансия, которая приводит к захвату портовых городов Асэб и Рахейта. Их аннексия расценивалась в Англии как прямая угроза Суэцкому каналу³. В качестве ответной меры в апреле 1881 г. Франция организует экспедицию против Туниса, увеличив тем самым, по сообщениям британского военного агента в Париже полковника Г. Брэкенбери, численность своего колониального гарнизона в

¹ Нерсесов Г. А. Указ. соч., с. 25 – 26

² Гелла Т. Н. У. Гладстон, либералы..., с. 173

³ Memorandum by sir H. C. Rawlinson, 6 October 1880// IOR/L/PS/18/B22/1a, f. 22

Северной Африке до 70 тыс. чел.¹. Также он докладывал о намерении французских властей не просто защитить границы Алжира и подавить очаги местного сопротивления, а организовать перманентную оккупацию страны с содержанием там крупного военного контингента². Британский посол в Париже лорд Лайонс, комментируя подобные депеши, в переписке с лордом Гренвиллем выражал опасения, что «если Франция овладеет Тунисом, то она станет слишком близка к Египту»³. Поэтому постоянное вмешательство иностранных держав во внутренние дела хедива, усиление конкуренции между ними, а также обострение экономического кризиса в Египте привело к нарастанию националистического движения в регионе.

В результате ряда антиправительственных восстаний 9 сентября 1881 г. египетская армия во главе с Военным министром, полковником Ахмадом Араби окружила дворец хедива Тауфика и потребовала сменить все действующее министерство. В декабре новая палата настаивала на сокращении иностранной опеки и парламентского права контролировать расходы, по крайней мере части, доходов, которые не были ассигнованы для выплаты внешних долгов. Правительство Франции негативно относилось к националистическому движению в Египте и рассматривало его рост в качестве угрозы двойному контролю. Британские политики поддерживали мнение французов и считали, что действующий режим следует защищать любой ценой⁴.

Поскольку совместные ноты протеста обеих европейских держав не имели никакого эффекта и развитие событий в Египте все больше угрожало двойному контролю, британские и французские чиновники попытались выработать взаимоприемлемый курс действий. В течение осени – зимы 1881 – 1882 г. между Англией и Францией велись переговоры о единой линии поведения в египетских делах, в результате которых 30 мая 1882 г. было принято решение созвать международную конференцию⁵. Однако уже 11 мая 1882 г. в Александрии на

¹ Colonel Brackenbury to Mr. Adams, 20 August 1881// PRO FO 881/4568, No.154, incl.1, p. 84

² Colonel Brackenbury to Lord Lyons, 11 November 1881// PRO FO 881/4629, No.271, Incl. 1, pp.159 – 161

³ Lord Lyons to Earl Granville, 17 July 1881// Ibid., No. 68, p. 38

⁴ The Cambridge History of British Empire, Vol.3, p.109

⁵ Lord Tenterden Analysis of Parliamentary papers respecting Egypt, 30 June 1882//PRO FO 881/4643, pp. 28-29

националистической почве вспыхнули массовые беспорядки, в ходе которых пострадали европейские граждане. В качестве ответной меры в середине мая две державы согласились направить в Египет союзную боевую эскадру, прибытию которой предшествовало отправление турецкой карательной экспедиции, одобренной лидерами обеих стран¹. Такой «прагматичный» подход позволял Англии и Франции, с одной стороны, снизить расходы на проведение операции по наведению порядка в Египте, а с другой – придать интервенции легитимный характер, поскольку османский султан имел законное основание для осуществления карательных мер в отношении страны, находившейся в вассальной зависимости от Порты.

Согласно сведениям российского военного агента в Константинополе полковника В. Н. Филиппова, 19 мая 1882 г. оттоманское правительство распорядилось заправить углем броненосные корабли и сформировать на побережье Сирии 15-тысячный корпус для его передислокации в Северную Африку². В тот же день англо-французская боевая эскадра из двух броненосцев и четырех канонерских лодок вышла на якорь у Александрии. В ее задачи входило восстановление порядка в Египте в соответствии с решением европейских держав в рамках созванной международной конференции³. К 20 июня 1882 г. совместными усилиями британского Адмиралтейства и Военного ведомства был разработан план десантирования турецкого экспедиционного корпуса при поддержке англо-французской эскадры, который основывался на составленном в 1878 г. проекте английской экспедиции в Египет⁴. Очень важной деталью документа является упоминание военных кругов Великобритании о том, что план высадки не был согласован с оттоманским командованием⁵. Из этого можно сделать обоснованный вывод о разработке проекта именно с учетом специфики британской армейской организации. Поэтому неудивительно, что впоследствии

¹ Ibid., pp.16 – 21

² РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1882, д. 10, л. 67

³ Snook M. Into the Jaws..., p. 172

⁴ Memorandum by Sir Cooper Key on the Dispatch of Turkish troops to Egypt, 19 June 1882// CAB 37/8/41, p. 2

⁴ Ibid., p.3

⁵ Ibid., p.3

при положительном решении либерального кабинета об интервенции в Египет развертывание английских войск происходило именно по описанному в нем сценарию.

Однако эта идея не нашла поддержку среди европейских держав. Представители Германии и Франции во время конференции подняли волну возражения против отправления турецкой армии в Египет¹. Так, глава французского кабинета министров Шарль Фрейсине выражал точку зрения, что «Суэцкому каналу ничего не угрожает, и... единственное, что может поставить его под угрозу, – это попытка защитить его иностранными войсками»². В этом случае очевидно, что европейские политики не желали предоставлять возможности ни Турции, ни Великобритании права произвести интервенцию в Египет, т. к. потенциально оба варианта означали переход контроля над ситуацией в стране в английские руки. 24 июня 1882 г. турецкий султан прямо предлагал либеральному правительству передать Великобритании право на единоличный протекторат над Египтом³.

При этом Франция не желала вмешиваться в египетские дела и по внутренним причинам. Согласно донесениям российского военного агента в Париже полковника Л. А. Фредерикса, все внимание Военного министерства и действующего правительства на протяжении 1882 г. было сосредоточено на реорганизации армии и проведении реформ системы ее управления, комплектования и администрирования⁴. Поэтому политическое руководство страны не собиралось выделять дополнительные финансовые средства для проведения каких-либо военных операций, а по мнению главы Морского министерства Франции, находившихся союзных англо-французских войск около берегов Египта (1,400 – на английских кораблях, 800 – на французских) было и вовсе недостаточно для наведения порядка в стране⁵.

¹ Подробнее см.: Нерсесов Г.А. Указ. Соч., с. 142 – 150;

² Viscount Lyons to Earl Granville, 24 June 1882//PRO FO 407/20, No.1411, p. 544

³ Robinson R., Gallagher J. Op. cit., p. 109

⁴ Подробнее см.: РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1882, д. 11

⁵ Captain Rice to Viscount Lyons, 27 June 1882//PRO FO 407/20, No. 1550, p. 621

В результате несогласованных действий англо-французские корабли прибыли к берегам Александрии без четких инструкций и без перспективы содействия турецкой армии. Небольшой размер направленной флотилии предполагал отсутствие решимости со стороны европейской коалиции и только провоцировал египетских националистов на дальнейшие действия. При поддержке генеральных консулов обеих держав хедив Тауфик отстранил Араби от должности Военного министра. Эта мера привела к новой волне массовых беспорядков, в результате которых 11 – 12 июня 1882 г. погибли 50 европейских жителей. В связи с этим правительства Великобритании и Франции возобновили свои усилия по выработке эффективного решения беспорядков в Египте. К концу месяца Королевский флот у порта Александрии развернул 8 броненосцев, 5 канонерских лодок, миноносец и судно для десантирования¹.

В начале июля правительство Гладстона фактически полностью определилось в вопросе о военном вмешательстве в египетские события, несмотря на отсутствие согласия с французской стороны. Как отмечал историк Д. Физерстон, в вопросе организации военной экспедиции британская публика сыграла значительную роль². Например, редакция «Таймс» заявляла, что «мы не можем позволить Египту еще больше впасть в анархию, а это непременно случится, если не последуют решительные действия со стороны флота»³. Военный агент К. К. Ланц, сменивший на посту А. П. Горлова, также писал, что «военные приготовления продолжаются и поддерживаются общественным мнением; сегодня прошел митинг, где либералы и консерваторы решили одинаково поддерживать министерство»⁴.

Как нам представляется, на принятие более решительных мер повлияла совокупность военно-политических факторов. Так, по донесениям командования британской флотилии в Средиземном море от 23 июня 1882 г. египтяне планировали тремя кораблями в течение недели подорвать Суэцкий канал между

¹ Snook M. Into the Jaws..., p. 172

² Featherstone D. Tel El-Kebir 1882: Wolseley's Conquest of Egypt. London, 2013, p. 14

³ Times, 18 July 1882

⁴ РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1882, д. 4 л. 71

Порт-Саидом и Исмаилией¹. Вскоре адмирал Сеймур запрашивал дополнительные войска, в связи с тем, что гарнизон Александрии начал проводить инженерные работы для укрепления ближайших фортов и приведения их в полную боевую готовность². В качестве ответной меры по итогам заседания кабинета 3 июля 1882 г. адмиралу Ф. Сеймуру были направлены инструкции, разрешавшие ему прибегать к решительным мерам в случае, если египтяне продолжают военные приготовления в Александрии³.

Также на итоговое решение министерства Гладстона подготовить крупномасштабную военную экспедицию значительно повлияли опасения относительно возможной высадки французского десанта с целью подавления восстания Араби и захвата Каира без британского посредничества. При таком развитии событий У. Гладстон и лорд Гренвилль выражали обеспокоенность, что Англии не удастся восстановить статус-кво в Египте без развязывания большой войны с Францией⁴. Хотя политики в Париже по-прежнему пытались воспрепятствовать отправке экспедиции, тем не менее, согласно реляциям британского военного атташе полковника Дж. Вилльерса, французский Генеральный штаб на случай непредвиденных обстоятельств разработал потенциальный план кампании против египетских националистов.

В целом французский проект карательной экспедиции очень похож на английский. Из-за проводившихся военных реформ во Франции вместо войск метрополии предлагалось задействовать колониальную армию из Алжира и Туниса, после чего в качестве отвлекающего маневра высадить отряд около 12 тыс. чел. в Александрии, чтобы занять и удерживать сам город. Затем произвести высадку основного десанта в Исмаилии и сразу же двинуть колонну 10 – 20 тыс. чел. к Каиру, а силами союзного флота обезопасить оба конца Суэцкого канала. При этом военные круги Франции предлагали задействовать и Италию в

¹ The Secretary of the Admiralty to Lord Tenterden, 23 June 1882// PRO FO 407/20, No.1402, p. 542

² Lord Tenterden Analysis of Parliamentary papers respecting Egypt, 30 June 1882//PRO FO 881/4643, pp.25 – 26

³ Гелла Т. Н. У. Гладстон, либералы..., с. 178

⁴ Robinson R., Gallaher J. Op. cit., p.109; The Political Correspondence of Mr. Gladstone and Lord Granville, 1876 – 1886, Vol.1, p. 383

карательной экспедиции, если вмешательство покажется участникам конференции необходимым¹.

В данном случае такое предложение можно расценивать как попытку воспрепятствовать Англии единолично обеспечивать контроль над ситуацией в Египте и заручиться поддержкой другой европейской державы в случае вооруженной конфронтации между странами-кредиторами. Морской агент в Париже капитан Э. Райс расценивал эту информацию как «заслуживающую серьезного рассмотрения», т. к. «пока мы не будем уверены, будут ли французы сотрудничать, любые подробные предложения Италии относительно совместных действий в Суэцком канале должны ограничиваться корабельным патрулированием, а не высадкой войск»².

В последующих донесениях полковник Вилльерс предупреждал британское правительство, что французский десант за счет возможной передислокации из Алжира и Туниса может прибыть быстрее английских войск в Египет, и «в этих обстоятельствах Франция попытается высадить свою колонну в Исмаилию и двинуться дальше в Каир, чтобы восстановить свой престиж, который, по ее мнению, она потеряла, и оставить Порт-Саид и Александрию на попечение англичан». В ответ на это он предлагал усилить гарнизоны на островах Мальта и Кипр, чтобы «избежать непредвиденных обстоятельств» и повернуть ситуацию «в обратную сторону»³. Таким образом, можно однозначно утверждать, что дальнейшие действия со стороны английского правительства мотивировались в том числе фактором времени и необходимостью упреждения Франции в развертывании своих собственных войск, прежде чем власти в Париже созреют до самостоятельного вмешательства в конфликт, чтобы диктовать свои условия по решению египетского вопроса с позиции силы.

Так, в начале июля Великобританией для последующих операций в Египте были учреждены две базы-депо на островах Мальта и Кипр⁴. 7 июля 1882 г.

¹ Colonel Villiers to Viscount Lyons, 10 July 1882// PRO FO 407/21, No.393, Incl.1, p.151

² Captain Rice to Viscount Lyons, 26 July 1882//Ibid., No.978, Incl.1, p. 391

³ Colonel Villiers to Viscount Lyons, 18 July 1882// Ibid., No. 673, Incl.1, pp. 261 – 262

⁴ РГВИА, ф. 401, оп.4, 1882, д. 94, л.139/об. – 140

Верховный главнокомандующий вооруженными силами Великобритании Джордж Кембриджский представил в Военное ведомство меморандум, в котором обозначил решение направить на борт средиземноморской эскадры дополнительные войска под командованием генерал-майора А. Элисона, чтобы «укрепить позиции адмирала сэра Бейчампа Сеймура и навести там (в Александрии. – А. А.) порядок». Для выполнения этой задачи британскому командующему английской эскадрой разрешалось высадить все имеющиеся у него под рукой войска на берегах Египта¹.

Согласно плану английского командования от 20 июня 1882 г., обстрел прибрежных фортов и уничтожение береговых батарей становился первым шагом перед десантированием основной части экспедиции². Поэтому 11 июля 1882 г. состоялась бомбардировка Александрии силами британской эскадры, за которой последовали высадка десанта в городе, оккупация портов Суэцкого канала и вторжение англичан во внутренние районы страны³.

17 июля 1882 г. английский десант общей численностью 3,686 чел. под командованием генерал-майора А. Элисона высадился в Александрии⁴. Основной задачей британских вооруженных сил на данном этапе конфронтации было «держать Араби постоянно встревоженным». Поэтому все дальнейшие действия под командованием Элисона были направлены на то, чтобы заставить египетского главнокомандующего поверить, что англичане в Александрии готовят наступление в Кафр-эд-Давар⁵, куда Араби со своей армией отступил сразу после бомбардировки фортов Александрии⁶, и буквально «увести от настоящей цели» всей операции, как и завещал в 1876 г. генерал Макдугалл.

Историк Дж. Лоу, комментируя действия либерального правительства, считал крайне ироничным решение кабинета оккупировать Египет в 1882 г., т. к. традиционно британский премьер-министр занимал «антиимпериалистические»

¹ Childers E. Op. cit., Vol.2, p. 93

² Memorandum by Sir Cooper Key on the Dispatch of Turkish troops to Egypt, 19 June 1882// CAB 37/8/41, p. 2

³ Нерсесов Г. А. Указ. соч., с. 142

⁴ Beresford C. Op. cit., Vol. 1, p. 180

⁵ Maurice J. F. Military History of Campaign of 1882 in Egypt, p. 16

⁶ Cromer, Lord. Modern Egypt, Vol.1. London, 1908, p. 300

позиции¹. Российский военный агент в Лондоне генерал-майор К. К. Ланц также сообщал, что либералы в целом признавали определенную непоследовательность по вопросу открытия военных действий против Египта и считали, «что лучше было соединиться с Араби и устроить все дело миром»². Премьер-министр У. Гладстон хоть и соглашался с необходимостью высадки войск, но придерживался стойкого убеждения, что они должны использоваться только для наведения порядка в Египте, а «не для организации военной экспедиции»³. Но «порядок» в Египте, как писала в своем исследовании Т. Н. Гелла, означал не только гражданский и военный порядок, но и определенные финансовые гарантии⁴. Таким образом, по нашему мнению, учитывая точку зрения У. Гладстона о необходимости сохранения системы двойного контроля в Египте, в целом решение отдать приказ о бомбардировке Александрии и высадке войск не противоречило его взглядам по египетскому вопросу. Также стоит принять во внимание политический фактор. Бомбардировка Александрии, на фоне неудач в Южной Африке, являлась в том числе демонстрацией военной мощи Великобритании и решимости английского правительства отстаивать силой свои внешние интересы перед другими европейскими державами. Поэтому неудивительно, что кабинет Гладстона со всей серьезностью подошел к вопросу подготовки последующей кампании в Египте и решил задействовать достаточно внушительные военные ресурсы.

Нам представляется важным отметить, что, помимо привлечения значительного войскового контингента, огромное значение последующей операции подчеркивало присутствие в составе экспедиционного корпуса генерал-майора принца Артура Коннаутского. Такой шаг стал очень важной идеологической детерминантой, которая демонстрировала не только прямое вовлечение королевской семьи в решение важнейших стратегических вопросов,

¹ Lowe J. Op. cit., p. 80

² РГВИА, ф.401, оп.4, 1882, д. 94

³ The Political Correspondence of Mr. Gladstone and Lord Granville, 1876 – 1886, Vol.1, p. 396

⁴ Гелла Т. Н. Геополитические интересы..., с.111

но и единство короны и британской армии в достижении одной цели – укрепление имперского могущества Англии.

К этому моменту правительство в Лондоне получило информацию от своих представителей в Париже об отказе Палаты депутатов предоставлять кредит на военные нужды и отправлении французскому контр-адмиралу Конраду инструкций о сохранении строгого нейтралитета¹. 25 июля 1882 г. Военным ведомством Великобритании были изданы указы о призыве двух первых классов армейского резерва и формировании экспедиционного корпуса, который было решено отправить в Египет под командованием генерал-лейтенанта Гарнета Уолсли². 27 июля Палата общин большинством голосов одобрила военный кредит в 2,3 млн. ф. ст.³. Военный агент К. К. Ланц писал, что общий состав экспедиционного корпуса составил 23,987 чел. и 6,227 лошадей⁴. Но в дополнение к ним были добавлены войска численностью 11 тыс. чел. с английских станций Средиземноморья. Кроме того, еще 7 тыс. чел. под командованием генерала Макферсона направило правительство Индии. Таким образом, как указывают ряд исследователей⁵, английский экспедиционный корпус в Египте составил свыше 40 тыс. чел., закономерно став одним из крупнейших в военной истории Великобритании. Также в ходе операции Англия задействовала силы своего военно-морского флота для полного господства в акватории Средиземноморья и транспортировала в Египет 48 артиллерийских орудий и осадные бронепоезда с установленными на них картечными⁶, тем самым применяя все достижения военной мысли того времени для совершения концентрического наступления против египетских войск.

Серьезные нарекания с точки зрения последующего развертывания и проведения операции британской колониальной армией вызывало лишь «неудовлетворительное устройство их перевозочных и иных тыловых средств»⁷,

¹ Viscount Lyons to Earl Granville, 31 July 1882//PRO FO 407/21, No. 1117, p. 452

² McCalmont H. Op. cit., p. 207

³ Maurice J. F. Military History of Campaign of 1882 in Egypt, p.15

⁴ РГВИА, ф.401, оп. 4, 1882, д.94, л.143

⁵ Featherstone D. Op. cit., p.37; Lehmann J. Op. cit., p. 303;

⁶ Barthorp M. War on the Nile. Britain, Egypt and Sudan, 1882-1898. New-York, 1986, p. 45

⁷ Ермолов Н. С. Указ. соч., с. 60

как отмечал подполковник Н. С. Ермолов при составлении описания Англо-египетской войны. Хотя британский историк Г. Кочански считала, что Египетская кампания 1882 г. высветила множество проблем английской военной системы. Например, войска спешно собирались из Соединенного Королевства, со станций в Средиземном море и из Индии, а флот не предпринял никаких шагов для поддержки планов Военного министерства¹. Во многом это объясняется не только структурными противоречиями военного механизма Великобритании, выработанного после реформ Э. Кардвелла, но и попыткой британских властей оптимизировать вооруженные силы после серии неудач в кампаниях на рубеже 70 – 80-х гг. XIX в. Российский военный агент в Лондоне сообщал, что «настоящая экспедиция в Египте застала английскую армию не только в Европе, но и в Индии во время реорганизации»². Тем не менее, на наш взгляд, важно подчеркнуть, что вопрос поставок и снабжения был традиционной проблемой английской армии викторианской эпохи, завязанной преимущественно на системе морских коммуникаций. Однако в этой кампании недостатки кооперации Военного ведомства и Адмиралтейства не имели для экспедиционного корпуса серьезных последствий в сравнении с предшествующими войнами в Средней Азии и Южной Африке. Во-первых, благодаря преждевременной подготовке детального и поступательного плана вторжения. Во-вторых, за счет сравнительно развитой в Египте системы железнодорожного сообщения, которая позволяла быстро передислоцировать войска и своевременно снабжать их всем необходимым.

8 августа адмирал Сеймур после совещания с генералом Элисоном сообщил, что Порт-Саид оккупирован восставшими египтянами и город не может использоваться в качестве базы для последующих операций³. Также противник прочно окопался в районе Нефиче около Исмаилии, поэтому для успешного наступления в этом направлении требовалось задействовать не менее одной дивизии⁴. В связи с этим план британского командования в тезисном изложении

¹ British General Staff: Reform and Innovation. L., 2002, p. 9

² РГВИА, ф.401, оп. 4, 1882, д. 94, л.134

³ Admiral Sir B. Seymour to Admiralty, 8 August 1882//CAB 37/8/43, p. 3

⁴ Ibid., p.3

предусматривал следующие шаги: 1) добиться полного контроля над Суэцким каналом, чтобы обеспечить безопасное хождение по нему британских военных судов; 2) перебросить войска в Исмаилию, где Уолсли собирался основать свою штаб-квартиру; 3) захватить и обезопасить линию железной дороги в пределах досягаемости позиции, на которой противник разместил свои основные силы для обороны восточной стороны дельты Нила около Тель-эль-Кебира; 5) вовлечь войска под командованием Араби в генеральное сражение, до того, как египетская армия сможет сосредоточить достаточное количество ресурсов для нанесения ответного удара¹.

Что касается египетской армии, то под командованием Араби-паши располагалось около 60 тыс. чел.². Войска эти размещались в наиболее вероятных местах английского нападения по всей дельте Нила – в окрестностях Александрии, в Каире и в Тель-эль-Кебуре – штаб-квартире Араби, на железной дороге между Исмаилией и египетской столицей³. В последующих операциях египтяне делали акцент на укрепление своих позиций в Кафр-эд-Даваре, Тель-эль-Кебуре и других местах из-за опасности встречи с британцами в открытых столкновениях. Основной же план Араби заключался в проведении диверсионных работ по разливу Нила в районе Пресноводного канала и разрушении железной дороги, чтобы затруднить коммуникации британской армии и создать сложности ее снабжения⁴. Комментируя замысел египетского главнокомандующего, подполковник Н. С. Ермолов писал, что «Араби-паша в конце концов не сумел воспользоваться обширными, находившимися в его руках оборонительными средствами: он не только, с первых же дней кампании, сделал не мало стратегических ошибок величайшей важности, но и сразу допустил значительную разброску сил, в тактическом же отношении выказал полную пассивность»⁵. Т. е. дальнейшие успехи английского оружия объясняются не только техническим

¹ Maurice J. F. Military History of Campaign of 1882 in Egypt, p.23

² Ibid., p. 41

³ Ibid., p. 42

⁴ Ibid., p. 42; Featherstone D. Op. cit., p. 67

⁵ Ермолов Н. С. Указ. соч., с. 45

превосходством и более тщательной подготовкой войск, но и грамотными тактическими действиями британского командования в целом.

Первые столкновения между сторонами происходили в конце июля – начале августа 1882 г. Войска под командованием А. Элисона стремились заполучить контроль над ближайшей железнодорожной развязкой в этом районе, чтобы заложить инженерные склады для починки дороги в поврежденных египтянами местах. Также в их задачу входило отвлечение значительных сил египетской армии от Суэцкого канала. В целом генерал Элисон выполнил вверенные ему предписания – к середине августа Араби сосредоточил около 12 – 15 тыс. чел. в Кафр-эд-Даваре, имея тем самым трехкратный численный перевес в сравнении с гарнизоном Александрии¹. Таким образом, отвлекающий маневр сработал, и египетский главнокомандующий постепенно собирал свои войска в этом регионе, предоставляя возможность Уолсли дать египтянам генеральное сражение в Тель-эль-Кебуре, как и планировалось им изначально. К 16 августа войска под командованием А. Элисона были дополнительно усилены отрядами пехоты и кавалерии до 4,2 тыс. чел., чтобы поддерживать опасения Араби о возможном наступлении английских войск в Кафр-эд-Давар². А 19 августа военные и десантные корабли Великобритании демонстративно подошли к портовому городу Абукир для отвлечения египетского командования, в то время как основные транспортные суда с войсками направлялись в Исмаилию³.

Следом генерал Уолсли, прибывший в Исмаилию 15 августа, намеревался начать транспортировку основной части экспедиции через Суэцкий канал с целью концентрации войск у Тель-эль-Кебура. Для этого планировалось полностью обеспечить контроль над железнодорожной линией от Исмаилии до поселения Кассасин, где англичане собирались создать промежуточную базу для решающего наступления на Каир⁴. Со своей стороны Араби-паша проявлял полную пассивность в организации дальнейшей обороны. Не решившись изначально

¹ Featherstone D. Op. cit., p. 70; Maurice J.F. Military History of Campaign of 1882 in Egypt, p. 42

² Butler W. Journal of Operation Expedition to Egypt 1882, p. 1

³ From sir B. Seymour and sir G. Wolseley to Admiralty, 20 August 1882// CAB 37/8/53, p.75

⁴ Barthorp M. Op. cit., pp. 52 –57

приступить к разрушению Суэцкого канала, а также к сосредоточению значительных по численности войск у Порт-Саида, Исмаилии и Суэца, египетский главнокомандующий ограничился отправкой небольших отрядов к Нефиче и Шалуфу и выстраивал свою дальнейшую стратегию войны от обороны Пресноводного канала¹.

В итоге 21 августа 1882 г. отряд из 800 чел. под командованием генерал-майора Джеральда Грэма по приказу Г. Уолсли занял Нефиче без серьезного сопротивления, где располагались железнодорожная и телеграфная станции, а на следующий день его войска по новым указаниям были дополнительно усилены пехотой и кавалерией, а также артиллерией из Исмаилии, чтобы произвести наступление на египетские позиции у селения Магфар² и разрушить там плотину на Пресноводном канале, выстроенную войсками Араби для остановки водоснабжения. После выполнения этих предписаний генералу Грэму пришел приказ продолжить наступление в Тель-эль-Махут, где египтяне предприняли попытку сооружения еще одной плотины. В этом районе располагалась 10-тысячная египетская армия при 20 орудиях. Несмотря на значительное превосходство противника в численности, отряд генерала Грэма успешно занял Тель-эль-Махут и до прибытия подкреплений отражал вражеские попытки вытеснить английские войска с занятых ранее позиций³. После тяжелых и продолжительных боев египтяне были вынуждены отступить. На следующий день, 25 августа войска под командованием генерала Грэма продолжили наступление в сторону Махсама, где в результате очередного столкновения войска Араби потерпели поражение и полностью отступили даже из Кассасина. Таким образом, к утру 26 августа весь Пресноводный канал и железная дорога, вплоть до Кассасина, были под английским контролем⁴.

Несмотря на полный успех наступательных действий английских войск, биограф генерала Уолсли Дж. Лейман справедливо отмечал, что необходимость

¹ Ермолов Н. С. Указ. соч., с. 45

² Butler W. Journal of Operation Expedition to Egypt 1882, pp. 4 – 5; From Admiral sir B. Seymour, 21 August 1882//СAB 37/8/54, p.76// Vetch R. H. Op. cit., p. 234

³ Ермолов Н. С. Указ. соч., с. 48

⁴ Barthorp M. Op. cit., p.52

такого ускоренного движения привела к тяжелым последствиям и полному нарушению системы поставок в отряде Грэма. Британцы традиционно имели сложности со снабжением, и поспешность со стороны английского командования создала прецедент, при котором голодные, изможденные трехдневными боями войска, опаленные африканским солнцем во время тяжелых работ по срытию плотин и возведению окопов, оказались под угрозой ответной вражеской атаки. В итоге поспешность Уолсли дала прекрасную возможность египетской армии для организации контрнаступления.

Утром 28 августа войска под командованием Араби численностью примерно 12 тыс. человек с 13 орудиями выдвинулись, чтобы вытеснить англичан из Кассасина. Генерал Грэм к этому моменту спешно укрепил свое месторасположение, что во многом обеспечило успех английского оружия в последующем сражении. Битва длилась весь день, но английские войска численностью чуть менее 2 тыс. чел. при поддержке кавалерии и конной артиллерии из Махсамы под командованием сэра Друри Лоу смогли отразить нападение армии Араби и произвести после наступления темноты кавалерийскую контратаку, которую современники назвали «лунной атакой»¹. Английские потери убитыми и ранеными составили 97 чел.².

Утром 9 сентября 1882 г. Араби-паша предпринял еще одну попытку наступления на Кассасин с отрядом численностью около 8 тыс. чел. при поддержке 24 орудий. Пока Индийская кавалерийская бригада генерала Макферсона пыталась задержать продвижение египтян, генерал Грэм принял решение силами морской пехоты и стрелковых батальонов подготовить контрнаступление вдоль линии Пресноводного канала и железной дороги³. В результате столкновения к 10:30 утра войска под командованием Араби, понеся большие потери, начали отступать к Тель-эль-Кебиру, откуда египтяне имели

¹ Spiers E. M. The Victorian Soldier..., p. 84

² Aye J. Recollections of A Military Life, p. 341

³ Spiers E. M. Victorian Soldiers..., p. 85

возможность вести эффективный огонь по наступающим английским отрядам из находящихся там артиллерийских орудий¹.

В итоге 12 сентября генерал Уолсли решил дать генеральное сражение войскам Араби-паши у Тель-эль-Кебира. Согласно журналу штаба экспедиции наследия, под началом британского командующего находились 17,401 чел. и 67 орудий², в то время как египетские силы он оценивал в 30 тыс. чел. с паритетом в количестве артиллерийского вооружения³. Однако по свидетельствам Араби-паши, которые он представил во время своей ссылки на Цейлоне, войска, удерживавшие оборонительные линии у Тель-эль-Кебира, составляли 20 тыс. чел. при 75 орудиях⁴. Таким образом, учитывая расположение противника на укрепленных позициях, а также наличие большого количества современной нарезной артиллерии у египтян, генерал Уолсли планировал начать наступление под покровом ночи и произвести фронтальную атаку на рассвете, надеясь воспользоваться фактором внезапности.

Около 5 часов утра египтяне заметили приближение англичан и встретили их сильным, но малоэффективным огнем. Несмотря на это, британская пехота без ответных выстрелов продолжала наступление и только на расстоянии 150 шагов от укреплений развернула боевой порядок для штыковой атаки⁵. Генерал Элисон писал: «Сэр Гарнет приказал, чтобы мы, когда подойдем к вражеским окопам, не стреляли до тех пор, пока не будет нами достигнута вершина бруствера. Когда противник произвел свой первый залп, мы были примерно в 150 шагах от бруствера, расположение которого мы впервые узнали по вспышке вражеских выстрелов. Я приказал горнисту подать сигнал; с громким возгласом войска бросились вперед...»⁶. В результате слаженной штыковой атаки британские войска полностью вытеснили египетскую армию с их укрепленных позиций в Тель-эль-Кебуре и при поддержке артиллерии и кавалерии смогли завершить

¹ Maurice J.F. Military History of Campaign of 1882 in Egypt, p.70

² Butler W. Journal of Operation Expedition to Egypt 1882, p.22

³ Egyptian campaign of 1882: Contemporary letters from Lt-Gen. sir Garnet Wolseley//Journal of the Society for Army Historical Research, Vol. 18, No. 70, 1939, p.78

⁴ Maurice J. F. Military History of Campaign of 1882 in Egypt, p.92

⁵ Ibid., pp. 80 – 81; Ермолов Н. С. Указ. соч., с.57 – 58

⁶ Verner W. Op. cit., Vol. 2, p. 253

сражение в течение часа. Английские потери составили 57 убитых и 382 раненых, египетские – около 2 тыс. чел.¹.

На следующий день генерал Уолсли отдал приказ кавалерийской бригаде генерала Друри Лоу проследовать до Каира. Несмотря на наличие в столице военного гарнизона численностью 10 тыс. чел., Араби-паша принял предложение британского командующего сложить оружие и сдаться английским войскам².

После того как восстание Араби было окончательно подавлено, премьер-министр Гладстон занял твердую позицию, что восстановление жизнеспособного и соответственно уступчивого правительства в Египте – дело хедива и его должностных лиц. Но до тех пор, пока Великобритания продолжала иметь жизненно важный стратегический и экономический интерес к Суэцкому каналу, лучшим способом гарантировать безопасность кратчайшего пути в Индию считалась необходимость английской финансовой и политической поддержки власти хедива. Также для установления порядка в стране власти в Лондоне пришли к решению о содержании в Египте значительного по численности британского гарнизона до тех пор, пока реформированная и лояльная египетская армия не будет приведена в соответствующие кондиции. Генерал-майор сэр Эвелин Вуд был назначен первым сердаром хедива, по сути, заняв должность главнокомандующего египетской армией. Главной дипломатической фигурой от лица английского правительства – генеральным консулом в Египте был назначен сэр Эвелин Бэринг (впоследствии лорд Кромер. – А.А.)³. Также было решено, что оставленные в Египте английские войска должны быть сокращены до 10 тыс. чел. под командованием генерала Элисона в Каире⁴.

Подводя итоги египетской кампании 1882 г. под командованием генерала Г. Уолсли, стоит, на наш взгляд, процитировать подполковника Н. С. Ермолова, который точно подметил краткосрочность проведения операции и что «решение большинства организационных, стратегических и боевых задач исполнено было

¹ Spiers E.M. The Victorian Soldier..., p.90

² Maurice J.F. Military History of Campaign of 1882 in Egypt, p.102

³ Snook M. Into the Jaws..., p.176

⁴ Maurice J.F. Military History of Campaign of 1882 in Egypt, p.106

англичанами блистательно»¹. Грандиозный успех Египетской кампании был обусловлен целым рядом факторов. Во-первых, скрупулезной проработкой и совершенствованием плана операции в течение нескольких лет до начала самой военно-морской интервенции, о чем свидетельствуют различные источники. Таким образом, у Военного ведомства и Адмиралтейства было достаточное количество времени для точного подсчета сил и средств, необходимых для десантирования и развертывания войск в Египте. Во-вторых, сыграл важную роль общий уровень военной подготовки британской армии, который значительно превосходил таковой у египетских войск под началом Араби-паши, несмотря на равное по силе вооружение. В-третьих, значительный вклад в успех операции внесли и новые технические средства, а именно – наличие разветвленной сети железнодорожного сообщения для возможности быстрой переброски войск, а также могущество Великобритании на морском пространстве, обеспечившее полный контроль над Суэцким каналом во время проведения боевых действий в Египте.

Затрагивая же военно-политические аспекты этой кампании, очень важно отметить, что все же именно финансовая сторона вопроса стала ключевой при решении о военном вмешательстве со стороны либерального правительства У. Гладстона. Вопрос стратегического значения обладания Суэцким каналом, безусловно, играл большую роль в определении внешнеполитических приоритетов Великобритании, однако сам факт нарастания националистического движения угрожал больше именно экономическим гарантиям европейских кредиторов, нежели судоходству по каналу, от которого зависел и сам Египет. С военной точки зрения причина интервенции была обусловлена необходимостью воспрепятствовать Франции единолично осуществлять контроль над политикой египетского хедива и сохранить преобладание британского влияния в регионе от посягательств других европейских держав.

¹ Ермолов Н.С. Указ. соч., с.60

4.2. Миссия генерала Ч. Гордона и военно-политический кризис в Судане в первой половине 80-х гг. XIX в.

В сентябре 1882 г. в ходе успешной военной кампании Великобритания завоевывает Египет. Подчинение этого государства давало английской короне практически единоличный контроль над Суэцким каналом, что значительно укрепило международное положение островной державы. Однако оккупация Египта, даже на «временной» основе, как заявлял премьер-министр Гладстон, хоть и обеспечила защиту Суэцкого канала, но означала, что Британии придется противостоять развивающемуся кризису в Судане, где внутренний порядок был обязанностью хедива, действующего от имени турецкого султана.

Когда Мухаммед Ахмад, самозванный Махди, начал восстание, чтобы реформировать ислам и уничтожить неверных, Египет попытался подавить восстание через своих губернаторов провинций. После серии неудач¹ хедив направил армию из 11 тыс. чел. под командованием отставного британского полковника Уильяма Хикса. Отряд бывшего офицера индийской армии был уничтожен на равнине Шайкан, недалеко от Эль-Обейда, 5 ноября 1883 г., после боя осталось лишь несколько сотен выживших². В сложившейся ситуации королева Виктория писала премьер-министру У. Гладстону: «Это правда, что побежденные войска были египтянами, но ими командовал англичанин, и этот факт после гибели Хикса должен принизить нас в глазах всего мира»³. Поскольку махдисты стали угрожать городам и морским портам, на которые распространялось и английское влияние, включая Хартум и Суакин, то Британии, по выражению историка Э. Спирза, «был брошен вызов, который она не могла игнорировать»⁴.

Суданские события 1884 – 1885 гг. оказали непосредственное влияние на судьбу правительства У. Гладстона. Российский военный агент в Лондоне полковник С. С. Бутурлин пророчески отметил, что «последствием падения

¹ См. Подробнее: История Судана в новое и новейшее время. Москва, 1992, с. 64 – 66

² Sir E. Baring to Earl Granville, 24 November 1883// BPP, C.3844, No.106, p. 97

³ Guedalla P. The Queen and Mr. Gladstone, Vol. 2, p. 259

⁴ Spiers E. M. The Scottish Soldier and Empire..., p. 88

Хартума будет, по всей видимости, и падение кабинета Гладстона»¹. Первоначально либеральное правительство планировало эвакуировать оставшиеся гарнизоны египетских войск в Судане без проведения каких-либо военных операций. К этому решению британское руководство пришло после ряда консультаций с армейскими специалистами.

Стоит отметить, что процесс постепенного вовлечения Британии в национальный кризис в Судане вызвал серьезную полемику в среде английской военной элиты. В первую очередь это касалось необходимости принятия оптимальных мер для устранения угрозы политическому и экономическому влиянию Лондона в Египте и в сопредельных с ним территориях. Эта проблема естественным образом затрагивала вопросы как военного характера (нехватка разведывательных сведений о местности и ситуации в Судане, отсутствие развитых систем коммуникаций, сравнительно малая численность оккупационного гарнизона), так и политического (неопределенность дальнейшего правительственного курса относительно судьбы самого Египта и Суэцкого канала). Поэтому, учитывая совокупность данных факторов, неудивительно, что падение Хартума вполне закономерно привело к отставке второго кабинета У. Гладстона, которая стала следствием в том числе недостатков сложившегося военного механизма Великобритании поздней викторианской эпохи.

Наблюдая за стремительными успехами Махди над армией хедива, полковник Чарльз Уилсон, стоявший буквально у истоков Разведывательного департамента Великобритании, подготовил 29 октября 1882 г. аналитическую записку. Он предупредил действующее правительство, что «захват Хартума Махди будет иметь очень плохие политические последствия для Египта», которые следовало, по его мнению, предотвратить превентивными военными мерами: отправить группу офицеров в Хартум, подготовить его к обороне и высадить в Суакине 5 тыс. англо-индийских войск для последующего выступления против махдистов². Командующий оккупационными войсками в Египте генерал-

¹ РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1885, д. 4, л. 83

² Colonel C.W. Wilson Memorandum on the Soudan, 28 October 1882//PRO FO 407/24, No. 232, Incl.1, pp.115 – 116

лейтенант А. Элисон выступил категорически против идеи отправлять британские войска через Красное море на Хартум или за пределы Верхнего Египта из-за отсутствия разведывательных сведений, недостатка коммуникаций и опасности местного климата для европейцев. Вместо этого он предлагал более оборонительный план действий, который подразумевал перемещение полностью укомплектованной дивизии по железной дороге в Ассиут, чтобы дать бой махдистам в районе города Идфу на западном берегу Нила, если противник попытается организовать наступление на Каир¹. Однако в качестве компромиссного решения он согласился с идеей полковника Уилсона отправить в Судан подполковника Дональда Стюарта, «чтобы доложить о путях следования от моря до Хартума, точно выяснить положение дел в Судане, телеграфировать об этом из Хартума и, наконец, сделать набросок (топографический. – А.А.) и доложить о позиции и оборонительных возможностях самого Хартума».

По итогам этой командировки подполковник Д. Стюарт в конце 1883 г. подготовил отчет, в котором указывал на бессмысленность проведения карательной экспедиции против махдистов. Мотивируя свою позицию значительными финансовыми затратами и политической целесообразностью, он писал, что «если британское правительство не готово удерживать Восточный Судан и постоянно присматривать за ним, я смею думать, что было бы гораздо разумнее отдать приказ о немедленном отступлении гарнизона (Хартума. – А. А.)»². Также эта инициатива полностью соотносилась с позицией действующего правительства. Как отмечает Т. Н. Гелла, либералы часто в своих выступлениях манипулировали либеральными лозунгами о праве народов на самостоятельное развитие³, поэтому в кабинете министров значительных трудностей с определением вектора политики относительно Судана на этом этапе не возникало.

В итоге в начале января 1884 г. британское правительство полностью согласовало с египетским руководством свое решение покинуть Судан, при этом

¹ Memorandum on Soudan Question by Lieutenant-General A. Alison, 3 November 1882// PRO FO 407/25, No. 33, Incl.1, pp.13 – 14

² Some Remarks by Lieutenant-Colonel Stewart on the present State of Affairs in the Soudan, 1 January 1884// PRO FO 407/60, No. 169, pp.86 – 87

³ Гелла Т. Н. Геополитические интересы..., с. 124

сохранив за собой контроль над портом Суакин на побережье Красного моря¹. Однако сам процесс удаления английского присутствия из Судана стал чрезвычайно сложным мероприятием, которое было напрямую связано с выводом тысяч гражданских лиц и отрядов египетских войск численностью более 30 тыс. чел., разбросанных по всей стране. Пока министры размышляли о последствиях этих мер, они столкнулись с серьезным общественным протестом. «Стэндрт» утверждала, что, если Великобритания отдаст Судан Махди, «то не будет никакой надежды на сильную и эффективную администрацию в Каире»². В то же время общественность призывала отправить в Судан генерал-майора Чарльза Гордона для решения этого вопроса. Газета «Пэлл Мэлл» утверждала, что богатый опыт делает его незаменимым и именно он, лучшая кандидатура для отправления в Судан, «чтобы сделать все возможное»³.

Генерал-майор Чарльз Гордон, бывший генерал-губернатор Судана, к этому моменту уже стал чем-то вроде национальной легенды, чья репутация своенравного гения и необъяснимая интуиция были хорошо известны в Уайтхолле. Военный агент в Лондоне А. П. Горлов еще в разгар «Восточного кризиса» писал, что «Гордон есть человек необыкновенно энергический и умеющий управлять дикими варварами... Он долгое время провел в Китае, потом приехал в Египет, где упрочнял власть Хедива и прекращение торговли неграми»⁴.

Впервые его кандидатура в качестве главы британской экспедиции в Судан была предложена полковником Уилсоном в октябре 1882 г., но ее утверждение сопровождалось довольно острыми дискуссиями. Генерал-инспектор по фортификационным сооружениям, полковник сэр Эндрю Кларк направил письмо к Х. Чайлдерзу, в котором предлагалось предоставить генералу Гордону «высшую власть в качестве генерал-губернатора с местным званием генерал-лейтенанта в английской армии», а также «дивизию из двух европейских и

¹ Sir E. Baring to Earl Granville, 8 January 1884// BPP, C.3844, No. 222, p.181

² Standard, 11 January 1884

³ Pall Mall Gazette, 9 January 1884

⁴ РГВИА, ф.401, оп.3, 1878, л. 39/об.

четырёх или пяти индийских батальонов», и тогда, по его мнению, трудности в Судане будут решены оперативно¹. Это письмо Чайлдерз переслал лорду Гренвиллю, который использовал его для консультаций с Э. Бэрингом о целесообразности такого решения. Британский представитель в Египте, ссылаясь на цивилизационные различия и точку зрения правительства хедива, считал, что наилучшим решением будет отправить в Хартум Абдул-Кадер-пашу, египетского офицера и бывшего губернатора Судана², т. к. будучи мусульманином и личным представителем египетского правителя, он сможет быстро наладить контакт с местным населением.

Наряду с генералом Гордоном в качестве главы британской миссии в Судане рассматривалась и кандидатура самого полковника Ч. Уилсона. Лорд Дафферин еще в декабре 1882 г. советовал именно его назначить в качестве генерал-губернатора Судана³. С нашей точки зрения, из всех предложенных кабинету министров кандидатур именно Ч. Уилсон предлагал, с исторической перспективы, наиболее прагматичное решение суданского вопроса для Великобритании. 3 января 1884 г. он составил очередной меморандум с более убедительной системой аргументации.

Несмотря на желание министров не вмешиваться во внутренние дела Судана, в отличие от подполковника Д. Стюарта, полковник Ч. Уилсон продолжал настаивать (вполне справедливо), что так или иначе «обстоятельства вынудят их сделать это и что незамедлительные действия будут наиболее безопасными и экономичными». Свою позицию он аргументировал исключительным экономическим и военно-стратегическим значением порта Суакин на побережье Красного моря, безопасность которого полностью зависела от обстановки в регионе. По его мнению, Англии не следовало оставлять Судан на волю Махди, т. к. подобный сценарий в перспективе мог создать вакуум власти, в котором другая европейская держава получала возможность

¹ Childers E. Op. cit., Vol. 2, p.176 – 177

² Holland B. Op. cit., Vol.1, p. 415

³ Watson C. M. Op. cit., p. 259

«обосноваться в Суакине, на перекрестке наших коммуникаций с Индией, имея за собой богатый Судан».

Таким образом, полковник Уилсон рассматривал Судан в качестве своеобразного буфера для защиты Египта и акватории Красного моря от притязаний иностранных конкурентов, по сути, экстраполируя опыт британской политики в Центральной Азии на североафриканские реалии и прогнозируя, в определенном смысле, будущий Фашодский кризис (1898 г.). Для решения этой проблемы, как и ранее, им предлагалось превентивно подавить восстание Махди с помощью англо-индийской армии. По его замыслу, предварительно требовалось обеспечить адекватное сообщение и создать линии коммуникации от Верхнего до Нижнего Нила с целью концентрации войск для решительных действий и быстрой передислокации подкреплений с Мальты и Гибралтара, если Махди предпримет попытки наступления на Каир, Александрию и другие места, которые должны удерживаться силами многочисленных гарнизонов. После подавления восстания полковник Уилсон предлагал покинуть Дарфур и Кордофан и сохранить во владении Англии Суакин, Хартум и Сеннар, а также экваториальные провинции Судана. Только в этом случае, с его точки зрения, Судан станет «доходной провинцией, и не потребуется никаких войск для поддержания порядка в стране»¹.

Несмотря на справедливые замечания полковника Уилсона, либералы, в конечном счете, решили, что миссия будет носить мирный характер. В качестве ее главы был выбран генерал Гордон, который после консультаций с лордом Уолсли согласился провести эвакуацию гарнизонов из Судана без привлечения значительных военных ресурсов с подполковником Д. Стюартом в качестве своего помощника². Об этом свидетельствовали инструкции, переданные ему 18 января 1884 г., в которых говорилось, что деятельность генерала ограничивалась подготовкой «отчетов о ситуации в стране и о тех мерах, которые были бы

¹ Memorandum by Lieutenant-Colonel sir C.W. Wilson on the Soudan Question, 3 January 1884// PRO FO 407/60, No. 28, pp. 17 – 19

² Holland B. Op. cit., Vol.1, p. 415

необходимы для обеспечения безопасности египетских гарнизонов, находившихся в стране, и для спасения европейского населения в Хартуме»¹.

Однако дополнительные инструкции Э. Бэринга, не согласованные с премьер-министром² и переданные генералу 25 января 1884 г. по прибытии в Каир, в свою очередь давали простор для различного их толкования. Так, помимо задачи обеспечить защиту европейского населения и вывод войск из Судана, ему предписывалось сформировать временное правительство в виде союза местных вождей. Для этой цели ему была выделена сумма в размере 100 тыс. ф. ст., и в случае необходимости английское правительство обязалось предоставить дополнительные финансовые средства. В связи с чем Гордон имел право действовать по своему личному усмотрению и удерживать египетские войска в течение такого периода времени, который будет сочтен необходимым, чтобы эвакуация прошла с минимальным риском для жизни и имущества граждан³. По мнению Дж. Леймана, отправить такого человека, как Гордон, для эвакуации из Судана было ошибкой: «Правительство выбрало сильного человека для проведения слабой политики»⁴. Однако, с нашей точки зрения, проблема заключалась не в самой личности Гордона, а непосредственно в инструкциях и полномочиях, которые передали либералы в руки своенравного генерала. Если бы они изначально имели четкие рамки без указаний необходимости действовать «на свое усмотрение», то в данном случае Гордон не имел бы возможности запрашивать дополнительные средства и войска для установления прочной позиции местной власти.

Поэтому неудивительно, что, продвигаясь в Хартум по пути Суакин – Бербер и убедившись в исключительно сложной ситуации в стране, Гордон стал считать, что невозможно произвести эффективно эвакуацию европейских жителей без риска для их жизни, не сформировав в Судане постоянного правительства.

¹ Цит. по: Гелла Т. Н. Геополитические интересы..., с. 127

² Гладстон на совещании по утверждению кандидатуры Гордона не присутствовал и о его назначении узнал из отчета Военного министра маркиза Хардингтона, в котором не упоминалось о «других обязанностях» или каких-либо исполнительных обязанностях разного рода, подробнее см.: Gordon C. G. General «Chinese» Gordon's Khartoum Journal, p.16; Gladstone Diaries, Vol. 11, p. 134

³ Cromer, Lord. Op. cit., Vol.1, pp. 445 – 446

⁴ Цит. По: Lehmann J. Op. cit., p. 344

Будучи еще в Каире, он предлагал кабинету министров назначить Зобейр-пашу¹, некогда известного торговца рабами, в качестве генерал-губернатора Судана, чтобы использовать его авторитет против Махди. С одной стороны, Гладстон и Гренвилль не хотели, чтобы египтяне находились в Судане, и вариант передачи власти местным представителям, через которых можно проводить про-британскую политику, казался им наиболее разумным выходом из ситуации, но с другой – они не хотели нести никакой ответственности за возрождение рабства в южных провинциях. Как отмечал Т. Пакенхем, для Гордона – «героя крестового похода против рабства» – назначить пресловутого работорговца своим преемником было слишком провокационно². Поэтому в телеграмме лорда Гренвилля от 22 февраля говорилось, что общественное мнение Британии не потерпит такого назначения³. К примеру, газета «Таймс» писала, что возникало очень много сомнений в том, что «какому-либо правительству с печально известным рабовладельцем во главе может быть должным образом поручено занять такое место»⁴.

Продолжающийся кризис в Судане вскоре полностью изменил позицию генерала Гордона. Как показывает анализ сложившейся ситуации, будучи опытным полководцем, подавившим восстание тайпинов с минимальными средствами и поборовший работорговлю в Судане, он вполне имел реальное представление вещей на местах и полагал, что превентивный удар по махдистам – более надежный способ расправиться с угрозой, которая может образоваться впоследствии. Поэтому генерал Гордон искренне считал, что не только для безопасности Хартума, но и всего Египта «Махди должен быть разгромлен», иначе Великобритания в ближайшей перспективе приобретет более значительные трудности в регионе⁵. Тем не менее стоит отметить, что такие планы не входили в «реал-политик» действующего правительства. Либералы с учетом очередного кризиса в англо-российских отношениях и колониального противостояния с

¹ The Political Correspondence of Mr. Gladstone and Lord Granville, 1876 – 1886, Vol. 2, p. 160

² Pakenham T. Op. cit. p. 221

³ Earl Granville to Sir E. Baring, 22 February 1884//PRO FO 407/60, No.174, p. 236

⁴ Times, 5 March 1884

⁵ Sir E. Baring to Earl Granville, 28 February 1884//PRO FO 407/60, No.528, p. 258

Францией и Германией не могли себе позволить военную кампанию в Судане, если только это не угрожало напрямую интересам Англии в регионе.

В то же время запросы о военном вмешательстве генерала Гордона были мотивированы событиями, происходившими в восточном Судане, где британцы хотели сохранить порты Красного моря и территории вокруг Суакина как из-за их коммерческой ценности, так и для сдерживания роста влияния европейских стран в ближайшей акватории. В начале февраля 1884 г. племена бежа под командованием Османа Диньи взяли контроль над торговым путем в Бербер и осадили гарнизоны Синката и Токара¹. 4 февраля 1884 г. махдисты уничтожили еще одну египетскую группу войск численностью 3,656 чел. под командованием генерал-майора Валентина Бейкера в Эль-Тебе (как и предсказывал полковник Уилсон. – А.А.) и через четыре дня разбили гарнизон Синката, пытавшийся пройти к побережью².

Гибель египетских солдат и мирных жителей из Синката с захватом их женщин и детей вызвал неистовые требования вмешательства со стороны английской общественности, и не в последнюю очередь со стороны королевы Виктории, которая считала, что нужно срочно нанести ответный удар³. Британское руководство назначило адмирала У. Хьюитта ответственным за выполнение этой операции. В его задачи входило освободить гарнизон Токара, если он сможет продержаться: если нет, принять любые средства, необходимые для защиты близлежащих портов⁴. Около 4 тыс. чел., взятых из разных гарнизонов в Египте, Адене и Индии, были собраны под общим командованием генерал-майора сэра Дж. Грэма. В их состав входили две бригады пехоты, в том числе корпус королевской морской пехоты, кавалерийская бригада под командованием генерала Г. Стюарта и военно-морской отряд, три картечницы Гатлинга и три картечницы Гарднера⁵.

¹ Spiers, E. M. *Victorian Soldiers...*, p. 99

² *Ibid.*, p. 99

³ Guedalla P. *The Queen and Mr. Gladstone*, Vol. 2, p.259

⁴ *The Gladstone Diaries*, Vol. 11, p.112

⁵ Spiers E.M. *Victorian Soldiers...*, p. 100

Несмотря на успешное выполнение всей операции – спасение жителей Токара и защиту Суакина, эта кампания не имела благоприятных политических или военных последствий для региона. Грэм не только не устранил махдистского лидера и волну восстания на севере, но и не смог облегчить положение Хартума, по сути, оголив его со всех сторон для последующей осады. Как писал биограф генерала Гордона сэр У. Батлер, один из участников спасательной экспедиции, «дверь мира была захлопнута в Тамае, и арабы были так же уверены, что месть Хартуму заставит вновь воссиять солнце над Суданом»¹. Также правительство в Лондоне отказывало генералу Гордону в его запросах, ссылаясь на инструкции, что «наличие войск для военной операции в Судане противоречит масштабам его мирной миссии»².

Тем временем Гордон начал готовиться к эвакуации и пришел к выводу, что произвести ее эффективно невозможно. Поэтому он предлагал отправить гарнизоны Хартума и Бербера на север под командованием полковника Д. Стюарта, а пароходы с гражданским населением – на юг, вверх по Нилу в провинцию Бахр Газель, которую бельгийский король включил в штат Конго³. Гордон добавил, что у него есть письменное согласие бельгийского короля на принятие суверенитета и финансовой ответственности за этот регион⁴. С точки зрения генерала Гордона, включение суданского юга в так называемое Свободное государство Конго являлось наиболее прагматичным решением проблемы возможного возрождения работорговли и избавления британского правительства от необходимости прямого контроля над всем регионом. Но 11 марта лорд Гренвилль в ответе на это предложение сообщал Бэрингу, что «правительство Ее Величества считает, что генерал Гордон в настоящее время не должен выходить за пределы Хартума»⁵.

¹ Butler W.F. Charles George Gordon, p. 215

² The Gladstone Diaries, Vol. 11, p. 134

³ Butler W.F. Charles George Gordon, pp.211 – 212

⁴ Перед встречей с кабинетом министров 18 января 1884 года, Гордон совершил поездку в Брюссель именно с этой целью

⁵ Gordon C. G. The Journals of Major-Gen. C. G. Gordon, C.B., at Kartoum, p. 139

Дождаясь ответа из Лондона, Гордон отправил письмо с предложением мира к Махди, вероятно, чтобы выиграть время, в котором предложил ему стать султаном Кордофана¹. Также он издал прокламацию, опасаясь народного восстания в Хартуме, в которой объявил о скором прибытии большого количества английских войск для упрочнения своей позиции². Гордон утверждал, что насильственная и принудительная эвакуация гарнизона Хартума британскими экспедиционными силами до того, как будут предоставлены адекватные гарантии защиты населения против войск Махди, создаст ядро сопротивления в Хартуме, тем самым еще более усложнив все попытки эвакуации. Поэтому он сделал очередной запрос на 200 английских солдат для упрочнения своей позиции: «У меня нет выбора, оставаться в Хартуме или нет; он ускользнул из моих рук, и что касается отправки большего количества войск... Мне нужно не количество, а престиж; я уверен, что восстание будет подавлено, если я смогу сказать, что у меня за спиной стоят британские войска»³. Э. Бэринг, комментируя действия генерала Гордона, писал, что он в этой ситуации совершил критическую ошибку. По его мнению, было слишком очевидно для местных жителей, что британские войска не направлялись в Хартум, поэтому генерал Гордон дискредитировал себя в глазах суданского населения⁴. В итоге 5 марта, сообщая об этом запросе правительству в Лондоне, сэр Э. Бэринг сказал, что не рискнет отправить столь маленький отряд, а медицинские специалисты утверждали, что климат окажет вредное воздействие на европейские войска⁵. Очень скоро города на верхнем Ниле попали в руки Махди, и Хартум был закрыт для дальнейшей эвакуации. 8 марта поступили новости о том, что шейх Эль-Обейда намерен отрезать дорогу Бербер – Хартум. 12 марта началась осада Хартума⁶.

Стоит отметить, что традиционно в западной историографии излагается точка зрения, что правительство Гладстона сразу отказалось от идеи отправить

¹ Парфенов Д. И. Указ. соч., с.109

² The Political Correspondence of Mr. Gladstone and Lord Granville, 1876 – 1886, Vol.2, p. 161

³ Major-General Gordon to Sir E. Baring, 2 March 1884//PRO FO 407/60, No.591, p. 291

⁴ Cromer, Lord. Op. cit., Vol.1, pp. 491

⁵ Sir E. Baring to Earl Granville, 5 March 1884// PRO FO 407/60, No. 591, p. 291

⁶ Butler W.F. Charles George Gordon, p. 216

войска на помощь генералу Гордону, что является заметным упрощением в освещении этой проблемы. Так, согласно документам британского Министерства иностранных дел, в течение марта-апреля 1884 г. либералы не могли окончательно определиться с этим вопросом. Например, одна из просьб генерала Гордона направить двух офицеров в Бербер для связи с генералом Грэмом в Суакине была одобрена правительством Гладстона. «Целью этого предложения, – писал лорд Гренвилль, – «было послать часть египетской армии к Вади-Халфе, было помочь генералу Гордону в проведении любых военных операций, которые ему, возможно, придется предпринять»¹. При этом Э. Бэринг 24 марта предлагал направить британские войска из Суакина на помощь Гордону, добавив, что высшие военные круги в Египте, хоть и признавали очень большой риск для здоровья солдат, помимо общих чрезвычайных рисков при проведении такой операции, считали, что это мероприятие вполне возможно².

Однако, вместо того, чтобы позволить генералу Грэму обезопасить дорогу в пустыню к Берберу, английским войскам в итоге было приказано кабинетом Гладстона вернуться к концу марта обратно в Суакин, т. к. «правительство Ее Величества не сочло оправданной отправку британских войск в Бербер и считает, что генерал Гордон имеет полное право оставаться в Хартуме или отступить южным или любым другим путем, который ему может быть доступен»³. По нашему мнению, такая позиция либерального правительства объясняется общей плохой информированностью кабинета министров о ситуации в Судане, о чем ярко свидетельствует последняя часть уведомления лорда Гренвилля.

Так, в конце апреля связь с Сеннаром – хранилищем продовольствия Хартума – была прервана. 26 мая после непродолжительного и слабого сопротивления египетских войск махдисты захватили Бербер на Ниле, полностью отрезав Хартум и значительно усложнив отправку помощи по пустынному маршруту, соединяющему Суакин и Бербер⁴. Последующие 11 месяцев Гордон и

¹ Earl Granville to Sir E. Baring, 26 March 1884//PRO FO 407/60, No. 805, p. 406

² Sir E. Baring to Earl Granville, 24 March 1884// Ibid., No. 775, pp. 387 – 388

³ Earl Granville to Sir E. Baring, 28 March 1884//Ibid., No. 815, p. 418

⁴ In relief of Gordon: Lord Wolseley's campaign journal of the Khartoum expedition, 1884 – 1885, intro, p. 27

гарнизон Хартума были вынуждены полагаться исключительно на свои силы, до тех пор, пока кабинет министров спорил о необходимости организации военной экспедиции.

Таким образом, провал миссии генерала Ч. Гордона был обусловлен очень сложной политической обстановкой в Судане, плохой информированностью кабинета Гладстона о ситуации в стране и явной неопределенностью действующего правительства относительно принятия конкретных мер для решения назревшего кризиса на фоне восстания Махди. Эти факторы закономерно привели к необходимости силового решения сложившейся ситуации в Судане.

4.3. Военная экспедиция в Судане (1884 – 1885 гг.)

Весной – летом 1884 г. либеральное правительство разделилось во мнениях относительно дальнейших действий, необходимых для разрешения ситуации в Судане. Как отмечали Х. Мэтью и Т. Н. Гелла, эти месяцы проходили в бурных дебатах о различных и возможных способах решения вопроса¹. Но картина ситуации в целом, касающаяся степени опасности для Хартума и способности Гордона противостоять этому, была не совсем ясна, чтобы оправдать организацию крупномасштабной экспедиции. Гладстон придерживался точки зрения, что отправка английских войск станет «самым важным и радикальным изменением, которое можно было бы внести в нашу политику»². Он боялся, что спасательная экспедиция станет фактически оккупацией Судана, которой либеральное правительство пыталось всячески избежать. Поэтому премьер-министр предлагал дождаться отчета Гордона, чтобы вынести окончательное решение по спасательной экспедиции. Это дало повод оппозиции начать резкую критику действий кабинета министров.

Выступая перед парламентом, лорд Солсбери заявил о нерешительности и растерянности правительства³. Все это время в Англии постепенно росло

¹ Matthew H.C.G. Gladstone 1875 – 1898, p.146, Гелла Т. Н. У. Гладстон, либералы..., с.195 – 197

² The Gladstone Diaries, Vol. 11, p.135

³ См. подробнее: Гелла Т. Н. У. Гладстон, либералы..., с. 193 – 194

общественное недовольство. Лондонские газеты и тори требовали экспедиции в Хартум. Как писал У. Черчилль, «с неослабевающим интересом жители страны следили за генералом, неудача его миссии ввергла всех в состояние уныния. Разочарование скоро уступило место тревоге»¹. В итоге под давлением общественности и политической оппозиции либералы были вынуждены начать экспедицию по спасению миссии Гордона.

С нашей точки зрения, очень важно отметить, что последующие обсуждения проекта освободительной экспедиции во многом происходили под воздействием фактора сжатых сроков, т. к. малейшее промедление в утверждении плана военных действий значительно снижало вероятность успеха всей операции. В этот момент наиболее ярко проявился кризис британской системы военного планирования, которая страдала от отсутствия армейской инстанции с высшей степенью компетенции. В связи с этим среди военных и политических кругов разгорелась довольно жаркая дискуссия по выработке наиболее оптимальных мер и определению эффективного маршрута движения войск для спасения генерала Гордона и освобождения Хартума.

В апреле 1885 г. лорд Уолсли подготовил ряд меморандумов с описанием военных операций и возможных маршрутов до Хартума. Главным образом его план кампании основывался на опыте экспедиции Ред-Ривер в Канаде в 1870 г., когда он без единого выстрела подавил восстание местных племен метисов, частично перемещая солдат вверх по течению реки на больших лодках. Им предлагалось из Вади-Халфы речным путем по долине Нила перемещать войска и провиант на лодках к Берберу, а оттуда начать пешее наступление к Хартуму. Для этого, по его предварительным расчетам, требовался отряд численностью 7 тыс. чел. «исключительно британской армии»². Лорд Уолсли также заявил во втором меморандуме, что генерал Гордон сможет продержаться в Хартуме до 15 ноября и что следует готовиться к прибытию экспедиционного корпуса до этой даты³. При

¹ Черчилль У. Указ. соч., с. 153

² Colvile H.E. History of Sudan Campaign 1884 – 1885, Vol.1, pp. 26 – 30

³ Adjutant-General G. Wolseley Proposal to relieve Khartoum by expedition un the Nile in preference to land route by Suakin and Berber, 14 April 1884//CAB/37/12/25, pp.1-3

этом он отмечал, что самый короткий путь – Суакин – Бербер в 245 миль – из-за «воинственного характера живущих вокруг него племен» и тяжелых климатических условий был крайне опасен для передвижения британских отрядов.

План лорда Уолсли вызывал много вопросов у других военных специалистов, считавших его непрактичным и неоправданно сложным. Основной проблемой при реализации этого проекта стала общая протяженность маршрута, составлявшая более тысячи миль. К примеру, генерал Фредерик Стивенсон, главнокомандующий оккупационной армией в Египте, выражал точку зрения, что путь по Нилу на всем протяжении следования до Хартума вообще неосуществим и предлагал использовать маршрут Суакин – Бербер. Операции по спасению Гордона и наведению порядка в Судане он рекомендовал начать в октябре и задействовать для этого 10 тыс. чел. англо-индийских войск¹.

В поддержку данного плана выступал генерал-инспектор фортификационных сооружений Э. Кларк. В памятной записке от 19 мая 1884 г. он предложил построить железную дорогу через пустыню от Суакина до Бербера, т. к., по его мнению, «железная дорога вне конкуренции с другими способами продвижения с точки зрения скорости движения», а для наступления на Бербер потребовались бы значительные по численности войска, которые с легкостью можно было доставить к месту назначения. Тем не менее, сам проект ее возведения был довольно дорогостоящим: по предварительным расчетам британского военного эксперта, стоимость работ составляла около 2 млн ф.ст., и при ускоренных темпах возведения, более двух миль в день, завершить строительство дороги можно было только через 130 дней, хотя полковник Кларк отмечал, что предсказать точную дату окончания работ невозможно. Также этим мерам предваряла необходимость разместить крупный военный контингент в Суакине, минимум 6 эскадронов кавалерии, для защиты инженеров и строителей

¹ Lieutenant-General Stephenson to the Marquis of Hartington, 4 May 1884// PRO FO 407/61, No. 173, p. 90

от нападения махдистов и провести значительный по протяженности водопровод для дальнейшего снабжения войск в пустыне¹.

Изначально министерство Гладстона склонилось в сторону маршрута Суакин-Бербер и необходимости возведения железной дороги. В немалой степени на это повлияло мнение целого ряда авторитетных специалистов армии и флота, которые единогласно считали план генерала Стивенсона и полковника Кларка наиболее практичным в сложившихся обстоятельствах². 14 июня 1884 г. лорд Хартингтон послал телеграмму генералу Стивенсону, в которой предписывал отправить в Суакин роту инженеров и различные материалы, чтобы принять предварительные меры для последующего строительства³. Также главнокомандующий в Египте в начале июля подготовил подробный план предварительных военных мер для защиты египетской границы и усиления гарнизонов в Асуане и Вади-Халфе от потенциального нападения махдистов, чтобы заранее обеспечить концентрацию основных ресурсов британской армии для продвижения по маршруту Суакин – Бербер⁴. Однако в начале августа все же был окончательно утвержден проект экспедиции по Нилу.

Как нам представляется, на итоговое решение кабинета повлияло несколько факторов. Во-первых, к концу мая 1885 г. Бербер пал, и последующие операции потребовали бы первоначально освобождения города от махдистов до окончания строительства железной дороги. Во-вторых, в течение лета 1885 г. лорд Уолсли продолжил настойчиво аргументировать свою позицию перед Военным министром. В конце июля он подготовил ряд записок, в которых вновь обосновывал преимущества речного пути и утверждал, что если правительство своевременно предпримет соответствующие меры, то Гордона возможно освободить к середине января следующего года⁵. В-третьих, предложенный проект кампании по Нилу импонировал либералам сразу с нескольких точек

¹ Inspector General of Fortifications A. Clarke Memorandum on Suakin – Berber Railway, 19 May 1884//CAB 37/12/28, pp. 1 – 2

² Mr. Egerton to Earl Granville, 24 May 1884// Ibid., No.317, p.156; Childers E. Op. cit., Vol. 2, p. 182

³ The Marquis of Hartington to the General Officer commanding in Egypt, 14 June 1884// PRO FO 424/61, No. 433, Incl. 1, pp.227 – 228;

⁴ Lieutenant-General F. Stephenson Memorandum upon the Military Position in Upper Egypt, 4 July 1884//PRO FO 407/62, No.122, Incl.2, pp.74 – 76

⁵ General Gordon's mission in the Soudan, 24 February 1885//CAB 37/14/11, p. 21

зрения – он не подразумевал значительных финансовых расходов, в то время как строительство железнодорожной ветки до Бербера, помимо очевидных больших материальных издержек, требовало сохранения контроля за другими провинциями Судана, из которых действующее правительство стремилось удалить английское присутствие.

В итоге решение о проведении речной экспедиции было одобрено, и 5 августа 1884 г. парламент утвердил вотум доверия «в случае необходимости» для проведения операций по оказанию помощи Гордону и выделил запрашиваемые 300 тыс. ф.ст.¹. Но даже в этом решении политика кабинета министров серьезно страдала от отсутствия определенности. Например, инструкции генералу Стивенсону, на которого изначально возложили ответственность за проведение последующей экспедиции, по подготовке к отправке войск и снаряжения в Донголу были основаны на убеждении, что Гордон все еще может эвакуировать гарнизоны, и главной целью этой операции было лишь «предоставить средства для получения полной и точной информации о положении и намерениях генерала Гордона»². По мнению лорда Уолсли, премьер-министр искренне считал, что Гордон мог покинуть Хартум в любое время, когда ему захочется, и «что он получил все правительственные послания и депеши, но не стал отвечать на них, поскольку полон решимости не иметь ничего общего с кабинетом»³.

Тем не менее сэр Ф. Стивенсон выразил протест относительно решения кабинета министров. Он сообщил лорду Хартингтону, каким образом можно скорее занять Донголу, но счел экспедицию по Нилу из-за трудностей речного маршрута невыполнимой и вновь настаивал на строительстве железнодорожного сообщения Суакин – Бербер. В итоге 26 августа 1885 г. Военный министр в телеграмме заявил, что считает несправедливым требовать от него ответственности за операцию, которую он считает невыполнимой, и принял

¹ Spiers E. M. *The Scottish Soldier...*, p. 95

² *In relief of Gordon: Lord Wolseley's campaign journal of the Khartoum expedition, 1884 – 1885*, intro, p. 28

³ *Ibid.*, p. 28

решение направить лорда Уолсли, чтобы занять пост главнокомандующего британскими войсками в Египте¹.

Прибыв в Каир 9 сентября 1884 г., лорд Уолсли начал готовить свою армию к последующей кампании. Экспедиционный корпус под его командованием составил 10,882 чел. и 18 артиллерийских орудий, также был сформирован верблюжий кавалерийский корпус рядом с Шенди численностью 5,400 чел. для передвижения по пустыне, в которой будут затруднительны поставки воды и других припасов².

Как показывает анализ предыдущих кампаний Уолсли, он никогда не спешил с организацией экспедиций, пытаясь, по возможности, подготовиться тщательно и максимально эффективно для сокращения возможных потерь среди личного состава. Поэтому последующие несколько недель англичане скрупулезно готовились к продвижению в сторону Хартума. Перед отъездом в Египет Уолсли обратился к правительству доминиона Канада с просьбой выслать на помощь военных инженеров и водителей речного транспорта, памятуя их вклад в организацию кампании в Ред-Ривер. Также он искренне считал, что у него все еще было достаточно времени, чтобы тщательно спланировать операцию, освободить Гордона и завершить вывод британцев из Судана. В письме к своей жене от 13 сентября он писал: «Я должен пожать руку Гордону около Хартума примерно 31 января следующего года»³. Тем не менее чрезмерную осторожность генерала Уолсли на первых этапах кампании стоит рассматривать как одну из причин провала всей операции.

29 сентября английский отряд начал свой марш. Главнокомандующий планировал перевезти свои войска на поезде до Ассиута, а затем на пароходах и баржах до Вади-Халфы. Затем китобойные лодки должны быть доставлены ко второму водопаду около Сарраса. Задача стояла – плыть к Корти в

¹ Childers E. Op. cit., Vol. 2, p. 185

² Colvile H.E. History of Sudan Campaign 1884 – 1885, Vol.1, pp.54 –56

³ The Letters of Lord and Lady Wolseley, 1870 – 1911, p. 119.

сопровождении кавалерии и транспорта по берегам реки, а оттуда далее по течению Нила до Бербера¹.

В это же время генерал Гордон предпринимал самостоятельные попытки прорваться собственными силами к Берберу, чтобы открыть коммуникации с Донголой, куда уже прибыли английские войска во главе с бригадным генералом Г. Стюартом, но из-за утраты шифровальной машины он не мог грамотно скоординировать свои действия со штабом экспедиционного корпуса. Об этом плане лорд Уолсли узнал в середине сентября из донесений майора Г. Китченера. В своем дневнике он оставил запись от 17 сентября: «Пришли любопытные телеграммы от Гордона в Хартуме, объявляющие о его намерении отправить Стюарта в Бербер, чтобы взять город, удержать его две недели и затем сжечь»².

В ночь на 9 сентября пароход «Аббас» отправился в путешествие вниз по течению Нила. На борту находились подполковник Д. Стюарт, корреспондент «Таймс» Ф. Пауэр, французский консул М. Эрбен, 19 греческих купцов и примерно 40 – 50 суданских солдат, а также шифровальная машина и дневниковые записи Гордона с марта по сентябрь, которые, как он надеялся, помогут штабу экспедиционного корпуса³. При этом генерал был полностью уверен, что Бербер легко сдастся в руки подполковника Д. Стюарта, поскольку там «жалкие оборонительные укрепления и население никогда не поддерживало Махди»⁴. В итоге пароход Стюарта после успешной бомбардировки Бербера разбился о скалы на территории лояльного к Махди племени манасир, и шейх Сулиман Вад Ганир приказал убить всех пленных за исключением четырех человек⁵.

Генерал Гордон, узнав о потере «Аббаса» и гибели своих приближенных, решил 4 ноября 1884 г. отправить письмо в британский экспедиционный штаб, в котором упоминались невозможность расшифровки сообщений Уолсли из-за мер, предпринятых Гордоном ранее, а также количество дней, которое гарнизон

¹ Spiers E. M. *The Scottish Soldier and Empire...*, p. 97

² *In relief of Gordon: Lord Wolseley's campaign journal of the Khartoum expedition, 1884 – 1885*, p. 17

³ Butler W.F. *Charles George Gordon*, p. 219

⁴ Gordon C. G. *The Journals of Major-Gen. C. G. Gordon, C.B., at Khartoum*, p. 32

⁵ Colville H.E. *History of Sudan Campaign 1884-1885, Vol.1*, pp.99 –100

Хартума сможет устоять под натиском махдистов: «Мы с легкостью можем продержаться 40 дней, после этого будет сложно»¹. В письме Гордона также прилагалась карта, на которой в общих чертах показано расположение противника примерной численностью 20 тыс. чел. и их орудия, что позволяло британскому штабу оценить дальнейшие перспективы осажденного города. Таким образом, исходя из этого, можно сделать однозначный вывод, что план Уолсли о достижении Хартума к 31 января больше не мог считаться надежным. Все дальнейшие меры командования следовало направить на ускорение подготовки войск и достижения цели не позднее середины декабря. Однако Уолсли этого не сделал. В письме к Военному министру он писал, что новости от генерала Гордона никак не влияют на его планы, но указывают на невозможность освобождения Хартума без боя².

В связи с этим обстоятельством Уолсли решил сосредоточить войско из 10,260 чел. в Корти для разделения своей колонны на две группы. Еще ранее Гордон писал в дневнике, что готов предоставить «три парохода, каждый с двумя пушками, и вооруженную пехоту в распоряжение любому представителю британской власти», для этого он планировал отправить их в Метемму, напротив Шенди, либо к водопаду под Бербером³. Отряд под командованием бригадного генерала Г. Стюарта численностью 2 тыс. чел. получил приказ пересечь пустыню Баюда и захватить Метемму, чтобы там встретиться с пароходами Гордона⁴. Оставшееся 8-тысячное войско под командованием генерал-майора Эрла, как и предписывалось ранее, двинется из Корти на китобойных лодках дальше вверх по Нилу в Бербер. Однако возникшие серьезные трудности с поставками продовольствия и снаряжения, а также их дальнейшей транспортировки по речному маршруту создали длительную задержку в организации наступления, т. к. основная масса экспедиционных сил была разбросана по Нилу вплоть до Вади-Халфы. Основной причиной задержки была неуверенность Р. Буллера, начальника

¹ Ibid., p. 121

² Ibid., p. 123

³ Gordon C. G. The Journals of Major-Gen. C. G. Gordon, C.B., at Kartoum, p. 77

⁴ Colville H.E. History of Sudan Campaign 1884 – 1885, Vol.1, p. 126

штаба Уолсли, в заказе достаточного количества угля, из-за чего все пароходы между Асуаном и Вади-Халфой остановили движение. В итоге он исправил недосмотр, заключив новый договор о поставках большего количества угля. Тем не менее, с точки зрения Уолсли, эта ошибка задержала наступление не менее чем на три недели¹.

Поэтому приоритетной задачей пустынной колонны было достичь через Шенди оазиса Якдул и обустроить там необходимый склад продовольствия для постепенно прибывающих в этот пункт войск и верблюдов. 1 января 1885 г. первые английские войска начали прибывать к Корти, а 8 января, пока речная колонна медленно передвигалась к пункту назначения, отряд сэра Г. Стюарта начал свой опасный путь через пустыню.

Наступление колонны сэра Герберта Стюарта и последующий бросок сэра Чарльза Уилсона до Хартума стали самыми драматичными военными эпизодами поздней викторианской эпохи. Логистические трудности, с которыми столкнулся Стюарт, были очень тяжелыми. Еще перед отправлением войск он отмечал, что боевые столкновения с противником его беспокоят в последнюю очередь, потому что главной проблемой являлись вода и продовольствие для отряда, количество верблюдов и наличие оазисов на маршруте². Полковник Чарльз Уилсон, руководитель разведки британских войск в этой операции, писал в своем дневнике, что план Махди, в свою очередь, заключался в том, чтобы попытаться сокрушить британскую колонну в конце ее марша в пустыне; и как только англичане оккупировали Якдул, его войска перешли в наступление³.

Первое серьезное столкновение между сторонами произошло 17 января 1885 г. около оазиса Абу Кли. Войска под командованием генерала Г. Стюарта, выстроившись в каре, начали медленное наступление на позиции противника численностью около 5 тыс. человек. В итоге, потеряв более тысячи чел., махдисты были вынуждены отступить, а британцы оставили на поле боя – 74 убитых и 105

¹ Lehmann J. Op. cit., p. 360

² Villiers F. Peaceful Personalities and Warriors Bold. London, 1907, p. 183

³ Wilson C.H. From Korti To Khartoum, intro, p. 23

раненных¹. Уинстон Черчилль впоследствии описал битву при Абу Кли как «самое кровавое и жестокое сражение, в котором когда-либо участвовали английские войска в Судане»². Лейтенант Марлинг, участник сражения, также давал красочное описание после битвы: «Зрелище и запах были ужасны: горящая плоть, мертвые и умирающие люди, верблюды и лошади»³.

На следующий день после сражения генерал Г. Стюарт, оставив больных и раненых в зерибе, решил продвинуться к Нилу и провести ночной марш в надежде достичь реки без боя, чтобы добыть воды, нехватка которой стала критически сказываться на здоровье солдат и животных. Он решил проследовать по маршруту к Метемме, пока колонна не дойдет к оазису Шебакат, а затем двинуться в сторону Нила в двух или трех милях от Метеммы⁴. К 7 утра следующего дня Стюарт обнаружил крупные скопления врага и понял, что нет надежды добраться до реки без боя, поэтому командующий решил стать лагерем и после завтрака дать бой махдистам. Лагерь был сформирован на открытом грунте, на небольшом холме примерно в 4 милях от реки⁵. Все это время английская позиция подвергалась периодически обстрелу, и около 10 часов утра сэр Г. Стюарт получил смертельную рану, поэтому командование перешло к полковнику Уилсону, следующему по старшинству военному офицеру, не имевшему до этого полководческого опыта.

Уилсон, посоветовавшись с раненым главнокомандующим, принял его совет о продолжении наступления в сторону Метеммы⁶. В результате он выстроил пехотные войска в каре, как и в битве при Абу Кли, оставив кавалеристов, морскую бригаду и пулеметы Гарднера, памятуя неудачный опыт их применения в прошлом сражении, в лагере под командованием лорда Бересфорда и полковника Барроу⁷. Махдистам не удалось прорвать ряды британских войск и, понеся большие потери, они были вынуждены к вечеру отступить. Однако

¹ Marling P.S. Rifleman and Hussar, p.133

² Черчилль У. Указ. соч., с.157

³ Marling P.S. Rifleman and Hussar, p.133

⁴ Ibid., p.134

⁵ Colvile H.E. History of Sudan Campaign 1884 – 1885, Vol. 2, pp. 21 – 25

⁶ Wilson C.H. From Korti To Khartoum, p. 64

⁷ Clowes W.L. Op. cit., Vol. 7, p. 363

англичане тоже серьезно пострадали в бою – 23 человека были убиты и 98 ранены¹. Последующие действия пустынной колонны усугублялись несколькими факторами. Войска до этого дня непрерывно сражались или маршировали в течение четырех дней и были совершенно истощены. Более 10% из них убиты или ранены. Транспортные проблемы усугублялись потерей значительного количества верблюдов.

На следующий день Уилсон принял решение разместить всех раненых в деревне Губат и 21 января с оставшимися силами, кроме нескольких бригад для охраны лагеря, возобновить наступление на Метемму. Сформировав отряд в каре, утром войска двинулись к точке назначения. По мере продвижения формации враг открыл огонь из Метеммы, на что англичане отвечали залпами своих винтовок. Из Губата в ответ произвели огонь из двух орудий, но это не имело серьезных последствий для махдистов. Наконец, обнаружив, что войска под его командованием понесли значительные потери и снаряды оказали лишь незначительное влияние на атакующих из города, и опасаясь истощения артиллерийских боеприпасов, Уилсон отдал приказ вернуться обратно в Губат².

К этому моменту до позиции англичан добрались пароходы Гордона, которые высадили туземные войска численностью 250 чел. в британском лагере. От них командующий получил информацию о приближении значительных вражеских сил. В отчете Уилсон писал: «У меня были все основания полагать, что силы противника наступали на нас с севера и юга, и я не мог оставить наши войска на их позиции на Ниле, не зная, могут ли они быть атакованы»³. Также вместе с войсками пароходы привезли и последние письма Гордона с шестым томом его дневников. Уилсон, естественно, решил с ними ознакомиться⁴. Последний том заканчивается на дате 14 декабря пророческими словами: «Теперь отметьте это, если экспедиционные войска, а я прошу не более 200 чел., не придут через 10 дней, то город падет; и я сделал все возможное для чести нашей страны.

¹ Colvile H.E. History of Sudan Campaign 1884-1885, Vol.2, p. 27

² Ibid., p.29

³ Ibid. p.30

⁴ Wilson C.H. From Korti To Khartoum, p.111

Прощайте»¹. Поэтому полковник Уилсон трезво оценивал сложившуюся ситуацию и, вместо того чтобы быстрее готовить войска к захвату Метеммы и к последующему речному пути в сторону Хартума, решил перегруппироваться и разведать окрестности в течение следующих трех дней, прежде чем совершить вылазку в сторону осажденного города. Дж. Лейман писал, критикуя действия Уилсона, что он потерял три ценных дня в тщетной попытке занять позицию дервишей на Ниле и провести разведку вверх и вниз по реке: «Лишь утром 24 января Уилсон, казалось, вспомнил про объект экспедиции»². 24 января небольшой британский отряд покинул свою позицию рядом с Метеммой и достиг Хартума только 28 января, через 36 часов после того, как город пал под натиском махдистов.

Пока британские войска продвигались по пустыне к Метемме, Махди стал опасаться, что за маленькой колонной следуют основные силы экспедиционного корпуса. Поэтому дервиши решили покончить с Хартумом и запланировали решающий штурм города на 26 января. Согласно отчету майора Китченера, в 3.30 они нанесли удар с южной стороны города. По сведениям будущего британского фельдмаршала, голодный гарнизон, истощенный 317-дневной осадой, не мог уже оказывать активного сопротивления врагу. Войдя в город, повстанцы бросились по улицам, убивая всех на своем пути, тем самым усиливая панику и уничтожая любую форму оппозиции. Резня продолжалась около шести часов, и 4 тыс. чел. были жестоко убиты, включая генерала Гордона³.

В то же время пароходы Уилсона, приблизившись к Хартуму, попали со всех сторон под перекрестный винтовочный и артиллерийский огонь. При таких обстоятельствах он решил отступить на прежние позиции, поскольку дальнейшее продвижение могло привести к гибели его подчиненных⁴. Впоследствии, когда появились первые новости о гибели Гордона и жителей в Хартуме, именно полковника Уилсона обвинили в причинах провала спасательной экспедиции. 27

¹ Gordon C. G. The Journals of Major-Gen. C. G. Gordon, C.B., at Kartoum, p. 365

² Lehmann J. Op. cit., p.372

³ Colville H.E. History of Sudan Campaign 1884 – 1885, Vol.2, pp. 273 – 276

⁴ Gordon C. G. The Journals of Major-Gen. C. G. Gordon, C.B., at Khartoum, p. LXI

января в дневнике генерал Уолсли писал, что Уилсон «доказал свою полную несостоятельность как полководец»¹, упрекая его в неграмотных тактических действиях, которые не позволили своевременно занять Метемму. Позже он оставил запись о том, что «если бы Стюарт не был ранен, мы бы спасли Хартум»². Однако сам генерал Стюарт в письме от 23 января, будучи раненым, утверждал, что «они (командный состав в Губате. – А. А.) приходят и обсуждают все вопросы со мной, я уверен, что все будет в порядке»³. Поэтому даже решение отложить отправление войск в Хартум было полностью с ним согласовано, и вряд ли бы он поступил в этой ситуации иначе.

В защиту данной позиции высказывались многие историки. Даже биограф Уолсли – Дж. Лейман, критиковавший Уилсона за отложенное наступление, все же заключал, что он потерял всего два дня, когда до этого были потеряны недели из-за нехватки угля на нижнем Ниле и неправильной подготовки к перевозке верблюдов, за что ответственен штаб и, следовательно, сам главнокомандующий⁴. Также в оправдание Уилсона выступали английские газеты. Редакция «Стэндрт» перекладывала вину на либеральное правительство и писала, что «...мы можем сказать, что день или два, потерянные или сохраненные в конце долгой операции, которая длилась несколько месяцев, не могут и не должны позволять нам забыть о гораздо более длительных задержках и колебаниях, которые предшествовали экспедиции»⁵.

Рассматривая причины провала миссии по спасению Гордона, большинство историков обвиняют либералов и лично генерала Уолсли. Наиболее распространенной точкой зрения, которая господствует в англоязычной историографии, довольно точно представлена в работе Т. Пакенхема. Он пишет, что Уолсли выбрал «не только неправильный маршрут, но и неправильные

¹ In relief of Gordon: Lord Wolseley's campaign journal of the Khartoum expedition, 1884 – 1885, p. 128

² Ibid., p. 164

³ Wilkinson O., Wilkinson J., The Memoirs of The Gemini Generals; Personal Anecdotes, Sporting Adventures, and Sketches of Distinguished Officers. London, 1896, p. 422

⁴ Lehmann J. Op. cit., p.374

⁵ Standard, 21 May 1885

транспортные средства»¹, критикуя тем самым отказ генерала от идеи построить железную дорогу Суакин – Бербер.

Обращаясь к этому аргументу, стоит отметить, что даже по изначальным расчетам полковника Э. Кларка на возведение железнодорожной ветки требовалось не менее 4 месяцев при условии, что войска полностью обеспечат безопасность рабочих и инженеров, а сам процесс строительства будет вестись в ускоренном темпе без каких-либо серьезных накладок. Таким образом, даже если строительные работы организовывались с начала августа, они бы завершились в лучшем случае к декабрю 1885 г., не считая времени, необходимого для дальнейшего наступления, к моменту, когда положение Хартума находилось в критическом состоянии. Безусловно, скорость и общая организация движения по сложному речному маршруту негативно сказались на итоговом результате, но, как отмечалось ранее, еще в сентябре до начала наступления генерал Уолсли четко указал дату прибытия в Хартум речной колонны – 31 января. Как показывает ход дальнейших событий, он рассчитал все в целом верно, но просчеты и ошибки экспедиционного штаба не позволили генерал-майору Эрлу прибыть к точке назначения ранее 4 февраля 1885 г. Помимо этого, сухопутный маршрут даже через короткий путь от Корти до Метеммы сопровождался для британских войск такими трудностями, из-за которых к 10-му дню шествия колонны Стюарта сказывалась нехватка воды, и приходилось буквально прорываться к ней с боем. Поэтому изначальное решение Уолсли пользоваться речным путем было вполне оправданно сложившимися обстоятельствами. Главной проблемой при организации экспедиции стал сам процесс ее планирования, который опирался на авторитет отдельной личности и экономическую целесообразность, а не на мнение ряда компетентных военных специалистов армии и флота.

Также Т. Пакенхем пишет, что «презрение к Махди и слепая вера в Гордона-чудотворца заменили все рациональные соображения»². Действительно, учитывая информацию от 4 ноября, в которой Гордон расписал примерный срок,

¹ Pakenham T. Op. cit., p.232

² Ibid., pp. 232 – 233

который гарнизон сможет продержаться, то возникает закономерный вопрос, почему генерал Уолсли, будучи талантливым полководцем с богатым военным опытом и умением грамотно и точно планировать свои действия, не принял в итоге решения отправить больше войск под командованием генерала Стюарта через пустыню? Да, Уолсли упоминал, что маршрут через Баюду смертельно опасен не только для людей, но и для верблюдов. Но проблема заключается в том, что помимо «священной миссии» по спасению Гордона, генерал Уолсли преследовал другую цель – разбить на обратном пути Бербер – Суакин войска Османа Динья и тем самым триумфально завершить свою речную экспедицию.

8 января 1885 г. он оставил в дневнике запись, в которой упоминал просьбу маркиза Хартингтона рассмотреть идею при эвакуации Хартума разбить самого сильного полководца Махди в Судане: «Это то, на что я все время надеялся и все еще намеревался отправить колонну по маршруту Бербер – Суакин, чтобы разобраться с г-ном Османом Динья и открыть тем самым этот путь»¹. В тот же день в письме к супруге генерал Уолсли и вовсе отмечал, что «отказался от всякого намерения прорваться в Хартум небольшой колонной... все склоняется к необходимости повышения безопасности и снижения риска»². Таким образом, Уолсли целенаправленно сохранял силы речной колонны, чтобы использовать эти войска для решающих сражений на обратном пути Бербер – Суакин. Историк М. Снук писал, что в таком случае эта грандиозная кампания по освобождению Хартума и усмирению прибрежной линии Красного моря наиболее подходила для того, чтобы стать последней страницей в блестящей карьере Уолсли, которая обеспечила бы ему место среди пантеона «великих полководцев XIX в.»³. Поэтому провал кампании в большей степени вызван не просчетами Уолсли или его неграмотными организационными действиями. В декабре у него еще был шанс спасти Хартум. Британский генерал стал жертвой своих собственных амбиций.

¹ In relief of Gordon: Lord Wolseley's campaign journal of the Khartoum expedition, 1884 – 1885, p. 121

² The Letters of Lord and Lady Wolseley, 1870 – 1911, p. 153.

³ Snook M. Wolseley, Wilson and the Failure of the Khartoum Campaign. An Exercise in Scapegoating and Abrogation of Command Responsibility? PhD Thesis, Cranfield University, 2014, p. 172

Падение Хартума 26 января 1885 г. и смерть Ч. Гордона нанесли огромный ущерб авторитету либерального кабинета У. Гладстона¹. Население в Англии было сильно разочаровано неспособностью британского правительства отомстить за гибель своего генерала, ставшую для англичан настоящей национальной трагедией. В этой ситуации, как отмечает Т. Пакенхем, вывод британских войск из Судана полностью бы соответствовал политике противодействия «агрессивному империализму», характерной для премьер-министра. Но после совещания либерального кабинета 7 февраля Гладстон поставил четкую задачу – разбить Махди и освободить Гордона, если он еще жив; если Гордон мертв, то он должен быть отмщен². Дальнейший план военных действий заключался в том, что генерал Уолсли из-за ухудшения погодных условий будет в течение лета контролировать долину Нила от Мерави до Донголы и готовиться к осенней кампании, чтобы следом сокрушить власть Османа Диньи в районе Суакина. Для решения этой задачи в свою очередь планировалось строительство железнодорожной линии от Суакина до Бербера по проекту полковника Кларка³. Задача эта возлагалась на генерал-лейтенанта Дж. Грэма. Премьер-министр в переписке с лордом Гренвиллем подчеркивал, что «у Грэма отличные боевые качества, и солдаты верят в него»⁴.

Параллельно этим событиям речная колонна под командованием генерал-майора Эрла, несмотря на возникшие во время пути трудности, достигла 4 февраля Хемдаба, где командующий узнал о падении Хартума. Он скрывал новости от своих людей, но впоследствии ему было приказано возобновить наступление. Цель лорда Уолсли состояла в том, чтобы как можно скорее открыть дорогу Короско – Абу-Хамед и обеспечить там запас необходимого продовольствия для марша в Бербер, чтобы выполнить предписания правительства разбить Махди⁵. Стремясь сэкономить время, генерал Эрл, после получения новых инструкций из Лондона, отправил 7 февраля несколько отрядов

¹ Подробнее см.: Гелла Т. Н. У. Гладстон, либералы..., с.197–198

² Pakenham T. Op. cit., p. 263

³ Vetch. Op. cit., p. 286

⁴ The Political Correspondence of Mr. Gladstone and Lord Granville, 1876–1886, Vol.2, p. 335

⁵ Colville H. E. History of Sudan Campaign 1884–1885, Vol. 2, p. 86

через пустыню в сторону Абу-Хамеда, где их путь был заблокирован полторатысячной армией махдистов, вооруженной винтовками Ремингтона и развернутой на холмах возле деревни Кирбекан¹. Поскольку занятие противником этой позиции полностью блокировало дальнейший путь, как по суше, так и по реке, стало очевидно, что необходимо разбить его, прежде чем возобновить движение.

В результате 10 февраля генерал-майор Эрл с отрядом численностью 1,169 чел. в сопровождении двух артиллерийских орудий решил произвести атаку на вражескую позицию около деревни Кирбекан. В ходе сражения противник, понеся серьезные потери численностью в 800 чел., был вынужден отступить, и колонна вошла в Кирбекан, где вскоре по неосторожности погиб сам командующий британским отрядом. Потери англичан составили, включая Эрла, 3 офицера и 9 солдат убитыми, 4 офицера и 44 человека ранеными². После этого бригадный генерал Г. Брэкенбери принял командование и продолжил наступление, пока 24 февраля он не оказался примерно в двадцати шести милях от Абу-Хамеда. Там он получил приказ отступить и, действуя соответствующим образом, вернулся в Корти 8 марта 1885 г.³.

Тем временем генерал Грэм приступил к выполнению инструкций по уничтожению войск Османа Диньи под Суакином и содействию строительства железнодорожной линии Суакин – Бербер. Ему была предоставлена значительная и укомплектованная дивизия в 13 тыс. чел. с полным набором батальонов, кавалерийской бригадой, гелиографами и колониальными войсками из Индии и Австралии⁴. Попытки сооружения железной дороги при ожесточенном сопротивлении махдистов продолжались до середины апреля, пока либеральное правительство не воспользовалось возможностью российского вторжения в

¹ Spiers E. M. The Victorian Soldier..., p. 120

² Ibid., p. 120

³ Clowes W. L. Op. cit., Vol. 7, p. 370

⁴ Spiers E. M. The Victorian Soldier..., p. 122

Афганистан (сражение на р. Кушка 30 марта 1885 г.), чтобы начать поэтапный вывод войск из Судана¹.

На фоне Кушкинского пограничного инцидента в Лондоне планировали при содействии Турции произвести десантную операцию в Черном море для удара по российскому Закавказью. Из-за отсутствия готового резерва англичане собирались задействовать 35 тыс. чел. из своих средиземноморских гарнизонов и отрядов, дислоцированных в Донголе, оставив там лишь небольшую армейскую бригаду для прикрытия Верхнего Египта между Вади-Халфой и Ассуаном².

При этом военные круги в Индии демонстрировали большую обеспокоенность вероятным движением российской армии к Герату, утрата которого, по мнению генерала Ч. Макгрегора, стала бы «одним из самых серьезных ударов, которые когда-либо наносили нашему престижу в Индии»³. Поэтому 31 марта 1885 г. вице-король Индии лорд Дафферин распорядился в случае начала войны с Россией сформировать в Пишине два армейских корпуса, готовых выступить в Герат, численностью 27 тыс. при 78 орудиях и 25 тыс. чел. при 72 орудиях под командованием Ф. Робертса и А. Хардинга соответственно под общим управлением генерала Д. Стюарта, а также войсковой резерв – 13 тыс. чел. при 30 орудиях, и запрашивал у метрополии дополнительные подкрепления в 15 тыс. чел.⁴.

Кажется несколько удивительным, но параллельно британское командование активно рассматривало варианты возможного наступления во французские владения в Индии в случае резкого обострения отношений между державами. На это повлияло сразу несколько факторов. Во-первых, 24 апреля 1885 г. из Каира в Лондон пришла тревожная телеграмма Э. Бэринга, в которой сообщалось о недовольстве французских властей временным прекращением

¹ Подробнее о Пендинском кризисе см.: Сергеев Е.Ю. Указ. соч., с. 181 – 182; Лисицына Н.Н. Английская пресса и русские военные агенты..., с. 192 – 213; Johnson R. The Penjdeh Incident, 1885 // Archives: The Journal of the British Records Association. 1999, Vol. 24, No. 100, pp. 28 – 48

² Adjutant-General Alison A. Military operations in the event of war with Russia, 18 April 1885// NIA MM, November 1890, No. 154, p. 3

³ Memorandum by Major-General sir C. MacGregor on the situation which would be created by Herat falling into the hands of Russia, and the military measures to be adopted under such circumstances, 4 May 1885//NIA MM, June 1892, No. 159, appendix C, p. 8

⁴ Lord Dufferin to Lord Grenville, 8 April 1885//CAB 37/15/22, p. 3

выплат египетским хедивом по финансовому займу. В этой ситуации правительство Франции, со слов Бэринга, заняло выжидательную позицию, но «оставило за собой всю свободу действий»¹, что могло расцениваться в Уайтхолле как прямая угроза британскому контролю над Египтом. Во-вторых, в это время шла Франко-китайская война (1884-1885 гг.) в Индокитае, которую военные и правительственные круги Англии рассматривали в качестве потенциальной опасности своему влиянию в Бирме.

В этой ситуации генерал-лейтенант Ф. Робертс, командующий армией Мадраса, 28 апреля 1885 г. предложил в качестве «мер военной предосторожности» сформировать две наступательные колонны для захвата французских поселений Маэ, Карайкал и Пондичерри на юго-западном и юго-восточном побережье Индостана, чтобы предотвратить возможность высадки вражеского десанта, а также усилить гарнизон британской Бирмы тремя полками англо-индийской армии, незадействованных на северо-западной границе². Уже 6 мая 1885 г. план Робертса был одобрен правительством Индии³. Однако для выполнения каких-либо наступательных операций одновременно против России и Франции и передислокации дополнительных подкреплений общая численность английских войск была объективно недостаточна.

Так, по сведениям российской разведки, в британских военных гарнизонах Средиземноморья (включая Египет) вместе с экипажем флота было сосредоточено 34 тыс. чел., только 20 тыс. из которых власти в Лондоне могли потенциально задействовать в операциях на Кавказе⁴. Значимую лепту вносил и финансовый вопрос. По подсчетам армейских кругов в Индии, стоимость подготовки к операциям только на театре потенциальных боевых действий, сопряженных с территорией Афганистана, составляли около 7 млн. ф. ст.⁵.

¹ Sir E. Baring to Earl Granville, 24 April 1885//PRO FO 407/65, No. 110, p. 68

² Minute on the military precautions to be adopted in the Madras presidency in the event of a war with a European Power, more especially with France, 28 April 1885// IOR/L/MIL/17/14/80, pp. 31 – 35

³ Ibid., p. 35

⁴ РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1885, д. 4, л. 162 – 163/об.

⁵ Col. O.R. Newmarch to the Department of Finance and Commerce, 6 November 1885// NAI, MD, December 1885, Nos. 989 – 900, p. 1

Поэтому, учитывая подобную совокупность военных и политических факторов, либеральный кабинет министров 7 мая 1885 г. постановил прекратить военные действия в Судане. Политику эвакуации войск из Северной Африки поддержало новое консервативное правительство лорда Солсбери в июне 1885 г.¹, а все внимание тори было сосредоточено на мирном решении пограничного конфликта в Афганистане, а также на усилении британских позиций в Бирме.

Подводя итог военных операций в Судане, стоит отметить, что они стали закономерным следствием оккупации Египта, поэтому либералы не имели возможность игнорировать факт развития кризиса в стране. Их меры для реализации политики мирной эвакуации потерпели поражение, а в вопросах организации военной экспедиции они не проявили должной решительности, что и стало причиной громкого провала в Судане и объектом суровой критики, которая в сочетании с Пендинским кризисом привела к отставке либерального правительства летом 1885 г.

Современники во многом упрекали не только либералов и лорда Уолсли, но и всю систему армейской организации Великобритании. Военный атташе в Лондоне полковник С. С. Бутурлин утверждал, что несостоятельность вооруженных акций Англии в Судане и Египте доказывается все большим количеством поражений, которые терпели англичане от махдистов². Такое утверждение некорректно в полной мере, т. к. поражения британцев определенно обусловлены целым рядом военно-политических факторов. Во-первых, тяжелым североафриканским климатом и особенностями природно-географического ландшафта. Во-вторых, крайне сжатыми временными рамками проведения всей операции, в которых приходилось зачастую идти на неоправданные, в конечном счете, риски и человеческие жертвы. В-третьих, сложностью международной обстановки и неопределенностью методов решения вопросов в отношении Судана либеральным правительством. В-четвертых, значительными проблемами и острыми дискуссиями сопровождался и сам процесс планирования кампании. И

¹ Matthew H.C.G. Gladstone 1875 – 1898, p. 149

² Лисицына Н.Н. Английская пресса и русские военные агенты..., с. 198 –199

решающим моментом, безусловно, стал личностный фактор, а именно – амбиции генерала Уолсли, т. к. для английского командующего вопрос спасения Гордона не являлся столь приоритетным, как заявляется его биографами и рядом англоязычных историков. При этом британская военная система в полной мере была не готова к столкновению с махдистами. Из-за отсутствия адекватных коммуникаций, как в случае с кампанией в Египте 1882 г., экспедиционный корпус не имел возможности своевременно достичь цели. В то же время вероятность столкновения с Россией и Францией на границах британской Индии, нехватка резервов и необходимость срочной передислокации войск из Египта в очередной раз продемонстрировали изъяны викторианской армейской системы. Тем не менее, с нашей точки зрения, причина вывода войск и неудачное завершение Суданской кампании обусловлены не военными аспектами, а именно совокупностью политических факторов и сложной международной обстановкой, в которой Лондону приходилось четко расставлять свои стратегические приоритеты.

Таким образом, события зимы – весны 1885 г. стали своеобразной границей в истории британской колониальной армии. Несмотря на успешную и последовательную политику по завоеванию Египта, которая проводилась с момента приобретения контрольного пакета акций Суэцкого канала в 1875 г., увеличение английского влияния в регионе дополнительно обременяло кабинет У. Гладстона и ставило перед Англией новые военно-политические задачи, что и показал нараставший кризис в Судане.

Одновременное ведение кампании в Северной Африке, а также нерешенность среднеазиатского вопроса на фоне Пендинского кризиса продемонстрировали системные проблемы британской военной организации, характерные для данного исторического периода. Они выражались в: 1) отсутствии адекватного органа военного планирования, имевшего реальные представления о мобилизационных способностях Англии, способного к своевременному решению военно-административных задач и выработке наиболее релевантной стратегии и тактики при ведении боевых действий; 2) постоянной

потребности подгонять военные нужды под «реал – политик» действующего правительства, которое свои ошибки пыталось исправить с помощью метода силового воздействия на слабо развитые страны и народы; 3) сильным преобладанием экономической составляющей при решении актуальных военно-стратегических задач.

Все эти факторы в свою очередь значительно повлияли на провал миссии генерала Гордона и ход неудавшейся экспедиции генерала Уолсли.

Заключение

Последняя треть XIX в. один из самых значимых периодов в истории Великобритании, ознаменовавшийся масштабной территориальной экспансией. По мере ее оттеснения с позиции лидера индустриального мира, увеличение колониальных владений рассматривалось властной и военной элитой Англии как одно из важнейших средств обеспечения динамичного экономического развития страны и гарантом сохранности ее границ.

Процесс военной экспансии мотивировался и возросшим в обществе милитаристским национализмом, ставшим закономерным следствием культивации в социуме концепции «нового империализма», которая превозносила достижения британской цивилизации. Таким образом, агрессивная колониальная политика Великобритании, по мере расширения ее формального и неформального присутствия на континентах Азии и Африки, получала теоретическое обоснование. Поэтому Англия, опираясь на подобные внешнеполитические и идеологические установки, стремилась защитить свое ведущее положение в мире путем расширения пределов своих владений насильственным способом.

При изучении процесса британской колониальной экспансии в рассматриваемый исторический период была выявлена определенная тенденция, позволяющая условно классифицировать военные конфликты по соответствующим предпосылкам. Колониальная интервенция в страны Азии и Африка осуществлялась с целью: 1) сохранения и упрочнения своего экономического положения на различных континентах; 2) установления геополитического господства в регионах Азии и Африки на фоне военно-политического соперничества с другими европейскими; 3) сочетания прямых экономических и глобальных геополитических выгод.

В связи с необходимостью осуществления военной экспансии значительно возрастала роль вооруженных сил как средства захвата новых колоний. Итоги международных конфликтов, произошедших на рубеже 60 – 70 гг. XIX в. в разных частях земного шара, как никогда прежде подчеркнули необходимость полной военной готовности в мирное время. Поэтому для защиты имперских

интересов и сохранности границ островной державы требовалась обновленная армия.

Для усиления английской армии либеральное правительство У. Гладстона в 1868-1874 гг. проводило значительные преобразования в военной организации Великобритании. Реформы Военного министра Э. Кардвелла проводились по нескольким направлениям и в целом имели прогрессивный характер. Как показало данное исследование, изменения привычной структуры работы армейского механизма не привели к фиксации уже существующих имперских границ, как изначально задумывалось авторами проекта военных реформ. Преобразования Э. Кардвелла прямо поспособствовали активному расширению колониальных владений Англии посредством открытой территориальной экспансии за счет концентрации значительных вооруженных сил, собственно, в самой Великобритании и в Индии.

Однако, принятая на рубеже 60-70-х гг. XIX в. система локализации и мобилизации войск не подходила в полной мере к осуществлению политики многочисленных колониальных захватов. При этом постепенная милитаризация английской внешней политики вступала в противоречие с традиционным для Великобритании бюрократизмом из-за чего военная система оставалась полностью подчиненной парламенту, выступая в качестве главного инструмента решения экономических и внешнеполитических задач.

В ходе изучения этой проблемы было выявлено, что сложившийся подход к управлению армией порождал определенные противоречия, которые стали проявляться во время Англо-ашантийской войны (1873-1874 гг.) Несмотря на ее успешное завершение, в ходе операции Колониальное министерство и Военное ведомство не смогли придерживаться единой линии при решении определенных задач, наделяя своих представителей различными полномочиями. В итоге это приводило к распылению сил и конфликтам на местах между армейской корпорацией и колониальной администрацией. Тем не менее, Англо-ашантийская война и ее победоносное окончание стали своеобразным переходным этапом от политики нежелательного вмешательства в дела колонистов к политике активных

территориальных захватов, к которым прибегло консервативное правительство Б. Дизраэли в 1874-1880 г.

Важным направлением экспансионистской политики тори в этот период стал Восточный вопрос, который для Англии соотносился не только с судьбой Османской империи и ее обширными владениями на Балканах и в Малой Азии, но и имел отношение к странам Центральной Азии – Персии и Афганистану. При этом афганская проблема рассматривалась сквозь призму англо-русского соперничества и вопроса об обороне Индии. Поэтому ключевым аспектом британской политики в этом регионе стала выработка единой стратегии защиты своих владений, подразумевавшая принятие превентивных мер вплоть до завоевания и дезинтеграции Афганистана и начала прямой вооруженной конфронтации с Россией.

Анализ различных групп источников позволяет нам однозначно утверждать, что на практике такая политика привела к началу тяжелой второй Англо-афганской войны (1878-1881 гг.), которая, несмотря на успешное начало, в скором времени переросла в продолжительную военную оккупацию азиатской страны и активную борьбу с мятежным афганским населением. При этом сам ход кампании обнажил противоречия внутри властной элиты Великобритании, которая не могла до конца определиться с судьбой Афганистана. Это порождало хаос и усложняло задачу британским военным при выполнении различных операций, что привело, в частности, к поражению английских войск в битве при Майванде 27 июля 1880 г.

В то же время английское правительство, как либеральное, так и консервативное, в экономических целях последовательно стремилось создать из своих колоний в южной части Африканского континента самоуправляющийся доминион на манер британской Канады. Такая политика подразумевала устранение систем местного самоуправления, в том числе, соседних стран и государств. В связи с этим сначала были аннексированы бурские республики, а также была начата война с племенем зулусов.

Англо-зулусская война (1879 г.) стала одним из самых ярких событий этой исторической эпохи, и до сих пор является объектом пристального изучения. Ход

данного исследования позволяет сделать вывод, что при организации кампании структурные проблемы, обозначившиеся в период Англо-ашантийской войны, стали проявляться более рельефно. Постоянные конфликты между главнокомандующим и гражданской администрацией усложняли процесс проведения операции и ставили под угрозу экспансионистские планы политического руководства в Лондоне. В итоге стратегические и оперативно-тактические просчеты местного военного командования привели к трагической битве при Изандлване 22 января 1879 г. Однако, в конечном счете, Англо-зулусская война, благодаря техническому и военному превосходству английской колониальной армии, завершилась разгромом зулусского войска и полной децентрализацией Зулуленда.

Пришедшее на смену кабинету Б. Дизраэли либеральное правительство У. Гладстона в апреле 1880 г. решило продолжить политику своих предшественников, отказавшись отменить аннексию Трансвааля и завершив завоевание Афганистана. Однако стремление к спешному сокращению военных ресурсов в колониях и ужесточению налоговой политики в Южной Африке привели к первой Англо-бурской войне, которая закончилась поражением британских войск в битве на холме Маджуба 27 февраля 1881 г. и временному отказу от многолетней политики по созданию Южно-Африканской конфедерации.

Экспансия в Северной Африке проходила успешнее. Одним из главных центров притяжения имперских интересов стал Египет после открытия в 1869 г. судоходного Суэцкого канала. В результате Англия совместно с Францией постепенно вовлекли египетского хедива в значительные кредитные долги, а после организовали полный контроль над его финансами. На практике это стало причиной дальнейшего нарастания кризиса внутри Египта и спровоцировало восстание националистов во главе с Араби-пашой.

При анализе этой проблемы было установлено, что процесс экспансии в Египте проходил в значительной степени под влиянием военно-политического фактора, т. к. Англия опасалась утраты своего влияния в регионе и стремилась осуществлять контроль над Суэцким каналом. В итоге это послужило поводом

для начала полномасштабной десантной операции в Египте в 1882 г., которая успешно завершилась благодаря грамотному планированию кампании со второй половины 70-х XIX в. Военным ведомством и Адмиралтейством Великобритании.

Тем не менее, успех египетской операции 1882 г. был омрачен развивающимся кризисом в Судане, где английские интересы столкнулись с масштабным религиозным движением махдистов. Кампания 1884-1885 гг. стала наглядным примером внутренних противоречий либерального правительства, где представители различных политических течений имели свой взгляд на проблему. Результаты исследования демонстрируют, что отсутствие единого органа военного планирования и чрезмерная скованность армейских кругов, которые без одобрения кабинета министров не могли разработать наиболее эффективную стратегию решения суданской проблемы, прямо способствовали провалу операций британской армии в Судане.

Достигла своего апофеоза и проблема взаимодействия колониальной администрации и представителей военной корпорации, приведшая к неудачному завершению английской освободительной, а уже затем и карательной экспедиции Г. Уолсли. При этом на фоне усложнения международной обстановки в мире британская военная система уже не могла одновременно удовлетворять запрос на широкую территориальную экспансию и сохранение безопасности имперских границ, в частности в Индии.

Таким образом, период с 1873 по 1885 гг. стал расцветом британского экспансионизма, который сопровождался многочисленными войнами и постепенной трансформацией британской армии из инструмента защиты границ империи в главное средство расширения ее территориальных владений. Несмотря на возникавшие по ходу завоеваний трудности, в целом военная система Великобритании справлялась со своей задачей на определенном историческом этапе. Однако дальнейшее сплетение узлов международных противоречий отчетливо указывали на необходимость выработки новой, более целостной концепции национальной обороны и дальнейшей модернизации британской армии.

Список источников и литературы

Архивные материалы

British Library

- 1.IOR PS 17. India Office Records: Military Department Records: Afghanistan, Central Asia, Tibet; Africa, 1865 – 1941
- 2.IOR PS 18. India Office Records: Political and Secret Memoranda, 1840 – 1947, Section B, 1862 – 1946; Section C, 1859 – 1946
- 3.IOR PS 20. India Office Records: 1-289C: Political and Secret Department Library: Works received later, through official channels, plus miscellaneous items, 1864 – 1952

National Archives, United Kingdom, Kew

- 4.CAB 37. Public Records Office: Cabinet Office, Memoranda and papers, 1880 – 1916
- 5.PRO FO 407. Public Records Office: Foreign Office Confidential Print, Egypt and the Sudan, 1838-1956
- 6.PRO FO 424. Public Records Office: Foreign Office Confidential Print, Turkey, 1841 – 1957
- 7.PRO FO 881. Public Records Office: Foreign Office, Confidential Print (Numerical Series), 1827 – 1914
- 8.WO 32. Public Records Office: War Office and successors: Registered Files (General Series), 1845 – 1999
9. WO 33. Public Records Office: War Office: Reports, Memoranda and Papers, 1853 – 1969

National Archive of India

- 10.NAI FD. Foreign Department, 1756 – 1913
- 11.NAI MD. Military Department, 1756 – 1969
12. NAI MM. Military Miscellaneous

Архив внешней политики Российской империи

13. Фонд 133. Канцелярия министра иностранных дел
14. Фонд 194. Миссия в Персии

Российский государственный военно-исторический архив

- 15. Фонд 401. Канцелярия Военно-ученого комитета Главного штаба
- 16. Фонд 431. Великобритания

Российский государственный архив военно-морского флота

- 17. Фонд 410. Канцелярия Морского министерства, 1836 – 1918

Опубликованные документы

British Parliamentary Papers

- 18. Accounts and Papers, 1869, Vol. 36. Army Estimates of Effective and non-effective services, for 1869 – 1870
- 19. Accounts and Papers, 1873, Vol. 40. Army Estimates of Effective and non-effective services, for 1873 – 1874
- 20. British and Foreign state papers, Vol. 65, 1873 – 1874. London, 1881
- 21. British and Foreign state papers, Vol. 68, 1876 – 1877. London, 1884
- 22. British and Foreign state papers, Vol. 70, 1878 – 1879. London, 1886

Africa

- 23. Further Correspondence respecting the Ashantee Invasion, No.1, C. 890. London, 1874
- 24. Further Correspondence respecting the Ashantee Invasion, No.2, C. 891. London, 1874
- 25. Further Correspondence respecting the Ashantee Invasion, No.4, C. 893. London, 1874
- 26. Further Correspondence respecting the Ashantee Invasion, No.5, C. 894. London, 1874
- 27. Further Correspondence respecting the Ashantee Invasion, No.7, C.921. London, 1874
- 28. Further Correspondence respecting the Ashantee Invasion, No.8, C. 922. London, 1874
- 29. Correspondence respecting the proposed conference of delegates on affairs of South Africa, C.1399. London, 1876

30. Further correspondence respecting the Proposed Bill for Enabling the South African Colonies and States to Unite Under One Government, C.1732. London, 1877
31. Correspondence respecting the War Between the Transvaal Republic And Neighboring Native Tribes, C.1748. London, 1877
32. Further Correspondence respecting the Affairs of South Africa, C. 2220. London, 1878
33. Correspondence relative to Military Affairs in Natal And the Transvaal, C. 2234. London, 1879
34. Further Correspondence Respecting the Affairs of South Africa, C. 2242. London, 1879
35. Further Correspondence Respecting the Affairs of South Africa, C.2252, London, 1879
36. Further correspondence respecting the Affairs of South Africa, C.2260, London, 1879
37. Further correspondence respecting the Affairs of South Africa, C. 2318, London, 1879
38. Further correspondence Respecting Affairs in South Africa, C. 2374, London, 1879
39. Further correspondence Respecting Affairs in South Africa, C. 2454, London, 1879
40. Further correspondence respecting the Affairs of South Africa, C.2584, London, 1880
41. Correspondence respecting Affairs in Basutoland, C.2821
42. Further Correspondence respecting the Affairs of Egypt, C. 3844. London, 1884

Central Asia

43. Correspondence Respecting the Central Asia, C. 2164. London 1878
44. Correspondence Respecting the Relations between the British Government and that of Afghanistan since the Accession of the Amir Shere Ali Khan, C. 2190. London 1879
45. Further Papers relating to the Affairs of Afghanistan, No.2, C. 2191. London 1879
46. Further correspondence respecting the Central Asia, No.1, C.2209. London, 1879
47. Correspondence relative to the Affairs of Afghanistan, No.1, C.2456. London, 1880
48. Correspondence relative to the affairs of Afghanistan, No.1, C. 2457. London, 1880
49. Further correspondence respecting affairs in Central Asia, No.1, C.2470, London, 1880
50. Further correspondence on Afghanistan, No.3, C.2736. London, 1880

51. Further correspondence relating to the Affairs of Afghanistan including the Recognition of Sirdar Abdul Rahman Khan as Amir of Kabul, C.2776, London, 1881
52. Papers relating to the Advance of Ayoob Khan on Kandahar, No.2, C.2690. London, 1880
53. Further Despatch respecting Affairs in Central Asia, No.2, C. 2802. London, 1881
54. Papers to relating to the occupation of Kandahar, No 2, C.2811. London, 1881
55. Further correspondence relating to the Estimates for the War in Afghanistan, C. 1772. London, 1881

North America

56. Correspondence relative to the recent expedition to the Red River Settlement, with Journal of Operations, C.298. London, 1871

War Office

57. Butler W. Journal of Operation Expedition to Egypt 1882, London, 1882, 50 p.
58. Colville H. E. History of Sudan Campaign 1884 – 1885, Vol.1-2, London, 1889
59. Darwin L. Precis Information concerning the Gold Coast Colony, London, 1887, 221 p.
60. Macgregor C. M. Central Asia. Part II. A Contribution toward the Better Knowledge of the Topography, Ethnology, Resources and History of Afghanistan. Calcutta, 1871, 869 p.
61. Macgregor C. M. The Second Afghan war, 1878-80: Official Account. London, 1908, 734 p.
62. Maurice J. F. Military History of Campaign of 1882 in Egypt. London, 1887, 216 p.
63. Narrative of the Field Operations connected with The Zulu War of 1879. London, 1881, 174 p.
64. Report of the Special Commission to enquire into the Organization and Expenditure of the Army in India. Simla, 1879, 180 p.

Источники личного происхождения

1. Auye J. Recollections of a Military Life. New-York, 1895, 382 p.

2. Beresford C. *The Memoirs of Admiral Lord Charles Beresford*, Vol. 2, Boston, 1914, 577 p.
3. Egyptian campaign of 1882: Contemporary letters from Lt-Gen. sir Garnet Wolseley//*Journal of the Society for Army Historical Research*, Vol. 18, No. 70, 1939, pp. 77-79
4. Freemantle E.R. *The Navy as I Have Known It, 1849 – 1899*. London, 1904, 472 p.
5. Gladstone W.E. *Political Speeches in Scotland: November and December 1879*. Edinburgh, 1879, 255 p.
6. George, Duke of Cambridge. *Duke of Cambridge: a memoir of his private life based on the journals and correspondence of His Royal Highness*, Vol. 2, London, 1906, 356 p.
7. Gordon C. G. *General «Chinese» Gordon's Khartoum Journal*. New-York, 1961, 224 p.
8. Gordon C. G. *The Journals of Major-Gen. C. G. Gordon, C.B., at Khartoum*, Boston, 1885, 479 p.
9. Guedalla P. *The Queen and Mr. Gladstone*, Vol. 2, London, 1933, 510 p.
10. Hamilton I. *Listening of the Drums*. London, 1944, 280 p.
11. *In Relief of Gordon: Lord Wolseley's Campaign Journal of the Khartoum Expedition, 1884 – 1885*. R., 1970, 267 p.
12. *Kandahar in 1879: The Diary of Major Le Messurier*, London, 2015, 173 p.
13. Kruger P. *Memoirs of Paul Kruger: Four Times President of the South African Republic*, New-York, 1902, 472 p.
14. *Lord Chelmsford's Zululand Campaign: 1878 – 1879*, London, 1997, 314 p.
15. Marling P.S. *Rifleman and hussar*. London, 1935, 412 p.
16. McCalmont H. *The memoirs of Major-General Sir Hugh McCalmont*, London, 1924, 295 p.
17. *Personal records of the Kandahar Campaign*. London, 1881, 252 p.
18. Roberts F. *Forty-One Years in India. From Subaltern to Commander-in-Chief*, Vol.2, London, 1897, 522 p.
19. *Roberts in India: The Military Papers of Field Marshal Lord Roberts, 1876 – 1893*. London, 1993, 478 p.

20. The Derby Diaries, 1869 – 1878: A Selection from the Diaries of Edward Henry Stanley, 15th Earl of Derby, between September 1869 and March 1878, Cambridge, 1996, 579 p.
21. The Diary of Colonel W.D. Bond, 58th Regiment// Journal of the Society for Army Historical Research, No, 53, 1975, pp. 87 – 97
22. The Diary of Sir Edward Walter Hamilton, Vol.1 – 2. Oxford, 1972
23. The Curling Letters of the Zulu War: There was Awful Slaughter, Barnsley, 2005, 158 p.
24. The Gladstone Diaries, Vol.7 – 11. Oxford, 1982-1990
25. The Journal of John Wodehouse, first Earl of Kimberley for 1862 – 1902. London, 1997, 530 p.
26. The Letters of Lord and Lady Wolseley, 1870 – 1911. London, 1922, 400 p.
27. The Letters of Queen Victoria, 2nd Ser., Vol. 2 – 3. London, 1928.
28. The Political Correspondence of Mr. Gladstone and Lord Granville, 1876 – 1886, Vol.1 – 2, Oxford, 1962
29. Thomas J. H. Full and Authentic Diary of the Ashanti Expedition, London, 1875, 24 p.
30. Wilson C. H. From Korti to Khartum: A Journal of the Desert March from Korti to Gubat, and of the Ascent of the Nile in General Gordon's Steamers, London, 1885, 313 p.
31. Wolseley G. The Story of Soldiers Life, Vol. 2, London, 1903, 384 p.
32. Wood E. From Midshipman to Field Marshal, Vol.1-2, London, 1906
33. Милютин Д. А. Дневник 1873 – 1880, Т.2. Москва, 2016, 533 с.

Публицистические произведения

65. Bellairs, Lady. The Transvaal War, 1880 – 81. London, 1885, 491 p.
66. Boyle F. Through Fanteeland to Coomassie: a diary of the Ashantee expedition. London, 1874, 411 p.
67. Calwell C. E. Small Wars: Their Principles and Practice. London, 1906, 559 p.
68. Carter T. A Narrative of the Boer War: Its Causes and Results. London, 1896, 574 p.

69. Clark J. Historical Record and Regimental Memoir of the Royal Scots Fusiliers. London, 1885, 185 p.
70. Clowes W. L. The Royal Navy, a History from the Earliest Times to the Present. Vol. VII. London, 1903
71. Colenso E., Durnford E. History of Zulu War and Its Origin. London, 1881, 445 p.
72. Cromer, Lord. Modern Egypt, Vol. 1. London, 1908
73. Forbes A. The Afghan Wars. London, 1892, 337 p.
74. Goodenough W.H. The Army Book for the British Empire: A Record of the Development and Present Composition of the Military Forces and Their Duties in Peace and War. London, 1893, 612 p.
75. Goodrich C.F. Report on British naval and military operations in Egypt. Washington, 1885, 340 p.
76. Groves J.P. The 66th Berkshire Regiment. London, 1887, 160 p.
77. Groves J. P. History of the 42nd Royal Highlanders «The Black Watch», 1729-1893. London, 1893,
78. Hanna H. B. The Second Afghan War, Its Causes, Its conduct and Its Consequence, Vol.1. London, 1899, 388 p.
79. Henderson G.F.R. The Science of War: A Collection of Essays and Lectures 1892–1903. London, 1905, 442 p.
80. Hills J. The Bombay field force, 1880. London, 1900, 64 p.
81. Historical Record of the 24th regiment, from its formation in 1689. London, 1892, 370 p.
82. Holden C. British rules in South Africa. London, 1881, 214 p.
83. Macgregor C. M. Defence of India: A Strategical study. Simla, 1884, 359 p.
84. Macgregor C. M. Narrative of a Journey through the Province of Khorassan and on the N. W. Frontier of Afghanistan in 1875, in Two Volumes, Vol. II, pp. 242 – 246
85. Snape T. Ashantee War: Its Causes and Effects. London, 1874, 48 p.
86. Villiers F. Peaceful Personalities and Warriors Bold. London, 1907, 330 p.
87. Reade W. The Story of the Ashantee Campaign. London, 1874, 433 p.

88. Norris-Newman C.L. With the Boers in The Transvaal And Orange Free State in 1880-1. London, 1884, 395 p.

Периодические издания

34. Annual Register, 1880 – 1881

35. Daily Chronicle, 1881

36. Daily News, 1874 – 1881

37. Edinburgh Review, 1879

38. Guardian, 2003

39. Illustrated London News, 1874 – 1879

40. Liverpool Mercury, 1879

41. London Gazette, 1879

42. London Quarterly Review, 1870

43. Lyttelton Times, 1881

44. Manchester Guardian, 1879 – 1881

45. Minutes of Proceedings Royal Artillery Institution, 1881

46. Morning Post, 1874

47. New York Times, 1879

48. Observer, 1880

49. Pall Mall Gazette, 1881 – 1884

50. Royal United Services Institution, 1874

51. Sheffield Daily Telegraph, 1879

52. South Wales Daily News, 1879

53. Times, 1871 – 1884

54. Вестник Европы, 1879

55. Военный сборник, 1869 – 1881

56. Оружейный сборник, 1878

57. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, 1883 – 1885

Сборники документов

58. Crooks J.J. Records Relating to the Gold Coast Settlements from 1750 to 1874. London, 1973, 574 p.
59. Documents on Conservative Foreign Policy, 1852 – 1878. Cambridge, 2012, 396 p.
- 60.
61. Lanza H. Franco-German War of 1870. Source book, K.: 1922, 857 p.
62. Russo-British Relations during the Eastern Crisis//Slavonic Review, Vol.5, No.4, 1926, pp. 413-434
63. Загородникова Т.Н. Большая игра в Центральной Азии: Индийский поход русской армии: Сборник архивных документов. Москва, 2014, 359 с.
64. Ильясов Присоединение Туркмении к России: Сборник архивных документов, А., 823 с.
65. Сергеев Е.Ю. Задачи Англии на Востоке. Донесения русского военного атташе в Лондоне Н. С. Ермолова// Исторический архив, № 1, 1995, с. 15 – 29.

Список литературы

1. Balfour B. The History of Lord Lytton's Indian Administration, 1876 to 1880: Compiled from Letters and Official Papers. London, 1899, 551 p.
2. Barthorp M. War on the Nile. Britain, Egypt and Sudan, 1882 – 1898. New-York, 1986, 190 p.
3. Bateman J. The Great Landowners of Great Britain and Ireland. London, 1883, 533 p.
4. Biddulph R. Lord Cardwell at the War office; a history of his administration, 1868 – 1874. London, 1904, 268 p.
5. Bilgrami A. H. Afghanistan and British India 1793 – 1907. New Delhi 1973
6. Blackburn D., Waithman Caddell W. Secret Service in South Africa. London, 1911, 395 p.
7. Bowman J. Reconstructing the past Using the British Parliamentary Papers: The Anglo-Zulu War of 1879// History in Africa: A Journal of Method, Vol. 31, 2004, p. 117 – 132

8. Buckle G. E. *The Life of Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield*, Vol.6. London, 1920, 719 p.
9. Butler W. F. *Charles George Gordon*. London, 1889, 255 p.
10. Butler W. F. *The Life of Sir George Pomeroy-Colley, 1835 – 1881: Including Services in Kaffraria-in China-in Ashanti-in India and in Natal*. London, 1899, 430 p.
11. Childers E. *The Life and Correspondence of the Right Hon. Hugh C. E. Childers, 1827-1896*, Vol.2. London, 1901, 374 p.
12. Cope R. *Ploughshare of War: The Origins of the Anglo-Zulu War of 1879*. Durban, 1999, 288 p.
13. Dey K. P. *The Life and Career of Major Sir Louis Cavagnari*. Calcutta, 1881, 214 p.
14. Edgerton R. B. *The Fall of the Asante Empire: The Hundred-Year War for Africa's Gold Coast*. London, 2002, 314 p.
15. Elsmie G. R. *Field-Marshal Sir Donald Stewart. An Account of His Life, Mainly in His Own Words by 1838 – 1909*. London, 1903, 590 p.
16. Emery F. *Marching Over Africa: Letters from Victorian Soldiers*. London, 1986, 204 p.
17. Emery F. *The Red Soldier: Letters from the Zulu War*. London, 1977, 288 p.
18. Erickson A. B. Edward T. Cardwell: Peelite//*Transactions of the American Philosophical Society*, XLIX, Pt. 2. Calgary, 1959, 107 p.
19. Farrell K. W. *Military and the Monarchy: The Case and Career of the Duke of Cambridge in an Age of Reform*. Georgia, 2011, 314 p.
20. Featherstone D. *Tel El-Kebir 1882: Wolseley's Conquest of Egypt*. London, 2013, 96 p.
21. Fremont-Barnes G. *The Anglo-Afghan Wars 1839 – 1919*. London, 2014, 113 p.
22. French D. *Military Identities: The Regimental System, the British Army, and the British People, c. 1870 – 2000*. Oxford, 2008, 404 p.
23. French G. *Lord Chelmsford and the Zulu War*. London, 2014, 347 p.
24. Gallagher T.F. *British military thinking and the coming of the Franco-Prussian war//Military Affairs*, Vol. 39, №1, 1975

25. Gann L.H. and Duignan P. *The Rulers of British Africa 1870 – 1914*. California, 1978, 406 p.
26. Gardyne C.G. *The Life of Regiment: The History of Gordon Highlanders, Vol.2*. London, 1903
27. Gathorne-Hardy A.E. *Gathorne-Hardy First Earl of Cranbrook. A Memoir with Extracts from His Diary and Correspondence, Vol. 2*. London, 1910, 444 p.
28. Glover E. *Life of Sir John Hawley Glover*. London, 1897, 329 p.
29. Greaves A. *Isandlwana: How the Zulus Humbled the British Empire*. London, 2011, 240 p.
30. Grebstad D.W. *Rowboat Diplomacy: The Dominion of Canada's Whole of Government Approach to The Red River Rebellion// Canadian Military Journal Vol. 13, No. 3, 2013, pp. 57-66*
31. Hamilton I., Samson V., *Anti-Commando*. London, 1931, 220 p.
32. Hattersley A. F. *Historical revision: The Annexation of the Transvaal, 1877//History, new series, Vol. 21, No. 81, 1936*
33. Hicks-Beach V. *Life of Sir Michael Hicks-Beach, Vol.1*. London, 1932, 390 p.
34. Holland B. *The Life of Spencer Compton, Eighth Duke of Devonshire, Vol.1-2*. London, 1911
35. Holt H. P. *The Mounted police of Natal*. London, 1913, 366 p.
36. Jones J. P. *Johnny: The Legend and Tragedy of General Sir Ian Hamilton*. Praetoria, 2013, 288 p.
37. Johnson R. *General Roberts, the occupation of Kabul, and the problems of transition, 1879-1880//War History, Vol. 20, No.3, 2013*
38. Johnson R. «Russians at the Gates of India»? *Planning the Defence of India, 1885-1900// The Journal of Military History, Vol. 67, No. 3, 2003, pp. 697 – 743*
39. Johnson R. *The Penjdeh Incident, 1885 // Archives: The Journal of the British Records Association. 1999, Vol. 24. No. 100, pp. 28 – 48*
40. Kochanski H. *Sir Garnet Wolseley: Victorian Hero*. London, 1999. 340 p.
41. Knight I. *Zulu Rising: The Epic Story of Isandlwana and Rorke's Drift*. London, 2011, 720 p.

42. Laband J. *Kingdom in Crisis: The Zulu Response to the British Invasion of 1879*. London, 2008, 274 p.
43. Laband J. *The Transvaal Rebellion: The First Boer War, 1880 – 1881*. London, 2014, p.280
44. Lehmann J. *All Sir Garnet- A Life of Field-Marshal Lord Wolseley 1833 – 1913*. London, 1964, 415 p.
45. Low C.R. *General Lord Wolseley (Of Cairo): A Memoir*. London, 1883, 482 p.
46. Low R. *Major-General Sir Frederick S. Roberts: A Memoir*. London, 1883, 405 p.
47. Lowe J. *Britain and Foreign Affairs 1815 – 1885: Europe and Overseas*. Routledge, 1998, 120 p.
48. Lucy H. W. *A Diary of Two Parliaments: The Disraeli Parliament, 1874-1880*. London, 1885, 564 p.
49. Macgregor, Lady. *The Life and opinions of major-general Charles Metcalfe MacGregor, quartermaster-general in India, Vol.2*. Edinburgh, 1888, 438 p.
50. Mann K. *Slavery and the Birth of an African City: Lagos, 1760 – 1900*. Indiana University Press, 2007
51. Martineau J. *Life and correspondence of sir Bartle Frere, Vol. 2*. London, 1895, 482 p.
52. Martineau J. *The Transvaal Trouble How It Arose Being. An Extract from the Biography of the late sir Bartle Frere*. London, 1900, 263 p.
53. Matthew H.C.G. *Gladstone, 1809 – 1874*. Oxford, 1988, 275 p.
54. Matthew H.C.G. *Gladstone, 1875 – 1898*. Oxford, 1995, 421 p.
55. McIntyre W. D. *British Policy in West Africa: The Ashanti Expedition of 1873–1874//Historical Journal, Vol. 5, No. 1, 1962, pp. 19 – 46*
56. McIntyre W. D. *The Imperial frontier in the tropics, 1865 – 75: A Study of British Colonial Policy in West Africa, Malaya and the South Pacific in the Age of Gladstone and Disraeli*. London, 1967, 425 p.
57. McIntyre W. D. *Commander Glover and the colony of Lagos, 1861 – 73// The Journal of African History, Vol. 4, No. 1, March 1963, pp. 57 – 79*
58. Melville C.H. *Life of General the Right Hon. Sir Redvers Buller, Vol. 1*. London, 1923, 328 p

59. Morgan G. Anglo-Russian Rivalry in Central Asia 1810-1895. London, 1981, 288 p.
60. Morris D. The Washing of the Spears: A History of the Rise of the Zulu Nation Under Shaka and Its Fall in the Zulu War of 1879. London, 1965, 650 p.
61. Newton, Lord. Lord Lyons: A Record of British Diplomacy, Vol.1, London, 1913, 388 p.
62. Otley C. B. Educational Background of British Army Officers //Sociology. 1973. Vol. 7. № 2. pp. 191 – 209
63. Pakenham T. The Scramble for Africa: The White Man's Conquest of the Dark Continent from 1876 to 1912. London, 1991, 800 p.
64. Ponsonby A. Henry Ponsonby Queen Victoria's Private Secretary. His Life from His Letters. London, 1943, 425 p.
65. Porter W. History of the corps of Royal Engineer, Vol.2. London, 1951, 548 p.
66. Preston A. Canada and the Russian crisis of 1878: A Proposed Contingent for Imperial Defence// The Dalhousie Review, Vol.48, 1968, pp. 185 – 199
67. Preston A. Sir Charles MacGregor and the Defence of India, 1857 – 1887 // The Historical Journal, Vol. XII, No 1, 1969, pp. 58 – 77
68. Rait R. The Life of Field-Marshal sir Frederick Paul Haines. London, 1911, 366 p.
69. Raugh H. E. The Victorians at War, 1815 – 1914: An Encyclopedia of British Military History
70. Robinson R., Gallagher J. Africa and the Victorians. The Official Mind of Imperialism. London, 1982, 491 p.
71. Rezzell P.E. Social origins of officers in the Indian and British Home Army 1758 – 1962//British Journal of Sociology, 1963, Vol. 14, №3, pp. 248 – 260.
72. Robson B. Maiwand, 27th July 1880// Journal of the Society for Army Historical, Vol.51, No. 208, 1973, pp. 194 – 224
73. Robson B. The Eden Commission and the Reform of the Indian Army – 1879 – 1895//Journal of the Society for Army Historical Research, Vol.60, No. 241, 1982, pp. 4 – 13
74. Robson B. The Road to Kabul: The Second Afghan War, 1878 – 1881. London, 1986, 312 p.

75. Saul D. *Military Blunders: The How and Why of Military Failure*. London, 1997, 400 p.
76. Schurman D. M. *Imperial Defence 1868 – 1874*. London, 2014, 224 p.
77. Skelley A.R. *The Victorian Army at Home: The Recruitment and Terms and Conditions of the British Regular, 1859 – 1899*. London, 1977, 366 p.
78. Schreuder D. *Gladstone and Kruger: Liberal Government and Colonial «Home Rule», 1880 – 85*. London, 1969, 558 p.
79. Snook M. *Beyond the Reach of Empire: Wolseley's Failed Campaign to save Gordon and Khartoum*. London, 2013, 608 p.
80. Snook M. *Into the Jaws of Death: British Military Blunders, 1879-1900*. London, 2007, 432 p.
81. Spiers E.M. *The Army and Society 1815 – 1914*. London, 1980, 318 p.
82. Spiers E. M. *The Late Victorian army*. Manchester, 1992, 375 p.
83. Spiers E.M. *The Scottish Soldier and Empire, 1854 – 1902*. Edinburgh, 2006, 256 p.
84. Spiers E. M. *The Victorian Soldier in Africa*. Manchester, 2004, 212 p.
85. *The Cambridge History of British Empire, Vol.3*. Cambridge, 1959, 948 p.
86. Theal G.M. *History of South Africa 1873 – 1884, Vol.1 – 2*. London, 1919
87. Tucker A.V. *Reassessment of the Cardwell Reforms //Journal of British Studies*, 1963, Vol. 2, No. 2, pp. 110 – 141
88. Tylden G. *A Study in Attack: Majuba, 27th February, 1881//Journal of the Society for Army Historical Research*, Vol. 39, No. 157, 1961, pp. 27 – 36
89. Tylden G. *British army and Transvaal,1875-1885// Journal of the Society for Army Historical Research*, Vol. 30, No. 124, 1952, pp. 159 – 171
90. Verner W. *The Military Life of H. R. H. George, Duke of Cambridge Vol. 1 – 2*, London, 1904
91. Vetch R.H. *Life, Letters and Diaries of Lieut.-General Sir Gerald Graham*. London, 1901, 492 p.
92. Watson C. M. *The life of Major-General Sir Charles William Wilson, Royal Engineers*. London, 1909, 419 p.
93. Wheeler O. *The War Office Past and Present*. London, 1914, 396 p.

94. Wilkinson O., Wilkinson J., *The Memoirs of The Gemini Generals; Personal Anecdotes, Sporting Adventures, and Sketches of Distinguished Officers*. London, 1896, 441 p.
95. Woodham-Smith C. *The Reason Why*. New York, 1954, 292 p.
96. Айзенштат М. П., Гелла Т. Н. *Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX в. (1815 середина 1870-х гг.)*. Москва, 1999, 217 с.
97. Балезин А. С. *Черная Африка: прошлое и настоящее*. Москва, 2016, 704 с.
98. Борисенко В. Н., Строганов А. В. *К вопросу о реформах армии Эдварда Кардуэлла 1868 – 1872 гг.*// Труды кафедры истории нового и новейшего времени, 2018, с. 131-146
99. Быкова Ф. А. *История Англии с XI века до начала мировой войны*. Санкт-Петербург, 1918, 320 с.
100. *Викторианцы: Столпы британской политики XIX века*. Ростов-на-Дону, 1996, 207 с.
101. Гелла Т. Н. *Военная аристократия и колониальная экспансия Великобритании в 60-70-х годах XIX века*// *Noblesse Oblige: Военные в традиционной культуре старого света. Жизнь. Окружение. Нравы*. Орел, 2004, с. 75 – 82
102. Гелла Т. Н. *Геополитические интересы Великобритании и английские политические партии в конце XIX- начале XX веков*. Орел, 2009, 171 с.
103. Гелла Т. Н. *К вопросу о роли политиков в развязывании колониальных войн Британии (на примере англо-ашантийской войны 1873 – 1874 годов)*// Сборник статей 30-ой Юбилейной Международной научно-практической конференции. Рязань, 2019, с. 416-425
104. Гелла Т. Н. *У. Гладстон, либералы и Британская империя в последней трети XIX века*. Орел, 2008, 295 с.
105. Глущенко Е. А. *Строители империй. Портреты колониальных деятелей*. Москва, 2000, 379 с.
106. Гобсон Дж. А. *Империализм*. Ленинград, 1927, 286 с.
107. Голант В. Я. *Английский империализм в Южной Африке*// Исторический журнал, № 6, Июнь 1940, с. 53 – 64

108. Давидсон А.Б., Филатова И.И. Россия и Южная Африка: три века связей. Москва, 2010, 332 с.
109. Дронова Н. В. Административно-правовые аспекты имперского строительства как фактор влияния на локальные вооруженные конфликты: опыт новозеландского и южноафриканского кризисов 60 – 70-х гг. XIX в.// Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 2015, Т. 20. №12 (152). с. 158 – 167
110. Дронова Н. В. Где находится ключ к Индии (тезис о русской угрозе как фактор российско-британского имперского соперничества в 70-е гг. XIX в.)// Россия-Индия: перспективы регионального сотрудничества. Москва, 2000, с.67 – 80
111. Дронова Н. В. Традиции имперского мышления и новации имперской пропаганды Великобритании в 70-е годы XIX века// Новая и новейшая история: межвузовский сборник. Вып. 21. Саратов, 2004, с.151 – 169
112. Жуков Д. С. Империя и власть: Южная Африка в 70-е гг. XIX в. Москва, 2006, 172 с.
113. Ермолов Н. С. Англо-египетская экспедиция 1882 г. Санкт-Петербург, 1891, 63 с.
114. Ерофеев Н. А. Английский колониализм в середине XIX века. Москва, 1977, 256 с.
115. Ерофеев Н. А. Очерки по истории Англии 1815-1917 гг. Москва, 1959, 263 с.
116. Ерусалимский А. С. Колониальная экспансия капиталистических держав в XVII-XIX веках. Москва, 1974
117. История Судана в новое и новейшее время. Москва, 1992, 293 с.
118. Каторин Ю.Ф. Битва у Изандлваны//Военный сборник, 2014, №4, с. 196 – 208
119. Летнев А.Б., Субботин В.А. История Африки в XIX – начале XX в. Москва, 1984, 583 с.
120. Лисицына Н.Н. Английская пресса и русские военные агенты в Лондоне о подготовке Пендинского кризиса 1885 г.// Сборник статей, посвященный 70-летию В.И. Шеремета. Москва, 2010, с. 192 – 213

121. Лисицына Н.Н. Афганский эмир Абдур-Рахман-хан и англо-русское соперничество на Среднем Востоке// Восточный Архив, 2008, №17, с.28 – 32
122. Лисицына Н.Н. Вывод английских войск из Афганистана, или «Обещать – не значит уйти»// Восточный Архив, 2018, №37, с.33 – 35
123. Мижуев П.Г. История колониальной политики Англии. Санкт-Петербург, 1902, 216 с.
124. Нерсесов Г.А. Дипломатическая история египетского кризиса, 1881 – 1882 гг., Москва, 1979, 320 с.
125. Парфенов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века. Москва, 1991, 188 с.
126. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Москва, 1924, 392 с.
127. Ротштейн Ф.А. Захват и закабаление Египта. Москва, 1959, 367 с.
128. Сили Дж. Расширение Англии. Санкт-Петербург, 1903, 239 с.
129. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. Москва 2012,
130. Соболев Л.Н. Англо-Афганская распря: очерк войны 1879 – 1880 гг. Санкт-Петербург, 1882, 734 с.
131. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии, Т. II. Санкт-Петербург, 1906, 555 с.
132. Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. Санкт-Петербург, 1875, 361 с.
133. Смирнов С.Р. Восстание махдистов в Судане. Ленинград, 1950, 103 с.
134. Трухановский В. Г. Дизраэли, или История одной невероятной карьеры. Москва, 1993.
135. Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане в конце XIX - начале XX в. Москва, 1959, 210 с.
136. Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60 – 70- е гг.). Ташкент, 1969, 456 с.

137. Черчилль У. Индия, Судан, Южная Африка. Походы Британской армии 1897 – 1900, Москва, 2004,
138. Юлдашбаева Ф.Х. Из истории английской колониальной политики в Афганистане и средней Азии (70 – 80 годы XIX века). Ташкент, 1969, 456 с.
139. Шендыгаев Д.И. Военные реформы Кардуэлла и отмена патентов в британской армии// Вестник Брянского государственного университета, №1, 2018 с. 164 – 171

Диссертации и авторефераты

1. Cope R. The Origins of the Anglo-Zulu War of 1879, Ph.D. Diss, University of the Witwatersrand, 1995
2. Diver L. Perceptions versus reality? Newspaper coverage on the Anglo-zulu War. Maynoth
3. Dups D. Edward Cardwell and the Reform of the British Army, 1868 – 1874, Thesis, University of Omaha, 1966
4. Kilby P. The Anglo-Asante War of 1873-1874: a narrative and analysis, Thesis, 1968
5. Matthew J. Lord Chelmsford: British general in Southern Africa, 1878 – 1879, D.Litt. Diss., University of South Africa, 1987
6. Nicolaides A. An Assessment of The Roles of Frere and Cetshwayo in British Hegemonistic Ambitions in Southern Africa which led to the Destruction and Fragmentation of the Zulu State by The Anglo-Zulu War of 1879, Ph.D. Diss., University of Zululand, 2002
7. Preston A. British military policy and the defense of India: a study of British military policy, plans and preparations during the Russian crisis, 1876 – 1880, Ph.D. Diss., University of London, 1966
8. Snook M. Wolseley, Wilson and the Failure of the Khartoum Campaign. An Exercise in Scapegoating and Abrogation of Command Responsibility? Ph.D. Thesis, Cranfield University, 2014
9. Theron-Bushell M. R. Puppet on An Imperial String? Owen Lanyon in South Africa, 1875 – 1881, Ph. Litt. D. Diss., University of South Africa, 2002

10. Воеводский А. В. Колониальная политика Великобритании и трансформация традиционных обществ Южной Африки в конце XVIII – начале XX века: дисс. канд. ист. наук, Москва, 2003
11. Егоров К. Б. Армейский офицерский корпус и имперская политика Великобритании во второй половине XIX века: дисс. канд. ист. наук, Санкт-Петербург, 2000
12. Кубанов К. Н. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII – начала XX вв.: автореферат дисс. канд. ист. наук, Нижневартонск, 2007